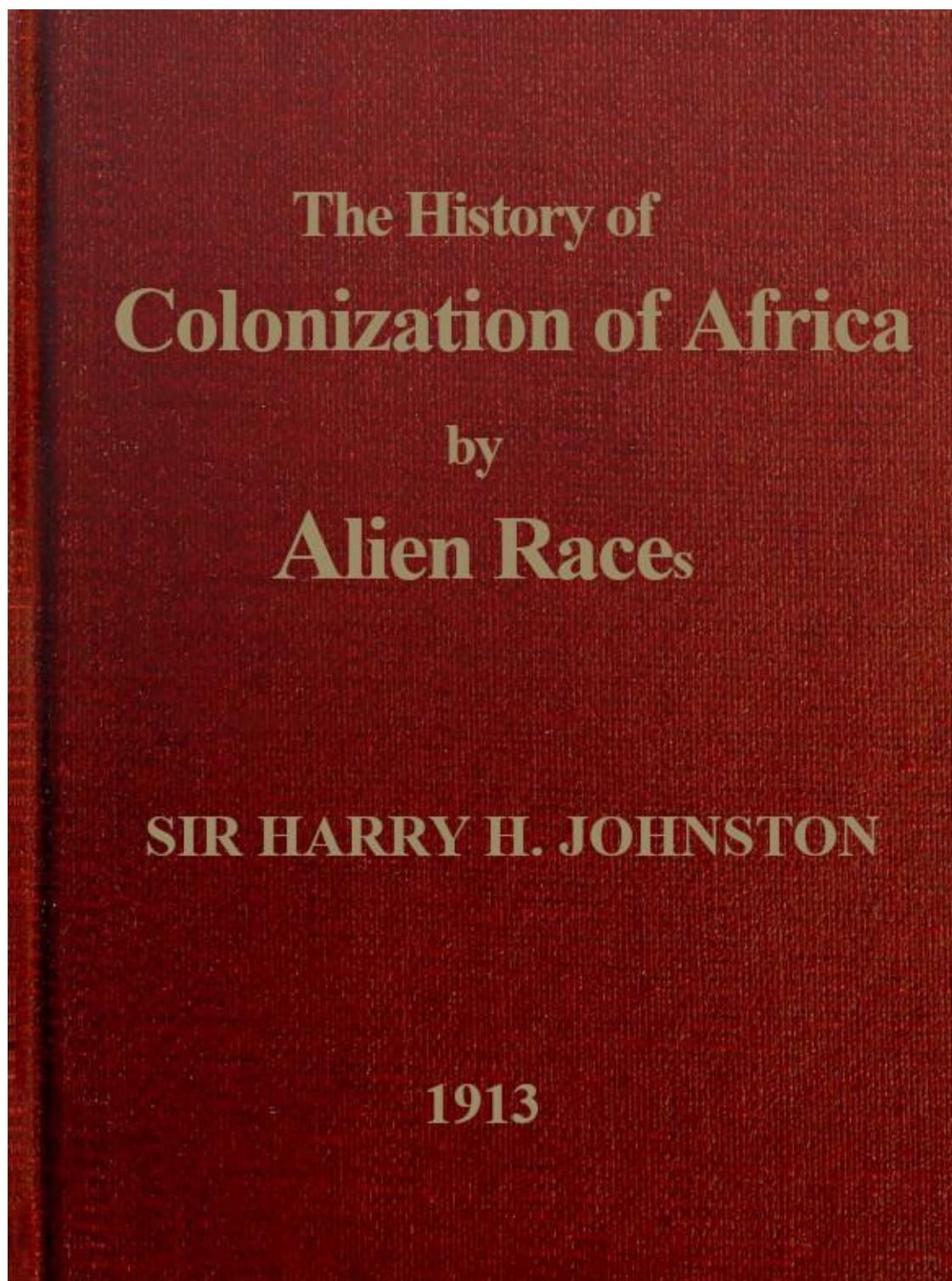

История колонизации Африки чужеродными расами

Гарри Джонстон

Электронная книга проекта Гутенберга по истории колонизации Африки чужеродными расами

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История колонизации Африки чужеродными расами

Автор: Гарри Джонстон

Дата выхода: 16 апреля 2025 [Электронная книга №75882]

Язык: Английский

Оригинальная публикация: Cambridge: University Press, 1913

Авторские права: Питер Беккер, К. Д. Уикс и команда онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" ИСТОРИЯ КОЛОНИЗАЦИИ АФРИКИ ЧУЖЕРОДНЫМИ РАСАМИ " ***

Примечание переписчика:

Сноски собраны в конце каждой главы и связаны для удобства использования.

На различных картах Африки используется цветовая маркировка для обозначения политических и расовых областей. Они пожелтели от времени и здесь были осветлены для лучшей разборчивости, но, вероятно, плохо отражают их первоначальный вид. Они полагаются на смешение оттенков, чтобы показать, где произошло расовое смешение. Просим читателя проявить снисхождение. Каждая карта служит ссылкой на карту большего размера, которую можно просмотреть более подробно.

Карты были перемещены так, чтобы они попадали в ближайший разрыв абзаца.

Ошибки, связанные с принтером, были исправлены. Пожалуйста, ознакомьтесь с [примечанием](#) составителя текста в конце этого текста для получения подробной информации об устранении любых проблем, возникших при его подготовке.

Новая оригинальная обложка, прилагаемая к этой книге, находится в общественном достоянии.

Любые исправления обозначаются с помощью подчеркивания highlight. Наведение курсора на исправление приведет к появлению исходного текста в небольшом всплывающем окне.

Любые исправления указаны в виде гиперссылок, которые позволят читателю перейти к соответствующей записи в таблице исправлений в примечании в конце текста.

Кембриджская историческая серия

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Г. В. ПРОТЕРО, Ф.Б.А., литтл.Д.

ДОКТОР ПРАВА ЭДИНБУРГА И ГАРВАРДА, ПОЧЕТНЫЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК

КОРОЛЕВСКОГО КОЛЛЕДЖА В КЕМБРИДЖЕ

КОЛОНИЗАЦИЯ АФРИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО КЕМБРИДЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Лондон: ФЕТТЕР-ЛЕЙН, Е.К.

К. Ф. КЛЕЙ, менеджер

Эдинбург: ПРИНСЕС-СТРИТ, 100

Берлин: А. АШЕР И КО.

Leipzig: F. A. BROCKHAUS

Нью-Йорк: СЫНОВЬЯ Дж. П. ПАТНЭМА

Бомбей и Калькутта: MACMILLAN AND CO., Ltd.

Все права защищены

ИСТОРИЯ КОЛОНИЗАЦИИ АФРИКИ ИНОПЛАНЕТНЫМИ РАСАМИ

АВТОР: СЭР Гарри Х. ДЖОНСТОН, Г.К.М.Г., К.К.Б.,

Достопочтенный доктор технических наук

С ВОСЕМЬЮ КАРТАМИ

НОВОЕ ИЗДАНИЕ, ПОЛНОСТЬЮ ПЕРЕРАБОТАННОЕ И
ЗНАЧИТЕЛЬНО УВЕЛИЧЕННЫЙ

кембридж:

в издательстве University Press

1913

Первое издание 1899 года. Переиздано в 1899, 1905 годах.

Второе и дополненное издание 1913 года.

ОБЩЕЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Цель этой серии - очертить историю Современной Европы с ее главными колониями и завоеваниями примерно с конца пятнадцатого века по настоящее время. В одном или двух случаях история начинается раньше: в случае с колониями она обычно начинается позже. Истории разных стран описываются, как правило, по отдельности; считается, что, за исключением эпох, подобных эпохе Французской революции и Наполеона I, таким образом будет лучше понята связь событий и более четко показана непрерывность исторического развития.

Серия предназначена для использования всеми людьми, стремящимися понять природу существующих политических условий. "Корни настоящего лежат глубоко в прошлом"; и истинное значение современных событий невозможно понять, пока не будут известны исторические причины, приведшие к ним. Принятый план позволяет достаточно подробно рассмотреть историю последних четырех столетий и воплотить в жизнь наиболее важные результаты современных исследований. Поэтому есть надежда, что серия будет полезна не только новичкам, но и студентам, которые уже приобрели некоторые общие знания по европейской истории. Для тех, кто желает продолжить свои исследования, библиография, прилагаемая к каждому тому, послужит руководством к оригинальным источникам информации и работам более специального характера.

Значительное внимание уделяется политической географии, и каждый том снабжен такими картами и планами, которые могут потребоваться для иллюстрации текста.

Г. В. ПРОТЕРО.

ОШИБКИ

стр. 69, для мотаваккика читайте Мотаваккиль

стр. 371, для Боз читается Бор

ПРЕДИСЛОВИЕ

Редактор этой исторической серии попросил меня в 1898 году составить этот труд по истории африканской колонизации. Уже в то время существовал ряд стандартных книг по истории исследования Африки (доктор Дж. Скотт Келти и доктор Роберт Браун), по истории Южной Африки (М.^сКалл Тил и сэр Чарльз Лукас) и по Карте Африки по договору (сэр Эдвард Хертслет). Но до сих пор не было предпринято попытки обобщить и рассмотреть в одной книге общую историю попыток Азии и Европы колонизировать Африку в течение этого исторического периода. Первоначальное издание этой книги, опубликованное в 1898 году, было исчерпано к следующему году, и в следующее переиздание были внесены некоторые дополнения; в то время как в переиздание 1905 года была добавлена новая глава, посвященная последним событиям европейской колонизации Африки.

Поскольку семь лет спустя рассматривался следующий выпуск этой работы, издательство Кембриджского университета согласилось, что я должен переписать всю книгу от начала до конца и значительно расширить ее, чтобы она соответствовала нашим более полным знаниям истории Африки 1912 года, и в то же время продолжить рассказ вплоть до нынешнего года.

С 1905 года произошло многое, что составляет существенную часть истории колонизации и освоения Африки инопланетными расами. Старые карты были пересмотрены и составлены новые.

Первое издание этого труда содержало античную особенность - посвящение. Я не решаюсь повторить это официально, но я мог бы упомянуть, что имена, которые я связывал в 1898 году с моим трактатом о колонизации Африки, были именами сэра Джорджа Таубмана Голди (Нигерия); виконта Китченера из Хартума (англо-египетский Судан); мсье Рене Милле (бывший генеральный резидент Франции в Тунисе), “который показал, насколько хорошо француз может управлять огромной страной, когда ему предоставлена свобода действий”; и майора Германа фон Виссмана (бывший имперский комиссар Германии в Африке), “который основал Государство Германская Восточная Африка, и который сделал больше, чем любой из ныне живущих немцев, для установления и поддержания престижа этой великой нации в самых темных уголках Темного континента”. Я все еще думаю, что под видом посвящения я выбрал выдающиеся примеры сильных и мудрых людей, делающих хорошую работу в Африке не только для стран-колонизаторов, но в равной степени и для покоренных народов отсталой расы. Их важная работа выдержала испытание временем. То, что Монс. Милле сделал в Тунисе, стало — или должно было стать — образцом администрации, при которой Франция может преуспеть в возрождении Марокко. Возникает соблазн добавить к этому списку другие великие имена, но если, например, включить Сесиля Родса, то по справедливости следует упомянуть Дэвида Ливингстона, Джона Кирка, Х. М. Стэнли, Джозефа Томсона, Фредерика Лугарда, Джорджа Гренфелла, Э. Н. Рума, Франца Штульмана и многих других, которые привели к недавнему открытию Африки белым человеком.

Х. Х. ДЖОНСТОН.

Полинг,

Декабрь 1912 года.

Содержание

ГЛАВА I

Доисторические расовые движения в Африке

Происхождение африканского человека—Основные типы негров—Бушмены—Негроиды (Фула, Сонгаи, Тибу, Хауса)—Тайна руин Зимбабве в Родезии—Вероятное распространение коренных рас десять тысяч лет назад—Династические египтяне—Ранние семиты—Хамиты—Малайская колонизация Мадагаскара

1

ГЛАВА II

Средиземноморская колонизация Африки

Финикийцы и основание ими сидонских и тирских городов вдоль северного побережья Африки—Карфаген—Путешествие Ганнона в Западную Африку—Греки в Киренаике—В Египте, Абиссинии, Восточной Африке—Римляне в Египте—В Северной Африке и Сахаре—Христианская Абиссиния

32

ГЛАВА III

Арабское завоевание Африки

Состояние Северной Африки в VI и VII веках христианской эры до арабского вторжения—Мухаммед и мухаммеданизм—Арабы вторгаются в Египет—Секта хариджи—Арабы вторгаются в Северную Африку—Испания, Марокко и берберы—Евреи и их отношения с Северной Африкой—Фатимитские халифы—Вторжение “Хилалиан”—Альморавиды—Альмохады—Святой Людовик—Смерть Дома Себастьяна—Шарифские династии Марокко—Турки в Африке—Арабский Египет—Турецкий Египет—Арабы Восточной Африки—Арабское влияние на Африку

52

ГЛАВА IV

Португальцы в Африке

Происхождение государства Португалия—Принц Генрих Мореплаватель—Португальские исследования побережья Западной Африки—Диогу Кам и Конго—Огибание мыса Доброй Надежды—Завоевания Восточной Африки—Португальцы в Абиссинии—в Королевстве Конго—в Анголе—Пауло Диас—Преимущества, которые португальцы принесли Африке—Их борьба с голландцами—Распространение их

76

правления в Западной Африке—в Восточной Африке—Мономотапа—Доктор Ласерда э Алмейда—Путешествия Ливингстона—Современное состояние Мокамбике— Бухта Делагоа—Бейра—Музиньо—де—Альбукерке-Компания Moçambique-Будущее португальских колоний

ГЛАВА V

Испанская Африка

Канарские острова—Испания вторгается в Марокко в 1490 году—Алжир и Тунис почти завоеваны в 16 веке—Испанская сфера в Северном Марокко—Рио—де-Оро-Фернандо По и Рио-Муни

116

ГЛАВА VI

ГЛАВА VI

Голландцы в Африке

Голландские торговцы на Золотом берегу—Голландцы поселяются на мысе Доброй Надежды—Остров Святой Елены—Маврикий—Нидерландская Ост—Индская компания—Колонисты—гугеноты—Губернатор Тулбаг—расширение голландского влияния—Первая враждебная британская экспедиция под командованием commodora Джонстона—Первая война Нидерландов с кафирами—Первая британская оккупация мыса Доброй Надежды—Междоусобица голландского правления—Британцы окончательно аннексируют Капскую колонию—Их правители вступают в конфликт с чувствами голландских колонистов (буров)—Походы буров—Происхождение голландских колонистов. Трансвааль и Оранжевые свободные государственные республики—Аннексия и восстание Трансвааля—Экспедиция сэра Чарльза Уоррена—Золото в Трансваале—Евреи в Южной Африке—Йоханнесбург, чужаки и рейд Джеймсона-Война 1899-1902 годов-Южно-Африканский союз

123

ГЛАВА VII

Работорговля

Предрасположенность негров к рабству—Работорговля в римском мире, в мусульманских странах и Индии—Большое развитие, ставшее следствием эксплуатации Америки—Английские работорговцы—Английское движение против рабства-Собственный опыт автора в области работорговли—Шаги, предпринятые различными европейскими странами для отмены работорговли — В частности, Великобританией—Преподобный С. В. Коэлл—Работорговля на Занзибаре—Вадаи и Триполи—Этика рабства—Предупреждение для негров—Основание и история Либереи—Доктор Блайден

151

ГЛАВА VIII

Британцы в Африке, I

(Западное побережье, Марокко, Северо-Центральная часть)

Англичане в Западной Африке—Гамбия—Сьерра—Леоне—Голд—Кост—Ашанти—Северные территории—Лагос—Дельта Нигера—Бикрофт—Бенин—Э. Х. Хьюитт—Х. Х. Джонстон—Дж. Р. Филлипс—Северная Нигерия—Доктор Байки—Сэр Г. Таубман Голди—Лугард и Морланд—Борну—Фулас-Великобритания и Триполи-и Марокко

168

ГЛАВА IX

Французы в Западной и Северной Африке

Дьеппские авантюристы—Жаннекен де Рошфор и Сенегал—Брюэ и основание колонии Сенегал—Кампаньон—Распространение французского господства над Сенегамбией—Сеуль Файдербе—Империи Фула—Продвижение к Нигеру—Самори и Ахмаду—Тимбукту—Бингер и Берег Слоновой Кости—Самори—Тимбукту определенно оккупированы—Буса и англо-французская конвенция—Административное деление Французской Западной Африки—Франция и Египет—Алжир—Развитие Алжира—Тунис—Сахара—Вуле и Шануан—Протекторат Марокко—Абиссиния—Маршан—Сомалиленд—Французское Конго—Габун—Шариат и Мубанги—Уступки Германии—Багирми и Вадаи—Сенусси—Транссахарская железная дорога

196

ГЛАВА X

Христианские миссии

Их работа антитеза работорговле—Португальские миссии в Конголанде, на Замбези, в Абиссинии—Первые протестантские миссии—Церковное миссионерское общество—Доктор Крапф—Уэсли, методисты, Общество распространения Евангелия—Римско—католические миссии в Алжире, Конголанде, на Ниле—Кардинал Лавиджери—"Белые отцы"—иезуиты на Замбези—на Мадагаскаре—Лондонское миссионерское общество—Швейцарские и немецкие протестантские миссии—Французские евангелические миссии—Пресвитериане (шотландцы) Миссии—Норвежская и американская миссии—Лингвистическая работа последних—Миссия университетов—Плимутские братья—Баптисты—Североафриканская миссия—Промышленная миссия Замбези-Абиссинское христианство

239

ГЛАВА XI

Захват Великобританией мыса Доброй Надежды—Постоянное представительство там—Отмена рабства—Недовольство голландцев—Кафрские войны—Лорд Гленелг и вмешательство Даунинг—стрит—Походы буров—Ответственное правительство в Капской колонии—Заблуждения кафров относительно ожидаемого воскрешения их предков и изгнания англичан—Острова Святой Елены, Вознесения и Тристан д'Акунья—Открытие алмазов в Грикваланде—Известные еврейские пионеры в Южной Африке—История лейбористов Натал—Кули и индийской иммиграции—Арбитраж в заливе Делагоа—Дамараленд—Происхождение немецкого вступления в сферу влияния Южной Африки—Уолфиш—Бей—Бечуаналенд—Замбезия—Ньясаленд—Британская Центральная Африка—Компания African Lakes Co.—Африканский трансконтинентальный телеграф—Южно—Африканская федерация—Трансвааль—Сэр Бартл Фрер—Зулуленд и Зулусская война—Бурское восстание—Родос и Родезия—Войны Мателеле и доктор Джеймсон—Крюгер и Дрейфсы—Рейд Джеймсона—Виконт Милнер—Война 1899-1902 годов—Мир и труд Китая—Союз Южной Африки Африка—Вопрос о басуто и коренных жителях—Маврикий и Сейшельские острова

254

ГЛАВА XII

Великие исследователи

Путешественники старого времени—Геродот—Страбон—Плиний—Птолемей—Арабские географы—Португальские исследователи—Эндрю Баттел—Британцы в Гамбии—Французы в Сенегале—Джеймс Брюс и Голубой Нил—Тимбукту—Парк Мунго и Нигер—Исследования Южной Африки—Португалия и доктор Ласерда—Капитан Оуэн—Такки и Конго—майор Лэйнг—Рене Кайе—Экспедиции британского правительства в Триполи,—Борну, озеро Чад и Сокото—Ландер и устье Нигера—Барт и, западный Судан—еврейский исследователь Мордохай—Крапф, Ребманн и Снежные горы—Ливингстон—Бертон и Спик, Спик и Грант—Сэмюэл Бейкер—Ливингстон и Кирк—Французские исследователи Северо—Западной Африки—Ливингстон и Центральная Африка—Камерон—Рольфс—Нахтигаль—Александрин Тинне—Поль дю Шайю—Уинвуд Рид—Стенли и Конго—Португальские исследователи—Швайнфурт и Веле—исследователи Нила—исследования Ньясаленда—Погге, Рейхард, Бем и фон Бари—Доктор Фелкин—Джозеф Томсон—Джордж Гренфелл—фон Виссманн—Эмин Паша—Исследователи Камеруна—Исследования Нигерии и Чада—Открытия Танганьики, Сомалиленда и Восточной Африки—Килима—ньяро—Марокко—Маршан—Мадагаскар—Замечательная исследовательская работа 20 века

297

ГЛАВА XIII

Бельгийская Африка

Работа Камбье и Штормов—Комитет по изучению Верхнего Конго—Х. М. Стэнли
основывает Независимое государство Конго—его последующая история—Долгая
борьба с арабами—Капитан Хинде—Барон Дханис—Слухи о зверствах—Катанга—
Расширение до Белого Нила—Убийство мистера Стокса—Железная дорога до
Стэнли—Пула—Осуждение Э. Д. Морелем плохого управления короля Леопольда—
Движение за реформы Конго-Аннексия государства Конго Бельгией

342

ГЛАВА XIV

.....

Британцы в Африке, III

(Египет и Восточная Африка)

Англия отвоевывает Египет у французов—Возвышение Мухаммеда Али—Суэцкий
канал—Восстание Араби—Тель-эль-Кебир—Восстание Махди—Смерть Гордона—
Лорд Кромер—Лорд Китченер и отвоевание Судана—Фашода—Египет в 20 веке—
Национализм—Развитие Судана—Судд-каттинг—Аден и Сомалиленд—"Безумный"
Мулла—Занзибар—Сэр Джон Кирк—Килима-ньяро—Британская
Восточноафриканская компания—Сэр Фредерик Лугард и Уганда—Сэр Джеральд
Портал—Суданский мятеж в Уганде—Специальная комиссия—Сонная болезнь—
Правительство Занзибара—Роспуск Британской Восточноафриканской компании—
Восстание Мубарака—Сомалийцы Огадейн—Большая игра—"Белая" Восточная
Африка

359

ГЛАВА XV

Итальянцы в Африке

Торговые связи Италии с Северной Африкой во время крестовых походов и эпохи
Возрождения—Папы и географические исследования—Италия в Тунисе и
Триполи—Залив Ассаб—Абиссиния—Эритрея—Итальянский переворот в Адуа—
Италия в Сомалиленде—Итальянское вторжение и аннексия Триполитании

390

ГЛАВА XVI

Немецкая Африка

Торговцы Бранденбурга и Западное побережье —Стремления Германии к
колониям в сороковых и шестидесятих годах 19 века—Немецкие миссионеры в Юго-
Западной Африке—герр Людериц—Ангра Пекена—Нерешительность
Великобритании—Основание германского протектората в Юго-Западной Африке—
Германия в Камеруне—в Восточной Африке—Англо-германский раздел владений
султана Занзибара—Восстание против немецкого правления в Восточной Африке—
Германия в Камеруне—Восстания готтентотов и Дамара на Юго-западе Африка—
Перспективы германской Юго-Западной Африки—Тоголанд

403

ГЛАВА XVII

Французы на Мадагаскаре

Первые слухи о существовании Мадагаскара—Путаница с Занзибаром и островами Коморо-Португальское открытие—Французская восточная компания, основанная для колонизации острова—Форт Дофин—Пронис, безнравственный губернатор—Вашер де Рошель, король-консорт малагасийской королевы—Основана Французская Ост-Индская компания. Колонизированный Иль—де—Бурбон—Мадагаскарские пираты—Французы основали поселение Сент—Мари—де—Мадагаскар—Отправляют научные экспедиции на Мадагаскар, которые впервые знакомят с его своеобразной фауной—Беньковский, польский авантюрист—Малагасийцы—Хова—Англичане захватывают Маврикий и Бурбон и изгоняют французов с Мадагаскара—Французы возвращают Бурбон и вновь оккупируют Сент—Мари—де—Мадагаскар—Первые миссионеры Лондонского миссионерского общества прибывают на Мадагаскар (1818)—Возвышение Радамы и власть Ховы—Отпор Франции в 1829 году—Моряк, потерпевший кораблекрушение, Лаборд—Королева Ранавалона и преследования христиан—Сакалава—Неудавшийся государственный переворот принца Ракото и Ламберта—Восшествие на престол Ракото (Радамы II)—Низложение и смерть—Отказ от французской концессии и выплата контрибуции—Преемственность Лабордов—Ссора с Францией в 1883 году—Инцидент Шоу—Генерал Уиллоуби—Англия признает протекторат Франции над Мадагаскаром—окончательное вторжение, завоевание и аннексия острова французами—Острова Реюньон и Коморо

423

ГЛАВА XVIII

Выводы и прогнозы

Европейский раздел Африки —Только Либерия и Абиссиния остаются независимыми—Три класса, на которые распадается Африка с точки зрения колонизации—Здоровая Африка—Желтая Африка—Черная Африка—Прогнозы относительно будущих расовых движений—Преобладающие европейские расы в будущем—Восемь великих языков Новой Африки—Язычество исчезнет—Мусульманское рвение в конечном итоге угаснет—Негр может отождествиться в национальных интересах со своими разнообразными европейскими правителями, а не объединиться для формирования универсальной негритянской нации с лозунгом "Африка для африканцев", если с ним хорошо обращаться—Белые нации может возникнуть и в Африке — Однако будущее Африки остается весьма неопределенным

442

Приложение I. Примечательные события и даты в истории африканской колонизации

452

Приложение II. Библиография

467

СПИСОК КАРТ

1. Африка, известная древним; показано распределение коренных рас и линии вторжения банту	<i>Лицом к лицу</i>
стр. 50
2. Мусульманская Африка	<i>Лицом к лицу</i>
стр. 74
3. Португальская Африка	<i>Лицом к лицу</i>
стр. 114
4. Французская Африка	<i>К лицу</i> стр. 238
5. Британская Африка	<i>Лицом к лицу</i>
стр. 388
6. Немецкая Африка	<i>Лицом к лицу</i>
стр. 422
7. Колонизируемая Африка	<i>В конце</i>
8. Политическая Африка, 1912	<i>В конце</i>

Примечание. В этой книге используется система написания африканских названий, одобренная Королевским географическим обществом, в соответствии с которой все согласные произносятся как в английском, а все гласные - как в итальянском. *представляет собой носовой звук "нг" в "рингянг", "такнг", в отличие от "нг" в "анг" в "а".* Никакие согласные не удваиваются, если их не произносить дважды подряд: таким образом, "Массова" правильно пишется как "Масава". Но там, где старый устоявшийся обычай санкционировал написание, отличающееся от этих правил, принимается официальное написание названия. Таким образом: Мусамбике вместо Мсамбики; Келимане вместо Келимана; Уганда, а также более правильное Буганда; Бонни вместо Обани.

ERRATUM

стр. 306, последняя строка, *вместо* Truster *читать* Truter, *и аналогично в Указателе*

ГЛАВА I

ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ДОИСТОРИЧЕСКИХ РАС В АФРИКЕ

Тема этой книги, очевидно, связана скорее с вторжением и заселением Африки иностранными государствами, чем с перемещениями коренных народов в их нынешнем виде на африканский континент; тем не менее, было бы неплохо предварить этот очерк истории африканской колонизации несколькими замечаниями, объясняющими состояние континента и его обитателей — насколько мы можем судить по косвенным свидетельствам — до того, как он подвергся вторжению и завоеванию расами и народностями из Европы и Азии.

По всей вероятности, человек впервые попал в Африку со стороны Сирии. Он проник в тропическую Африку в сопровождении тех крупных млекопитающих, которые до сих пор составляют наиболее поразительную особенность африканской фауны; однако многие из них эволюционировали не в тропической Африке, а в южной Европе или западной Азии, а также в Египте и странах Африки к югу от Сахары. Эти человекообразные обезьяны, слоны, жирафы и антилопы искали убежища в тропической Африке не только от холодов ледникового плейстоцена, но и от непрекращающихся нападений плотоядного человека. Позже, но все еще в самые отдаленные времена, происходили (без сомнения) миграции европейского человека с северной стороны Средиземного моря. Но представляется более вероятным, что основная часть африканского человечества, представленного его современными типами, перешла из Сирии и Персии в Аравию, а оттуда в северо-восточную Африку.

Населяли ли когда—либо неандертальцы какую-либо часть Африки — *Homo primigenius*, с его большой головой, большим мозгом, короткой шеей, длинным туловищем и руками, неуклюжими ногами, обезьяноподобными челюстями и, возможно, волосатым телом? До сих пор за пределами Европы не было найдено ни одного его следа в несмешанной форме, ни живого, ни ископаемого. Но не дальше от Африки, чем Гибралтар, из слоев отложений под полом пещеры был извлечен знаменитый гибралтарский череп неандерталоидного вида, который по объему черепа уступает любому другому типу *Homo primigenius*, обнаруженному до сих пор. И все же в этом и других типах *Homo primigenius* нет ничего от негра. Нос был совершенно иной формы, очень большой и выступающий. Большие надбровные дуги, характерные для *Homo primigenius* и его побочного родственника современного австралоида, не свойственны неграм, хотя иногда они спорадически появляются у негров Экваториальной Африки и даже у северных бушменов. Некоторые французские антропологи полагают, что Северная Африка была впервые колонизирована неандертальцами и что этот тип людей даже оставил следы своего присутствия там в таких племенах, как могоды на северо-западе Туниса и некоторые народы Атласских гор.

Преемником и вытеснителем *Homo primigenius* в западной Европе был обобщенный тип *Homo sapiens*, представленный человеком с Галлей-Хилла, населявшим юго-восточную Англию, Францию и центральную Европу около 150 000 лет назад — если судить по приблизительному возрасту слоев, в которых были обнаружены его самые ранние останки. Этот человек из устья Темзы (Галли-Хилл находится в северном Кенте, недалеко от Дартфорда) несколько напоминал формой черепа и скелетом тасманийских аборигенов и, подобно им, обладал значительным негроидным сходством. Есть некоторые слабые

свидетельства того, что тип Галли-Хилл веками сосуществовал с более специализированным и дивергентным *Homo primigenius* (возможно, смешивая его кровь и производя гибридные типы), но постепенно вытеснил это крупномозговое, хотя и жестокое существо и распространился по Африке и южной Азии, проникнув, наконец, в отдаленную Тасманию, где его последние прямые потомки были истреблены в середине 19 века британскими поселенцами на этом добродушном острове. Определенные черепа “страндлуперов” неизвестного возраста, найденные в самой южной Африке, по-видимому, предполагают сходство с тасманийцами или жителями Галли-Хилла, которые, возможно, были первыми настоящими людьми, колонизировавшими Африку.

Фактическая область эволюции негритянского подвида *Homo sapiens* нам в настоящее время неизвестна. Одно время считалось, что это, скорее всего, была Индия. В основной массе индийского населения присутствует сильный негроидный элемент; а в самой южной части большого полуострова обитают лесные племена с темной кожей и поразительно негритянской физиономией, с курчавыми или лохматыми волосами. В кротких бирманцах есть негроидный элемент; а на Андаманских островах — геологически немногим больше впадины на полуострове Дальней Индии - карликовый народ - абсолютные негры азиатского типа. На Малайском полуострове, кое-где на Суматре, прежде всего на Филиппинском архипелаге, встречаются негритянские племена или типы, родственные жителям Андаманских островов. На более восточных Малайских островах — особенно в Бору, Джиллоло и Тиморе — племена, проживающие во внутренних районах, явно имеют негритянское происхождение. Еще более ярко это проявляется в случае с Новой Гвинеей, и прежде всего в архипелаге Бисмарка и северных Соломоновых островах. В этих последних сходство туземцев со средним африканским негром наиболее поразительно, хотя расстояние от Африки составляет что-то около 8000 миль. Негроидная принадлежность распространяется к востоку от Соломонова архипелага до Фиджи и Гавайских островов, а на юг - до Новой Каледонии, Тасмании и даже Новой Зеландии. С другой стороны, Африка на протяжении многих тысяч лет, очевидно, была главной территорией негров. Возник ли негритянский подвид, скажем, в Северной Африке, а оттуда распространился на восток в Персию (в южной Персии сохранились остатки древнего негроидного населения — эламитов из еврейских писаний), Индию, далее Индию, Малайзию и Океанию? Или Европа — южная Европа — была регионом, где негр специализировался на каком-то базовом типе, подобном тасманийскому человеку с Галли-Хилла? Или Аравия^[1], Сирия или Индия? Имеющиеся у нас пока доказательства слишком скудны, чтобы оправдать какую-либо позитивную теорию. Вероятно, что какой-то регион западной Азии, такой как Сирия, был местом рождения негров обобщенного типа, которые из этого центра мигрировали в северную Африку, южную Европу и южную Азию. Открытия, сделанные доктором Верньо и другими на юге и западе Франции и в Италии, по-видимому, показывают, что от 30 000 до 40 000 лет назад население этих регионов было негроидного вида, и что им на смену пришла высокая кроманьонская раса совершенно другого типа, больше напоминающая европеоидного человека, и более высокие монголоиды, такие как индейцы. Однако внимательный антрополог, взглянув на население Италии, Франции, Испании, Уэльса и южной Ирландии, поймет, что как в отношении негроидности, так и в чертах лица древняя негроидная ветвь никогда не была полностью искоренена на этих землях.

Существуют определенные анатомические различия между существующими неграми Азии и Океании, с одной стороны, и неграми современной Африки, с другой^[2]. Был ли африканский негр первым человеком, колонизировавшим Африку, или ему предшествовали более жестокие или более обобщенные типы, такие как человек с Галли-Хилла, нам пока неизвестно. Но из того немногочисленного, чем мы располагаем в виде ископаемых человеческих

останков и других свидетельств, представляется вероятным, что в каждом регионе Африки, даже в Алжире и Египте, когда-то проживало негритянское население. В Мавритании (от Марокко до Триполи) эти древние негры были частично вытеснены доисторическими кавказскими захватчиками, а частично поглощены смешанными браками, в результате чего у столь многих народов Северной Африки потемнел цвет лица. В Египте негры карликового типа, по-видимому, населяли дельту Нила около 10 000 лет назад; а крупные черные негры сформировали население верхней Нубии и Донголы около 4000 лет назад.

Тем не менее, есть основания полагать, что не все части Тропической Африки были колонизированы неграми, или, скорее, типичным большим черным негром, до 2000 или 3000 лет назад. Хотя окраина бассейна Конго, например, была заселена в течение очень значительного периода (о чем свидетельствует наличие каменных орудий, несколько глубоко зарытых в почву), центральная часть этой области, по-видимому, была захвачена человеком совсем недавно; в то время как в Южной Африке за Замбези были периоды, когда единственным человеческим типом был бушмен, а не крупный черный негр. Сравнительно недавняя человеческая колонизация лесов южного Камеруна и внутреннего бассейна Конго, возможно, была связана с плотностью роста деревьев и противодействием горилл; и (в Конголанде) с болотами и наличием больших мелководных озер, которые в настоящее время высохли и превратились в русла рек. Несколько французских и немецких первопроходцев описали автору этой книги, как при попытке исследовать леса Южного Камеруна, далеко от побережья, их караваны негров-носильщиков подверглись нападению горилл; и совершенно необитаемый характер значительных территорий вдоль водораздела Конго и Камеруна, как говорят, объясняется ужасом, внушаемым местным жителям этими огромными, свирепыми и решительными существами. Тот же факт, возможно, когда-то препятствовал заселению аналогичных лесных территорий между Мубанги и основным Конго. К югу от главного Конго горилл нет; но значительная часть этого региона центрального Конго до недавнего времени находилась под водой, и даже сейчас его обитатели часто вынуждены жить в свайных жилищах, возвышающихся над уровнем затопления.

Африканский негр делится на два основных типа, очень отличных один от другого, собственно негров и бушменов. Первый из них довольно высокого роста (за исключением немногих карликовых племен), с темной, почти черной кожей и длинноголовый, с обильным волосатым покровом на голове и склонностью к волосатости лица и тела, с выступающей вперед крупной челюстью и без заметной тенденции к мясистости ягодиц. Его потовые железы издают резкий и наиболее характерный запах, отсутствующий — в этой очень выраженной форме — ни у негра-азиата, ни у бушмена. Бушмен, с другой стороны, желтокожий, невысокого роста (хотя и с хорошо пропорциональными конечностями), имеет круглую голову, а не длинную, не заметно выступающую (у его южных типов), не имеет волос на лице или теле — или, самое большее, очень редкой бороды у стариков - волосы расположены отдельными пучками на голове, и особенно его отличает выраженная стеатопигия — рост жира и мышц на ягодицах. Эта стеатопигия гораздо более выражена у женщин, чем у мужчин, и полностью отсутствует у очень маленьких детей. У обоих полов среди бушменов есть особенности наружных половых органов, отсутствующие у истинного негритянского типа^[3].

Средний и типичный бушмен, как я уже говорил, ортогнатичен, а не прогнатичен, и обычно, подобно негру, примечателен выпуклым лбом и отсутствием сильно выраженных надбровных дуг. Тем не менее, до сих пор существуют типы кустарниковой расы, особенно в немецкой юго-западной Африке, у которых либо сильно выражен надбровный хребет и выражен прогнатизм, либо даже степень прогнатизма более экстремальная и обезьяноподобная, чем

можно увидеть где-либо еще в мире, за исключением редких случаев среди пигмеев Конго. Эти исключительные типы бушменов (которые в чем-то напоминают спорадических “обезьяньих” особей среди негров берг-дамара и племен илотов вдоль северного Лимпопо) иногда отождествляли с определенным классом черепов “страндлоперов”, найденных в пещерах на побережье Южной Африки и демонстрирующих низкий объем черепа и большой прогнатизм. Но, опять же, среди страндлоперов^[4] были и другие древние типы, которые едва ли вообще похожи на негров — у них хорошее развитие черепа, и по форме они напоминают черепа европеоидов в целом — так что Южная Африка, возможно, была захвачена “белыми людьми”, чем-то похожими на современных хамитов, много тысяч лет назад.

Современный бушмен выделяется среди других африканских рас своим необычайным даром рисовать. В прошлые времена он нарисовал или выгравировал множество рисунков на скалах, иллюстрируя таким образом свои обычаи, суеверия, битвы и, прежде всего, диких животных, на которых он долгое время был ловким и бесстрашным охотником. Ни одно существующее племя истинно негритянского происхождения не обладало таким даром рисования или таким желанием демонстрировать его. Чтобы найти какую-то параллель художественному творчеству бушменов, мы должны пересечь Замбези и отправиться на север, в пустыню Сахара, расположенную между озером Чад и самым северным Нигером, с одной стороны, и прибрежными районами Алжира - с другой. Во всей этой обширной области пустыни или каменистого плато есть много гравюр и рисунков на скалах; но по тем незначительным признакам, которыми мы располагаем (некоторые из них настолько древние, что изображают вымерших животных), мы склонны приписывать их примитивной белой расе, некоторым таким людям, которые покрывали стены пещер во Франции и Испании великолепными изображениями бизонов, лошадей, мамонтов, северных оленей, лосося, угрей, львов, горных козлов и кабанов. До сих пор ни на крайнем западе Южной Африки, ни к северу от Замбези не было обнаружено ни одного экземпляра рисунков бушменов. Тем не менее, есть некоторые незначительные традиционные и исторические свидетельства, свидетельствующие о том, что бушмены все еще оставались в Ньясаленде и во внутренних районах Мокамбике примерно триста лет назад.

Еще одним отличительным признаком типа бушменов является их своеобразный язык. Это почти невозможно записать, настолько сильно оно состоит из нечленораздельных звероподобных звуков — щелчков языком, вздохов и носового хрюканья. В речи бушменов очень мало поддающегося обнаружению синтаксиса. Его своеобразная фонология в некоторой степени разделяется готтентотами; но, с другой стороны, готтентотский язык обладает хорошо выраженным синтаксисом, столь же четко определенным, как и у любого европейского языка, и различает мужской, женский и средний роды. Короче говоря, по своей конструкции и грамматике он очень заметно напоминает хамитскую языковую семью северо-восточной Африки; и есть — что примечательно — язык сандави в Германской Восточной Африке, к югу от Виктория-Ньянза, который напоминает готтентотский по наличию щелчков, а также по нескольким корням слов и по своему синтаксису. Эта речь используется полукочевым племенем охотников, которые, однако, по телосложению кажутся негроидами с некоторым оттенком хамитской крови.

Насколько можно судить по слабым признакам их легендарной истории, готтентоты юго-западной Африки, по-видимому, по своему происхождению пришли с того же направления — Уньямвези - и кочевали со скотом и овцами (оба северо-восточноафриканского типа) между Танганьикой и Ньясой, а также через реку Конго, разделяющуюся на Верхнюю Замбезию, откуда они медленно пробирались, подталкиваемые другими народами, в восточный Дамараленд. Здесь они поселились на некоторое время, а затем снова двинулись

дальше, к атлантическому побережью между Моссамедесом и Оранжевой рекой. Несомненно, в течение сотен или тысяч лет они воевали и все же смешивались с бушменами, пока, наконец, не приобрели многие из их физических характеристик и значительный элемент их языка. В наши дни они демонстрируют все признаки помеси истинного негра и бушмена, с, возможно, некоторым ослабленным элементом европеоидной расы, больше в их умах и легендах, чем в их телах.

Вернемся к истинному негру. Его снова можно разделить на три основных типа, а четвертый состоит из смеси трех других. Первые три - это (1) пигмей Конго, (2) лесной негр и (3) нилотский негр. Карликовый Конго - это карликовая форма самого древнего негритянского типа, имеющая некоторое сходство с азиатским негром, отличающаяся очень плоским, большим носом, сильным прогнатизмом, длинными верхними губами, загнутыми пальцами ног, короткими лапами и склонностью к волосатости на теле. Лесной негр - это слегка улучшенный пигмей, более высокого роста, с преувеличенными негритянскими чертами лица, длинными руками и непропорционально короткими ногами. Негр-нилот, с другой стороны, примечателен своими длинными, похожими на ходули ногами, короткими руками и большим сходством с кавказцем в чертах лица. Негры-нилоты в своих лучших проявлениях (например, турканы озера Рудольф), возможно, самая высокая раса в мире. Смешение всех этих типов друг с другом и, без сомнения, с исчезнувшими бушменами Восточной и Северной Африки привело к появлению "среднего" негра, который является наиболее распространенным типом, встречающимся в Западной, Восточной, Центральной и Южной Африке. Обычный кафир или зулу, одетый соответствующим образом, или среднестатистический суахили или муньямвези из Восточной Африки, или мубанги или мулуба из Конголанда, сошел бы за мандинго, моси, ашанти или негра-нупе в Западной Африке, или даже за хауса или сенегальца.

Откуда бы ни пришел негр в Африку — если он не возник там, — он, по-видимому, наиболее густо расселился к северу от Экватора, в том широком поясе ниже 15 градуса северной широты, который тянется через весь континент от Сенегала и Либерии до Абиссинии и Виктория-Ньянза. В великом западном продолжении Африки, прежде всего, между Кордофаном и Сенегамбией, особенно в Нигерии, негритянский народ, должно быть, существовал на протяжении многих тысяч лет, чтобы допустить возникновение огромного разнообразия языков, на которых там говорят. В некоторых частях Западной Африки, таких как Либерия и Французская Гвинея, существует шесть или семь абсолютно различных языковых семей, использование некоторых из которых ограничено территорией, не превышающей Ратленд или Бедфордшир.

С другой стороны, на огромной южной трети Африки, за Экватором, существует самое большее только одиннадцать различных языковых семей (по сравнению с сорока двумя или сорока тремя дальше на север). Из этих одиннадцати один, банту, значительно преобладает над остальными; к ним относятся бушмены и готтентоты на крайнем юге, три неклассифицированные суданские языковые семьи в Северной части Конголанда, три небольших участка речи, не относящейся к банту, в Северной части Германской Восточной Африки, и в том же регионе и в Британской Восточной Африке навязчивые нилотские и хамитские языковые группы.

В настоящее время почти вся Африка к югу от Экватора является областью распространения только одной языковой семьи - банту. Другие негритянские языки быстро вымирают. По всей видимости, завоевание банту было недавним событием, начавшимся, возможно, не более 2500 лет назад. Языковая семья банту отличается использованием отличительных префиксов, которым соответствует сочетание местоимений и префиксов прилагательных.

Существительные делятся на несколько классов (скажем, семнадцать), и каждый класс обозначается специальной приставкой и соответствием. Но классы не соответствуют мужскому и женскому роду языков, обозначающих пол, или мужскому, женскому и среднему роду. Не происходит никакой дискриминации в приставках или местоимениях для обозначения пола; но существительные произвольно распределяются по классам, которые в большинстве случаев утратили какое-либо особое значение, но первоначально, несомненно, соответствовали разделению объектов на естественные категории, каждая из которых отличалась каким-либо особым признаком. Таким образом, существовал класс "живых", или "людей", класс "деревьев", класс "длинных", или "речных", классы миниатюрных объектов, "гигантских", коллективных, таких как "вода" и "племя", "сильных" и "слабых".

Этот принцип многочисленных классов, основанный не на половых различиях, но на том, что каждый класс имеет свою отличительную частицу и соответствие, ни в коем случае не ограничивается банту в Африке, его разделяет важная группа западноафриканских языков в Сенегамбии и Сьерра-Леоне (тимне и др.), а также фула. За исключением того, что язык народа фула (с некоторыми родственными группами между излучиной Нигера, северным Золотым Берегом и Дагоме) управляется суффиксами вместо приставок, он имеет большое сходство по структуре с языком банту. Другие языки, управляемые префиксами (но без четкого соответствия), были недавно обнаружены в Южном Кордофоне. Исходя из какого-то подобного направления, языковая семья банту, которая по лексике, но не по синтаксису, несет признаки родства с некоторыми языками Нижнего Нигера, должна была зародиться в регионе между бассейнами Нила, Конго и шари. Возможно, он возник при формировании ряда негритянских племен каким-нибудь полукавказским захватчиком, остатками которого являются хима из бассейна Виктория-Ньянза, манбетту и ньямням из Бахр-эль-Газала и Веле-Мубанги. После особого развития в бассейне Горного Нила этот языковой тип распространился по всему южному выступу Африки в результате серии интенсивных вторжений, продолжавшихся на запад до Камеруна, на восток до побережья Индийского океана и на юг через район Великих озер, Замбезию и Конголандию.

Фула^[5], форма речи родственного происхождения, была языком загадочного народа фуль со светлой кожей, который впервые попал в сферу внимания мировой истории, когда они пришли к власти как завоевательная мусульманская нация Западного Судана (Сенегамбия и Верхний Нигер) в восемнадцатом и девятнадцатом веках. До этого они кочевали более или менее как скотоводы, похожие на цыган, рассеянные по Нигерии от бассейна Гамбии и Сенегала до границ Борну и реки Шари; до Бенуэ, Нупе, Боргу и Дагоме. Согласно арабской традиции, они пришли в Сенегамбию родом из страны Адрар, расположенной далеко к югу от Марокко. Некоторые из их собственных традиций происходят из Феццана, к югу от Триполи. Другие незначительные указания заставляют нас предположить, что они ранее обитали в Марокко и Алжире как — вполне возможно — предшественники ливийцев или берберов, о которых мы сейчас поговорим. Ближайшим родственником языка фульде или фула в наши дни является группа негритянских языков моси-гурунси, на которых говорят на задворках Ашанти и Тоголенда. Есть также слабое сходство с волофом, языком красивых чернокожих джолофов из Сенегала, смешанной расы с древней кавказской примесью в крови. В любом случае чистокровная фула - красивый гибридный тип, очевидно, раннее скрещивание (скорее всего, в Северной Африке) между вторгшимся кавказцем из Европы и каким-то древним негритянским племенем из Северной Африки. У более чистокровных фула кожа не темнее, чем у среднестатистического бербера, черты лица - как у европейца, а волосы собраны в вьющиеся локоны. Их постепенное вторжение в Западную Сахару, Нигерию и Сенегамбию — на юге они добрались до низовьев Нигера и земель йоруба, до

Багирми и через Бенуэ, оказавшись в нескольких днях пути от побережья Камеруна, - возможно, было вызвано заселением Северной Африки около десяти или более тысяч лет назад ливийцами или берберами, кавказским народом, родственным по языку и происхождению галам и другим хамитам Северо—Восточной Африки, а также древним египтянам.

Необходимо рассмотреть влияние четырех других негроидных народов на колонизацию Африки, прежде чем мы сможем заняться более явно чуждыми расами. Это сонгаи из Центральной Нигерии, мандинго из Западной Нигерии, хауса и тибус, или теда.

Сонгаи (Suhai, Songhoi — *gh* похоже на французское *r grasséyé*) чем-то похожи на волков по внешнему виду, в том смысле, что, хотя у них черная кожа и густые волосы, их черты часто имеют европеоидный оттенок, и их характеристики, как правило, скорее негроидные, чем у негров. Их язык (обычная речь Тимбукту) в настоящее время остается неразгаданной тайной, о его сходстве никто не догадывается. Сонгаи, по-видимому, сначала поселились (где они до сих пор живут под влиянием туарегов) в оазисе Агадес, стране на южной окраине Сахары, к востоку от большой излучины Нигера. Здесь они, по-видимому, принимали иммигрантов из Египта времен Птолемеев или римской Империи, которые привезли с собой египетских домашних животных и египетский стиль архитектуры. Последний они применили для строительства из глины вместо камня. Но, хотя с тех пор этот массивный египетский стиль глинобитных стен, дворцов и мечетей сильно изменился под влиянием берберов или арабов (сарацин) с севера, он все еще преобладает по всей северной Нигерии от верховьев Нигера до окрестностей реки Шари.

В то время как сонгаи распространяли свое влияние на северную излучину Нигера, народы мандинго из какого-то неизвестного места происхождения с боями пробивались на запад вдоль Верхнего течения Нигера в сторону Сенегамбии. Мандинго и сонгаи встретились где-то на стыке Нигера и Бани, недалеко от знаменитого Дженне, который в 8 веке стал великим городом Сонгай. Негроиды-мандинго, которые, возможно, были связаны с древним Североафриканским королевством Гана, рано достигли богатства и власти, открыв соляные и золотые рудники в засушливой стране, граничащей с Западной Сахарой или внутри нее. Возможно, оттуда они вели торговлю с романизированной Северной Африкой. На юге они соприкоснулись с золотоносной страной Ашанти; и, возможно, именно через них римские и византийские бусы впервые попали в Ашанти и на Золотой берег. Иногда империя мандинго одерживала верх над сонгаями; в последнее время сонгаи доминировали над северными мандинго, пока оба они не были затоплены мавританским вторжением в шестнадцатом веке. Оба одинаково проявили себя очень готовыми принять арабских торговцев и мусульманскую религию.

По внешнему виду народ хауса гораздо более негритянский, чем мандинго или сонгаи. Но, с другой стороны, на их языке запечатлено влияние белого человека. Оно не только обозначает пол, но и в местоимениях и в особенностях обозначения женского рода согласной *t* оно предлагает так много указаний на древнее хамитское влияние, что мы вправе предположить, что оно возникло в результате раннего вторжения в Восточную Нигерию людей, говорящих на хамитском языке. Если в легендах хауса есть хоть капля правды, эти хамитские цивилизаторы регионов между Нигером и озером Чад пришли из Египта; очевидно, они также проникли так далеко на юг, как Багирми на Шари, и на запад, к Логоне, где они помогли создать язык мусгу, обозначающий пол. Одно время считалось, что очевидный “ливийский” элемент в Хаусе произошел от вторжения берберов или туарегов в Центральную Нигерию^[6]; но теперь кажется гораздо более вероятным, что это было хамитское, а не берберское влияние, и, что более вероятно, оно пришло из регионов Нубии и

Донголы, где когда-то говорили на хамитском языке. Народ хауса, вероятно, уже существовал, и их “компромиссный” торговый язык сформировался еще до того, как туареги или берберы пустыни Северной Африки нашли свой путь в регионы к востоку от Нигера.

Действительно, этот регион к югу от Триполитании, от Феццана через горы Тибести и восточную Сахару до озера Чад, стал владениями другой замечательной негроидной расы, которая имела большое отношение к открытию и закрытию негроидной Африки, тибу или теда. Физически они представляют собой точный гибрид хамитов и негров и очень напоминают более негроподобные типы сомалийцев; но их язык, который родствен канури из Борну, королевства, впервые полуцивилизованного тибу, не дает никаких указаний на родство с другими африканскими формами речи; как и сонгай, он (насколько нам известно) совершенно изолирован. Тибу имели большое отношение к внедрению железного оружия и орудий труда, а также к обработке железа в негритянской Африке. Они, по-видимому, воспроизвели бумеранг, или метательную палку, в железе, и таким образом создали те замечательные метательные ножи, которые достигли своего наивысшего развития в северо-центральной части бассейна Конго. Заметный поток культуры тибу (несомненно, в значительной степени происходящий из древнего Египта) проник в Конголенд примерно 1500-2000 лет назад, пройдя вверх по Шари от озера Чад, через Мубанги и главное Конго, и так далее в страну Бушонго в центральном Конголанде. Старый язык бушонго (ныне вымерший) был не речью банту, а неклассифицированным языком, имеющим отношение к формам речи, все еще распространенным в Верхнем Шариате.

Другие цивилизованные негроидные иммигранты, тибу или хамиты по происхождению, по-видимому, переместились с северо-востока в регион Бахр-эль-Газаль, а оттуда в Северо-Восточный Конголенд, где, смешавшись с неграми, они образовали замечательные народы ньямням и манбетту или, по крайней мере, аристократию этих племен. Еще дальше на восток мы имеем замечательную аристократию хима, полукочевников-скотоводов, очень похожих на фулу по внешнему виду и обычаям, но всегда говорящих на чистом языке банту. По-видимому, они происходили от древнеегипетского или галатского происхождения.

Собрав воедино имеющиеся у нас скудные свидетельства о доисторическом прошлом Африки в период, скажем, 10 000 лет назад — свидетельства, представленные каменными орудиями, несколькими черепами древнего происхождения, наскальными рисунками в Мавритании, самыми ранними археологическими находками в Нижнем Египте, — мы можем рискнуть сделать следующие выводы. В тот период прибрежная полоса Северной Африки от Марокко до Египта была населена европеоидными или полукавказскими расами, близкими на западе, возможно, к типу фула, а на востоке (Киренаика и Египет) - к ливийскому или берберскому. Возможно, уже тогда было положено начало семитским поселениям на Суэцком перешейке и Суэцком побережье Красного моря. Те же самые ливийцы или хамиты, в тот период не сильно отличавшиеся от протосемитов по расе и языку и подчеркнута “белые люди”, вероятно, также проникли в высокогорья Абиссинии и путем смешения с предшествующими неграми и бушменами образовали современные хамитские расы. Некоторые из этих белых мужчин (помимо более негроидных галас) нашли свой путь по более открытому, менее заросшему лесами восточному побережью Африки в Замбезию и Южную Африку^[7]. Но за пределами этой белой окраины Северной и северо-восточной Африки остальная часть Черного континента была тогда владениями негров в их бушменском и чернокожем типах. Пустыня Сахара тогда не была таким без осадков регионом, как сейчас, но была более пригодной для жизни. С другой стороны, большая часть Центральной и часть Южной Африки все еще находилась под водой, покрытая еще не осушенными, не испаряющимися мелководными озерами. Обширные леса центра и некоторых частей

запада, возможно, были необитаемы человеком, который боялся столкнуться с шимпанзе и гориллами, леопардами, питонами и слонами, которые их населяли. Затем, более или менее 10 000 лет назад, в долину Нила со стороны Абиссинии пришла удивительная раса египтян династической династии^[8], чьей первоначальной родиной, по-видимому, была сначала Юго-Западная Аравия, а затем страна Данакиль, береговая линия Абиссинии. Династические египтяне, по-видимому, представляли собой сложный тип, в основном хамитского происхождения, пропитанный древней негроидной породой и в некоторой степени с примесью монгольской крови ранних монгольских захватчиков Месопотамии. Их язык и по сей день остается нерешенной проблемой. Он имеет явное сходство как с хамитским, так и с протосемитским, и все же содержит свои собственные загадочные элементы, которые могут быть обусловлены как негритянским, так и монгольским влиянием. В основном это аберрантный хамитский язык, но не имеющий ни малейшего сходства с галским, сомалийским или бишаринскими диалектами Восточной Нубии. На них (следует отметить), по-видимому, говорили в течение чрезвычайно длительного периода времени; и, возможно, бишарины (хамиты), уроженцы прибрежных земель Красного моря — “Пушистики-вуаззи” Редьярда Киплинга — жили там, где они находятся сейчас, когда династические египтяне хлынули как неолитическое войско завоевателей в долину Нила в Нижней Нубии и проложили свой путь по узкой полосе пригодного для жизни Египта по обе стороны Пустынного Нила.

Египтяне династической эпохи обнаружили, что Дельту населял ливийский народ, родственник современным берберам Северной Африки. В тот период уже существовало различие между ливийской или берберской и эфиопской или галской ветвями хамитской семьи. Среди этих берберов дельты Нила все еще оставались крепостные бушмены или негры. Династические египтяне много смешивались с этими ливийцами Северного Египта; действительно, иногда, в первые дни организованного Египта, ливийская раса из Западной пустыни (которая все еще сохранилась в оазисе Сива в незначительных изменениях) вторгалась в Египет и давала этой стране династии. Египтяне династической династии правили и заселяли узкую долину Пустынного Нила на юге до первого порога, а также его широкую дельту до берегов Средиземного моря. К югу от Первого водопада проживало смешанное население египтян, хамитов и негров нубийской расы. Страна выше Второго порога долины Нила, пока длилось династическое египетское правление, была населена исключительно неграми. Хамиты из племени бишарин не вторгались в него и не заселяли его примерно до периода правления Птолемея.

Египтяне династической династии правили лишь небольшой частью побережья Красного моря, между Суэцким заливом и Рас-Бенасом (Береника). Из портов Коссейр и Беренике они отправили свои флотилии галер вниз по Красному морю в Аденский залив; и в относительно поздний период своего долгого (возможно, 6000 лет) правления Египтом, примерно в 1500 году до нашей эры, они отправили первую из нескольких экспедиций к побережью Данакиля и в Сомалиленд в поисках благовонных деревьев. Сомнительно, распространялось ли египетское влияние в незарегистрированных путешествиях дальше вдоль восточного побережья Африки; во всяком случае, пока это не подтверждается никакими свидетельствами. Египтяне, по-видимому, были несколько робкими мореплавателями. Их морские галеры больше зависели от гребцов, чем от горизонтальных парусов; и, хотя они, возможно, сочли сравнительно безопасным плавание по Красному морю, они были бы обеспокоены гораздо более бурными водами Аденского залива; в то время как Индийский океан с его сильными муссонными ветрами и большими валами оказался бы очень небезопасным для их немореходных кораблей. Их цивилизующее, “европеизирующее” влияние на негритянскую Африку, однако, было значительным, хотя, вероятно, и не

проявлялось с каким—либо эффектом до тех пор, пока настоящие египетские династии не ушли из жизни и земля Египта не превратилась в регион, обреченный на управление иностранцами - ассирийцами, персами, греками, римлянами, византийцами^[9]. Египетская торговля, даже за 3000 или 4000 лет до христианской эры, проникала через Нубию в Кордофан и Дарфур, Борну, Тибести, Агаде и Нигер; или вниз в Бахр-эль-Газаль и страны Горного Нила, где все еще обитали пигмеи. Хамитские народы и семитские колонисты в Абиссинии и Северном Галаленде поддерживали контакты с Египтом последних династий и Египтом Птолемеев и продвинули торговлю египетскими товарами вглубь страны вплоть до горы Элгон и берегов Виктория-Ньянза. Их древние голубые египетские бусы время от времени находят в недрах Кавирондо. Египетские или галатские авантюристы появились (возможно, изгнанники, преступники или мятежные солдаты по происхождению) на землях диких негров у истоков Нила. На них смотрели как на полубогов; и их потомков по сей день (с поразительно фараоновской физиономией) часто называют именами, которые означают “духи”, “белые люди” или “боги”. Они или торговцы, которых они привлекли, привезли с собой домашних животных Египта и культурные растения, а также знания в области обработки металлов.

Известно ли вообще, что вся негритянская Африка, к югу от Северной Сахары, получила своих первых и основных домашних животных и культурные растения из Египта, и только из Египта? Бык с длинными рогами и прямой спиной или с короткими рогами и горбом, азиатский, а не европейский орданский козел (не длинноухий, пестрый, ворсистый нубийский козел позднего развития); одна или несколько пород собак; одомашненный нубийский осел; домашняя птица — все они пришли из Египта. Из растительных продуктов питания были джовари, или зерно сорго (*андропогон*), элевсин, *пеннисетум*, просо, таро “батат” (*колоказия* ароидная), различные горох и фасоль, а также тыквы. Из Египта пришли идеи строительства лодок, которые проникли так далеко на юг и запад, как Виктория-Ньянза, озеро Чад и Северный Нигер; также методы строительства хижин и амбициозная глинобитная архитектура нигерийского Судана, намек или отражение которой проникло даже в дельту Нигера, Северный Камерун и Конго. Простые предметы мебели, такие как резные табуретки, подушки для подголовников, музыкальные инструменты (лиры, барабаны, арфы, ксилофоны, цитры), игры типа “колыбель для кошки” и нарды, оружие (щиты, усовершенствованные луки, пращи, копья и боевые топоры), нашли свой путь в сердце негроландии; хотя многие из этих изобретений не продвинулись дальше на юг, чем Уганда и центральный бассейн Конго, или к югу от северного Нигера.

На данном этапе необходимо упомянуть о двух других элементах доисторической колонизации Африки — семитском и малайском. “Семитский” и “хамитский” - полезные термины, которые в точности применимы к двум различным типам языков, обозначающих пол; языки, которые предположительно имели общее происхождение очень давно — 12 000 лет назад или больше? — где-то в юго-западной Азии, возможно, недалеко от Кавказа или Армении. Но в более широком смысле мы применяем семитский и хамитский языки к физическим типам и говорим о семитском профиле, смуглом хамитском цвете лица и вьющихся волосах. “Хамит” — или, правильнее, кушит — без особого противоречия применяется к физическому типу, говорящему на восточно—хамитских языках^[10]- желтый или коричневый цвет кожи, с красивыми чертами лица и прямыми тонкими носами, характерными для более симпатичных кавказцев, и густыми черными волосами, которые своей курчавостью выдают древнюю негритянскую смесь. Кушиты на самом деле произошли от ливийцев (берберов), которые смешались в Северо-Восточной Африке с негритянскими расами. Более белые ливийцы двинулись на запад, чтобы колонизировать южное и северо-западное побережье Средиземного моря, в то время как хамиты заселили Ближний и

Восточный Египет, Абиссинию и Галаланд; с этого направления их кочевники-охотники и скотоводы в древние времена распространились по всей Восточной Африке. Хамитские языки родственны ливийским, хотя эти две группы сильно разделены по сходству лексики и, должно быть, отделились от общего источника в Северо-Западной Аравии десять или более тысяч лет назад.

В случае семитов гораздо труднее определить физический тип, связанный с говорением на семитских языках; на самом деле, это так же сложно, как постулировать телесную форму людей, создавших арийские языки. Арамейский тип, столь знакомый нам в типичном еврее, сродни староассирийскому; а ассириец, вероятно, был смесью армянина и средиземноморца, смешанного с древними негроидными народами Южной Персии. Арабы Аравии на севере имеют очень “нордическую” внешность и, очевидно, демонстрируют результаты древних вторжений в Сирию народов, родственных тевтонскому или белокурному арийскому типу; у других снова виден крючковатый “семитский” нос армянина или длинный носовой орган среднего перса; в то время как у аборигенов Южной Аравии есть хамитская, галаоподобная линия, помимо общего основного слоя той гипотетической мелкотелой, большеносой белой неолитической расы, которая ассоциируется с камнеопоклонничеством и мегалитическим каменостроительством и является частью других народов. Возможно, в основе лежит средиземноморский тип человека. Достаточно любопытно, что до сих пор нет никаких свидетельств о древнем *негритянском* населении Аравии, таком, какое существует в отношении Алжира и Египта, а также Южного (эламского) Персия.

Эти разнообразные и составные расы, говорящие на семитских языках, по-видимому, пришли на юг и запад из Сирии и Аравии по пятам как ливийцев (амореев), так и хамитов и даже поселились на побережье Красного моря в Египте в очень ранний период, до того, как египтяне династической династии завоевали долину Нила. Гораздо позже они вторглись в Нижний Египет под именем хакшу (хикушаху) или царей—пастухов - если их справедливо считать говорящими на семитском языке. Еще позже они начали пересекать Красное море дальше на юг и колонизировали Абиссинию и даже Сомалиленд. В этих регионах (Абиссинии и Харраре) их семитские языки сохраняются и по сей день. Возможно, еще за 1000 лет до Рождества Христова (предположительно) их корабли, более мореходные, чем у египтян, вышли из портов Сабейского, Минейского и Химьяритского царств в Индию, к Занзибарскому побережью Африки и к северной оконечности Мадагаскара и Коморских островов. Более поздним, по всей вероятности, чем первые минейские походы вдоль побережья Восточной Африки, было более достоверное путешествие финикийцев, о котором будет упомянуто в следующей главе.

На данном этапе нашего обзора древней колонизации Африки следует обратить внимание на неразгаданную тайну руин Родезии — каменных фортов, акведуков, круглых башен, выложенных камнем террас холмов, выложенных камнем карьеров, горных выработок и зданий, которые наводят на мысль о названии “храм”. Эти руины (внутри и под которыми были найдены прекрасные золотые украшения, формы для отливки слитков, странные скульптуры птиц - орлов или грифов — на концах длинных монолитов из мыльного камня и каменные *фаллосы*) довольно густо усеивают поверхность Южной Родезии. Кажется, что они как бы исходят из верховьев реки Саби, фактически оттуда, где расположены самые замечательные из всех этих руин, Великое Зимбабве. Самое северное из скоплений руин каменных зданий находится к северу от горы Хэмпден и современного города Солсбери; но ни один из этих странных остатков необъяснимой цивилизации нигде поблизости от Замбези не найден. Казалось бы, неизвестный народ, которому следует приписать действительно древние и искусно построенные среди этих башен, храмов и лабиринтообразных укреплений

(а не их более современные, сделанные неграми неуклюжие имитации), проник в юго-восточную Африку в старом арабском порту Софала или поблизости от него и направился вверх по реке Саби. Все руины расположены на высоких плоскогорьях или горных хребтах, в здоровой, прохладной местности. Их существование было отмечено арабскими писателями еще в 10 веке нашей эры; и они были описаны как старые и частично пришедшие в упадок, когда португальцы впервые увидели их в 16 веке. Название “Зимбаоз”, как и современное Зимбабве, применяемое к ним в португальских писаниях, является просто местным словом банту во множественном числе, означающим “камни”; но эти зимба или Зимбабве стали особенно ассоциироваться с замечательным негритянским королевством или империей Мономотапа^[11], которое существовало в этой части юго—восточной Африки с тех пор, как арабы—исламисты заново поселились в Софале в 1923 году. с 10 века нашей эры вплоть до начала 19 века, когда он был, по-видимому, окончательно уничтожен вторгшимися с юга зулусами. Из этого региона, возможно, пришли орды завоевателей “ба-зимба”, которые, как считается, перешли на западный Мадагаскар и прошли, разоряя и убивая восточное побережье Африки — очень похоже на стиль более поздних набегов ангони-зулу — в конце 16 века, временно уничтожив португальскую власть над Момбасой.

Родезийские каменные постройки, очевидно, связаны с золотодобычей; но они, должно быть, были центрами несколько развитого сельского хозяйства и фаллического культа (фаллос был, вместе с связанным с ним цилиндром или *лингамом*, священным символом религиозной веры, которая когда-то господствовала в Египте, Индии, древней Аравии и Сирии). Фаллический культ, например, был перенесен финикийцами в южный Тунис — без сомнения, в Карфаген и другие места; но так случилось, что его символы сохранились в действительном употреблении в южном Тунисе до наших дней. Каменная кладка зданий типа Зимбабве (настоящая старая кладка, а не современная негритянская имитация) демонстрирует замечательное мастерство в придании формы и размещении камней в рядах, причем все они практически одинакового размера. Каменная кладка выполнена без раствора, но камни довольно плотно прилегают к своим горизонтальным, точно уложенным рядам; а в круглых зданиях наблюдается замечательная симметрия.

Какая раса воздвигла такие памятники и была одарена такой развитой цивилизацией в период, который, безусловно, предшествует (по действительно древним типам зданий) 10 веку нашей эры? Были ли это арабы из южной Аравии, которые поселились на побережье Восточной Африки до христианской эры? Это кажется вероятным. В руинах Зимбабве нет ни орнамента, ни каких-либо деталей сарацинского стиля и (пока) никаких надписей на каком-либо языке. В них нет ничего, что указывало бы на то, что они были построены арабами-исламистами; все наоборот, поскольку, конечно же, эти арабы не вырезали бы ни птиц, ни фаллосы. Тут и там есть предположения об индийском влиянии. Здания в истинном стиле Зимбабве, безусловно, относятся к доисламской эпохе или были связаны с народом, который игнорировал ислам. Они больше всего напоминают работы финикийцев и южных арабов, датируемые любым периодом между 1000 годом до нашей эры и ранней частью христианской эры. Круглые конические башни похожи на башни Сардинии, Ирландии и других древних пристанищ предприимчивых финикийцев. И все же нигде нет никаких надписей на финикийском, иврите, сабейском, куфическом или других древних восточных алфавитах, хотя, согласно португальским традициям, надписи неизвестными иероглифами действительно существовали в Зимбабве; и до сих пор не было выкопано ни одного черепа из-под руин или в тесной связи с ними, или древних золотых изделий, которые не принадлежали бы к обычному типу негритянских банту. Не было найдено ни одной древней монеты; все фрагменты керамики, фарфора и стекла указывают на сравнительно современную восточную посуду, которая могла быть представлена в любой период между 15

и 17 веками. Тем не менее, большинство из этих последних открытий, хотя и сделаны на значительной глубине под поверхностью под древнейшими руинами, происходят из мест, где они могли быть захоронены в недавнее время, и на самом деле не опровергают теорию о том, что лучшие каменные работы Зимбабве и родственных учреждений датируются периодом 2000-летней давности или ранее.

Никто, кто действительно знает негров Африки, к югу от пустыни Сахара, не сможет легко поверить, что сотни каменных городов, деревень и фортов древнего вида в южной Родезии были построены без посторонней помощи и без вдохновения чистокровной негритянской расой, или даже усомниться в том, что эти сооружения (я имею в виду сооружения совершенной конструкции) были результатом какого-то иностранного вторжения в юго-восточную Африку в период незафиксированной истории, предшествующий 7 веку христианской эры. Мы не знаем ни одной негритянской, почти ни одной негроидной расы Африки, которая, предоставленная самой себе и своему собственному вдохновению, взялась бы за каменное строительство. Великие племена, занимавшиеся обработкой металла в бассейне реки Конго, которые развили действительно замечательное местное искусство - бушонго, например, раса, более негроидная, чем негритянская, — тем не менее игнорировали камень как строительный материал или объект поклонения. Между южным Конголендом или Ньясалендом на севере и Машоналендом на юге до сих пор не было обнаружено ничего, что указывало бы на существование в прежние времена негритянской расы каменщиков или тропы, по которой до недавнего времени проходили через варварские регионы Замбезия и Мокамбике возможные предки людей, построивших Зимбабве и подобные памятники.

Сходство между круглыми башнями Родезии и примитивными коническими минаретами старых мечетей в Ламу, Малинди, Момбасе и других местах восточноафриканского побережья (где арабы доминировали по меньшей мере 2000 лет) очень поразительно. Оба могут относиться к доисламскому периоду. Существуют и другие аналогии между руинами Родезии и древними постройками доисламской Аравии, которые предполагают, в качестве наиболее вероятного объяснения этой тайны африканской колонизации, что древние золотоискатели, *поклонявшиеся фаллосу* и солнцепоклонники, ирригаторы, возделывавшие террасы Мателе и Машоналенда, также были арабами из какой-то части западной или южной Аравии, которые проникли вглубь страны из Софалы, привлеченные признаками золота. Примерно через столетие прибыльной золотодобычи на земле, где тогда еще было небольшое население бушменов, орды банту с севера обрушились на эти семитские колонии и в конце концов истребили или прогнали арабов, неуклюже заняв их место золотоискателей и строителей. Хотя арабы так и не восстановили свои позиции во внутренних районах страны, они продолжали или возобновили свое заселение побережья юго-восточной Африки вплоть до прихода португальцев. Вероятно, также муха Цеце, своим вмешательством в транспортные средства, была еще одним сдерживающим фактором в истории этой колонизации, которая не смогла распространиться. Тем не менее, возможно, что Мадагаскар и Восточная Африка банту обязаны этим гипотетическим, безымянным, доисторическим арабским колонизаторам не только завезением (косвенно из Индии) съедобных бананов или подорожника, которые впоследствии распространились по всему континенту, но также египетского быка с длинными рогами и прямой спиной и домашней птицы; возможно, также конопля, “курительной смеси”, которая на много веков предшествовала табаку.

Одной из величайших загадок доисторического прошлого человека является малайская колонизация большого острова Мадагаскар. Мадагаскар расположен у восточного

побережья Африки на расстоянии не менее 300 миль. Между северо-западной оконечностью острова и материковой частью Восточной Африки находится архипелаг Коморских островов, которые в некоторой степени помогают преодолеть этот разрыв. Насколько показывают наши исследования, на Мадагаскаре нет никаких свидетельств существования древних людей. Остров, вероятно, был необитаем человеком до прибытия малагасийцев с Суматры или Явы, хотя, более или менее одновременно, негры из восточной Африки прибывали на западное побережье Мадагаскара либо на своих собственных каноэ, либо, что более вероятно, на парусных судах арабов, которые торговали вверх и вниз по восточному побережью Африки, возможно, еще с 1000 г. до н.э. Но нерешенная проблема заключается в том, как малагасийские племена достигли этого острова в разные периоды примерно между 500 г. до н.э. и 500 г. н.э.? Их языковое сходство^[12] показывают, что они, должно быть, прибыли с Суматры или Явы. Физически чистокровные малагасийцы, такие как племена хова, не смешанные (как многие из них на восточной стороне центрального плато) с негритянской, индийской или арабской кровью, довольно сильно напоминают малайские типы Суматры и Явы. Мы можем понять малайское и индонезийское завоевание Океании. В относительно спокойном, усеянном островами Тихом океане для людей не является невыполнимой задачей плавать от острова к острову на больших каноэ с выносными опорами и палубами, с мачтами и парусами и, таким образом, достигать в своих миграциях в пределах 2000 или 3000 миль от Северной или Южной Америки и 5000 или 6000 миль от точки отправления. Но совсем другое дело пересечь по прямой всю ширину Индийского океана от Явы или Суматры до Мадагаскара, не имея по пути ни одного удобного острова, на котором можно было бы остановиться. Это правда, что существует небольшая группа островов Чагос, ведущая к Маскаренскому архипелагу Маврикий, Реюньон и Родригес; но ни на одном из этих островов не было обнаружено никаких следов прежнего присутствия людей до прибытия португальцев, голландцев и французов. Поэтому представляется более вероятным, что экскурсии и приключения суматранских и яванских малайцев (вдохновленные в некоторой степени таинственными индонезийцами, пришедшими из Индокитая, которые в неизвестное время поселились на Суматре и более восточных островах Малайского архипелага и были прародителями полинезийцев) сначала взяли западное направление, пересекли Бенгальский залив, добрались до Цейлона и южной Индии; оттуда перешли к Мальдивскому архипелагу, а затем к Сейшельским островам и далее к островам Альмиранте и северной оконечности Мадагаскара. Но существует очень мало положительных свидетельств в поддержку этой теории, за исключением слегка “малайского” облика людей Мальдивской группы и скудных остатков древних человеческих поселений, которые, несомненно, можно найти на более крупных Сейшельских островах; хотя они долгое время были необитаемы, когда их **вновь открыли** португальцы и французы. Кажется, однако, почти невероятным, что повторные колонизации Мадагаскара должны были происходить путем прямых рейсов с Суматры или Явы (в период от 2500 до 1500 лет назад) предприимчивыми малайцами, отправляющимися в океанское путешествие протяженностью около 4000 миль на каноэ с выносными опорами. Откуда они знали, что Мадагаскар ждет их по другую сторону этого огромного промежутка? Гораздо более вероятно, что они постепенно переходили от пункта к пункту в своих миграциях на запад; сначала на Цейлон, затем на Мальдивские острова (это название, как и некоторые другие названия мест и племен в Южной Индии, предполагает родство с “малайским”, “малагасийским”), и так далее до Сейшельских островов, Альмиранте, Альдабры и Коморских островов. Но если эти малагасийские малайцы столь предприимчивы, почему бы им также не колонизировать восточное побережье Африки? Если они когда-либо и делали это, то не осталось ни малейших следов их присутствия ни в телосложении, ни в языках нынешних обитателей. Правда, на Занзибаре используются каноэ с выносными опорами, которые, возможно,

возникли в результате заселения этого острова малагасийцами по пути на Мадагаскар; но Занзибар, хотя и находится всего в двадцати милях от материка, сильно отличается от Восточной Африки. Его первоначальные обитатели, когда он был впервые исследован европейцами, принадлежали только к трем типам — неграм, арабам и индийцам. Однако существуют свидетельства разрозненного и разнообразного характера о том, что торговые сношения между Китаем, Индией и Персией, с одной стороны, и Южной Аравией и Занзибаром - с другой, столь же стары, как начало христианской эры. Химьярито-арабские отношения с малагасийцами северного Мадагаскара должны быть по меньшей мере такими же древними; судя по множеству признаков, они, безусловно, доисламские.

Западное побережье Мадагаскара, возможно, уже было заселено неграми из Восточной Африки, которые пересекли архипелаг Коморо по маршруту^[13]. Но, если это так, то эти последние должны были помогать или вынужден сделать попытку каким-превосходные мореходные расы с севера, Арабской и финикийской, потому что нет никаких доказательств того, что восточно-африканских негров, были отличными мореплавателями и имели в прежние времена любым способом посадки лучше, чем раскопанные каноэ в движение веслами; и трудно поверить, что в такой нестабильной судов, они могли пересечь широкий пролив из открытого моря между Восточной Африки и Коморских Островов. Легче предположить, что многочисленный негритянский элемент бантуистского происхождения, обитающий на северо-западе Мадагаскара, был завезен туда в течение последних 2000 лет арабскими кораблями, до и после прихода ислама. Негритянской колонизации этого большого острова не могло способствовать сохранение какого-нибудь сухопутного моста, какого-нибудь коморского перешейка, который с тех пор разрушился; ибо вдоль такого перешейка пришло бы множество африканских зверей, птиц и змей, которые полностью отсутствуют на Мадагаскаре^[14]. Поскольку предстояло пересечь лишь узкий пролив, негры или бушмены могли добраться до Мадагаскара на каноэ или плотах. Коморские острова, когда их впервые открыли европейцы, были (как и сейчас) населены арабами и расой негров банту, говорящих на диалектах, родственных занзибарскому суахили. Но они, возможно, были доставлены туда столетия назад арабскими кораблями. Вполне вероятно, что малагасийского поселения на Коморском архипелаге не было до 19 века.

Еще одной любопытной особенностью малайской колонизации Мадагаскара является то, что, достигнув этого огромного острова, малагасийские иммигранты, по-видимому, полностью отказались от мореплавания, не содержали морских судов любого размера (хотя у них были и до сих пор есть искусно сделанные выносные лодки) и никогда никуда не отправлялись от берегов своей новой родины. В противном случае они не могли бы не открыть и не колонизировать Маврикий или Реюньон. Во многих своих аспектах колонизация Мадагаскара в доисторические времена расой, происходившей, очевидно, с Суматры или Явы и близкой по физическому типу и языку не столько малайцам, сколько малайско-полинезийцам и даже темнокожим меланезийцам, является, пожалуй, самой загадочной из неразгаданных загадок, которые можно найти при изучении заселения Африки иностранными иммигрантами. Судя по местным традициям, время от времени флотилии каноэ с малайцами уносились прямо через Индийский океан к восточному побережью Мадагаскара. Такова была, как говорят, история племен имерина или хова, которые произошли в основном от последней случайной малайской колонизации Мадагаскара. Эти хова сочли прибрежный пояс настолько нездоровым, что пробрались вглубь страны, на высокие плато Имерина. Здесь, после долгой изоляции, они набрались сил благодаря своему целебному климату и, получив оружие от европейцев в 17-18 веках, распространились по Мадагаскару как завоеватели и подчинили своей власти почти весь остров. И все же сакавалы, темнокожие остатки гораздо более раннего вторжения в

Малайзию, говорили на диалекте, более близком к настоящему малайскому, чем диалект народа хова. Остается сказать, что сильный негроидный элемент Мадагаскара некоторыми авторитетными источниками приписывается меланезийским колонистам из Малайзии относительно древнего происхождения, а не неграм из Африки. В малагасийском языке есть множество меланезийских слов.

ГЛАВА II

СРЕДИЗЕМНОМОРСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ АФРИКИ

Историческая колонизация Африки чужеземными народами (если мы рассматриваем династических египтян как автохтонных) начинается с подвигов финикийцев в Мавритании. Считается, что этот замечательный семитский народ, без сомнения, родственник предкам евреев по расе и языку, возник на юго—западных берегах Персидского залива и в период некоторой отдаленности — возможно, четыре тысячи лет назад - пробился вверх по Евфрату и через Сирийскую пустыню к побережью Средиземного моря, где в конечном итоге были основаны великие торговые города Тир (Цур или Сор), Акко, Сайда или Сидон, Сарепта, Арвад или Руад, Бирута или Бируна (Бейрут) и др. обосновался в основном на островках у побережья Сирии, которые со временем превратились в полуострова. Из этих опорных пунктов их галеры бороздили Средиземное море и достигали побережья Северной Африки, Гибралтарского пролива и открытого Атлантического океана. Примерно к двенадцатому веку до нашей эры финикийцы из Сидона основали торговые станции в Утике (Атика) в устье реки Маджерда на северо-востоке Туниса и в Ликсусе на побережье Марокко (возможно, в устье реки Драа, напротив Канарских островов). В тот же период — возможно, самый ранний из всех — Гадес (Кадис) был основан как сидонская колония в устье Гвадалквивира на юге Испании. Карфаген (Карт-хадшат или Карт-хадашт = Новый город), впоследствии финикийская столица в Северной Африке, возник только примерно в 822 году до нашей эры. Это было поселение тирийцев на западном берегу Тунисского залива, недалеко от Утики на реке Маджерда, и называлось Новым городом в отличие от Утики “Древней” (Атика). Тирийцы и, возможно, финикийцы из других морских городов также создали торговые склады на Киренейском и триполитанском побережье, вступив таким образом в контакт с египтянами. Но с семнадцатого по двенадцатый век до Рождества Христова финикийцы находились под властью Египта; и только когда египетская мощь начала ослабевать, огромные корабли, построенные в Сидоне и Тире из древесины Кипра и Ливана, осмелились основать африканские колонии непосредственно к западу от Египта.

Много лет спустя, в те дни, когда могущество финикийцев само по себе пришло в упадок под властью ассирийских царей, эти отважные мореплаватели наняли себя и свои корабли у правителей Египта для морских перевозок и географических открытий. Примерно в 600 году до н.э., согласно рассказу Геродота, предпоследний из местных египетских фараонов, Нику (Нехо) Во-вторых, вызвал капитана финикийцев, чьи корабли стояли в Суэцком заливе (возможно, доставленные туда из Средиземного моря по какому-нибудь каналу между Нилом и Горькими озерами) и отправил его командовать экспедицией из двух или трех судов с приказом попытаться обогнуть африканский полуостров и через Гибралтарский пролив вернуться в дельту Нила. Весьма вероятно, что корабельщики из Южной Аравии уже

распространили весть о том, что восточное побережье Африки неуклонно тянется на запад за экватор, и предположили, что Африку можно обогнуть от земли негров на востоке до страны черных людей на западе, о которой карфагеняне начали распространять какие-то смутные предвидения из своих путешествий на юг вдоль берегов Марокко и Сахары.

Эта финикийская экспедиция отправилась в путь и примерно через три года обогнула Африку и снова вошла в Средиземное море через пролив, отделяющий Марокко от Испании. Где-то у южного побережья Африки они высадились, посеяли зерно и ждали южного лета (нашей зимы), пока оно созреет. Затем они пожали свою жатву и продолжили путешествие, без сомнения, не по своей воле теряя из виду побережье, но высаживаясь на берег как можно реже (как мы можем себе представить) в своем оправданном страхе перед дикими племенами и свирепыми дикими зверями. Рассказ, приведенный у Геродота, очень скуден. Приводится только один опыт этих финикийских первопроходцев, кроме выращивания кукурузы; говорят, что в течение (северного) летнего сезона солнце находилось у них по правую руку, то есть в северной части неба в полдень. Это наблюдение, во всяком случае, показывает, что финикийцы заплыли достаточно далеко на юг, чтобы достичь южной зоны умеренного климата, где солнце в полдень всегда было на северном небе; в то время как общий курс корабля с востока на запад вокруг южной оконечности Африки располагал солнце по правую руку от наблюдателя, обращенного на запад.

Все незначительные географические открытия этой экспедиции были утрачены для нас, если таковые вообще были зафиксированы. Не упоминается ни о золоте юго-восточной Африки, ни о каких-либо арабских поселениях вдоль восточного побережья, ни о негритянских обитателях этих диких регионов, ни о средствах, с помощью которых финикийские мореплаватели добывали себе пищу в дополнение к кукурузе, которую они выращивали и собирали. Для них, пришедших с востока, было бы нетрудно достичь южной оконечности Африки, и еще менее трудно, если бы в окрестностях Софалы и Иньямбане действительно были арабские базы, на которых они могли вербовать людей. Эта история, ни в коем случае не невероятная, почти полностью основана на утверждении Геродота, но, как считалось, получила новое подтверждение из записей о событиях правления Нику II, которые, как утверждалось, были обнаружены в коллекции французского египтолога. Однако сейчас считается, что эти скарабеи с надписями являются явными подделками^[15]. Нет ничего невероятного в этой легенде о финикийском кругосветном плавании Африки с востока на запад. Ветры и течения, следует заметить, значительно облегчили бы парусным судам плавание вокруг Африки от восточного побережья к западному, а затем на север, чем в обратном направлении; и любопытно отметить, среди других фрагментов исторических записей, что персидский вельможа из Египта в шестом веке до нашей эры и карфагеняне того же периода пытались обогнуть Африку из Марокко мимо Западного побережья и отказались от этого предприятия как от слишком сложного и утомительного.

Благодаря стараниям древнегреческих географов до нас дошла греческая версия того, что предположительно является оригинальным описанием путешествия Ганнона Карфагенянина на пуническом языке. Этот пунический исследователь отправился из Карфагена где-то в шестом веке до нашей эры (возможно, около 520 г. до н.э.) с флотом из 60 кораблей и множеством мужчин и женщин (по слухам, их было 30 000 человек), в основном с целью открытий, но также и с целью пополнения поселенцами карфагенских станций вдоль побережья Марокко. В приведенном отчете о путешествии говорится, что, миновав Геркулесов пролив и остановившись на месте современного Себу, они обогнули мыс Кантин и вышли к болоту, в котором резвилось большое количество слонов^[16]. Затем они продолжили свое путешествие вдоль побережья, пока не пришли к реке Ликсус, которая

была отождествлена с рекой Драа. Отсюда они плыли вдоль побережья пустыни, пока не достигли того, что мы сейчас называем Рио-де-Оро, и на островке в начале этого залива основали торговую станцию Керне. Из Керне они совершили экспедицию далеко на юг, к реке, которая была идентифицирована как река Сенегал, впервые посетив лагуну Тенияхир. Снова отправившись из Керне, они миновали Кабо-Верде, реку Гамбию и побережье Сьерра-Леоне до залива Шерборо, который был пределом их открытого путешествия. Здесь они встретили “диких мужчин и женщин, покрытых шерстью” — вероятно, шимпанзе, которые встречаются там и по сей день, а не гориллу, которая является обезьяной, ареал которой ограничен на западе Камеруном. Поскольку переводчик Ганнона назвал этих существ “гориллами”, это причудливое название было дано в девятнадцатом веке огромной человекообразной обезьяне, обнаруженной американскими миссионерами в Габуне. Когда экспедиция Ганнона посетила окрестности реки Сенегал, на них напали туземцы, которых описывали как “диких людей, одетых в звериные шкуры и защищающихся камнями”. Насколько нам известно, это был первый взгляд цивилизованного человека на своего дикого брата эпохи палеолита с тех пор, как они расстались во времена неолита, за исключением проблесков троглодитов, с которыми карфагеняне, по-видимому, встретились в долине реки Драа^[17].

В Керне и других торговых пунктах на побережье к югу от Марокко карфагеняне, без сомнения, вели небольшую торговлю с туземцами-берберами продуктами Судана, к югу от Сахары, но через некоторое время ослабление могущества Карфагена и нападения туземцев, должно быть, уничтожили большую часть этих западноафриканских поселений, поскольку римляне, сменившие карфагенян, по-видимому, не продвинулись дальше на юг, чем река Драа.

В восьмом веке до нашей эры тирийские и сидонские колонии в Северной Африке и Испании начали отказываться от какого-либо политического подчинения Финикийскому государству в Сирии, царству, которое тогда сильно преследовали ассирийцы и отныне обречено потерять свою независимость под попеременным владычеством Египта, Ассирии, Халдеи, Персии и Македонии. Карфаген стал столицей Западной Финикии ханаанцев^[18] поселения в Берберии и Иберии. Побережье Северной Африки было усеяно с частыми интервалами ханаанскими торговыми или правящими городами, от Лептиса (Лебда) в Триполи до устья реки Драа на атлантическом побережье Марокко. Более конкретной была тунисская или африканская^[19] побережье под их господством, от острова Меникс-Джерба (земля финиковых пальм и поедателей лотоса) до того, что сейчас называется Бона в Алжире; этот последний был одним из нескольких городов, в древности называвшихся Уббо или Гиппо. Одним из таких был современный Бензерт (Бизерта), греческий Гиппо-Диаррит и Гиппон-Зарит позднеримских и византийских времен.

От Карфагена, столицы, тянулась дамба, следы которой сохранились до сих пор, вверх по долине реки Маджерда (древние Баграды) к стране финиковых пальм, плодородному краю неглубоких соленых озер и горячих источников — региону, который однажды приобретет величайшее значение в Северной Африке благодаря своим лечебным водам, неиссякающим источникам пресной воды, плодородной почве и благоприятному климату. Карфагеняне также время от времени занимали господствующие позиции в пустынных городах так называемой страны Матмата, между землей “шаттов”, или озер, и триполитанской границей. Но даже здесь сомнительно, чтобы карфагенское владычество простиралось на целых 100 миль вглубь страны; и в других местах Северной Африки, за исключением Туниса, карфагеняне удерживали только то, что они оккупировали. При малейшем ослаблении своей власти берберские племена были готовы восстать и принять

сторону своих врагов. Карфагенские войска в основном набирались в Берберии и были наемниками. Они часто бунтовали и поворачивались против своих сирийских работодателей. И все же время от времени Карфаген производил на свет такого человека, как Ганнибал, который мог завоевать доверие этих берберских солдат и повести их сражаться в битвах за Карфаген в Испании, Сицилии и Италии. Но в отдаленных районах Северной Африки, особенно в Марокко, традиция гласит, что берберы иногда поднимались как нация и разрушали карфагенские поселения.

Финикийцы привнесли сирийские религиозные идеи в Северную Африку, особенно поклонение Баал-хамману (Владыке Амона) или Милку (Молох, “Царь”), которому приносились человеческие жертвы; Танит, “Лик Ваала”, девственная богиня луны, вариант сирийской Астарты; Ашмун, Бог исцеления (Эскулапий); Рашуф, Пламя, или Бог Молнии (= Аполлон); Баал Милккарт, “Царь города”, отождествляемый с Геркулес; Таммуз или Адонис (красивый молодой человек); Патекс, отвратительный бог-карлик; Раббат Амма, “Леди-мать”, богиня, подобная греческой Кибеле. Эти религиозные идеи стали ассоциироваться в южном Тунисе и Триполи с поклонением *фаллосу* как символу животворящей, созидательной силы и настолько сильно повлияли на менталитет коренных жителей этого региона, что вплоть до наших дней в исламе существуют раскольники (особенно на острове Джерба), которые возводят небольшие фаллические храмы и святыни или увенчивают фаллическим символом каждый минарет. Именно здесь, а также в зданиях пятого и шестого веков юго-восточной Сирии, относящихся к ранним дням византийской архитектуры, можно проследить эволюцию *махраба* (михраб) или святыни мухаммеданской мечети из полого фаллоса, в который жители Джербы входят, чтобы произнести свои молитвы. Этот культ когда-то существовал в западной Аравии, и примечательно, что такие отчетливые следы его обнаружены в руинах Зимбабве в юго-восточной Африке.

То, что финикийцы привыкли к прирученным “индийским” слонам в Сирии — регионе, в котором обитали дикие индийские слоны примерно до того времени, когда финикийцы заселили сирийское побережье, — привело к приручению меньшего африканского слона в Северной Африке. Вероятно, они также завезли сирийские породы лошадей, крупного рогатого скота и свиней, хотя овцы и козы Мавритании, скорее всего, были выведены из Испании. Они привезли туда сирийскую борзую и, возможно, некоторые другие породы собак, но не белую, похожую на волка собаку берберских кочевников, пришедшую из Европы. Этим любящим красоту тирским морякам-купцам принадлежит ранняя интродукция павлина в Северную Африку. Это все еще обычная домашняя птица в Тунисе, и ее изображения на старых камнях с надписями, даже далеко в пустыне, датируются, по-видимому, карфагенскими временами. Финикийцы, вероятно, привезли с собой, также из Сирии, культивируемую виноградную лозу, оливу, инжир и гранат.

По сравнению с римлянами карфагеняне мало что сделали для освоения внутренних районов Северной Африки, за исключением того, что сейчас называется Тунисом. Торговля с внешним миром ограничивалась ревнивыми монополиями; но финикийский язык, тем не менее, произвел большое впечатление на Северную Африку и стал общепринятым средством общения между более цивилизованными племенами между Триполи и Западным Марокко. Действительно, считается, что финикийский язык, близкий к ивриту и не очень далекий от арабского, сохранялся на протяжении всей последующей римской оккупации Африки и полностью исчез только при вторжении арабского языка, непосредственным следствии арабского завоевания в седьмом веке нашей эры. Даже тогда считается, что некоторые финикийские слова остаются включенными в арабские диалекты Триполи и Туниса и особенно в мальтийский; Мальта также была оккупирована карфагенянами. Евреи,

которые в таком изобилии поселились в Северной Африке как до, так и после падения Иерусалима, принесли туда влияние иврита и арамейского и внесли свой вклад в семитизацию Северной Африки в языке и религии. Таким образом, карфагенское правление проложило путь к иудаизации определенных племен до и после того, как Римская империя на какое-то время вытеснила Сирию в качестве колонизирующей державы; а использование финикийского языка вплоть до седьмого века нашей эры в деревнях и небольших городках тунисского побережья, несомненно, подготовило почву для быстрого и широкого распространения арабского языка сто лет спустя. Среди всех своих пререканий, на протяжении всей записанной истории Северной Африки берберы и семиты, похоже, бессознательно признавали, что по происхождению и языку они имели большее родство друг с другом, чем с арийскими народами.

Евреи после первого столетия христианской эры многочисленно расселились по Северной Африке от Киренаики до Западного Марокко. Считается, что они предшествовали берберам в заселении оазиса Тват в середине Сахары, а также других оазисов пустыни; хотя они, вероятно, обнаружили, что в этих пригодных для жизни регионах все еще сохранилось негроидное население.

Самая ранняя *историческая* связь между арийской Европой и Африкой была установлена греками, начиная примерно за 600 лет до н.э.^[20], которые поселились в стране Курене (Кирена), современной провинции Барка. После отпора персам произошла великая экспансия Греции. До исторического основания поселений на Ионических островах, Сицилии, в Марселе и на восточном побережье Испании греческие моряки, без сомнения, бороздили берега Средиземного моря; и из их приключений возникли увлекательные истории об аргонавтах и Улиссе. Современные французские этнологи полагают, что доисторические поселения греков на побережье Туниса имели место благодаря хорошо выраженному греческому типу, который можно найти среди нынешнего населения, например, на полуострове Кейп-Бон; но эти греческие типы также могут быть потомками византийской оккупации страны в христианскую эпоху. Остров Пожирателей Лотоса из греческой мифологии, по-видимому, с большой вероятностью берет свое начало с острова Джерба, где произрастает финиковая пальма^[21]. Но около 631 г. до н.э. экспедиция дорийцев с острова Тера^[22] основала колонию Курене на северном побережье Африки, где этот континент ближе всего подходит к Греческому архипелагу. Поселение Курене было расположено примерно в десяти милях от моря на высоте почти 1800 футов в поросших лесом горах Аксдар. Вокруг Курене (название, искаженное арабами до Гренны) были сгруппированы четыре других города — Барке, Теуксейра, Эвесперидес и Аполлония. Эта греческая колония продолжала существовать с разной судьбой — временами ей угрожал распад из-за гражданских войн колонистов и периодических нападений берберов — пока она не перешла под контроль Рима за 100 лет до Рождества Христова. Время от времени здесь господствовала греческая династия Птолемеев в Египте. Хотя цивилизация Киренаики была окончательно уничтожена катастрофическим арабским вторжением в седьмом веке христианской эры, она, тем не менее, получила смертельный удар в 117 году н.э. в результате восстания еврейских поселенцев, которые напали на греко-римских колонистов с помощью коренных ливийцев и убили более 200 000 потомков греческих и итальянских захватчиков. Евреи, в свою очередь, были вырезаны, и после этого большинство киренейских городов пришло в упадок.

В соседней стране Египте греки начали появляться как купцы и путешественники в седьмом веке до нашей эры. Фараон Псамметик I, отец Нику, который отправил финикийские корабли в кругосветное плавание по Африке, нанял греческих наемников, чтобы помочь ему

утвердить свои претензии на трон Египта. Он вознаградил их за услуги, позволив их соотечественникам торговать с портами дельты Нила. Город Наукратис был основан недалеко от современной Розетты и стал почти греческой колонией. Почти 200 лет спустя Геродот, уроженец Галикарнаса (греческого поселения в Малой Азии), посетил Египет и Курене. Вполне вероятно, что он поднялся по Нилу до Первого Порога. Он обнаружил, что его соотечественники обосновались как торговцы и механики, а также как солдаты в дельте Нила, и он сообщает, что все побережье Киренаики между Дерной, недалеко от границ Египта, и Бенгази (Эвеспериды) было полностью занято греческими поселениями.

Через Геродота и даже более ранних греческих авторов, таких как Гекатай (который получил свою информацию от финикийцев), до греческого мира дошли смутные слухи о реке Нигер, о страусах^[23], карликовых расах Центральной Африки (тогда, возможно, обитавших в Бахр-эль-Газале и Нигерии) и павианах, описанных как "люди с собачьими головами"^[24].

Великое развитие Персидской империи при Кире привело эту державу в конечном итоге к конфликту с Египтом; а при Камбуджи (Камбизе) персы завоевали Египет (в 525 году до н.э.), помимо того, что тогда и впоследствии доминировали в западной и южной частях Аравии, откуда они время от времени вторгались в Эфиопию. За персами более чем двести лет спустя последовал их великий завоеватель Александр Македонский, который присоединил Египет к своей империи в 332 году до н.э. и основал в том же году на самом западном участке дельты Нила великий город, носящий его имя и который временами был столицей Египта. За завоеванием Александра последовало в 323 году правление его полководца Птолемея Сотера, который основал в 308 году знаменитую греческую монархию Птолемеев над Египтом, которая просуществовала почти до начала христианской эры, когда ее сменило господство Рима.

Впоследствии скипетр перешел от Рима к Византии, и Египет снова попал под греческое влияние. Во время правления Птолемеев Абиссиния была египтизирована, и большое греческое влияние проникло в эту страну хамитов, управляемую семитами, что привело к основанию полуцивилизованного королевства Аксум на северо-востоке Абиссинии с портом (Адулис) в заливе Эннесли. Это эллинизированное, а позже и христианское государство процветало около шести столетий с начала христианской эры и завоевало в 6 веке противоположную арабскую страну Яман. Во времена Римской и Византийской империи Красное море, побережье Сомалиленда и Экваториальная Восточная Африка были гораздо более тщательно исследованы и даже нанесены на карты; говорят, что греки поселились на острове Сокотра. О масштабах знаний, которыми обладал римский мир в начале христианской эры, свидетельствует знаменитый "Перипл Красного моря", написанный александрийским греческим купцом около 80 г. н.э. Этот труд показывает, что греческая торговля простиралась до Занзибара и Дар-эс-Салама; ибо Раптой явно указан порт на восточном побережье Африки, которым может быть только Дар-эс-Салам, современная столица Германской Восточной Африки. Напротив этого находился остров Менутиас, предназначенный (как описано в Периплусе) для Занзибара и упоминаемый уже тогда как регион под сюзеренитетом королей Ямана, к которому часто прибегали арабские купцы из порта Муза, несомненно, заброшенной гавани Уда, на некотором расстоянии к северу от Мохи. Дальше этого знания греческого автора "Перипла" не простиралось; но дальнейшие упоминания о Менутиасе или других островах близ восточного побережья Африки, которые можно найти у более поздних греческих и латинских географов, по-видимому, гораздо больше применимы к Мадагаскару, чем к Занзибару.

Среди греческих купцов первого века, торговавших с Индией, был некий Диоген, который, возможно, снабдил неизвестного александрийского автора "Перипла" некоторыми своими

сведениями. Диоген, возвращавшийся из путешествия в Индию примерно в 50 году нашей эры, высадился в Рапте или Раптуме. Из какой-то такой точки — Раптум в данном случае может отличаться от Рапты и быть эквивалентом Пангани, торгового поста в устье реки Руфу, напротив острова Пемба — Диоген путешествовал вглубь страны в течение двадцати пяти дней — так, по крайней мере, он утверждал - и прибыл в окрестности двух великих озер и заснеженной горной гряды, откуда Нил брал свои истоки-близнецы. Двадцатипятидневное путешествие могло бы легко привести греческого путешественника к Килиманджаро, но уж точно не к Виктория-Ньянца. Более вероятно, что Диоген видел Килиманджаро и добавил к своим впечатлениям об этом могучем снежно-ледяном куполе заявления арабских торговцев, которые, возможно, в тот период проникли вглубь материка до реки Виктория-Ньянза и даже установили существование Рувензори и Альберта-Ньянзы. Если в то время в этих странах существовала доисторическая арабская торговля, то впоследствии она, без сомнения, была вытеснена обратно на побережье бурными перемещениями негров-банту и нилотов.

Хотя информация Диогена, возможно, дошла до автора "Периплуса", она, насколько можно судить по полулегендарной истории, была рассказана сирийскому географу Маринусу из Тира, который опубликовал ее в Александрии примерно в то же время, когда писался "Периплус". Труды Маринуса исчезли вместе с разгромом Александрийской библиотеки. Но эта часть, касающаяся истоков Нила, была процитирована почти слово в слово более поздним автором, Клавдием Птолемеем, латинизированным египто-греком, проживавшим в Александрии. Птолемей (как его обычно называют по-английски) написал свои труды примерно в 150 году нашей эры; и ему обычно приписывают первую четко выраженную теорию относительно основного происхождения Белого Нила. Он верил, что эта таинственная река берет свое начало в двух великих озерах, воды которых берут начало в огромном снежном хребте, называемом Лунными горами. Однако из трудов Эратосфена (африканского грека, опубликовавшего свои географические труды около 200 г. до н.э.) и Плиния Старшего (Гая Плиния Секундуса, основная книга которого была опубликована в 77 г. н.э.) ясно, что до христианской эры проблеск географии бассейна Верхнего Нила уже достиг греческого Египта. Возможно, еще раньше это стало известно персидским правителям Египта и, возможно, было принесено им эфиопскими торговцами рабами и слоновой костью, родственными современным абиссинцам и галасам, которые в тот период, по-видимому, свободно проникали через земли негритянских дикарей.

Вскоре после того, как римляне присоединили Египет к своей империи, они начали расширять свой контроль над Нилом от Первого до Второго порога. Впереди них шли греческие исследователи, в основном из Курене или Малой Азии, которые проследили Нил вверх по течению примерно до Хартума, возможно, даже дальше. Весь этот регион за Вторым порогом был известен либо как Нубийское королевство Напата (которое тогда было заселено эфиопами, говорившими на хамитских языках), либо как Мероэ (мерави). Термин Мероэ применялся не только к городу, но и к предполагаемому острову, значительному участку земли, почти окруженному руслами и притоками Голубого Нила, Белого Нила и Атбары, региону, ранее отличавшемуся большим плодородием, который сыграл значительную роль в развитии цивилизации Внутренней Африки, особенно к западу от озера Чад. Император Нерон временно заинтересовался тайной истоков Нила и примерно в 66 году нашей эры отправил экспедицию под командованием двух центурионов, чтобы выяснить происхождение Белого Нила. Эта римская экспедиция была организована в княжестве Мероэ и снабжена лодками и людьми нубийскими или эфиопскими вождями. Впоследствии эти лодки были заменены выше по течению Нила на откопанные каноз; и в них два центуриона, по-видимому, добрались до места слияния Бахр-эль-Газала и Кира, или

Белого Нила. Их дальнейшие исследования, по-видимому, были остановлены скоплением водной растительности, называемой суддом. Обескураженные естественными препятствиями на пути их проникновения в этот пустынный край, враждебностью голых нильских негров и, без сомнения, также невыносимыми нападениями москитов, два центуриона вернулись в Египет; и их обескураживающие донесения, по-видимому, положили конец дальнейшим римским предприятиям в этом направлении.

Войны с Карфагеном во втором веке до нашей эры втянули римлян в оккупацию Туниса. В конце концов, они смогли завоевать и разрушить Карфаген, вступив в союз с нумидийскими и мавританскими царями, которые в своем желании установить полное самоуправление в Северной Африке стремились уничтожить карфагенскую державу. Но после разрушения Карфагена в 146 году до н.э. Рим затеял ссоры, сначала с царями Нумидии, а затем с теми, кто находился дальше на запад, на территории, которая сейчас называется Алжиром и Марокко, в результате чего между 104 и 50 годами до н.э. регион, эквивалентный Тунису и западному Триполи, стал римской провинцией Африка; в то время как весь прибрежный регион Алжира и Марокко был присоединен к Римской империи в 46 году до н.э. и 42 году н.э. соответственно. Незадолго до этого, в 96 году до н.э., римляне аннексировали старые греческие колонии в Киренаике, к которым — в качестве римской провинции — в 30 году до н.э. был присоединен Египет; в то время как римские армии установили римское влияние в Феццане к 19 году до н.э. Следовательно, к середине первого века христианской эры римская власть господствовала над всем прибрежным поясом Северной Африки. Римские исследователи даже проникли далеко в Марокко, исследовали хребет Высокий Атлас и пересекли его в пустыне Сахара близ Фигига; фактически, римский полководец Светоний Паулин, впоследствии завоеватель Британии, проник в 50 году нашей эры в окаймленные пальмами речные долины к югу от хребта Атлас, которые, по-видимому, во времена плиоцена были истоками ручьев, текущих далеко на юг, в бассейн Нигера. Один из таких ручьев римские географы называли Гер, а берберы до сих пор знают его как Гир.

Еще до начала христианской эры — если мы можем хоть немного полагаться на истории, собранные Маринусом Тирием и процитированные в трудах Птолемея Александрийского, — римляне отправили в 19 году до н.э. экспедицию из Феццана (тогда полуцивилизированное королевство Тибус, или Гарамант, далеко к югу от Триполи) в страну черных, сообщения о которой вместе с некоторыми ее продуктами попали в поле зрения римлян еще до завоевания Карфагена. Говорят, что римский полководец по имени Септимий Флакк, отправившись из Гарамы (Джерма, в Феццане) в сопровождении вождей племени тибу и их людей, через пустыню за три месяца марша добрался до страны черных людей. Возможно, что верблюды уже использовались в этой экспедиции, но лошади также были доступны; и даже волы, по-видимому, использовались народами пустыни уже в этот период для запряжки повозок. Весьма вероятно, что 1800 лет назад эта часть Сахары была гораздо менее засушливой, и что здесь было больше колодцев и источников водоснабжения, а также большее количество фуража. Что случилось с Септимием Флакком и действительно ли он достиг земли негров, впоследствии известной под арабским названием Судан, нам не сообщается; но примерно в начале христианской эры другой римский исследователь, Юлий Матернус, также отправился из Гарамы и после четырехмесячного перехода достиг земли, которую он назвал Агисимба. Возможно, это был Канем или даже Борну близ озера Чад, и его описывают как страну, кишущую носорогами — животные все еще водятся там, хотя и в значительно меньшем количестве.

Это единственные зарегистрированные попытки римлян добраться до Судана через пустыню Сахара; но в том, что общение между ливийцами и хамитами Северной и Северо-

Восточной Африки продолжалось сотни, если не тысячи лет, с одной стороны, и негроидами и негритянками регионов озера Чад и Бенуэ и всего бассейна Нигера, с другой, не может быть никаких сомнений, исходя из множества свидетельств^[25]. Римские бусины находят в Хаусаленде и даже из могил вождей ашанти; и некоторые из них мало чем отличаются от римских бусин, найденных в грязи Темзы или среди пепла Помпей. Даже идеи римского и греческого христианства просочились через Ливийскую пустыню и Сахару и достигли стран за пределами Нигера.

Река Нигер была смутно известна географам-классикам за два или три столетия до и два столетия после начала христианской эры. Эти авторы еще во времена Геродота записывали легенды о ливийских авантюристах из южного Туниса, которые проникли через пустыню Сахара в земли с полноводными реками, открытыми водоемами и тропической растительностью. Река Сенегал под названием Бамботус описана Полибием (около 140 г. до н.э.) как большой поток далеко за пределами пустыни Сахара, в котором водились крокодилы и гиппопотамы. К такой реке или даже, возможно, к этому смутно осознаваемому Нигеру было применено берберское название ручья - Гир или Ни-гир. Я уже упоминал реку Гир, которая берет начало к югу от Большого Атласского хребта в Марокко и которая была открыта римским полководцем Светонием Паулином примерно в 50 году н.э. Ее перепутали с настоящим Нигиром, одним из главных притоков которого, возможно, была миллион лет назад. Металлические светильники римского дизайна проникли так далеко в глубь Африки, как Северный Камерун, равно как и глиняные имитации греческих или римских крепостей. Но замечательная глиняная архитектура, которая сейчас ассоциируется с Фуласом и происхождение которой приписывается сонгаи из Агадеса, по-видимому, скорее пришла из Египта, чем из римской Африки через пустыню Сахара.

Фактические посты, возведенные и даже размещенные гарнизонами римских солдат, возможно, простирались так далеко на юг, как Гадамес (Cydamas) или Мурзук (Phazania). Прямое римское правление, однако, было в основном заметно в том, что сейчас является регентством Туниса и Египта. Тунис и западный Триполи почти превосходят Италию по количеству и великолепию своих римских руин. По всему побережью Алжира и Северной части Марокко сохранившиеся руины свидетельствуют о большом количестве римских городов, которые когда-то процветали там. Восточный Алжир разделял с Западным Тунисом наиболее заметный уровень римской цивилизации. На автора настоящего произведения произвел большое впечатление тот факт, что от Гафсы на юге Туниса до Тебессы в Алжире путешественник может проехать около ста миль по древней римской дороге, почти никогда не теряя из виду руины бывших городов, некоторые из которых, должно быть, отличались большим великолепием, хотя кульминации их великолепия не было достигнуто до тех пор, пока власть Византии не сменила власть Рима.

АФРИКА , ИЗВЕСТНАЯ ДРЕВНИМ

ДО ВТОРЖЕНИЯ МУСУЛЬМАН В СЕДЬМОМ ВЕКЕ до нашей эры

Табличка I.

Сэр Х.Х. Джонстон дель W. & A.K. Johnston Limited Эдинбург и Лондон

Пояснительная записка

Вероятное местонахождение метрополии банту

"область распространения черных негров 2000 лет назад

" " "Пигмеи, бушмены и готтентоты

" " "Хамиты и семиты

" " "Малайские расы

Эта карта показывает также вероятное распределение рас примерно в начале христианской эры и направления вторжения банту

Синие линии обозначают направления основных вторжений банту

Смешение расовых оттенков указывает на смешение рас

Красной линией обозначены границы более или менее определенно известной страны; красной пунктирной линией обозначены границы смутно известных регионов. Красным цветом обозначена приблизительная площадь страны, хорошо известной Европе или цивилизованной Азии

Тем не менее, на протяжении всего периода между 146 годом до н.э. и 415 годом н.э., когда вандалы вторглись в римскую Африку^[26], римляне постоянно воевали с берберами, которые, без сомнения, в значительной степени были вытеснены из Туниса колонистами более или менее итальянского происхождения. Самым процветающим и блестящим периодом римского владычества был период между 50 и 297 годами нашей эры. В 297 году нашей эры началось установление определенного христианства. Примерно между 50 и 530 годами нашей эры латынь заменила пунический язык в качестве языка, на котором чаще всего говорили в римской провинции Африка и даже на побережье Алжира и Марокко. Тем не менее, берберы были там постоянно. Лишь немногие стали христианами, основная масса местных племен проявляла отвращение к тому, как различные христианские секты нападали друг на друга и убивали друг друга. Евреи, многочисленно обосновавшиеся в Северной Африке, привлекли к еврейской религии ряд берберских вождей. Ненависть к римскому правлению и римскому христианству побудила берберов Марокко и Алжира объединиться с вторгшимися вандалами и привела к быстрому свержению римского правления и римской цивилизации. Но в 531 году нашей эры византийские полководцы из Константинополя победили вандалов и установили господство Восточной империи над римской Северной Африкой от Танжера (Тингиса) до Египта. Во всем этом регионе вновь произошло возрождение средиземноморской цивилизации, хотя берберские племена по-прежнему оставались непокорными.

Абиссиния между 350 и 500 годами нашей эры приняла христианство по учению египетских греческих миссионеров и приобрела значительную силу благодаря цивилизации, которая следовала по пути христианской веры. Абиссинские короли не только правили противоположными частями Западной Аравии, но и их армии и набеги рабов проникали далеко на юг от Галаленда в сторону Экваториальной Африки. Искаженная версия христианской веры была доведена почти до берегов озера Рудольф; в то время как королевство Мерави, до вторжения арабов в этот оплот эфиопских негроидов, стало христианским государством, которое сохранило свое христианство вплоть до 12 века нашей эры. Через абиссинских торговцев греко-римская торговля снова начала косвенно связываться с Верховьями Нила и Восточной Африкой. Но христианско-абиссинское завоевание Юго-западной Аравии, по-видимому, на время приостановило арабскую торговлю с Мадагаскаром и побережьем Восточной Африки и, возможно, способствовало ниспровержению (вторгшимися ордами негров-банту) цивилизации Зимбабве в Юго-восточной Африке. Однако как раз в тот момент, когда греко-римское правление в северной Африке подходило к концу, его влияние на негритянскую Африку стало очевидным. Великие расовые движения в северном Судане, которые привели к созданию королевств мандинго, Сонгай и Борну в 8 веке, несомненно, были вызваны импульсами, пришедшими через пустыню из греческого или римского Египта, Триполи или Туниса. Обращенные в христианство берберы из Северной Африки даже перенесли еврейские и христианские религиозные представления так далеко на Темный Континент, как Боргу, к западу от Нижнего течения Нигера.

ГЛАВА III

АРАБСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ АФРИКИ

В начале VII века нашей эры положение дел в Северной Африке было таким. В Египте, который продолжал управляться из греческой Александрии, подобием римского правления, как в мирских, так и в духовных вопросах, владел греческий православный патриарх, которого император Византии обычно назначал также префектом. Он занимался главным образом преследованием неправославных христианских церквей, таких как монофизитская или якобитская церковь, которая, возникнув сначала в Сирии, стала национальной церковью египтян или коптов, в отличие от людей греческой расы. Аванпосты Верхнего Египта были заброшены или оставлены, но со слабыми гарнизонами; хамиты блеммиев, или бишарин, "пушистики-вуаззи" с побережья Красного моря, и негроидные нубийцы разгромили набатейское царство Эфиопии и ворвались в Верхний Египет, и, хотя они один или два раза подвергались суровому наказанию, остались и варваризировали землю, которая в начале существования Римской империи над Египтом достигла высокой степени культуры.

В 616 году н.э. персидские армии снова вошли в Египет, чему способствовало легкое завоевание Египта недовольством коптов; в тот же период они изгнали абиссинцев из западной Аравии и даже последовали за ними в восточную Абиссинию. Затем персидская держава, в свою очередь, была парализована. В 626 году Ираклий послал армию в Египет, которая изгнала персов; и в течение нескольких лет Египтом довольно хорошо управлял греческий губернатор, присланный из Византии. Затем власть снова перешла в руки церкви; и Курос, последний греческий патриарх, правил Египтом с 630 года до вторжения арабов, за исключением одного короткого периода изгнания из-за его жестокого преследования коптов-якобитов. Киренаика была практически оставлена ливийцам после ужасного еврейского восстания и резни греческих колонистов в 117 году н.э. Вдоль остального побережья Северной Африки все еще существовали процветающие римские колонии и города под властью византийских правителей или берберских вождей, от Лептис-Магны и Триполиса (Оеа) на востоке до Тангиса (Танжер) на западе; в то время как другие римские или византийские города все еще сохранялись далеко в глубине страны в Тунисе и Алжире, особенно Гафса, Тала, Тебесса и Тимгад. В других местах, за стенами римских городов, берберские племена восстановили свою независимость и правили как римлянами, так и берберами.

В этот период великая ливийская, или берберская, раса Северной Африки, населявшая весь регион между западными границами Египта (Сива) на востоке и атлантическим побережьем Марокко на западе (практически на всей этой огромной территории Африки говорят только на одном языке - ливийском), была разделена на три основные ветви: (1) восточные берберы, или собственно ливийцы (луата, хуара, аурига, Нефуса), населявшие Киренаику, Триполитанию, Тунис и часть восточного Алжира; (2) берберы запада, или санхага (Sanhaja), населявшие алжирское побережье, западный Алжир и все Марокко вплоть до границ Сахары; и (3) зенета, более темная раса, потомки гетулийцев, возможно, по происхождению родственные фула, которые в 7 веке нашей эры населяли более или менее пустынные районы на задворках восточного Алжира, южного Туниса и Триполи. От этих зенета произошли современные берберы мзаб, народ варгли и бени-мерин, основавшие одну из

правлящих династий средневековой Берберии. Несколько из этих темнокожих берберских народов зенета в более поздние времена переселились на побережье Средиземного моря. С другой стороны, многие восточные берберы или ливийцы были отброшены арабскими захватчиками обратно в пустыню; и некоторые из них стали полукочевыми “туарегами” (таварек)^[27] сегодняшнего дня. Части западных берберов группы санхага также перешли в Сахару начиная с VII века (хотя, без сомнения, вторжения берберов в негритянскую Африку происходили и в предыдущие времена) и поселились на севере Нигера и северном побережье Сенегала или вблизи них. На самом деле от санхага, без сомнения, происходит берберское племенное название “Зенага”, которое португальцы извратили в “Сенегал”.

Также в VII веке негроидные гараманты, которые делили Фазанию с пришлыми берберами и, без сомнения, были идентичны современным тибу или теда (чей язык совершенно не похож на ливийский и принадлежит к неклассифицированной негритянской языковой группе), вели активные торговые сношения на юг и восток через Ливийскую пустыню с Канемом и озером Чад, Дарфуром и Кордофаном, и, без сомнения, таким образом способствовали последующему проникновению арабов в Судан и Триполитанию. Домашний верблюд был завезен в Северную Африку еще до этого периода и значительно облегчил передвижение этих рас по пустыне.

В 623 году н.э. араб из племени курайшитов в Западной Аравии, вероятно, родившийся в Мекке (в древности известный как Бакка, а в наши дни на самом деле называемый Меккой) по имени Мухаммад, или Восхваляющий, привлек к себе внимание, обосновавшись в Пальмовом оазисе Ясриб, или Медине, не только как бандит, который вел людей без хозяев на нападения на торговые караваны, но и как мистик, который задумал и пропагандировал новую форму религии, которая была в значительной степени основана на еврейском учении и еврейских Писаниях, но все же включала в себя религиозную традицию. несколько идей из христианства и, возможно, даже из зороастрийских верований Персии. Мухаммед выступал против деградировавших верований во множество богов и богинь, которые все еще сохранялись в Западной Аравии и, прежде всего, в самой Мекке, где для почитания был выставлен замечательный камень—фетиш — остатки огромного метеорита, и где вместе с грубыми изображениями старых семитских богов и богини по имени Аллат^[28], существовали — как в Коэльо-Сирии и Древней Финикии —идея Махраба, или Священного Святилища. Этот последний был сексуальным символом и пережитком финикийского культа природы. Он также был прародителем арки в виде подковы. Священная святыня является неотъемлемой частью всех мусульманских мечетей, хотя ее первоначальное назначение давно забыто.

Мухаммед одержал верх отчасти благодаря своим военным успехам и богатой добыче, которую они приносили его арабским приверженцам, отчасти благодаря своему мягкому нраву, притягательности своей внешности и манер, а также своему дару излагать концепции Бога и религии и искаженные версии еврейских Писаний и христианских верований в рифмованных двустихиях, которые легко запоминаются. Как религиозный учитель и законник, он постепенно объединил под своим скипетром все кланы воинов Западной Аравии; и в поисках большей добычи, чем мог позволить себе бедный полуостров того времени, он двинулся на север, чтобы обратить римский мир и великое персидское царство в свою новую веру. Почти как другой Моисей, он умер на пороге земли обетованной; ибо в течение нескольких лет после его смерти (632 г. н.э.) арабские армии не только сокрушили византийское владычество над Сирией, но и хлынули в Византийский Египет и быстро завоевывали для мусульманской веры государства Юго-западной, Южной и Восточной Аравии, а также все персидское королевство до самого сердца Азии.

В 640-2 годах Амр ибн аль-Ас (ранний противник и более поздний обращенный Мухаммедом) вторгся в Египет из Аравии; и он или его помощники продвинулись оттуда в Триполи и даже в Феццан. Немного позже (647-8), при Абдалле ибн Абу Сархе и Абдалле ибн Зубейре, арабы вторглись в Триполи и сражались с византийским правителем, известным как Григорий Патриций, который незадолго до этого восстал против Византии и провозгласил себя императором Африки с резиденцией правительства в центральном Тунисе. Битва длилась несколько дней, но Григори был побежден хитростью и убит. Арабы преследовали его разбитую армию до самого сердца Туниса и даже до Алжира. За плату в 300 центнеров золота они согласились эвакуироваться из Туниса, но оставили агента или представителя в Суффетуле (современная Сбейтла), которая была столицей Григори.

В 661 году возникла первая отколовшаяся от ислама секта - хариджи. Эти раскольники проповедовали равенство всех добропорядочных мусульман - своего рода коммунизм — необходимость пуританской жизни и прекращение наследственного халифата со смертью Али. Поскольку они подвергались сильным преследованиям, некоторые из хариджи бежали в этот период на побережье Туниса, и на острове Джерба их потомки остаются по сей день; в то время как их доктрины были приняты основной массой берберского населения этого острова^[29], и распространились оттуда прямо через внутреннюю часть Северной Африки до атлантического побережья Марокко, став после 720 года почти национальной религией берберов, поскольку контрастирует с ортодоксальным суннитским мусульманством арабских правителей или династий Омайядов в Испании, или шиитской верой фатимитов Туниса и Египта. Трудолюбивые берберы мзаб на юге центральной части Алжира и племена нефуса в западном Триполи также являются хариджитами и по сей день.

В 669 году арабские вторжения в Северную Африку возобновились. Окба-бин-Нафа захватил Феццан и был назначен Омайядом Халифом губернатором "Ифрикии" (современный Тунис). Византийцы потерпели поражение в нескольких битвах, и Кайруан^[30] был основан как столица мусульман около 673 года. Окба на некоторое время сменил Динар Буль-Мухаджр, который продвинул свои завоевания далеко на запад, до Тлемсана, на границах современного Марокко. Окба возобновил командование в 681 году и продвинулся со своей победоносной армией до страны Сус и побережья Атлантического океана, после чего получил несколько дружеский прием от графа Джулиана в Сеуте^[31] (Разделы).

Но теперь берберы начали оборачиваться против арабских захватчиков, считая их более алчными, чем римляне или греки. Давний союзник, берберский принц Кусейла, объединил свои силы с греческими и римскими поселенцами и нанес такое серьезное поражение Окбе близ Бискры, что впоследствии он смог мирно править Мавританией в течение пяти лет в качестве короля, будучи принятым европейскими поселенцами в качестве правителя. Кусейла, однако, был побежден и убит другими арабскими захватчиками в 688 году, хотя впоследствии победители отступили и потерпели поражение от рук византийцев в Барке. Королева Дахия-аль-Кахина^[32] наследовала своему родственнику Кусейле. Арабский полководец Хасан бен Нуман успешно взял Карфаген (698), но впоследствии потерпел поражение и был изгнан из Туниса королевой Кахиной. К несчастью, эта храбрая женщина приказала произвести ужасное опустошение плодородного района или субпровинции Визацена, чтобы нехватка продовольствия могла удержать арабов от возвращения; и это действие с ее стороны стало началом заметного ухудшения состояния этой великолепной страны, южной половины Туниса. Кахина была окончательно побеждена и убита арабами под командованием Хасана бин Нумана в 705 году. Затем арабские завоевания снова пошли вперед под руководством Мусы бин Нусейра. Было завоевано все Марокко, за исключением Сеуты, где арабы были отброшены графом Джулианом. В какой-то степени

мухаммеданизировалось и Марокко; и, без сомнения, во время всех этих вторжений арабы не испытывали особых трудностей в обращении берберов в ислам, даже несмотря на то, что впоследствии они могли привести их в ярость своими грабежами. До прихода арабов берберы во многих районах имели сильную склонность к иудаизму^[33]. Среди берберских вождей, обращенных в мусульманство в результате вторжения в Марокко, был человек большой храбрости, известный как Тарик, который стал генералом арабской армии. Муса оставил Тарика во главе Танжера, и он вступил в дружеские отношения с графом Джулианом в Сеуте. Граф Юлиан, поссорившись с последним готским королем Испании, убедил Тарика вторгнуться в эту страну. После разведки вблизи современной Тарифы Тарик вторгся в Испанию в Гибралтаре или около него^[34] с 13 000 берберами под командованием 300 арабов, вскоре за ним последовал Муса с подкреплением; и таким образом Испания была завоевана.

Еще несколько лет вся Северная Африка оставалась слабо связанной с халифами Багдада; затем Идрис, потомок Али и, следовательно, Мухаммеда, утвердился в Марокко в качестве независимого султана, впоследствии заявив о своих притязаниях на звание халифа и имама, хотя он и его преемники принадлежали к суннитской, а не шиитской вере. После его смерти ему наследовал его сын Идрис II; и предполагается, что его кровь просочилась через многие поколения окольными путями в нынешнюю правящую семью Марокко. Во всяком случае, примерно до 800 года н.э. Восточной Берберией правил арабский губернатор из Багдада; но вскоре после этой даты Харун-аль-Рашид назначил храброго берберо-арабского солдата Ибрагима бин-Аглаба своим наместником в Ифрике (так арабы называли “Африку”, то есть Тунис). Ибрагим ибн Аглаб основал династию, которая правила Тунисом и Триполи сто десять лет. Одновременно с аглабитскими вице-королями или султанами в римской “Африке” существовало независимое мавританское королевство идриситов со столицей в Фесе (недалеко от римского Волюбилиса); берберское княжество Бени-Мидрар в Сигилмессе в Тафилалте (юго-восточное Марокко); и еще одно княжество Бени Рустама в Тиарете (Западный Алжир). Эти два последних были государствами хариджитов или еретиков.

Испания оставалась с 715 по примерно 760 год уделом аббасидского халифа Багдада. Но в 758 году в южную Испанию прибыл принц-беженец из конкурирующего дома Омара, Абд-ар-Рахман ибн Муавия, который после тридцати лет почти непрерывающейся войны отвоевал всю Испанию у Багдадского халифата и основал самую великолепную из арабских династий в Испании - династию Омайядов, просуществовавшую примерно до 1020 года. Омайядские эмиры или халифы часто вторгались в Марокко и черпали оттуда большое количество негритянских рабов, которые вместе со славянскими пленными, купленными в Германии через евреев, составляли их мощные наемные армии. В качестве мамлюков или солдат-рабов довольно много славян из Германии и Австрии, взятых в плен и проданных мусульманам Испании Карлом Великим и его преемниками, поселились в Северной Африке с 8 по 10 век.

В девятом веке многочисленные арабы-шииты, которые были сторонниками халифата потомков Али и Фатимы (дочери Мухаммеда), обратили в шиитскую веру могущественное берберское племя Кетама (из группы санхага, проживавшей в Восточном Алжире); а эmissар “скрытого” халифа из семьи Алиде - Обейд—Аллах - прибыл в Северную Африку около 890 года и проповедовал шиитскую веру и пришествие мадхи или Божественного посланника. Свергнув с помощью берберов династию аглабитов Кайруана, этот эmissар, которого звали Абу-Абдаллах, послал за Махди, Обейд-Аллахом, потомком Али и Фатимы. Пришел Обейд-Аллах и основал великую династию фатимитов, которая сыграла такую роль в Тунисе, Сицилии и Египте; но достаточно неблагодарно он стал причиной убийства Абу-Абдаллаха и массового уничтожения племени кетама. Затем он перенес свою столицу из Кайруана в

Махдию, или Мехдию, на побережье Туниса, город, который он основал на руинах римского города. Его сын и преемник, который называл себя “Хранителем Божьих повелений” (Аль-Каим би Амр Аллах), ввел практику никогда не появляться на публике без зонтика от солнца, который он держит над головой — королевского зонтика, который до сих пор фигурирует в церемониале марокканского двора. При третьем правителе, Аль-Муиззе, династия фатимитских халифов правила всей Северной Африкой, от Марокко до Египта, а оттуда до Дамаска. Фатимитский генерал, командующий армией в Египте, Джаухар аль-Каид, основал цитадель и город Каир (Аль-Каира) в 969-71 гг.^[35], более или менее на местах предыдущих арабских столиц Аль-Масра, Аль-Аскара и Аль-Катаи; и здесь фатимитский халиф перенес свою столицу и свое присутствие из Кайруана, передав власть над Триполи, Тунисом, Алжиром и Марокко берберским вице-королям.

С VII по середину XI века арабский элемент в Северной Африке был небольшим и представлен в основном несколькими тысячами воинов, государственных деятелей и религиозных учителей, которые удивительным образом, который трудно объяснить, навязали свою религию и, в некоторой степени, свой язык и правила нескольким миллионам берберов, примерно 300 000 христианам римского, греческого и готского происхождения и 100 000 евреям. Но в 11 веке произошли те арабские вторжения в Северную Африку, которые были основным источником арабского элемента в северной части континента, и без которых мусульманство могло бы со временем исчезнуть; и ряд независимых берберских государств снова образовался под властью христиан.

Около 1045 года два арабских племени, Бени-хилал и Бени-Солейм (родом из Центральной Аравии и депортированные оттуда в Верхний Египет), покинули правый берег Нила, чтобы вторгнуться в Берберию. Они доставляли неприятности в Верхнем Египте, и ослабевшие правители этой страны, чтобы избавиться от них, побудили их вторгнуться в северо-западную Африку. Около двухсот или трехсот тысяч человек пересекли пустыню и достигли границ Туниса и Триполи. Они разбили берберов в битве при Хайдеране, а затем поселились в южном Тунисе и западном Триполи. Во время своих набегов они разрушили город Кайруан, который так и не восстановил своего бывшего значения. В конце концов, часть из них была свергнута берберами и оттеснена на запад, в Марокко. Им на смену пришли свежие войска из Египта и Аравии, но многие из этих более поздних захватчиков поселились в Барке и восточном Триполи^[36]. Позже другие арабские племена покинули западное побережье Аравии и поселились на центральном Ниле, избегая Абиссинского нагорья, где их держали в страхе их обращенные в христианство родственники гораздо более ранних иммигрантов; и на Голубом Ниле (Сеннар), где они основали могущественную империю Фундж, которая просуществовала с 14 по начало 19 века. С верховьев Нила они руководили многочисленными и неоднократными вторжениями в Центральную и Западную Африку. По сей день племена более или менее чистого арабского происхождения встречаются в районах вокруг озера Чад, в Дарфуре, Вадаи и в западной Сахаре к северу от рек Сенегал и Нигер.

В 11 веке началось настоящее возрождение Римской империи после натиска Аравии и предшествующих тевтонских вторжений. Норманны отвоевали у берберов Сицилию и Мальту; еще раньше пизанцы изгнали берберов с Сардинии и разгромили их на Майорке. Города Италии, образовавшие республики, были соблазнены своей расширяющейся торговлей вмешаться в дела Северной Африки. Венецианцы, несмотря на безрассудные крестовые походы и ущерб, который они нанесли, возродив мусульманский фанатизм, начали налаживать торговые отношения с Египтом, которые на четыре с половиной столетия обеспечили им монополию на торговлю с Левантом и Индией. Норманны, после основания

Неаполитанского королевства и Сицилии, начали серию смелых нападений на побережья Алжира, Туниса и Триполи, которые, однако, не привели к оккупации, длившейся более сорока лет (примерно с 1123 по 1163 год). Уроженцы Пизы и генуэзцы в 11 и 12 веках провели серию таких жестоких репрессий против мавританских пиратов, что они внушили некоторое уважение к Италии в умах тунисцев и алжирцев. Впоследствии они смогли наладить торговые отношения, особенно с северным побережьем Туниса; и они, к выгоде как Италии, так и Берберии, продолжались с небольшими перерывами до 16 века.

В 11 веке произошло еще одно великое берберское движение — возвышение "альморавидов". Название этой секты мусульманских реформаторов является испанским искажением *Аль-Мурабитин*, которое является множественным числом от *Марабут*; а *Марабут* происходит от названия *Рибат* (монастырь или школа), что означает "люди, живущие в Рибате", хотя с тех пор это слово стало обозначать в Северной Африке и в других местах мусульманского святого. Альморавиды были обязаны своим происхождением одному из ранних африканских махди, или мессий, история о котором впоследствии повторялась с таким раболепным подражанием деталям, что можно только представить, что масса африканских мусульман была лишена каких-либо философских размышлений об истории или какого-либо чувства юмора; поскольку Махди за Махди восходит как святой-аскет и умирает распущенным монархом, власть которого переходит в руки лейтенанта, первого в линии медленно распадающейся династии. Далеко за пустыней Сахара, недалеко от верховьев Нигера, жило племя берберов таварек, известное как ламта или лемтуна, которые в 10 веке были обращены в мусульманство. Вождь этого племени, возвращаясь из паломничества в Мекку, встретил бербера из Южного Марокко, известного как Ибн Ясин, который во время своего паломничества в Мекку приобрел большую репутацию сурового святоши. Вождь племени лемтуна пригласил Ибн Яшина к своему двору; и последний, прибыв в страны Нигера, обосновался на острове под названием Рибат в верховьях Нигера, где собрал вокруг себя приверженцев и провозгласил свои пуританские реформы. Постепенно влияние Ибн Яшина распространилось на все племя ламта, или лемтуна, и он подтолкнул этих берберов к обращению Сенегамбии. Главным образом благодаря его влиянию берберы своими завоеваниями проникли в Сенегамбию и Нигерию. Затем он повел их (около 1050 года) на северо-запад через пустыню Сахара; и они завоевали Марокко, а оттуда вторглись в мусульманскую Испанию. К этому времени Ибн Ясин, учитель, был мертв, но воинственный вождь племени ламта — Юсуф бин Ташфин - стал сувереном Марокко и Испании и принял титул Амир аль-Муменин^[37].

Сто лет спустя возник другой берберский махди в лице Ибн Тумерта, которым "управлял" Абд-аль-Мумин из Тлемсана (Западный Алжир), и чьей боевой силой было великое берберское племя Масмуда с Высоких Атласских гор. Программа была той же — начать с пуританской реформы, которая затем быстро выродилась в простую жажду завоеваний. Эта небольшая секта, известная нам как "Альмохады" (от Аль-Муаḥадим или Муаḥидун, что означает "(Ученики) Единства Бога"^[38]) атаковала разлагающуюся власть Альморавидов. Ибн Тумэрт — точная копия всех махди - погиб в начале борьбы, но его сменил на посту "халифа" его воинственный лейтенант Абд-аль-Мумин, который продолжал свои завоевания, пока не подчинил своей власти всю Северную Африку и мусульманскую Испанию и не основал величайшую берберскую империю, которая когда-либо существовала. Однако одновременно с его правлением династии берберских султанов Зири и Хамади продолжали существовать в Тунисе и восточном Алжире. После столетнего правления империя Альмохадов распалась, и ей наследовали независимые берберские правители в Тунисе и Триполи (хафсиды), в Алжире (Абд-аль-вадитские или зейанитские короли Тлемсана) и в Марокко (мариниды или Бени-Марин). Примечательной среди них была династия Хафсов,

которая правила Тунисом и частью Триполи в течение 300 лет и оказалась самой благотворительной из всех мусульманских правителей Северной Африки. Абу Мухаммад Хафси был берберским губернатором Туниса при одном из последних императоров Альмохадов и в конце концов стал независимым сувереном Туниса. Правители Альмохады ближе к концу 12 века перевезли большую часть беспокойных арабов южного и центрального Туниса в Марокко, где арабы впервые начали составлять заметную часть населения. Примерно в это же время курдские и турецкие наемники начали находить работу в Тунисе и в Триполи под руководством вождей, восставших против империи Альмохадов. В период между 1250 и 1500 годами мавританская цивилизация, искусство, архитектура, литература и промышленность достигли своего наивысшего развития, особенно в Кайруане, Тлемсане и Фесе (Фес).

В 1270 году этот поистине добрый, но взбалмошный монарх, Святой Людовик Французский, отклонил крестовый поход, направленный в Левант, в Тунис, поскольку мусульманская страна была гораздо ближе и доступнее. Более того, его брат, Карл Анжуйский, претендовал на суверенитет Сицилии и Неаполя и считал, что владение Тунисом лучше укрепит его шаткое королевство. Людовик IX высадился в Карфагене, но из-за ухудшающегося здоровья за его внушительным вторжением последовало военное бездействие. Он умер в Карфагене, и впоследствии состоялась капитуляция, по которой крестоносцы ушли из Туниса. После своего ухода мусульмане полностью разрушили все, что осталось от римского Карфагена, поскольку эти здания служили захватчикам защитой крепостей. До этого времени в Тунисе сохранялась значительная часть римской цивилизации, но теперь страна становилась все более и более арабизированной. Христианские епископы, вероятно, прекратили свое существование в 13 веке, но христиане не подвергались преследованиям еще двести или триста лет, пока нападения испанцев и вмешательство турок не подняли мусульманский фанатизм до высокой степени, которая только начинает ослабевать с началом 20 века и распространением образования.

В 13 веке короли Испании и Португалии сократили территорию мусульманского правления на Пиренейском полуострове до королевства Гранада на юго-востоке Испании; а в начале 15 века королевство Португалия почувствовало себя достаточно сильным, чтобы перенести войну на территорию страны противника. В 1415 году португальская армия, к которой был прикомандирован принц Генрих, впоследствии известный как Мореплаватель, захватила мавританскую цитадель Сеута на марокканском побережье; и с этого эпизода начались великолепные португальские открытия, инициированные принцем Генрихом, которые будут описаны в следующей главе. Впоследствии португальцы приобрели Танжер, Тетуан и большинство портов вдоль атлантического побережья Марокко. Кастилия-Арагон, вспыхнувший чуть позже, когда ее монархи завоевали последнее мавританское королевство на испанской земле (Гранаду), захватил Мелилью в 1490 году и, под тем или иным предлогом, порт за портом вдоль берегов Алжира и Туниса, пока к 1540 году испанская империя не установила гарнизоны в Ороне, Бугии, Боне, Хунейне и Голетте^[39]. Они также побудили мальтийских рыцарей — результат крестовых походов — на некоторое время удержать город Триполи в Берберии и тунисский остров Джерба. Португальские короли к середине 16 века были практически сюзеренами Марокко. Предпоследний правитель блистательного дома Авис — молодой дом Себастьян - решил в 1578 году, вскоре после своего восшествия на трон Португалии в возрасте 23 лет, основательно завоевать Марокко. Он высадился со 100 000 человек в Ачиле^[40], затем двинулся вглубь страны и занял позицию за Вад-аль-Махазеном на роковом поле Каср-аль-Кабир. Но он был наголову разбит маврами под командованием Мулая Абд-аль-Малека (который погиб во время битвы) и Абу-л Аббаса Ахмада аль-Мансура. Последний стал султаном всего Марокко после поражения и смерти несчастного дома Себастьяна. Аль-Мансур принадлежал к семье саади Шарифов^[41] (дворяне — потомки

Фатимы и Али и, следовательно, Мухаммеда) из верхней долины реки Драа на юге Марокко. Его предок, Мухаммад аль-Махди, сверг маринидского султана и основал вторую шарифийскую (арабскую) или саадийскую династию. Тем не менее, португальцы сохранили большинство своих укрепленных портов на атлантическом побережье Марокко, а также Сеуту. В течение 60 лет бездействия португальской монархии (1580-1640) эти места номинально стали испанскими, но вернулись в Португалию с восстановлением Дома Браганса, хотя Сеута и Мелилья впоследствии были переданы Испании, а Танжер - Англии. Так закончилось то, что вполне могло бы быть, если бы не битва при Каср-аль-Кабире, Португальской империи Марокко.

В конце 12 века другие шарифы Янбу, прибрежного порта священного города Медины в Аравии, следуя за возвращающимися мавританскими паломниками, обосновались в Сиджилмассе в Тафилалте, или Филале, стране на юге Марокко. Один из них, Хасан бин Кассим, значительно набравший силу, стал в 15 веке основателем нынешней династии шарифиев Марокко; хотя прошло несколько столетий, прежде чем этим вождям филали удалось стать верховными правителями как Феса, так и Марракеша. Султаны Филали не вытесняли саадийских шарифов до 1658 года.

Но во время правления шестого саадского монарха — Аль-Мансура, также прозванного “Золотым”, — Марокко достигло вершины своего могущества и приобрело обширные нигерийские владения. В конце 15 века в верховьях Нигера и в западном Судане возникла негритянская династия мухаммедов. Один из этих негритянских королей, совершивший паломничество в Мекку, получил от потомка аббасидских халифов, проживавшего в Каире, титул “Наместника принца верующих в Судане”. Он сделал Тимбукту^[42] своей столицей, и он стал местом великого обучения и процветающей торговли. Его внук, Исхак бин Сохья^[43], разбогател и стал могущественным, чем привлек алчность саадского шарифийского халифа Марокко (Абуль Аббаса аль-Мансура, который отличился, уничтожив португальцев под командованием Дома Себастьяна в битве при Каср-аль-Кабире), и недавно распространил свое правление на Сахару. в оазис Пизды^[44]. Мавританский император попытался затеять ссору, оспорив право этого негритянского короля на титул наместника халифов в Судане, потребовал его вассалитета и налога на сахарские соляные копи по пути в Тимбукту. Исхак бен Сохья отказался, после чего мавританская армия под командованием Джудер Баши была отправлена Абу-ль Аббасом аль-Мансуром в 1590 году для завоевания Судана. Эта армия пересекла Сахару, разбила Исхака бен Сохью и захватила Тимбукту, но сняла осаду с Гаху или Гао, расположенного ниже по течению Нигера, куда бежал Исхак. Более энергичный полководец, Махмуд Баша, завершил мавританское завоевание Судана, завоевание, которое распространилось по своим последствиям на Борну, с одной стороны, и на Сенегамбию, с другой, и сошло на нет только в 18 веке, главным образом из-за восстания фула и нападений таварека. Постепенно все Марокко перешло под власть шарифов; вся европейская власть над страной была ликвидирована; и кульминацией славы стало правление филалийского императора Мулая Исмаила, “Кровожадного”, который правил 57 лет и, как говорят, оставил живых детей в количестве 548 мальчиков и 340 девочек. Мулай Исмаил умер в 1727 году. Он достиг верховной власти и поддерживал ее, введя полки хорошо обученных суданских негров; но “нигрификация” Марокко - ввоз в больших масштабах негритянских рабов и солдат — началась гораздо раньше, при завоевании Северной Африки берберами ламтуна из северного Нигера, “альморавидами”. Но цивилизация и завоевательная мощь Марокко были в значительной степени обусловлены элементом “рума” или “руми”, испанскими маврами, эмигрировавшими из Испании и принесшими в Северо-Западную Африку мощный элемент “Белого человека”— поскольку они часто были потомками римско-иберийского народа Готской Испании. Они были

замечательны своим знанием огнестрельного оружия и мастерством ремесленников; и их потомки повсюду составляют “аристократию” мусульманской Северной Африки.

Марокко могло бы завоевать всю Северную Африку и править ею в 16 веке, если бы не приход турок. Турки, сменившие арабов Месопотамии, Сирии и Малой Азии на посту мусульманских правителей, захватили Константинополь в 1453 году, захватили Египет в 1517 году и становились опорой мусульманской державы. Когда алжирцы и туниисцы обратились к турецким пиратам за помощью против нападений испанцев-христиан в 16 веке, султан Константинополя воспользовался их вмешательством, чтобы установить через турецких корсаров турецкое регентство в Алжире (1519), Тунисе (1573) и Триполи (1551)^[45]. Марокко, однако, всегда оставалось независимым; и действительно, после прекращения линии аббасидских багдадских халифов в Каире в 1538 году, великий шарикийский правитель Аль-Мансур после своей победы над португальцами объявил себя халифом мусульманского мира по праву своего происхождения от Фатимы и Али и отказался признать притязания османского императора Константинополя на передачу халифата Мотавакку, последнему из Аббасидов, в 1517 году. Тем не менее, хотя Марокко оставалось великой независимой мусульманской державой, ее принцы позаимствовали многие обычаи у Турции, такие как турецкий стиль одежды, турецкий метод организации войск в бою и титул паши (баша).

За исключением Марокко, турецкий контроль заменил арабское влияние в северной Африке и постепенно распространился далеко на старое Гарамантанское королевство Феццан и через Ливийскую пустыню до Красного моря. Но независимо от того, правили ли в берберской Северной Африке турок, черкес, грек, албанец, славянин или арабизированный негр, влияние мухаммеда и арабская культура продолжали распространяться по всей северной половине Африки. Сомалиленд, Сеннар, Нубия, Кордофан, Дарфур, Вадаи, Борну, Хауса-ленд и Сахара, большая часть Сенегамбии и большая часть страны в излучине Нигера и вдоль берегов верхней Вольты были обращены в мусульманство и познакомились с арабским языком как религиозным языком и с некоторой степенью арабской цивилизации.

Египет после арабского вторжения в 640-2 годах управлялся от дельты Нила до Первого порога арабскими губернаторами, назначенными халифом Багдада. Христиане-копты и греки не подвергались существенному вмешательству при условии, что они регулярно платили налоги. В 706 году арабский окончательно вытеснил греческий в качестве официального языка страны и впоследствии никогда не терял своего влияния в Египте. Коптский (выродившаяся форма древнеегипетского) постепенно опустился до положения ритуального языка, связанного только с религиозными упражнениями и литературой; а арабский с 8 века был универсальным языком всего Египта, за исключением оазиса Сива, где до сих пор говорят на берберском диалекте, и среди племен, населяющих земли между порогами Нила и Красным морем, которые сохраняют свои хамитские (галоподобные) языки. Значительная часть арабской колонизации Верхнего и Нижнего Египта, а также Нубии и Донголы произошла между 8 и 12 веками. В 828-32 годах серьезное восстание коптов и недовольных арабов было подавлено только багдадским халифом, который ввел армию из 2000 турок; и с этого времени турки имели много общего с Египтом, как и с Сирией и Месопотамией, потому что арабы теряли свою энергию и боеспособность. После 856 года большинство чиновников в Египте были турками; а в 875 году турецкий губернатор Ахмад ибн Тулун превратил свое губернаторство в наследственный суверенитет. Династия султанов Тулунидов правила Египтом до 905 года, когда было возобновлено прямое правление Багдадских халифов. Затем, в 935 году, снова был назначен турецкий губернатор для управления Египтом от имени халифа, которому был дарован царский титул Икшид. Икшиды правили до 969 года, когда их сменил уже упоминавшийся фатимитский халиф Муизз-ли-дин-

Аллах, который покинул Тунис в 973 году, чтобы поселиться сначала в Александрии, а затем в недавно основанном Каире.

Эта революция действительно была совершена еврейским чиновником Якубом бен Киллисом и славянским или греческим генералом Джаухаром, оба принявшими ислам. Фатимитские халифы Египта на короткое время превратились в величайшую силу ислама, их империя простиралась от Танжера до Алеппо и почти всегда включала Сирию. Но вскоре халифы превратились в марионеточных государей, правление которых осуществлялось от их имени еврейскими, сирийскими, негритянскими, турецкими или курдскими министрами. Между 1163 и 1170 годами французские и немецкие крестоносцы вторглись в Египет и на короткое время разместили гарнизон в Каире. Они были изгнаны курдским префектом Александрии Салах-ад-дином Юсафом бен Аюб (“Иосиф, сын Иова” — знаменитый “Саладин”), который, наконец, опроверг выдумки этих шиитских халифов, восстановил суннитскую форму мусульманства и провозгласил аббасидских халифов Багдада духовными лидерами. С тех пор Египет остается суннитским. Однако Саладин провозгласил себя “Маликом”, или королем Египта и Сирии. Его потомки правили Египтом, Западной Аравией и теми частями Палестины, которые не были заняты крестоносцами до 1260 года, когда династию айюбитов сменила династия турецкого раба Бибарса. Египетские цари-айюбиты закупили большое количество мальчиков-рабов (*мамлюков*) и обучали их как солдат. Это были европейские славяне, греки и итальянцы, азиатские турки, черкесы, курды и монголы. Эти династии султанов-рабов признавали и держали в своей среде марионеточного халифа Аббасидов, который после захвата Багдада монголами в 1260 году проживал в Каире. Короли мамлюков правили Египтом до 1517 года, когда эта земля была завоевана турками-османами, и последний из халифов Аббасидов был вынужден передать Мусульманский халифат (по большей части незаконно) османскому императору Рума (Рим, то есть Константинополь). Но мамлюки, или солдаты-рабы, происходящие от вышеупомянутых рас, продолжали существовать и в некоторой степени управлять Египтом даже при турецких губернаторах до вторжения французов в 1798 году; они снова возродились после того, как французы покинули Египет (1801), пока последний из них не был убит турецким (македонско-албанским) майором артиллерии Мухаммедом Али, который стал почти независимым пашой Египта и основал нынешнюю династию Хедивов.

В течение всего этого периода в тысячу двести двадцать лет (скажем, между 690 и 1910 годами), когда Северная Африка находилась под контролем Ислама, огромное количество азиатов и европейцев колонизировали Египет и Мавританию — арабы, евреи, сирийцы; турки, курды и некоторые персы; греки, славяне (проданные немцами-завоевателями еврейским торговцам, которые перепродали этих поляков, чехов, венедов, хорватов и сербов испанским арабам, берберам, египтянам и туркам); итальянцы, испанцы, немцы; французы; и даже английский и ирландский. Поражает также власть евреев над мусульманским миром Северной Африки, которая не была вытеснена до современного христианского европейского завоевания Северной Африки.

Арабы полностью вытеснили хамитские племена на берегах пустынного Нила в Нубии, Донголе и Сеннаре после 11-12 веков, а в стране с последним названием, Сеннаре, основали династию королей Фундж, которая сильно повлияла на Северо-Восточную Африку с 13 по 18 века. В 12 веке Сомалиленд был обращен в ислам, и с этого периода он был заселен арабами. С середины VIII века доисламские поселения южных арабов вдоль восточного побережья Африки были возрождены новыми бандами воинствующих торговцев и миссионеров ислама. Арабы снова обосновались в Софале, в Сене и Келимане на нижней Замбези, в Мокамбике, Килве, Занзибаре, Момбасе и в различных портах на побережье

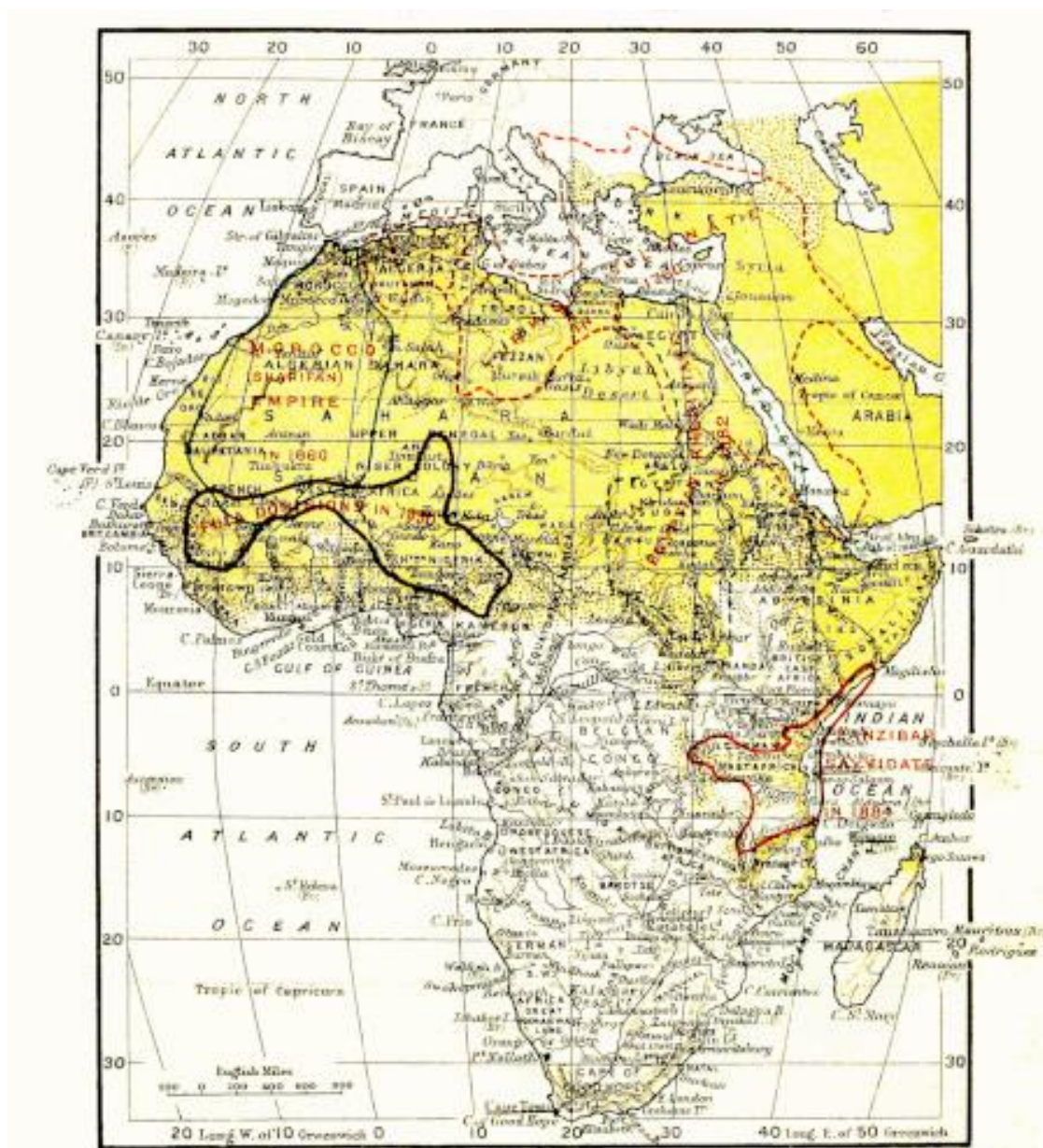
Сомали. В 10 веке к ним присоединилась колония мусульманских персов в Ламу; и персидское, а также мусульманско-индийское влияние стало очень заметным в архитектуре Восточного побережья Африки. Могущественный султанат Килва был основан в 10 веке и в течение некоторого времени оказывал доминирующее влияние на все другие арабские поселения на восточном побережье Африки. Арабы, как уже говорилось, открыли остров Мадагаскар, который они впервые сделали достоянием истории. Во времена ислама они снова поселились в качестве торговцев на его северном и северо-западном побережьях, в то время как прилегающие Коморские острова или острова “Полной Луны” (Komr) превратились в маленькие арабские султанаты, практически находящиеся в руках арабизированных негров. До прихода португальцев в 16 веке эти арабские восточноафриканские государства были слабо колонизированы химьяритскими или южноаравийскими арабами из Хадрамаута, Ямана и Адена. Но развитие силы и предприимчивости среди арабов Маската, которое привело к тому, что они изгнали португальцев из Персидского залива и впоследствии напали на них на восточном побережье Африки, привело к тому, что маскат^[46] Араб стал доминирующим типом. Арабы-маскаты основали современный Занзибарский султанат, который довольно поздно в 19 веке был отделен вмешательством британского правительства от материнского государства Оман.

В результате мусульманского вторжения в Африку из Аравии, завершившегося только в конце 19—го века, можно констатировать, что арабизированные берберы правили в Северной и Северо—Западной Африке; арабизированные турки правили в Северной и Северо-Восточной Африке; Арабизированные негры правили в Нигере и Центральном Судане; арабы правили более непосредственно на Ниле и на нубийском побережье; а арабы южной Аравии и Омана правили побережьем Восточной Африки и, в конечном итоге, перенесли свое влияние и, в некоторой степени, свое господство вглубь страны до Великого Озера Центральной Африки и даже в Верховьях Конго.

Мусульманская колонизация Африки была первым событием, которое привлекло внимание мировой цивилизации и истории к этой части континента за пределами Сахары и Верхнего Египта. Арабы привезли из Сирии и Месопотамии архитектуру — “сарацинскую”, — которая была ответвлением византийской^[47], с примесью персидского или индийского влияния. Эта архитектура получила в руках берберов и египтян необычайно красивое развитие, которое проникло на север в Испанию и Сицилию и в измененном виде в Италию, а на юг достигло Нижнего течения Нигера, Верхнего течения Нила, окрестностей Замбези и северного побережья Мадагаскара. Они дали всей северной трети Африки *общий* арабский язык, и помимо распространения определенных идей греческой медицины и философии, они преподавали Коран, который ввел все берберское и негритянское население в тот круг цивилизованных наций, которые основали так много своих надежд, философии и культуры на семитских Писаниях. Арабы, особенно из Ямана и Омана, были средством, более или менее прямым (особенно через их морскую торговлю с Индией), увеличения запасов продовольствия и транспортных средств для негров и негроидов, а также доставки в Европу нескольких полезных африканских продуктов, таких как кофе. Они во многом способствовали завозу индийского буйвола в Египет, а верблюда - в Сахару и ливийские пустыни, Нигерию и Сомалиленд. Точно так же они расширили ареал домашних лошадей и ослов, коз, овец и домашней птицы в негритянской Африке. Они, безусловно, ввели лайм и апельсин, сахарный тростник и, возможно, банан; хотя последний, возможно, относится к доисламским временам, как пшеница и рис.

МУСУЛЬМАНСКАЯ АФРИКА

Табличка II.

Сэр Х.Х. Джонстон дель^Т. W.&A.K. Johnston Limited. Эдинбург и Лондон

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

 Указывает приблизительную территорию, на которой ислам является доминирующей религией в настоящее время

(Примечание— нынешняя территория больше, чем когда-либо была в прошлом)

Цветные пунктиры иллюстрируют отдельные установления мусульманства

Границы наиболее важных мусульманских империй в период их наибольшей протяженности показаны цветными линиями

Благодаря своим контактам с европейцами арабы и арабизированные берберы впервые набросали с некоторой приблизительностью к точности географию Внутренней Африки, а также африканских побережий и островов. Прямым и непосредственным результатом этого мусульманского завоевания Африки стало привлечение на этот континент португальцев, которые сами, но недавно освободились от правления мухаммеда и все еще сохранили

некоторое знание арабского языка, языка, который уже использовался в африканской и восточной торговле от Танжера и Сенегала до Тернате и островов пряностей у берегов Новой Гвинеи. Благодаря этому близкому знакомству с мусульманами и их *общему* языку португальцам предстояло теперь значительно продвинуть колонизацию Африки европеоидами.

ГЛАВА IV

ПОРТУГАЛЬЦЫ В АФРИКЕ

Прародиной Португалии была Галисия, северо-западная провинция нынешнего Королевства Испания. Во всяком случае, именно здесь португальский язык развился из диалекта провинциальной латыни, и, следовательно, начались первые экспедиции по изгнанию мавров с этой территории, которая впоследствии стала Королевством Португалия. Значительную часть населения Галисии и северных районов Португалии составляли готы. Свевы поселились здесь в значительном количестве, и их потомки в наши дни отличаются прекрасными высокими фигурами, льняными или рыжими волосами и голубыми глазами, столь характерными для северных тевтонов. Центральная Португалия в основном состоит из латинизированного иберийского происхождения, в то время как южная Португалия по сей день сохраняет значительную долю мавританской крови. Северная часть Португалии была впервые отвоевана у мавров в 11 веке благодаря храбрости Альфонсо V, Фердинанда I и Альфонсо VI, королей Леона. Альфонсо VI передал его (как подчиненное графство) во владение Генриха Безансонского или Бургундского, французского принца из дома Капетингов, который женился на внебрачной дочери Альфонсо VI и расширил завоеванную территорию почти до берегов Тежу. Маврам он стал известен как Эррик, а его сын-воин Альфонсо I был назван в мавританской истории “ибн Эррик”, “сын Генриха”. Альфонсо I стал первым королем Португалии в 1143 году, хотя сомнительно, был ли королевский титул принят или признан до правления праправнука Хенрика Альфонсо III, которым в 1250 году была завоевана самая южная провинция Алгарве^[48]. К середине 13 века мавры перестали править римской Лузитанией. Лиссабон, столица, был отвоеван у мусульман в 1147 году благодаря сотрудничеству крестоносных войск англичан, голландцев и немцев, которые добровольно предоставили свои корабли и воинов. Большинство этих саксонских крестоносцев поселились в Португалии, которая в тот период даже импортировала англосаксонских или английских архитекторов и мастеров; и немало более поздних *конкистадоров* и отважных морских капитанов Лузитанского королевства могли проследить свое происхождение от тевтонских авантюристов 12 века.

Со временем португальцы, не удовлетворившись освобождением западной части полуострова от мавританских захватчиков, попытались перенести войну на территорию вражеской страны, побуждаемые к этому раздражающими нападениями мавританских пиратов. В 1415 году, как уже упоминалось, португальская армия высадилась на побережье Марокко и захватила цитадель Сеуты, римскую Септу. Один за другим португальцы захватывали прибрежные города северо-запада Марокко, пока во второй половине 16 века король Португалии не получил почти полное право на те притязания на Марокканскую империю, которые утверждались вплоть до 1910 года в официальном установлении его сана.

Большинство этих постов были заброшены либо за несколько лет до, либо сразу после поражения молодого короля “Себастьяна Десехаду” — Себастьяна желанного, который в возрасте всего 23 лет был побежден и убит основателем династии шарифиан Марокко на роковом поле Аль—Каср-аль-Кабир в 1578 году^[49]. Сеута была захвачена Испанией в 1580 году — в ней находился гарнизон, то есть испанские солдаты^[50]; два или три других марокканских города, которые остались в руках Португалии после битвы при Каср-аль-Кабире, будучи гарнизонами португальских солдат, вернулись к отделенной короне Португалии в 1640 году. Из них Танжер был передан Англии в 1662 году, Саффи был отдан маврам в 1641 году, другие пункты были захвачены маврами в 1689 году, а Мазаган был окончательно потерян в 1770 году.

Второго сына короля Дома Жуана I (который правил с 1385 по 1433 год) и Филиппы, дочери англичанина Джона Гонта, звали Генри (Энрике), и впоследствии он был известен во все времена как “Генрих Мореплаватель” из-за интереса, который он проявлял к морским исследованиям. Он присутствовал при осаде Сеуты в 1415 году, а после ее взятия, как говорили, с большим интересом расспрашивал о состоянии Марокко и неизвестных внутренних районов Африки, а также получал известия от мавров Тимбукту.

По возвращении в Португалию он обосновался на скалистом мысу Сагреш и посвятил себя содействию исследованию берегов Африки. Под его руководством отправлялись экспедиция за экспедицией. Первый мыс Бохадор к югу от побережья Марокко был удвоен Гилем Эннесом в 1434 году^[51]. В 1441-1421 годах Антонио Гонсалвес и Нуно Тристам миновали мыс Бланко на побережье Сахары, а на обратном пути заехали в Рио д'Оур, или Реку золота^[52], откуда они привезли немного золотого песка и десять рабов. Эти рабы были отправлены принцем Генрихом папе Мартину V, и последний предоставил Португалии право владения и суверенитета над всеми странами, которые могли быть открыты между мысом Бланко и Индией. В 1445 году португалец по имени Жуан Фернандес совершил первое наземное исследование, начав в одиночку от устья Рио-д'Оуру и путешествуя в течение семи месяцев по внутренним районам страны. В следующем году была достигнута река Сенегал, и Кабо-Верде было удвоено Динисом Диасом; а в 1448 году побережье было исследовано вплоть до реки Гамбия. В 1455-6 годах Ка'да Мосто (венецианец на португальской службе) и Усо ди Маре (генуэзец) открыли острова Зеленого Мыса и посетили реки Сенегал и Гамбию, привезя много информации о Тимбукту, торговле золотом и слоновой костью с побережьем и сухопутных торговых путях из Нигера в Средиземное море. Португальцы утверждают, что несколько лет спустя два португальских посланника действительно достигли Тимбукту; но истинность этого утверждения несколько проблематична, поскольку, если бы они это сделали, они, вероятно, в некоторой степени развеяли бы чрезмерные преувеличения относительно богатства и важности столицы Сонгаи. В 1460 году Диего Гомес достиг реки и горного полуострова Сьерра-Леоне; последний был назван так из-за непрекращающегося грохота гроз, заставлявшего горный хребет рычать, как лев. В 1462 году, через два года после смерти принца Генриха, Педро де Синтра исследовал побережье вплоть до мыса Пальмас в современной Либерии. К 1471 году было обследовано все побережье Гвинеи до Золотого берега и далее, мимо дельты Нигера, до Камеруна и так далеко на юг, как Огове.

В 1448 году по указанию принца Генриха в заливе Аргуин, к югу от мыса Бланко, был построен форт; а несколько лет спустя была создана португальская компания для ведения торговли рабами и золотом с гвинейским побережьем. Первая экспедиция, отправленная этой компанией, привела к отправке 200 негритянских рабов в Португалию, и с тех пор работорговля росла и процветала. Поначалу это не принесло особых страданий рабам, которые променяли затравленное существование среди диких племен Африки на

относительно доброе обращение и комфортную жизнь в прекрасной Португалии, где их очень любили в качестве домашней прислуги. В 1481 году португальцы, которые в течение нескольких лет изучали Золотой берег, решили построить там форт для защиты своей торговли. В 1482 году строительство форта было завершено, и португальский флаг был поднят в знак суверенитета. Это укрепленное место, более ста лет находившееся во владении португальцев, называлось Сао Хорхе да Мина^[53]. В том же году, в котором был основан этот первый португальский пост на Золотом побережье^[54] исследование африканского побережья было продолжено за устьем Огове Диого Камом, который открыл устье Конго в 1482 году и проплыл вверх по этой реке примерно до Бома. В 1485 году Диого Кам вернулся с более сильной экспедицией, которая поплыла вверх по Конго к устью реки Мпозо, чуть ниже водопада Йеллала^[55]. Открытия Диого Кама были продолжены Бартоломеу Диасом де Новаесом, который, проходя вдоль юго-западного побережья Африки, обогнул мыс Доброй Надежды в штормовую погоду, сам того не подозревая, и 3 февраля 1488 года коснулся суши в заливе Моссел, затем снова в заливе Алгоа, на мысе Падроне и в устье реки Грейт Фиш. Здесь робкие офицеры и команда настояли на возвращении на запад. По пути домой Диас увидел и назвал мыс Агульяс, а также “Кабо Торментосо”, конечную точку Южной Африки, которая впоследствии была названа Диасом или его монархом, королем Жуаном II, “мысом Доброй Надежды”.

На данном этапе в связи с основанием португальского владычества и влиянием на Африку необходимо упомянуть о той роли, которую в 15 веке сыграли евреи, поселившиеся в Португалии. Как бы плохо ни обращались португальские христиане с евреями, их существование в этом западном королевстве не было невыносимым по сравнению со свирепой жестокостью испанцев; следовательно, в течение 15 века еврейские колонии в португальских городах значительно увеличились, и евреи даже заняли высокое положение в государстве. Взамен они установили печатные станки, продвинулись в образовании и распространили знания географии, астрономии, математики, классической истории и медицины, которые были непосредственно полезны новой школе португальских моряков-исследователей, которые в основном получили свои навигационные инструменты от евреев. Короче говоря, евреи многое сделали для создания Португальской империи за морями; но впоследствии с ними обошлись с величайшей неблагодарностью и изгнали из Португалии в начале 16 века, тысячи из них были депортированы в Сао-Томе в Гвинейском заливе, где они умерли от малярийной лихорадки.

До того, как Диас обогнул мыс Доброй Надежды, король Португалии был убежден в возможности кругосветного плавания Африки из Атлантического в Индийский океан. Через предприимчивых португальских евреев (Авраама из Бежи и Джозефа из Ламего), которые путешествовали по суше через Египет и Сирию к Персидскому заливу, он услышал, что это возможно^[56], и решил отправить двух португальских офицеров, Перо де Ковильхама и Альфонсо де Пайву, отправиться в Индию через Красное море и разузнать все, что они могли о христианском короле. Эфиопии и арабских поселений на восточном побережье Африки, и может ли король Португалии искать союзников или дружественных нейтралов в этом направлении. Соответственно, в 1487 году де Ковилхэм и Пайва достигли Египта; и первый отправился по Красному морю в Индию, в то время как второй направился в Абиссинию, но был убит по пути, близ Суакина. Перо де Ковильхам на обратном пути из Южной Индии посетил северное побережье Мадагаскара и поселение Софала, недалеко от современной Бейры (юго-восточная Африка). Оттуда он двинулся на север, заходя во все арабские порты Восточной Африки, пока снова не вошел в Красное море. Вернувшись в Каир, он узнал, что его товарищ Пайва был убит, но он встретил двух евреев, Авраама и Иосифа. С помощью последнего он отправил ответное сообщение о своих открытиях королю Иоанну II, а затем,

отправившись с Авраамом из Беджи, посетил Мекку и Медину и, наконец, высадился в Зейле (Северный Сомалиленд) и отправился в Абиссинию. Информация, присланная де Ковильямом, привела к отправке экспедиции под командованием Васко да Гамы, которая должна была обогнуть мыс Доброй Надежды в арабские колонии, а оттуда в Индию. Васко да Гама отправился в путь в 1497 году и совершил свое знаменитое путешествие вокруг мыса (по пути заехав в и назвав Натал) в Софалу, где он подобрал арабского лоцмана, который доставил его в Малинди, а оттуда в Индию. На обратном пути Васко да Гама ознакомился с островом Мозамбик и посетил реку Келимане недалеко от устья Замбези. В течение нескольких лет после открытий Васко да Гамы в Индию отправились многочисленные хорошо оснащенные экспедиции. В то время как Индия была главной целью в глазах их командиров, значительное внимание уделялось основанию фортов вдоль восточного побережья Африки, как для защиты капского пути в Индию, так и для дальнейшего развития португальской торговли с внутренними районами Африки. Почти в каждом случае португальцы просто вытесняли арабов—мусульман, которые - возможно, сменив финикийцев или сабеев — обосновались в Софале, Келимане, Сене (на Замбези), Мокамбике, Килве, Занзибаре, Момбасе, Малинди, Ламу и Магдишу. Софала была взята Педро де Анхайей в 1505 году. Тристан д'Акунья поднял португальский флаг на острове Сокотра и в Ламу в 1507 году, в этом же году Дуарте де Меллу захватил и укрепил Мокамбику. Килва и окружающие ее арабские поселения были захвачены между 1506 и 1508 годами; а немного позже португальцы захватили остальные, уже упомянутые места на восточном побережье Африки, у которых также были Аден на южном побережье Аравии, остров Ормуз в Персидском заливе и различные места на побережье Омана, включая Маскат. Тем временем в течение тридцати лет Перо де Ковильям оставался пленником при дворе императора Абиссинии, хотя с ним обращались с величайшим почетом.

Еще до этого периода мировой истории и со времен более ранних крестовых походов возникла легенда о существовании пресвитера Иоганн — некий христианский монарх по имени Иоанн, правивший в сердце Азии или Африки, светлое пятно посреди язычества и ислама. Двор пресвитера Иоанна находился где-то между Сенегамбией и Китаем; но легенда, вероятно, берет свое начало в продолжающемся существовании греческого христианства в Донголе и Абиссинии. Перо де Ковильям наконец нашел Абиссинию, а абиссинский посланник отправился в Лиссабон в 1507 году, чтобы предложить союз, португальское посольство обогнуло мыс Доброй Надежды в Красном море и высадилось (по-видимому, в Масаве) в 1520 году. С этим посольством были два священника, один из которых (Альварес) тридцать лет спустя написал интересный отчет о Северной Абиссинии. Священники-миссионеры долгое время оставались в Эфиопии; но миряне-члены миссии вернулись после пятилетнего пребывания там, увозя с собой Ковилхему. Но он умер на обратном пути.

Тем временем турки завладели Египтом и Западной Аравией и стали очень ревниво относиться к португальскому вмешательству в дела Абиссинии и Красного моря. Они раззадорили сомалийского воина Мухаммеда Гранье, снабдили его артиллерией и призвали покорить Абиссинию. Этот сомалиец-мусульманин из страны Данакиль начал вторжение в Абиссинию и совершать набеги с 1528 года. Португальский священник Бермудес был отправлен в Лиссабон просить помощи. Это было отправлено через Индию, откуда в 1541 году в Масаву прибыл сильный португальский флот. Шесть месяцев спустя флот высадил в Масаве отряд из 450 португальских солдат под командованием Христофоро да Гамы. Но, уничтожив все, что было перед ними, португальцы неразумно разделили свои силы. Мухаммед Гранье, получив турецкое и арабское подкрепление, захватил лагерь Христофоро да Гамы и казнил этого доблестного португальца. В конечном счете, однако, с помощью

оставшихся португальцев абиссинский император победил Мухаммеда Гранье, который сам был убит помощником да Гамы Педро Леоном (1542). Португальские миссионеры-иезуиты оставались в Абиссинии до 1633 года и проникли в страны, которые европейцы посетили лишь в течение последних нескольких десятилетий. Отец Педро Паес открыл исток Голубого Нила в 1615 году; а отец Лобо посетил тот же регион и большую часть Юго-западной Абиссинии в 1626 году. Португальская цивилизация отчетливо оставила свой след в Абиссинии как в архитектуре, так и в других отношениях. Само название, которое мы применяем к этой Империи Эфиопии, является португальским переводом арабского и индийского термина, обозначающего “негр” — *хабеш* — слова неопределенного происхождения.

С начала 16 века португальцы посещали побережье Мадагаскара, о чем будет рассказано в главе, посвященной этому острову. Они также открыли в 1507 году Маскаренские острова (названные в честь морского капитана Маскареньяса), ныне известные под названиями Реюньон и Маврикий, хотя ни на тех, ни на других у них не было постоянных поселений. Мадагаскар, который впервые увидел Диого Диас в 1500 году, был назван островом Святого Лаврентия.

На западном побережье Африки за географическими открытиями вскоре последовало нечто вроде колонизации. Остров Мадейра, который был известен португальцам в 14 веке, был оккупирован ими в 15 веке, а сто лет спустя уже производил то вино, которое сделало его по праву знаменитым^[57]. Остров Святой Елены, впоследствии захваченный голландцами и отнятый у них Английской Ост-Индской компанией, был открыт португальцами в 1502 году; и на этом острове также, в конце столетия периодического использования португальцами, были посажены апельсиновые рощи и фиговые деревья.

Когда Диого Кам вернулся из Конго в 1485 году, он привез с собой нескольких уроженцев Конго, которые приняли крещение и через несколько лет вернулись в Конго с Диого Камом и большим количеством священников-прозелитов. Эта португальская экспедиция прибыла в устье Конго в 1491 году и там столкнулась с вождем-вассалом короля Конго^[58] который правил приречной провинцией Соне. Этот вождь принял их с уважением, подобающим полубогам, и позволил немедленно обратить себя в христианство - обращение, которое было искренним и прочным. Португальцы под его руководством направились в столицу короля, расположенную примерно в 200 милях от побережья, которое они называли Сан-Сальвадор. Здесь король и королева были крещены с именами тогдашних короля и королевы Португалии Жуана и Леоноры, а наследного принца называли Афонсо. Христианство добилось удивительного прогресса среди этих поклонников фетиша, которые с готовностью перенесли свое поклонение на Деву Марию и святых и отказались от своих местных мужских и женских богов. В начале 16 века королевство Конго посетил епископ Сан-Томе, острова у побережья Гвинеи, который вместе с прилегающим островом принца был заселен португальцами вскоре после открытия ими западного побережья Африки. Епископ Сан-Томе, будучи не в состоянии переехать в свою резиденцию в королевстве Конго, добился хиротонии коренного негра в качестве епископа Конго. Этот человек, который был членом королевской семьи Конго, получил образование в Лиссабоне и, я полагаю, был первым негритянским епископом, известным истории. Но он не добился большого успеха, как и следующий епископ, при правлении которого в середине 16 века в церкви Конго возникли большие разногласия среди местного духовенства, что привело к значительному ослаблению христианского рвения. После смерти короля, дома Диого, разразилась гражданская война; и один за другим все мужчины королевского дома были убиты, за исключением “Дома Энрике”, брата короля. Этот последний также умер вскоре после

восшествия на престол и оставил государство своему сыну, “Дому Альварешу”. Во время этой гражданской войны многие португальцы, которых короли Конго пригласили поселиться в стране в качестве учителей, механиков и ремесленников, были убиты или изгнаны как причина бед, которые европейская интервенция навлекла на королевство Конго; но дом Альварес, который был просвещенным человеком, собрал все, что осталось, и какое-то время португальская цивилизация продолжала распространяться по стране. Но на пути принятия христианства основной массой людей возник большой камень преткновения - тот камень преткновения, который до сих пор обсуждается на каждой миссионерской конференции, — многоженство. Родственник короля Дом Альварес отрекся от христианства и возглавил реакционную партию. Достаточно любопытно, что он вошел в историю как *Була Матади*, “Разбиватель камней”, - имя, которое более трехсот лет спустя народы Конго применили к исследователю Стэнли, и с тех пор оно стало родным именем для всего правительства Бельгийского Конго.

В середине 16 века португальскому влиянию в Конго был нанесен смертельный удар. Это королевство, которое, как следует понимать, включает прибрежные земли по обе стороны нижнего Конго, подверглось вторжению дикого племени из внутренних районов, известного как народ “джага”, вероятно, того же племени, что и ба-киоко или Ба-джок из Верхнего течения реки Кванго^[59]. Джага, или имбангола, были могущественными людьми и свирепыми каннибалами, и они побеждали всех на своем пути, а король и его двор нашли убежище на острове в широком Конго, недалеко от Бомы. Король Конго обратился за помощью к Португалии, и этот злополучный, но блестящий молодой монарх, дом Себастьян, прислал ему Франсисо де Гову с 600 солдатами. С помощью этих португальцев и их пушек джага были изгнаны. Король, который до сих пор вел очень нерегулярную для христианина жизнь, теперь официально женился, но не был вознагражден законным наследником и должен был указать в качестве своего преемника внебрачного сына от наложницы. Примерно в это же время король Португалии надавил на своего брата короля Конго, чтобы тот раскрыл существование рудников драгоценных металлов. Существуют ли такие в стране Конго — за исключением случаев, связанных с медью, — неизвестно даже в наши дни, но предполагалось, что они существовали в то время; и некоторые португальцы при дворе Конго отговаривали принца, которому они служили, от предоставления какой-либо информации по этому вопросу, без сомнения желая сохранить эти знания при себе. Король Конго Дом Альвареш, когда Джага ушел в отставку, неоднократно призывал прислать еще португальских священников и отправил несколько посольств в Португалию; но дом Себастьян был убит в Марокко, а его дядя, кардинал Энрике, который стал его преемником и который был последним португальским королем из Дома Авиш, был слишком занят делами своего пошатнувшегося королевства, чтобы ответить на эти призывы. Но когда испанский король Филипп II захватил трон Португалии, он отправил португальца по имени Дуарте Лопеш сообщить о странах бассейна Конго. Проведя некоторое время в Конголанде, Дуарте Лопес начал возвращаться в Португалию с большим количеством информации об этой стране и посланиями от короля Конго. К сожалению, штормы унесли его в Центральную Америку, и когда он добрался до Испании, король был слишком занят подготовкой Великой Армады, чтобы прислушаться к нему. Поэтому Лопес отправился в паломничество в Рим, чтобы обратиться к папе римскому. Находясь в Италии, Лопес позволил папскому чиновнику по имени Филиппо Пигафетта записать и опубликовать в 1591 году свой отчет о королевстве Конго вместе с описанием португальских исследований и завоеваний в Восточной Африке.

Хотя португальские священники — вероятно, иезуиты — продолжали еще некоторое время посещать королевство Конго, с конца 16 века как христианское, так и португальское влияние постепенно угасло, и страна вновь скатилась в язычество, несмотря на энергичные усилия

пап 17 и 18 веков, которые посылали туда итальянских, фламандских и французских миссионеров. Португальцы, по-видимому, возбудили враждебность несколько гордого народа своим властным поведением и алчностью. Они периодически удерживали Кабинду на побережье к северу от устья реки Конго и время от времени отправляли миссии по инвестиру в Сан-Сальвадор, чтобы представлять короля Португалии при коронации какого-нибудь нового короля Конго; и королю Конго обычно присваивали португальское имя, а иногда и почетное звание в португальской армии. Но только после середины 19 века Португалия начала утверждать свое господство над странами Конго. Франция и Великобритания в течение 18-го и почти всего 19-го веков неуклонно отказывались признавать португальское правление где-либо к северу от реки Логе в Анголе (к югу от устья Конго); но Великобритания в 1884 году предложила сделать это при достаточных гарантиях свободы торговли, изложенных в договоре, который был аннулирован оппозицией Палаты общин. Если бы этот договор был ратифицирован, он поставил бы под совместное влияние Англии и Португалии нижнее Конго, помимо мирного урегулирования португальских и британских претензий на Ньясаленд. Противодействие группы непрактичных филантропов в Палате общин сорвало мирный договор и дало другим европейским державам возможность вмешаться в дела Конго. Результатом для Португалии, тем не менее, стало то, что она закрепила за собой территорию Кабинды к северу от Конго и древнее королевство Конго к югу от этой реки.

Хотя португальцы открыли побережье Анголы в 1490 году, они не пытались обосноваться в этой стране до 1574 года, когда в ответ на призыв вождя Анголы (вассала короля Конго) туда была отправлена экспедиция под командованием Пауло Диаса^[60]. Эта экспедиция высадилась в устье реки Кванза и обнаружила, что вождь Анголы, обратившийся с апелляцией к королю Португалии, мертв. Его преемник принял Диаса вежливо, но вынудил его помогать ангольцам в локальных войнах, которые не представляли особого интереса для португальцев. Диас обнаружил во внутренних районах Анголы множество свидетельств христианского богослужения, которые свидетельствовали о том, что миссионеры из Конго предшествовали его собственной экспедиции. Когда Диасу наконец разрешили вернуться в Португалию, король (Дом Себастьян) отправил его обратно как “Завоевателя, колонизатора и губернатора Анголы” с семью кораблями и 700 людьми. Его отплытие из Лиссабона в 1574 году заняло три с половиной месяца — небольшой срок по тем временам для парусных судов. Диас завладел песчаным островом перед заливом, который сейчас известен как гавань Сан-Паулу-де-Лоанда. Здесь к нему присоединились 40 португальских беженцев из королевства Конго. В конце концов он построил на материковой части Лоанды форт Сан-Мигель и основал город Сан-Паулу, который стал и остается столицей португальских владений в Юго-западной Африке.

В течение шести лет между португальцами и местными жителями существовал идеальный мир; затем, опасаясь, что португальцы в конечном итоге захватят всю страну, король Анголы заманил 500 португальских солдат на войну во внутренних районах страны, где устроил их резню. Но эта резня лишь продемонстрировала великолепные качества Пауло Диаса, который был великолепным представителем старого португальского типа конкистадора. Оставив Лоанду со 150 солдатами — почти всеми, кто остался, — он выступил против королевских войск у реки Кванза и разбил их с большими потерями, и, конечно, ему очень помогло одержать эту победу наличие мушкетов и пушек. Анголезцы неоднократно терпели поражения, прежде чем отказались от борьбы; но, наконец, в 1597 году португальцы прочно обосновались на обоих берегах реки Кванза. В том году 200 фламандских колонистов были отправлены королем Испании и Португалии. За очень короткое время все они умерли от лихорадки. Однако, несмотря на множество неудач, португальцы медленно осваивали

страну к югу от Кванзы, почти до Бенгелы. Португальские торговцы и миссионеры, вероятно, путешествовали вглубь страны вверх по Конго до страны Батеке или бассейна Стэнли. В 1606 году была предпринята интересная, но безуспешная попытка наладить сообщение через южную и центральную Африку между поселениями кванза и Замбези. Но исследователь так и не добрался дальше столицы короля Конго, поскольку этот властелин отказал ему в разрешении продвинуться дальше вглубь страны. Тем не менее, из португальских летописей ясно, что в этот период многочисленные отважные священники и солдаты пытались проникнуть в Самую Темную Африку, но о них больше никогда не слышали. Каким романтическим сюжетом мог бы стать их опыт пребывания в этих землях, в то время абсолютно свободных от влияния европейцев — условие, которое больше не применялось к уроженцам Самой Темной Африки, когда Стэнли впервые познакомил нас с географией этих регионов. Ибо за прошедшие три с половиной столетия даже те дикари в сердце Африки, которые, возможно, ничего не знали о существовании белых людей, тем не менее использовали многие продукты белого человека в качестве предметов первой необходимости или роскоши своей жизни, такие как кукуруза, табак, сладкий картофель, маниока, папайя, чили, ананасы и сахарный тростник.

Здесь уместно рассмотреть величайшие и наиболее благотворные результаты португальской колонизации Африки. Эти замечательные древние конкистадоры, возможно, были безжалостны и жестоки, навязывая африканцу свое правление, обращая его в рабство или обращая в христианство, но они значительно увеличили его запасы продовольствия и комфорт. Так рано в истории своих африканских и индийских исследований, примерно в 1510 году, они привезли из Китая, Индии и Малакки апельсиновое дерево, лимон и лайм, которые, помимо того, что были завезены в Европу (а Европа до сих пор знала только кислый дикий апельсин и лайм, завезенные арабами), они сажали во всех частях Восточной и Западной Африки, куда прикасались. Они также привезли сахарный тростник из Средиземноморья и Ост-Индии и завезли его в различные части Бразилии и Западной Африки, особенно на острова Сан-Томе и Принсипи, а также в страны Конго и Анголы. Мадейру они засадили виноградными лозами в 15 веке; острова Асорес, Зеленого Мыса и Святой Елены - апельсиновыми деревьями в 16 веке. Дерево какао было завезено в Сан-Томе в 1822 году. Из своих огромных владений в Бразилии, захваченных и организованных с поразительной быстротой, они привезли в Восточную и Западную Африку мускусную утку (которая проникла далеко и широко во внутренние районы Африки), перец чили, кукурузу (ныне выращиваемую по всей Африке и культивируемую многими племенами, утратившими все традиции ее иностранного происхождения), пшеницу (в Замбезию)^[61], табак, помидоры, ананасы, сладкий картофель (клубень выюнка), маниок (из которого делают тапиоку), рис (в Западной Африке), фасоль и чечевица, лук, гуава, джекфрут, папайя, маленькие бананы, имбирь и другие менее широко известные виды растительной пищи. Португальцы также завезли в Западную Африку домашнюю свинью и домашнюю кошку, возможно, также некоторые породы собак; в Восточной тропической Африке лошадь известна на севере под арабским именем, в центре - под португальским словом, а на крайнем юге - под искаженным английским. Уберите из сегодняшнего рациона африканца продукты, которые португальцы привозили ему с дальнего Востока и дальнего Запада, и он останется крайне недостаточно обеспеченным предметами первой необходимости и простой роскошью. Я могу добавить одну или две даты, касающиеся этих интродукций португальцами: —сахарный тростник и имбирь были впервые посажены на острове Принсипи, у побережья Нижней Гвинеи, около 1520 года; кукуруза была завезена в Конго (где она называлась *маза манпудо*) около 1560 года^[62].

В 1621 году вождия, по-видимому, королевской семьи Конго, известная как Джинга Банди, приехала в Лоанду, подружилась с португальцами, приняла крещение, а затем вернулась во внутренние районы Страны, где отравила своего брата (вождя или короля Анголы) и стала его преемницей. Достигнув этой цели своих амбиций, она возглавила национальную партию и попыталась изгнать португальцев из Анголы. В течение 30 лет она воевала против них, серьезно не поколебав их могущества, хотя, с другой стороны, они могли сделать немногим больше, чем держаться самостоятельно. Но теперь на сцене появился гораздо более серьезный враг. Голландцы, которые воспользовались союзом испанского и португальского престолов в 1580 году^[63], чтобы включить португальскую империю в качестве театра своих репрессий против Испании, предприняли несколько решительных попыток в течение первой половины 17 века вырвать Анголу у португальцев. Они захватили Сан-Паулу-де-Лоанда в 1641 году, через год после того, как Португалия восстановила свою независимость при первом короле Браганса. Португальцы сосредоточились на Кванзе. Голландцы предприняли несколько вероломных действий, чтобы вытеснить их из их крепостей на этой реке. Наконец, однако, после реорганизации португальской империи после 1640 года, из Бразилии в Анголу было отправлено подкрепление, и произошла осада Сан-Мигеля. Португальцы с успехом имитировали голландскую игру в блеф и, обманув осажденных относительно численности своей армии, добились капитуляции 1100 голландцев перед менее чем 750 португальцами. В предварительном нападении на голландцев в Сан-Паулу-де-Лоанда португальцы потеряли 163 человека. После захвата этого места они продолжили методично уничтожать все голландские учреждения на Нижнем побережье Гвинеи вплоть до Лоанго. В последние годы 17 века почти все оставшиеся португальские миссионеры в королевстве Конго^[64] мигрировали в более оседлую и процветающую Анголу. В 1694 году Португалия ввела чеканку медных монет в своей ныне процветающей западноафриканской колонии — процветающей благодаря работорговле, которая оказала огромное влияние на европейское заселение Западной Африки.

В 1758 году португальцы расширили свое правление на север от Сан-Паулу-де-Лоанда до страны Амбриз, где, однако, их власть оставалась очень неопределенной примерно до 1885 года. Примерно в то же время Бенгела была определено оккупирована; и португальское влияние продолжало медленно распространяться на юг, пока в 1840 году оно не достигло своих нынешних пределов благодаря основанию поселения (ныне очень процветающего) под названием Моссамедес, почти точно на пятнадцатой параллели южной широты^[65].

Между 1807 и 1810 годами предпринимались попытки наладить контакты с королевством Мвата янво Лунда, а оттуда и с колонией Мокамбике, но они оказались успешными лишь частично. В 1813 году и в последующие годы новая энергия колонизации начала давать о себе знать в создании общественных работ в Анголе. Среди других улучшений 19 века было подведение вод Кванзы по каналу в Сан-Паулу-де-Лоанда, где до тех пор не было запасов хорошей питьевой воды. Голландцы попытались осуществить это, но им помешали. Усилия португальцев в начале прошлого века оказались безуспешными, но в 1887 году канал был наконец достроен, и это оказало большое влияние на здоровье города. Португальское владычество внутри страны, начиная с Анголы, усиливалось и ослабевало в течение 19 века, но в целом было значительно расширено. Ливингстон обнаружил, что португальцы в 1855 году в некоторой степени обосновались в верховьях Кванго, притока Конго, и долгое время были восточной границей Анголы. Оттуда, однако, им пришлось удалиться из-за восстаний местных жителей; хотя теперь их сила и влияние переместились далеко на восток, к реке Касаи.

В 1875 году группа непокорных буров покинула Трансвааль из-за какой-то ссоры с местным правительством, пересекла пустыню в северо-западном направлении и в конце концов переправилась через реку Кунене (южная граница Португальской Западной Африки) на здоровое плато за горами Шела. Одно время опасались, что они вызовут непокорность португальцев и создадут маленькое бурское государство в юго-западной Африке. Примерно в это же время готтентоты, находившиеся под сильным влиянием буров и говорившие по-голландски, вторглись из прибрежного региона в район Моссамедес; но благодаря либеральным уступкам и искусной дипломатии, а также проведению нескольких важных работ, таких как дорога для фургонов (ныне железная дорога) через горы Шела, португальцы добились от буров признания их суверенитета, хотя с тех пор они покинули страну и вернулись в немецкую или британскую Южную Африку.

Рабство не было отменено в португальских западноафриканских владениях до 1878 года; но работорговля была официально запрещена в первой четверти 19 века. До этого работорговля принесла необычайное процветание островам Сан-Томе и Принсипи, португальскому форту на побережье Дагоме и Анголе, все эти страны находились более или менее под властью одного правительства. Отмена работорговли, однако, привела к полному разорению Принсипи (который до сих пор не восстановился), временному разорению Сан-Томе (с тех пор благосостояние этого острова возродилось благодаря выращиванию хинного дерева и огромному расширению посевов какао) и частичному разорению Анголы, которая стала рассматриваться как владение, едва ли стоящее поддержания. Бразилия (хотя она и была отделена от короны Португалии) сделала едва ли не больше, чем Метрополия, для оживления торговли в этих доминионах. Предприимчивые бразильцы, такие как Сильва Американо, приехали в Анголу в шестидесятых и семидесятых годах 19 века, открыли паровое судоходство по реке Кванза и развили множество отраслей промышленности. Благодаря влиянию Бразилии, Соединенных Штатов и Великобритании в восьмидесятых годах было начато строительство железной дороги, которая соединила Сан-Паулу-де-Лоанда с богатыми внутренними районами, особенно с кофейными районами на берегу Конго. Еще одна железная дорога, имеющая еще большее значение, была начата британской компанией в районе Бенгела к югу от реки Кванза. Эта линия начинается от залива Лобито, недалеко от Бенгелы, и должна пересечь Анголу в самом широком месте и в конечном итоге достичь медных и золотых рудников Катанги в Бельгийском Конго. Американские и швейцарские протестантские миссионеры основали важные поселения на возвышенности Байлундо. На великолепном острове Сан-Томе, расположенном прямо под Экватором, есть горы, которые высоко поднимаются, создавая умеренный климат. На них, как уже говорилось, были созданы процветающие плантации какао, хинного дерева и кофе. Общественные работы в виде строительства хороших дорог и мостов были проведены во многих частях Анголы, и эта страна, безусловно, является самой успешной из попыток Португалии колонизировать Африку. К сожалению, "бум" какао (сосоа, шоколад) и тот факт, что это капризное дерево, нелегко поддающееся акклиматизации и достигающее совершенства только в нескольких частях тропической Америки и на западном побережье Африки, особенно на Сан-Томе, побудили португальское правительство с 1880 года продвигать интересы Сан-Томе в ущерб Анголе. На Юге и востоке Анголы возродилась своего рода работорговля под видом "ученичества", последствия которой сказались на населении Конго вплоть до Касаи и Ломами. Эти подмастерья, однажды оказавшись в Сан-Томе (их регулярно покупали и продавали), никогда или почти никогда не получали свободы или регулярной оплаты за свою работу. Во всем остальном с ними обращались по-доброму. Но эта политика привела к местным войнам и восстаниям во внутренних районах Анголы и привлекла внимание и осуждение в Европе.

Осенью 1904 года португальские войска на юге Анголы потерпели сокрушительное поражение у реки Кунене от народа куаньяма (Cuanhama), племени, лингвистически связанного с овамбо и овахереро (Damara). Негры-банту, говорящие на диалектах этой группы ондонга или гереро и отдаленно связанные по расовому происхождению с зулусско-кафирской расой, населяют юг Анголы и являются грозными воинами. Эти беспорядки на юге Анголы утихли с тех пор, как внутренние районы Бенгелы были открыты для прибыльной торговли англо-португальскими железнодорожными концессионерами, которые строят линию от залива Лобито на восток до Катанги.

Португальское правление было распространено в 1885 году на север до южного берега Конго и на небольшую территорию Кабинды, которая отделена узкой полосой бельгийской территории от устья реки Конго. С другой стороны, португальский протекторат над Дагоме — протекторат, который никогда реально не существовал, — был передан Франции вместе с его единственным плацдармом, Сан-Жуан-д'Ажуда^[66]. Португальские форты на Золотом берегу удерживались недолго, прежде чем они были захвачены голландцами в начале 17 века. Португалия, несмотря на открытие и присвоение названия Сьерра-Леоне, никогда не оккупировала ее; но в той или иной степени она продолжала сохранять определенные укрепленные посты среди этого необычного лабиринта рек и островов в Сенегамбии, между Гамбией и Сьерра-Леоне. Это район площадью около 14 000 квадратных миль, сегодня тщательно очерченный и известный как Португальская Гвинея. Но в семидесятые годы 19 века было сомнительно, что Португалия не отказалась от суверенитета над этой страной. Англия, которая пользовалась исключительным влиянием в этих водах, попыталась утвердиться на месте Португалии, но португальцы запротестовали и провозгласили свой суверенитет. Дело было передано в арбитраж, и вердикт был вынесен против Англии. В результате португальцы реорганизовали свою колонию Гвинея, которая со временем была отделена от губернаторства островов Зеленого Мыса. В 1908 году произошло серьезное восстание коренного населения, но оно было подавлено. Однако в нынешнем состоянии Португальской Гвинеи местные племена практически независимы.

Острова Зеленого Мыса - очень важное достояние Португалии, расположенное в трехстах милях от северо-западного побережья Африки. Они постоянно заселялись и управлялись с момента их открытия в 15 веке. Тогда у них не было населения, но сейчас они населены темнокожей расой, произошедшей от португальцев, негров и мавров. На одном или двух из более здоровых островов есть белые поселенцы португальской крови. Благодаря великолепным гаваням, которые эти острова предлагают для судоходства, особенно Сан-Висенте, и их использованию в качестве станции добычи угля, они еще могут занять видное место в мировой истории.

И остров Вознесения, и остров Святой Елены были открыты и названы португальцами. Первый из названных островов никогда не был постоянно оккупирован, пока Англия не захватила его в качестве форпоста тюрьмы Наполеона в 1815 году. Остров Святой Елены был захвачен голландцами в начале 16 века, а в середине того же века перешел в руки англичан. Другим португальским открытием стал самый южный из этих изолированных океанических островков, Тристан д'Акунья, который носит имя своего первооткрывателя, но который, насколько можно судить по оккупации, всегда был британским владением^[67].

На восточном побережье Африки португальская колонизация началась только в 16 веке, и Васко да Гама, обогнув Мыс, обнаружил существование старых арабских торговых поселений и султанатов между Софалой и Сомалилендом.

Необходимость в портах захода во время долгого путешествия в Индию заставила португальцев вскоре после знаменитого путешествия Васко да Гамы принять решение овладеть этими арабскими поселениями, тем более, что военные действия против “мавров” были бесконечной *вендеттой* со стороны испанцев и португальцев, в то время как завоевание было в то время легким, поскольку у португальцев была артиллерия, а у восточноафриканских арабов ее не было.

К 1520 году португальцы вытеснили арабов и заняли вместо них Килву, Занзибар, Пембу, Момбасу, Ламу, Малинди, Браву (Барава) и Магдишу (Магадохо), все к северу от реки Рувума. К югу от этой реки они захватили Софалу и Мокамбике. Говорят, что здесь они основали факторию в 1503 году; но остров Мокамбик^[68] не был окончательно занят ими до 1507 года, когда Дуарте де Меллу начал строительство существующей крепости. Форт был тогда и до сих пор известен как “Площадь Святого Себастьяна”. До этого было решено, что Мокамбике должен стать основным местом захода португальских кораблей, направляющихся в Индию после отплытия от мыса Доброй Надежды; но когда в 1505 году португальцы намеренно одобрили идею создания португальской колонии в Восточной Африке, они обратили свое внимание скорее на Софалу как ее центр, чем на Мокамбике. Софала, который находится недалеко от современной Бейры, был старым арабским портом и султанатом и около 1500 лет был главным портом на юго-восточном побережье Африки, откуда золото, добытое на рудниках Маника (Мономотапа, т.е. Южная Родезия), отправлялось в Красное море и Персидский залив. Следовательно, первое предложенное португальцами поселение на восточном побережье Африки называлось “капитанство Софала”. Но позже значение Мокамбике возросло, и в конце концов оно дало свое название португальским владениям в Восточной Африке.

Река Келимане, считавшаяся португальцами основным выходом из Замбези, была открыта Васко да Гамой в начале 1498 года и вошла в него, и он назвал ее “Рекой хороших указаний”. Он пробыл месяц на этой реке, где, по-видимому, на месте нынешнего города Келимане была фактория, к которой прибегали арабы, которые уже тогда обосновались в Замбезии. Название Келимане (произносится по-английски Kehmane), по утверждению ранних португальцев, было именем дружественного вождя, который выступал посредником между ними и туземцами, но, скорее всего, это искаженное суахили-арабское слово “Калиман”, что означает “переводчик”.

Первая “фабрика” или португальская торговая станция в Келимане была основана примерно в 1544 году; и к этому времени португальцы уже слышали о реке Сена (как они называли Замбези) и о большом арабском поселении Сена на ее берегах. Кроме того, они слышали как от Келимане, так и от Софалы о могущественной империи Мохомотапа^[69], и особенно о провинции Маника, в которой, как сообщалось, полно золота. Обнаружив, что из Софалы слишком трудно добраться до Маники из-за сопротивления местных жителей, они решили проникнуть в страну с севера через Сену на Замбези; следовательно, в 1569 году из Лиссабона вышла исключительно мощная экспедиция под командованием губернатора и генерал-капитана Франсиско Баррето. После предварительной поездки вверх и вниз по восточному побережью Африки до Ламу и быстрого путешествия в Индию и обратно Франсиско Баррето со своим отрядом, в который входили кавалерия и верблюды, высадился в Келимане и направился в Сену. Экспедицию сопровождал и, в определенной степени, руководил озорной священник-иезуит по имени Монкларос, который хотел отомстить за убийство своего товарища-священника Гонсало де Сильвейры, принявшего мученическую смерть незадолго до этого на территориях Мономотапа. Прибыв в Сену, Франсиско Баррето обнаружил, что там уже есть небольшое португальское поселение, построенное рядом с

арабским городом. Эти арабы, по-видимому, очень хорошо ладили с первыми португальскими торговцами, но они, очевидно, обиделись на мощную экспедицию Баррето и обвиняются в отравлении лошадей и верблюдов. Однако на самом деле, по-видимому, произошло то, что лошади и верблюды подверглись укусу мухи Цеце и погибли в результате нападения этого ядовитого насекомого. Из Сены Баррето отправил посольство к императору Момотапы, которому предложил помощь в борьбе с взбунтовавшимся вассалом Монгасе. Получив приглашение посетить императора, часть португальских войск начала подниматься по правому берегу реки Замбези, но, по-видимому, так и не достигла места назначения, поскольку подвергалась столь неоднократным нападениям враждебных туземцев, что была вынуждена вернуться в Сену. Вскоре после этого пришло известие о восстании в Мокамбике, и, следовательно, Баррето вместе со священником Монкларосом, передав командование экспедицией лейтенанту, сели в каноэ, спустились по Замбези к устью Луабо, а оттуда на дау добрались до Мокамбика. Впоследствии он и Монкларос вернулись в Сену, но Баррето умер вскоре после своего прибытия. Португальские хронисты этой экспедиции с немалой горечью пишут об иезуите Монклароше, советам которого приписывается большинство несчастий и ошибок. Экспедиция после смерти Баррето вернулась в Мокамбике, а позже попыталась проникнуть в Момотапу через Софалу, но была отбита.

На некоторое время дальнейшее исследование Замбези или внутренних районов Мокамбике было остановлено завязавшейся борьбой с турками. Ближе к концу 16 века (в 1584 году), после завоевания Египта и по наущению Венеции, турецкий султан отправил мощный флот из Красного моря, который прошел вдоль Восточного побережья Африки до Момбасы и приготовился оспорить у Португалии господство в Индийском океане. Турки, однако, были разбиты со значительными потерями адмиралом Томе де Соуза Коутиньо; и португальское господство не только укрепилось на Занзибаре и вдоль Занзибарского побережья, но также утвердилось вдоль южного побережья Аравии и в Персидском заливе.

В конце 16 века португальцы вели ожесточенную борьбу с туземцами во внутренних районах Момотапы, за Килвой, на материке Мокамбике^[70] и в окрестностях Тете на Замбези; и вскоре после этого в водах Восточной Африки появились первые голландские пираты, некоторые из которых фактически осадили Мокамбике. В 1609 году в Мокамбике прибыл первый португальский губернатор восточного побережья Африки, эта провинция была отделена от португальских владений в Индии и в то же время выведена из-под духовной юрисдикции архиепископа Гоа и передана в ведение прелата Мокамбике. Тем временем попытки добраться до золотых приисков к югу от Замбези были настолько успешными, что значительное количество золота было добыто не только офицерами, но даже рядовыми участниками различных экспедиций; но ожидания португальцев относительно богатства золотом и серебром (поскольку они искали, по сообщением, серебряные рудники на Замбези) были значительно обмануты; и позже, в 17 веке, их интерес к этим восточноафриканским владениям ослаб, в основном из-за плохих результатов их добычи. Голландцы в 1604-7 годах дважды нападали на Мокамбик, и снова в 1662 году попытались завладеть маленьким островом-крепостью. Однако в середине 17 века был открыт новый источник богатства — работорговля, — которая в течение двухсот последующих лет обеспечивала мимолетное процветание этим дорогостоящим заведениям на восточном побережье Африки. В 1645 году первые рабы были вывезены из Мокамбике в Бразилию. Эта акция была вызвана тем фактом, что провинция Ангола на время перешла в руки голландцев, и, следовательно, поставки рабов в Бразилию были временно прекращены.

Вследствие этого Мокамбике и Замбези на несколько лет заменили Западную Африку в качестве невольничьего рынка. В 1649 году англичане впервые появились на этом

побережье; а два года спустя португальцы были встревожены окончательным основанием голландской колонии на мысе Кейп и открытием французских фабрик на побережье Мадагаскара — событиями, которые современный писатель пророчески описал как “Quantos passos para a ruína de Moçambique!” — “Так много шагов к гибели Мокамбика!” В то же время арабы в Персидском заливе вытеснили португальцев из Маската, а ближе к концу 17 века начали нападать на их владения на побережье Занзибара. К 1698 году Португалия потеряла все крепости к северу от Мокамбика; и в том же году этот, их последний оплот, был жестко осажден арабами и едва не захвачен. На самом деле его спасло только дружеское предательство индийского торговца, который предупредил португальцев о готовящемся ночном нападении. Все эти посты на побережье Занзибара были окончательно заброшены^[71] португальцами в начале 18 века по соглашению с имамом Маската, который основал нынешнюю династию Занзибара. В 1752 году этот факт был признан официальным разграничением португальских владений в Восточной Африке в то время, когда они также были снова выведены из какой-либо зависимости от губернатора Гоа. В этом указе от 19 апреля 1752 года правительство Мокамбике было описано как распространяющееся на “Мокамбике, Софалу, Рио-де-Сена (Замбези) и все побережье Африки и ее материк между мысом Дельгадо и заливом Лоренсу Маркес (залив Делагоа)”. До сих пор торговля в португальской Восточной Африке была чрезвычайно ограничена и, будучи сначала прерогативой губернаторов и должностных лиц государства, затем была передана определенным компаниям, которым были проданы монополии. В 1687 году, после значительного перерыва, произошло новое прибытие индийских торговцев, которые обосновались на острове Мокамбике; и постепенно вся торговля португальской Восточной Африки была открыта для всех португальских подданных, хотя это было категорически запрещено подданным любой другой европейской державы, и немалый гнев проявлялся, когда французы и голландцы пытались торговать на островах или на побережье в провинции Мокамбике. В середине 18 века практика отправки португальских каторжников с наихудшим клеймом в Мокамбике, к сожалению, была принята, несмотря на многочисленные протесты ее губернаторов. Примерно в это же время также произошла серия катастроф, связанных с прискорбной бесхозяйственностью португальских чиновников. Крепости золотодобывающей страны Маника пришлось оставить, как и Зумбо^[72] в верховьях Замбези. Форты на материке напротив Мокамбике были захвачены армией Макуа, а сам остров Мокамбике едва не попал в руки негров с материка.

Однако к концу 18 века произошло большое возрождение. Фактически, последовавший затем период был единственным ярким и в какой-то степени славным этапом португальского владычества в Юго-восточной Африке. Замечательный человек, доктор Франсиско Хосе Мария де Ласерда и Алмейда (бразилец), был назначен губернатором Замбезии по собственной просьбе и начал первое научное исследование юга Центральной Африки. Результатом его путешествия стало открытие Казембе, части империи Лунда, страны на Луапуре и озере Мверу. Интересно отметить, что в 1796 году, всего через год после того, как британцы захватили Кейптаун, доктор Ласерда предсказал, что это действие приведет к созданию великой Британской империи в Африке, которая протянется на север подобно клину между португальскими колониями Ангола и Мокамбике. Но со временем доктор Ласерда пал жертвой утомительных исследований, и интерес Португалии к Восточной Африке угас перед борьбой не на жизнь, а на смерть, которая велась с Францией в самой Португалии. Задолго до этого, в середине 18 века, иезуиты были изгнаны со всей Португальской Восточной Африки; и вместе с ними пала та немногая цивилизация, которая была создана в верховьях Замбези. Фактически, можно сказать, что после путешествия Ласерды провинция Мокамбике впала в состояние инертности и упадка, пока Ливингстон

своими чудесными путешествиями не только открыл истинное течение реки Замбези, но и привлек внимание и интерес всего мира к развитию тропической Африки.

На всех старых португальских картах, более того, на всех португальских картах, выпущенных до путешествий Ливингстона, Замбези лишь вскользь упоминалась как великая река. Обычно его называли “реками Сены”, и общее впечатление было таково, что он состоял из ряда параллельных ручьев. Несомненно, эта идея возникла из-за ее большой дельты; однако на одной или двух картах течение Замбези проложено довольно точно от ее впадения в Кафуэ до моря; но нельзя отрицать тот факт, что португальцам было совершенно неизвестно о ее важности как водного пути, которые обычно добирались до нее по суше из Келимане и путешествовали по суше вдоль ее берегов, предпочитая плавать по ее изменчивым водам. Шир был буквально неизвестен, за исключением места его слияния с Замбези. Название этой реки обычно пишется как Черим, но его этимология восходит к слову маньяджа *чири*, что означает “крутой берег”. Адмирал У. Ф. В. Оуэн, который провел самую замечательную серию экспедиций вдоль Западного и восточного побережий Африки в начале 19 века, был первым, кто четко обозначил тот факт, что корабль с небольшой осадкой может войти в устье Замбези с моря и дойти до Сены.

Великое путешествие Ливингстона по африканскому континенту в начале пятидесятих годов привлекло внимание британской нации и правительства к возможностям этого региона, столь благодетельствованного природой с ее богатой почвой и ценными растениями. Ливингстон был назначен консулом в Келимане и поставлен во главе хорошо оснащенной экспедиции, предназначенной для исследования реки Замбези и ее притоков. До этого португальцы отменили работорговлю законом, хотя рабство не прекращалось как юридический статус до 1878 года, и открыли португальскую Восточную Африку для торговли всех наций; и, несомненно, эти два действия побудили британское правительство участвовать в развитии Юго-Восточной Африки, тем более что путешествия Ливингстона убедительно показали, что правление португальцев не простиралось ни очень далеко вглубь страны, ни на какое-либо большое расстояние от берегов нижней Замбези. Таким образом, вторую экспедицию Ливингстона можно рассматривать как первый косвенный шаг к установлению нынешнего протектората над Британской Центральной Африкой (Ньясаленд и Северная Родезия), границы которых в значительной степени соответствуют границам, предложенным доктором Ливингстоном в конце его второй экспедиции.

Однако во время исследований Ливингстона между португальцами и британцами возникло чувство ревности; и на британское правительство было оказано значительное давление, с тем чтобы оно отказалось от результатов открытия Ливингстона. Эти представления, наряду с другими обескураживающими результатами британской предприимчивости в Восточной и Западной Африке, побудили британское правительство в конце шестидесятых и начале семидесятых держаться в стороне от любой идеи британского правления во внутренних районах континента. Тем временем португальцы прилагали похвальные усилия по развитию этих давно заброшенных владений. Были произведены значительные улучшения, и городам Келимане и Мокамбике, которые несколько лет назад во многих отношениях выгодно отличались от других европейских поселений на восточном побережье Африки, был придан совершенно современный вид опрятности и порядка. Большие суммы были потрачены на общественные работы; действительно, в 1880 году метрополия выделила не менее 157 000 фунтов стерлингов на возведение общественных зданий в португальской Восточной и Западной Африке; и в этот период была возведена красивая больница в городе Мокамбике, а также были построены значительные дороги и мосты. Было основано гораздо больше военных постов; и Зумбо, расположенный в центральной части Замбези, у впадения в

Луангву, был вновь занят. Тем не менее работа Ливингстона и особенно его смерть неизбежно привлекли британцев в Замбезию. В 1875 году первые пионеры нынешних миссионерских обществ отправились вверх по Замбези и прибыли в высокогорье Шире. В 1876 году было начато заселение Блантайра, и были заложены основы Британской Центральной Африки. Эти действия побуждали португальцев ко все большим и большим усилиям по обеспечению доминиона, к которому они стремились, — непрерывного пояса империи, протянувшегося через континент от Анголы до Мокамбике; и непосильные для метрополии расходы были потрачены на дорогостоящие экспедиции, не всегда приводившие к определенным или удовлетворительным результатам. Кульминацией этой политики стали усилия Серпы Пинто силой захватить нагорье Шир, несмотря на сопротивление вождя макололо^[73], которые объявили себя под защитой Великобритании. Отсюда последовало вмешательство британского правительства и длительная дискуссия между двумя державами, которая в конечном итоге привела к справедливому разграничению португальской и британской сфер влияния и аннулированию любых враждебных чувств между Англией и Португалией в их африканских предприятиях. Собственно Мокамбике (*т.е.* провинции к северо-востоку от Замбези) оказался в дорогостоящей зависимости от метрополии. С 1508 по 1893 год расходы всегда ежегодно превышали доходы, иногда доходя до годового дефицита в размере 50 000 фунтов стерлингов. В 1893 году, впервые с момента создания колонии, небольшой излишек был переведен в Лиссабон. Сомнительно, что это владение когда-нибудь окажется прибыльным для Португалии. В настоящее время почти две трети торговли находится в руках непортугальцев (индийцев и европейцев). Основная часть оптовой торговли между Ибо и Келимане осуществляется немецкими, голландскими и французскими фирмами; а розничная торговля ведется британскими индийцами или уроженцами Гоа и других португальских индийских владений.

Зафрахтованная компания “Ньясса” обладает фактической монополией на торговлю внутри страны между озером Ньяса и побережьем Ибо и управляет страной между рекой Лурио на юге и Рувумой на севере. В португальской Замбезии существует Замбезианская компания с рядом мелких концессионеров; и большинство из них владеют празо или арендой предписанных территорий, на которых они обладают исключительными торговыми правами и фактическим господством над местными жителями, которые, следовательно, временами проявляют непокорность, когда с них взимают плату за рабочую силу вместо налогов или в дополнение к ним. Португальская колонизация провинций Мозамбике и Замбезия была очень незначительной. Порочный дух старых времен работорговли все еще витает в местной администрации. Регион Ангоше между островом Мозамбик и северными окрестностями реки Келимане почти независим от португальской власти под властью могущественных арабонегритянских мусульманских “султанов”, которые до недавнего времени переправляли на Мадагаскар множество партий рабов.

Основным предметом торговли в провинции Мозамбик являются земляные орехи - маслянистые семена *Arachis hypogae*, вида бобовых растений, семенные коробочки которых вырастают в почву. Из этих молотых орехов получается превосходное и вкусное масло, которое по вкусу почти не отличается от оливкового масла и действительно составляет значительную часть так называемого оливкового масла, экспортируемого из Франции. Возможно, именно по этой причине земляные орехи в конце концов попадают в Марсель. Индийский каучук из Мокамбика хорошего качества и продается по высокой цене на рынке. Другими экспортными товарами являются масличные семена, полученные из кунжута, копры, воска, слоновой кости и сахара. Некоторое количество меди и малахита экспортируется с территорий компании Nyassa к северу от Лурио. Несколько лет назад

несколько предприимчивых людей основали кофейные плантации на материке недалеко от Мокамбике, но местные португальские власти немедленно ввели высокие пошлины и налоги, так что индустрия выращивания кофе вскоре была уничтожена. То же самое можно сказать и о кокосовой пальме. Одно время планировалось посадить это полезное дерево в большом количестве вдоль побережья, исключительно приспособленного для его произрастания; но из-за того, что местное португальское правительство ввело ежегодный налог на каждую пальму, от выращивания кокоса отказались. Слоновая кость поступает главным образом с Ибо и мыса Дельгадо, а также из Келимане, и ее получают от слонов, все еще обитающих в бассейне Замбези и в восточных частях Ньясаленда. Тем не менее, большинство упомянутых выше продуктов, за исключением слоновой кости, добывается только в плодородном прибрежном поясе; ибо за двадцатимильной полосой обработанных земель, которая простирается более или менее вдоль всего побережья Мокамбике, внутренняя часть страны сухая и безводная, за исключением некоторых благоприятных речных долин и великолепного горного региона Намули, между Ангоше и верховьями реки Шире.

Португальское влияние, хотя и не всегда португальское правление, в конце 17 века распространилось на юг, к северному берегу залива Делагоа. Здесь поселение Лоренсу Маркес было основано как торговая станция. В начале 18 века эта португальская станция была заброшена; пришли капские голландцы и построили там фабрику, которая, однако, была разрушена англичанами в 1727 году. Тем не менее Португалия продолжала предъявлять свои претензии к Лоренсу Маркесу; и когда в 1776 году англичанин по имени Болтс (ранее работавший в Английской Ост-Индской компании), поступивший на службу к Марии Терезии, чтобы основать Австрийскую компанию для торговли с Ост-Индией из Фландрии, прибыл туда с большим количеством сторонников, состоящих из австрийско-итальянских подданных, и заключил договоры с вождями залива Делагоа, португальцы выразили протест и направили представления австрийскому правительству. От этих протестов было бы мало толку, если бы ужасная вспышка лихорадки не унесла почти всех европейских поселенцев. Таким образом, австрийские претензии были оставлены; и португальцы продолжали время от времени давать знать о своем присутствии там квазивоенному коменданту или правительственному торговому учреждению. Когда экспедиция адмирала Оуэна посетила залив Делагоа между 1822 и 1824 годами, они обнаружили небольшое португальское предприятие на месте нынешнего города Лоренсу Маркес^[74]. Понимая важность этой гавани и не найдя никаких доказательств притязаний Португалии на ее южный берег, капитан Оуэн заключил договоры с королем Тембе, по которым южная часть залива Делагоа была передана Великобритании. Португальцы выразили косвенный протест, сняв британский флаг во время отсутствия капитана Оуэна, но флаг был вновь поднят в 1824 году. За действиями Оуэна, однако, не последовало эффективной оккупации, хотя, с другой стороны, португальцы ничего не делали для восстановления своей власти над южным берегом залива, пока в шестидесятых годах растущее значение Южной Африки не побудило британцев подтвердить свои претензии. Дело было передано в арбитраж, и маршал Мак-Магон, президент Французской Республики, был выбран арбитром. Его вердикт — заведомо предвзятый — не только отдал португальцам южный берег залива Делагоа, но и даже больше территории, чем они на самом деле претендовали. Британия в некоторой степени подготовилась к неблагоприятному вердикту, заключив предварительное соглашение, предусматривающее, что та из двух спорящих держав, которая овладеет всей бухтой Делагоа или ее частью, должна предоставить другой право преимущественной покупки.

Читая огромную массу доказательств, представленных и сохраненных в "Синих книгах", автору настоящего доклада кажется, что любой беспристрастный судья пришел бы к

следующим выводам: претензии португальцев на северный берег залива Делагоа были обоснованными; но что на южный берег этого важного залива они не осуществляли никакой оккупации и не предъявляли никаких претензий до прибытия адмирала Оуэна и заключения им договора; и что даже после действий, предпринятых адмиралом Оуэном, они не предприняли ничего, кроме снятия поднятого им флага, и не предприняли ничего на пути оккупации или заключения договора самостоятельно. Процедура Оуэна не была отвергнута британским правительством, которое, кроме того, имело другие права на рассматриваемую территорию, унаследованные от голландцев. За вмешательством Оуэна, правда, не последовала немедленная оккупация; и британская позиция была бы очень слабой, если судить по суровым правилам Берлинской конвенции 1884 года. Но тогда, если бы территория Португалии в Восточной Африке была разграничена по таким же суровым правилам, она сократилась бы до нескольких укрепленных поселений. Великобритания имела справедливые права на южный берег залива Делагоа; и присуждение награды маршалу Мак-Магону было предвзятым, как говорят, в основном из-за влияния его жены, которая по целому ряду причин горячо поддерживала португальцев.

В 1887-9 годах по концессии португальцев группой английских и американских капиталистов была построена железная дорога между Лоренсу Маркесом (залив Делагоа) и границей Трансвааля, результаты которой изложены в главе VII. Эта железная дорога была захвачена и расширена португальцами в 1889 году.

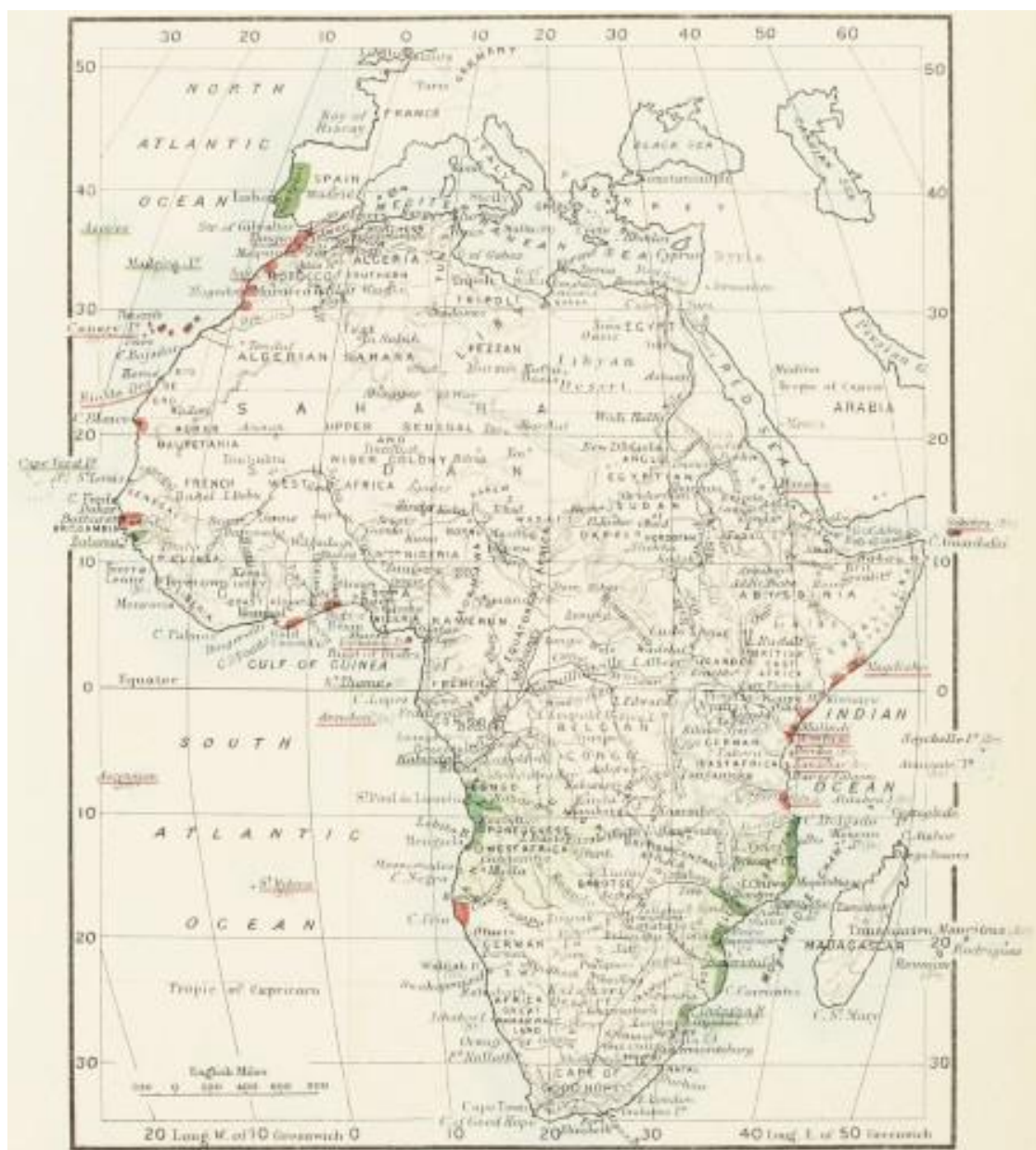
После вручения премии Delagoa Bay award португальцы предприняли решительные усилия по исследованию и завоеванию юго-восточного побережья Африки и стран, расположенных вдоль нижнего течения Замбези. На крайнем севере своих владений в Мокамбике у них возник спор с султаном Занзибара за владение заливом Тунги и южным берегом устья реки Рувума. После своей катастрофической борьбы с арабами в 17-18 веках португальцы определили северную границу своих восточноафриканских владений как мыс Дельгадо; и мыс Дельгадо отдал бы им весь залив Тунги, но не устье реки Рувума. Очевидно, что султан Занзибара вторгся в чужие владения как правитель, когда он претендовал на залив Тунги, хотя и не тогда, когда он претендовал на устье реки Рувума. Португалия, потеряв терпение во время раздела Занзибарского султаната между Англией и Германией, совершила вооруженный десант в залив Тунги в 1889 году и с тех пор удерживает его, хотя немцы вывели из-под ее контроля устье Рувумы, на которое они претендовали как на наследство султана Занзибара.

Основание Британской Южноафриканской компании в 1889 году и последующее освоение Машоналенда и Мателелеланда подвергли португальские территории к югу от Замбези тщательному изучению со стороны этих купцов-авантюристов, которые от имени Великобритании наложили руки на всю территорию, где португальцы не могли доказать притязания, подкрепленные оккупацией или правящим влиянием. Существовало сильнейшее искушение проигнорировать претензии Португалии на реку Пунгве и проложить путь к морю в Бейре; но дух справедливости восторжествовал, и никакое реальное нарушение португальских прав не было санкционировано британским правительством или даже предпринято Компанией. В июне 1891 года, после нескольких безуспешных попыток, между Англией и Португалией была достигнута конвенция, которая достаточно четко определила границы британских и португальских территорий на Юго-востоке, Юго-западе и юге Центральной Африки. Права проезда были получены на справедливых условиях как в Бейре, так и в Чинде (дельта Замбези^[75]). С 1891 года между британцами и португальцами зарождаются дружеские чувства.

Португальцы прилагают постоянные усилия, чтобы взять под контроль свою богатую восточноафриканскую провинцию. В течение некоторого времени после их соглашения с Великобританией им угрожала на юге власть Гунгунымы, короля зулу, который правил страной Газа и имел привычку совершать набеги во внутренние районы за португальскими поселениями Лоренсу Маркес и Иньямбане. Португальцы воевали против него в течение трех лет без удовлетворительных результатов, пока майор Музиньо де Альбукерке смелым ударом, проявившим большую храбрость, не вторгся в лагерь Гунгунымы с горсткой португальских солдат и не взял короля в плен. За этот доблестный поступок он в конечном итоге был назначен генерал-губернатором португальской Восточной Африки, а затем сделал кое-что для подчинения беспокойных племен Макуа, расположенных напротив Мокамбике.

ПОРТУГАЛЬСКАЯ АФРИКА

Табличка III.

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Площадь португальских владений в 1820 году

” ” ”1912

году *Утраченные или обмененные владения*

Большая часть их трансзамбезианских владений вдоль Восточного побережья и непосредственно к югу от нижней Замбези и к северу от Иньямбане и реки Саби была в 1891 году передана в управление Зафрахтованной компании, которая, хотя теоретически португальцы черпают свой капитал в основном из английских, французских и бельгийских источников, и в основном управляется англичанами. Эта “Мокамбикская компания” с момента своего основания многое сделала для открытия страны; однако строительством железной дороги в основном обязана Британской южноафриканской компании, которая построила железнодорожную ветку от столицы Бейры до восточной границы Южной Родезии. Кроме того, под эгидой компании Moçambique строится северная линия, ведущая к Замбези и пересекающая эту реку, чтобы присоединиться к железной дороге Шир-Хайлендс в Порт-Геральде. Когда это будет завершено, Бейра, вместо Чинде или Келимане, станет морским портом британского Ньясаленда.

К югу от реки Саби и вплоть до границ Британской Южной Африки страной напрямую управляет Португалия, крупный город Лоренсу Маркес (залив Делагоа) в настоящее время является высшей столицей государства Восточная Африка, как называют провинции Мокамбике. Здесь проживает генерал-губернатор с подчиненными чиновниками в Мокамбике, Келимане, Сене, Зумбо, Тете, Чинде и Иньямбане.

Недавняя революция в Португалии (1910 г.) и переход от монархии к республике незначительно повлияли на африканские владения Португалии в лучшую сторону. Расследуются давние злоупотребления, и применяются некоторые средства правовой защиты. И все же ресурсы маленькой Португалии крайне ограничены в людях и деньгах для поддержания верховенства, закона и порядка в этих обширных африканских владениях — владениях, которые простираются от северо-запада до Юго-востока Африки и включают площадь в 794 000 квадратных миль. В 1898 году, когда нестабильное положение в Африке и соперничество между Великобританией, Германией и Францией сделали целесообразным предусмотреть выделение португальских колоний, если они ускользнут из рук Португалии или будут выставлены на продажу, между Великобританией и Германией было заключено соглашение о разделе португальских африканских владений на сферы влияния. Но понятно, что позднее Великобритания, возобновив свой старый союз с Португалией, гарантировала ей беспрепятственное владение ее колониальными владениями.

ГЛАВА V

ИСПАНСКАЯ АФРИКА

Предприятие Испании в Африке было относительно небольшим, большая часть испанской энергии была направлена на создание империи в Новом Свете, на Дальнем Востоке, в Италии и Фландрии. Сначала она также была политически связана с португальской колониальной империей. Тем не менее Испания оставила очень отчетливые следы своего

влияния на северо-запад Африки как в языке, так и в культуре. В прошлые времена это было связано с испанскими маврами, изгнанными из Испании, но привнесшими много испанской доблести, изобретательности, искусства и гордости в жизнь Марокко, Алжира, Туниса и Тимбукту.

Когда Португалия начала приобретать заморские владения на островах Азорес (1437-66), Мадейра (1430) и на побережье Марокко, христианская Испания все еще была разделена на три королевства — Кастилию, Арагон и Наварру - и два первых сосредоточили свою энергию на разрушении мавританского королевства Гранада (не завершено до 1492 года). Но монархи Кастилии и Арагона стали ревниво относиться к международной экспансии Португалии; и эта держава сочла мудрым уступить Кастилии в 1479 году португальские притязания на Канарские острова.

Канарские острова были частично завоеваны нормандским авантюристом Жаном де Бетанкуром в 1402-1406 годах, более или менее находясь под сюзеренитетом Кастилии; а Канарское королевство перешло в руки Фердинанда и Изабеллы в 1476 году. До окончательной оккупации испанцами острова были населены древней берберской расой, известной как гуанчи. Они были частично истреблены, а частично поглощены испанскими поселенцами, с которыми они были настолько близки по крови, что полное расовое слияние оказалось легким делом, тем более что магометанство не коснулось гуанчей. Канарские острова были бесценной отправной точкой для трансатлантических экспедиций испанских кораблей в течение первых пятидесяти лет открытия Америки и колонизации. Многие испанские и гуанчские колонисты — *Isleños*, или островитяне, — перебрались с этого архипелага из семи островов на большие Антильские острова; и сегодня на Кубе и в Порто-Рико есть плантации и деревни, которые носят берберские названия, происходящие от названий пленных гуанчей или колонистов, которые их основали. Однако Испании потребовалось пятнадцать лет, чтобы покорить храбрых и воинственных гуанчей, и эта задача была выполнена только в 1495 году. Чудесные пейзажи, благоприятный климат и плодородная почва привлекли внимание британцев в 18 веке; и были предприняты одна или две попытки овладеть этим архипелагом, но перед лицом доблестного сопротивления, оказанного островитянами (именно на Тенерифе Нельсон потерял руку при попытке высадки), алчность британцев была пресечена. В 1833 году архипелаг получил статус отдельного государства — самостоятельной провинции Испании; но в 1902 году движение за самоуправление было жестоко подавлено. Канарские острова в настоящее время политически являются частью Испании. Они полностью цивилизованны, хорошо управляются и процветают. Два главных острова, Тенерифе и Гранд-Канари, являются излюбленными курортами для здоровья; и вся группа во многом обязана британскому капиталу, предприимчивости и судоходству своим промышленным и сельскохозяйственным развитием.

В конце 15 века испанцы продолжили изгнание мавров из Испании, напав на них на Северном побережье Африки. Они обосновались в Мелилье^[76], Оране, Алжире^[77], Бугиа, Бона, Хунейн, Суза, Монастир, Мехедия, Сфакс и Голетта^[78]. Апогея испанского могущества в Северной Африке было достигнуто около 1535 года, в это время испанцы попеременно с турками господствовали в Берберийских государствах. Затем, из-за победы, склоняющейся на сторону турецких корсаров^[79], власть испанцев над страной начала ослабевать. Решительная попытка взять и удержать город Алжир была предпринята Карлом V в 1541 году, когда испанцы потеряли Пеньон, скальную крепость, возвышающуюся над частью города. Эта попытка 1541 года (только менее серьезная, чем французская экспедиция 1880 года), вероятно, увенчалась бы успехом, если бы не проливной дождь, который сделал

окружающую местность непроходимой для испанских пушек и кавалерии и привел к ужасному разгрому. Если бы Алжир пал в это время, его захват мог бы привести к созданию испанской империи над Северной Африкой. Как бы то ни было, этот двадцатичетырехчасовой ливень изменил будущее северной части континента или, скорее, предотвратил перемены, которые могли бы иметь очень далеко идущие результаты. Карл V вторгся в Тунис в 1535 году по призыву предпоследнего монарха из Дома Хафсов, который был изгнан турецким пиратом Хайреддином. Хотя его вмешательство в конечном счете не увенчалось успехом, и его протеже был убит, а ему наследовал его сын, который более или менее интриговал с турецкими корсарами, испанцы сохраняли свою власть в Голетте до 1574 года, после чего турки определенно вмешались в дела Туниса. Испанцы сдали Голетту пирату-отступнику Очиали, а вместе с этим и все их влияние на Тунис. Экспедиция, которую они отправили на остров Джерба под командованием герцога де Медина-Кели и младшего Дориа, закончилась большой катастрофой — поражением от рук мавританских пиратов, которые, как говорят, вырезали не менее 18 000 испанцев (май 1560 г.). Их черепа были встроены в башню, которая оставалась видимой недалеко от города Хумт-Сук до 1840 года, когда добрые мальтийские поселенцы на этом острове получили разрешение от бея Туниса похоронить испанские черепа по-христиански, которые сейчас захоронены на христианском кладбище в Хумт-Сук. На короткие промежутки времени испанцы удерживали другие прибрежные города^[80] Туниса, но, отступив из Голетты, они отказались от дальнейшего контроля над регентством.

Они наконец покинули Оран в 1791 году, после ужасного землетрясения. Они были изгнаны из этого места в 1708 году, но вернули его себе спустя 24 года и удерживали еще 59 лет. Испания сохранила до наших дней на северном побережье Марокко только маленький остров Мелилья^[81], остров Альхусемас, скалу Велес-де-ла-Гомера и скалистый мыс Сеута. Сеута (и Тетуан, которыми она когда-то владела) достались ей в наследство от Португалии после того, как в 1640 году между двумя монархиями вновь произошло разделение.

Пробудившись от оцепенения, последовавшего за наполеоновскими войнами и внутренней борьбой за конституционное правление в результате действий Франции в Алжире, Испания внезапно захватила острова Шафаринас^[82] в 1849 году, чтобы упредить французов. На основании какого-то пункта договора, заключенного после войны с маврами (1859-60), Испания отвоевала у Марокко город Ифни, расположенный недалеко от мыса Нун на атлантическом побережье и почти напротив Канарских островов, но не предпринимала попыток оккупировать его. С середины 19 века все большее число испанцев, в основном ремесленников и крестьян, эмигрировало из Андалусии на Оранское побережье Алжира, в результате чего в Западном Алжире сегодня проживает испаноязычное население численностью около 150 000 человек. Тем не менее, до 20 века Испания, отвлеченная внутренними делами и проблемами на Кубе, казалось, была готова позволить Марокко выйти из-под ее контроля и перейти к Англии или Германии, пока возрождение испанской промышленности и торговли и потеря ее колоний в Америке и Тихом океане не заставили ее умолять Великобританию и Францию оставить за Испанией сферу влияния на северном побережье Марокко. В 1910-11 годах регион между Мелильей и устьем Мулуи перешел под контроль Испании; а в 1911 году испанские войска заняли все важные города на побережье между Мелильей и Каср-эль-Кабиром на Атлантике или вблизи них, за исключением Танжера (который, вероятно, будет интернационализирован). Испания фактически рано или поздно аннексирует всю страну Риф на Севере Марокко. На юге она претендует на очень большую территорию между мысом Джуби и горами Антиатлас.

Испания позволила своему влиянию на побережье напротив Канарских островов (“Санта-Крус-де-Мар-Пекена”) ослабнуть между концом 16 века и борьбой за Африку, начавшейся в 1884 году. В этот период на мысе Джуби, к югу от границы с Марокко, была основана английская торговая фирма с агентствами на Канарских островах; британское влияние на некоторое время господствовало на побережье, непосредственно противоположном Канарским островам, и остановило действия Испании в этом районе. Однако после начала борьбы за Африку испанцы, которые были очень заинтересованы в северо-западном побережье (из-за его ценного рыболовства, в котором были заняты канарские рыбаки), подняли свой флаг в 1885 году в бухте под названием Рио-д'Оур^[83] и объявили протекторат над побережьем Сахары между мысом Бланко и мысом Бохадор и на различном расстоянии от суши. С тех пор этот протекторат распространился дальше на север, за мыс Бохадор; но Империя Марокко теоретически простирается к югу от мыса Джуби до испанской границы, поскольку мавританское правительство выкупило претензии английской компании. Внутренняя граница этого испанского протектората была недавно установлена как между Францией и Испанией и занимает площадь приблизительно в 73 000 квадратных миль, в основном пустынную, но простирающуюся вглубь страны до холмов Адрар. Единственное заведение, имеющее какое-либо значение или размер, находится в заливе Рио-де-Оро, недалеко от островка, который когда-то часто посещали карфагеняне. Несомненно, вскоре протекторат Рио-де-Оро будет объединен с территорией, на которую претендует Испания на юго-западе Марокко.

В 1778 году Испания, которая была глубоко заинтересована в работорговле на западном побережье Африки из-за необходимости регулярных поставок рабов в свои южноамериканские владения, добилась от Португалии уступки острова Фернандо По, а также захватила остров Анно Бом - последний из этой серии экваториальных вулканических островов и самый маленький. Примерно в то же время испанцы основали поселение в заливе Кориско^[84]. Испанские претензии простираются на некоторое расстояние вверх по реке Муни. Границы Испанской Гвинеи (как ее называют) были установлены французами в 1900-1922 годах, в результате чего Испании была выделена территория в 9800 квадратных миль. Этот очень интересный участок экваториального побережья Западной Африки, несомненно, является домом для гориллы. Он населен неграми-банту, особенно принадлежащими к группе клыкастых.

В конце 18 века испанский остров Фернандо По был практически заброшен. Когда британцы предприняли попытку покончить с работорговлей у побережья Западной Африки, Фернандо По стал их штаб-квартирой (в 1829 году); и на какое-то время им было разрешено управлять этим испанским правительством, британский представитель или “Суперинтендант” был одновременно назначен губернатором с испанской комиссией. Но в 1844 году испанцы решили возобновить прямое управление и отказались продавать свои права Великобритании, хотя с этой целью были предприняты определенные попытки. Примерно до 1890 года ничего не делалось для освоения ресурсов этого густо поросшего лесами, очень плодородного, но нездорового острова. Однако с того времени негритянским и европейским плантаторам стало оказываться некоторое поощрение. Из-за того, что остров так долго находился под британским контролем, здесь проживает большое количество англоговорящих негров, и английский язык в Фернандо По понимают намного лучше, чем испанский. Эти негры происходят от нескольких освобожденных рабов из Сьерра-Леоне. Коренные жители - племя банту невысокого роста и очень непритязательной культуры, известное как бубе^[85]. Это племя находится в отдаленном родстве с народом северной части Камеруна и говорит на изолированном диалекте банту. В последнее время в Фернандо-По произошло значительное развитие выращивания какао, что связано с ввозом иностранных

чернокожих рабочих из Либерии; но интересы коренных жителей бубе были надежно защищены испанскими доминиканцами и британскими миссионерами-первобытными методистами.

ГЛАВА VI

ГОЛЛАНДЦЫ В АФРИКЕ

Хотя, как будет показано в следующей главе, британские моряки были первыми авантюристами других национальностей, последовавшими за португальцами в исследовании берегов Африки, голландцы, как поселенцы и колонисты, почти по праву занимают хронологическое место рядом с португальцами и испанцами. Голландцы совершили свое первое торговое путешествие к побережью Гвинеи в 1595 году, через 16 лет после того, как сбросили иго Испании. Под предлогом войны с Испанской империей, в которую тогда входила Португалия, они вытеснили последнюю державу в различных местах вдоль западного побережья Африки — в Аргуине, в Гори (недалеко от Дакара, куплен у туземцев в 1621 году), Эльмине (1637) и в Сан-Паулу-де-Лоанда примерно в то же время; при этом они трижды угрожали Мокамбике на восточном побережье (1604, 1607, 1662) и овладели островом Маврикий (1598), который был местом захода португальских кораблей. Маврикий, открытый в 1505 году португальским морским капитаном Маскареньясом (в честь которого названы “Маскаренские” острова - группы Маврикий-Реюньон-Родригес), в то время был необитаем и обладал огромным количеством крупного и чудовищного наземного плодового голубя, Дронта, которого голландские моряки и завезенные ими стада свиней истребляли в течение примерно ста лет. На западном побережье Африки, помимо вытеснения португальцев, голландцы прочно обосновались на Золотом берегу с помощью 16 собственных новых фортов^[86], в большинстве случаев рядом с британскими поселениями, к которым голландцы относились с величайшей завистью.

Голландский захват Золотого берега был ответственен за огромный рост работорговли между Западной Африкой и Америкой и является причиной того, что такая большая часть негров Соединенных Штатов, Вест-Индии и Гвианы имеют происхождение от ашанти (короманти, кормантинцев) и фанти; как видно из их фольклора, легенд и лингвистических свидетельств их диалектов. Голландцы были не прочь смешать свою кровь с кровью негров Золотого берега; и их долгое пребывание в этих фортах произвело впечатление в виде расы голландских полукровок, которая существует по сей день и обеспечивает британское правительство полезными работниками на многих второстепенных должностях. Но после отмены работорговли торговля голландцев с побережьем Гвинеи пошла на убыль, и их политическое влияние также исчезло; так что к 1872 году последний из голландских портов был передан Великобритании в обмен на уступку с нашей стороны прав, которыми мы обладали на Суматру. Тем временем голландская торговля начала прочно закрепляться на побережье Конго и Анголы; и возможно, что, если бы передача фортов Золотого берега была отложена еще на несколько лет, этого бы никогда не произошло, поскольку Голландия ведет значительную торговлю с Африкой, и в Нидерландах в течение некоторого времени испытывалось сильное сожаление по поводу исключения флага этой страны из африканского континента.

Но гораздо более важная колонизация, чем плацдарм на побережье работорговли, была осуществлена косвенно для Голландии в середине 17 века; голландская Ост-Индская компания, желая превратить мыс Доброй Надежды в нечто большее, чем порт захода, который мог попасть в руки Португалии, Франции, Англии или любого другого конкурента, решила занять эту важную станцию. Голландцы завладели островом Святой Елены в 1645 году; но после того, как голландский корабль потерпел крушение в Столовой бухте в 1648 году, команда высадилась и разбила лагерь там, где сейчас стоит Кейптаун. Здесь они были вынуждены прожить пять месяцев, пока их не подобрали другие голландские корабли; но в течение этого периода они сеяли и собирали урожай зерна и получали много мяса от туземцев, с которыми были в хороших отношениях. Благоприятный отзыв, который они дали об этой стране по возвращении в Голландию, после многих лет колебаний принял решение Голландской компании вступить во владение Тейбл-Бэй. Была отправлена экспедиция под руководством Яна ван Рибека, корабельного хирурга, который уже побывал в Южной Африке. Три корабля экспедиции Ван Рибека достигли Столовой бухты 6 апреля 1652 г.^[87]

В разные периоды в начале 16 века голландцы объединили свои морские предприятия в две крупные зафрахтованные компании — Голландскую вест-Индскую компанию и Голландскую ост-Индскую компанию. Вест-Индская компания захватила все поселения на Западном побережье Африки и обладала монополией на торговлю или господство на всем Атлантическом побережье тропической Америки. Ост-Индская компания должна была обладать аналогичной монополией от Тихоокеанского побережья Южной Америки через Индийский океан до мыса Доброй Надежды. Штаб-квартира Ост-Индской компании, где были учреждены ее генерал-губернатор и Совет, находилась в Батавии, на острове Ява. Сначала не предполагалось основывать в Южной Африке что-либо вроде колонии - просто безопасное место захода для кораблей, занимающихся торговлей с Ост-Индией. Но обстоятельства оказались слишком суровыми для этого скромного резерва. Неизбежная ссора возникла между голландским гарнизоном в Тейбл-Бей и окружавшими его готтентотами. Во времена голландского заселения Кейпа весь юго-западный уголок Африки был населен только готтентотами и бушменами; плодовые негры-банту не подходили к голландцам ближе, чем к окрестностям залива Алгоа. В 1659 году произошла небольшая война с готтентотами, в результате которой голландцы сначала победили, сражаясь, а затем купили небольшую прибрежную полосу земли от залива Салданья на севере до залива Фолс-Бей на юге, таким образом обезопасив полуостров, который заканчивается у мыса Доброй Надежды. Французские парусные суда имели обыкновение заходить в залив Салданья, и в 1666 и 1670 годах французы предпринимали безуспешные попытки закрепиться там. Голландия также примерно в это время попеременно находилась в состоянии войны с Англией, Францией или обеими державами. Поэтому голландцы решили построить форты, более способные противостоять нападению европейцев, чем те, которых было достаточно для защиты колонии от готтентотов. Тем не менее, несмотря на случайные неспровоцированные военные действия со стороны голландцев, они оставались в нетронутом владении мысом Доброй Надежды более ста лет. У англичан местом захода была остров Святой Елены (который они отняли у голландцев в 1655 году); а у французов были поселения на Мадагаскаре и Маврикии, где они пришли на смену бывшей голландской оккупации. С другой стороны, чиновникам Голландской компании было приказано проявлять вежливость ко всем желающим без излишней щедрости; они могли снабжать их водой для своих кораблей, но они должны были давать как можно меньше провизии и корабельных припасов. Как Франция, так и Англия были заинтересованы в том, чтобы на мысе Доброй Надежды существовало какое-нибудь европейское поселение для пополнения запасов судов и убежища от кораблей, гонимых штормом. После нескольких попыток, которые продолжались вплоть до 1673 года, изгнать англичан с острова Святой Елены, голландцы,

наконец, сдали им остров. Они также в 1598 году захватили остров Маврикий и начали определенную оккупацию в 1640 году. Но этот остров был оставлен в 1710 году и вскоре после этого стал французским владением. Таким образом, французы на Маврикии, с одной стороны (а также на острове Бурбон, ныне называемом Реюньон), и англичане на острове Святой Елены, с другой, имели пункты захода, где они могли прервать долгое плавание в Индию и обратно, и поэтому были довольны тем, что оставили Голландскую Ост-Индскую компанию в полном владении Южной Африкой.

Правительство Нидерландской Ост-Индской компании было полностью деспотичным. Им управляла Палата из 17 директоров в Амстердаме с заместителями в Батавии. Комендант Кейптауна, который попеременно подчинялся Амстердаму и Батавии и мог быть отменен любым офицером более высокого ранга, мимоходом заехавшим на его пост, был подчиненным Компании и должен был беспрекословно выполнять ее приказы. В своем местном законодательстве он руководствовался рекомендациями исполнительного совета, состоящего из ряда должностных лиц, которые помогали ему в управлении, и издававшего законы посредством прокламаций и распоряжений в совете без какого-либо представительства общественного мнения среди колонистов, которым, однако, со временем было разрешено избирать членов Совета юстиции или Высокого суда.

После первых трехлетних колебаний энергичные усилия были направлены на развитие сельского хозяйства, особенно выращивания зерновых. Пшеницу сеяли в подходящих местах, а виноградные лозы и ивы высаживали по берегам ручьев на склонах холмов за Кейптауном. Тем не менее колонистам ужасно мешали ограничения, которые делали их почти рабами Компании. Рабочая сила белых оказалась дорогостоящей и несколько бунтарской, поэтому была предпринята попытка привлечь негров-рабов из Анголы и Мокамбике, но они не имели успеха в качестве полевых рабочих. Поэтому голландцы повернулись к Мадагаскару и, прежде всего, к Малайскому архипелагу; и с последнего были завезены особенно рабочие, которые со временем превратились в отдельную популяцию мусульманских свободных людей значительного достатка^[88]. Поскольку голландские иммигранты все еще сдерживались от заселения Мыса с многочисленным населением (из-за жадности и деспотической назойливости Компании), становилось все более и более необходимым внедрять чернокожую рабочую силу; и в первой половине 18 века много негритянских рабов было завезено с Золотого берега и из Мокамбика. Кейп превратился в колонию, где работали рабы, но в целом к рабам относились по-доброму; их детей отправляли в школу, и были предприняты некоторые попытки внедрить среди них христианство. Однако по-настоящему жалеть следовало не ввозимых рабов, а готтентотов, которые стали нацией крепостных для голландских фермеров, и численность которых начала значительно сокращаться под влиянием пьянства и сифилиса, а также из-за того, что их изгнали с плодородных, хорошо орошаемых земель обратно в негостеприимные пустыни. В 1682 году, спустя 30 лет после основания колонии, перепись показала в общей сложности 663 голландских поселенца, из которых 162 были несовершеннолетними или детьми. Примерно за тот же период было предпринято мало попыток исследовать страну в 100 милях от Кейптауна, если вообще предпринимались какие-либо попытки; но побережье от Малого Намакваланда на западе до Зулуленда на востоке было исследовано к концу 17 века. Действительно, бухта Наталь была куплена представителем Нидерландской компании в 1689 году; но судно, доставившее обратно документ о покупке, было потеряно, и дальнейших попыток предъявить претензии предпринято не было. В 1684 году состоялся первый экспорт зерна в Индию, а в 1688 году на Цейлон было отправлено немного капского вина. В 1685 году и в последующие годы директорам в Амстердаме были сделаны заявления о том, что колония состоит в основном из холостяков и что следует высылать хороших девушек на выданье.

Результатом этого обращения стало то, что в 1687 году многие свободные бюргеры (а именно, лица, более или менее независимые от Компании) были обеспечены женами; и их число и их семьи составляли почти 600 человек, в дополнение к 439 другим европейцам, которые в основном были наемными работниками Компании.

В 1685 году Людовик XIV невольно нанес Франции страшный удар, отменив Нантский эдикт, в результате чего тысячи французских протестантов эмигрировали в другие страны, где они могли пользоваться свободой вероисповедания. Голландские протестанты сочувствовали бездомным гугенотам, и Нидерландская компания решила предоставить ряду этих беженцев бесплатный проезд и земельные участки. К 1689 году около 200 французских эмигрантов высадились на мысе и поселились в горной местности за Кейптауном. Здесь, однако, им не разрешили сформировать отдельную общину. Они были рассеяны среди голландских поселенцев, их детей учили голландскому, и через несколько лет они были полностью поглощены голландской общиной; хотя они оставили неизгладимые следы своего присутствия во многих французских фамилиях, которые можно встретить среди южноафриканских голландцев в наши дни (однако всегда произносятся на голландский манер), а также в темных глазах, темных волосах и красивых чертах лица, которые так часто можно увидеть у наиболее привлекательного типа буров. Более красивых мужчин и женщин, чем некоторые африканеры, встретить было бы невозможно; но эта личная красота обычно прослеживается до происхождения гугенотов. Французские поселенцы научили голландцев усовершенствованным методам выращивания кукурузы и виноделия и в целом более научному ведению сельского хозяйства. Ближе к концу 17 века голландцы завезли дуб на Капский полуостров и в пригороды Кейптауна, где он сейчас является такой красивой и заметной достопримечательностью. Все это время готтентоты почти не доставляли хлопот. Их нанимали то тут, то там в качестве слуг; но они не пытались восстать против европейских поселенцев, хотя очень часто ссорились между собой. В 1713 году большое количество из них было истреблено эпидемией оспы. Голландцы еще не вступали в контакт с так называемыми кафрами^[89].

К середине 18 века Голландская компания перестала процветать, страдая от французской и английской конкуренции. Уже в начале 18 века его деспотическое правление и злоупотребление властью со стороны его губернаторов, которые использовали его власть и его слуг для собственного обогащения, привели к восстанию среди поселенцев; и хотя некоторые из них были арестованы, заключены в тюрьму и сосланы, Компания частично удовлетворила их претензии, запретив своим должностным лицам в будущем владеть землей или заниматься торговлей. Еще до этого Компания сочла необходимым назначить специального чиновника, подчиняющегося Генеральному аудитору и независимому судье вместе взятым, наряду с комендантом или губернатором, непосредственно ответственного перед Директорами и независимого от власти губернатора; но этот институт привел только к ссорам и разделению лояльности. Среди губернаторов было несколько способных и честных людей; и особого упоминания заслуживает губернатор Тулбаг, который правил без упреков и с большими способностями в течение двадцати лет (1751-71)^[90].

Несмотря на лицензии и монополии, десятину, налоги и арендную плату, Компания не могла прокормиться в Капской колонии. В 1779 году он был более тесно связан с государством в Голландии благодаря назначению Штадхаудера (или Главы государства) бессменным главным директором. Благодаря этому изменению Компании, частично поддерживаемой государством, удалось продолжить ведение своих дел; и, возможно, произошло некоторое ослабление ограничений, что позволило поселенцам жить дальше от города. До начала 18 века постоянный приказ запрещал торговлю между поселенцами и туземцами; но когда этот

приказ был отменен, фермеры начали покупать скот у готтентотов, и население стало более рассеянным. Сдавая землю в аренду фермерам, Компания установила правило, согласно которому между одной усадьбой и соседней должно быть свободное пространство в три мили; и это правило привело к более широкому распространению европейских поселенцев, чем предполагалось политикой Компании.

К началу 18 века голландские поселенцы начали пересекать горы, которые лежат за узкой полосой прибрежной суши, образующей выступ в океан по обе стороны от мыса Доброй Надежды. Семьдесят лет спустя границами Капской колонии на севере и западе стали река Берг и горы Звартеберген, а на востоке - река Гамтоос. Несколько лет спустя пионеры колонизации пересекли реку Берг и обосновались так далеко на севере, что достигли реки Олифантс, названной так потому, что более ранние исследователи видели на ее берегах стада в сотни слонов. Оранжевая река была впервые открыта в 1760 году; а в 1779 году капитан Гордон, шотландец на службе Голландской компании, проследил ее на некотором расстоянии до устья и назвал в честь главы Голландского государства. До сих пор голландское правительство было ограничено узкой прибрежной полосой; но в 1785 году был образован район Грааф Рейнет^[91], и то же название было дано деревне, которая стала его столицей. Затем голландская граница подкралась к реке Грейт-Фиш, которая берет начало далеко на севере, недалеко от русла Оранжевой реки. Эта Великая Рыбная река оставалась самой восточной границей колонии во времена Нидерландов. На севере его границы были расплывчаты, а в одном направлении доходили почти до Оранжевой реки, за вторым большим хребтом южноафриканских гор - Снеубергеном. Но за пределами непосредственных границ Капской колонии голландцы проявляли некоторый интерес к судьбе Юго-Восточной Африки. Они наладили тайную и случайную торговлю с португальским побережьем Восточной Африки, которая сначала началась с торговли рабами (большое количество макуа было завезено из Мокамбике в Кейптаун), продолжалась поставками тропических продуктов и, со многими перерывами, привела к созданию в наши дни важных голландских коммерческих фирм вдоль побережья Мозамбика. В 1720 году, после эвакуации Маврикия, из Капской колонии была отправлена экспедиция в залив Делагоа, на который, хотя и претендовали португальцы, они отказались в начале 18 века, что касается фактической оккупации (см. стр. 110). Голландцами был построен форт, получивший название Лидзаамхейд; были проведены предварительные исследования в направлении Замбези, где добывали золотой песок. Однако за десять лет оккупации смертей от лихорадки было так много, что поселение было закрыто в 1730 году.

В 1770 году общее европейское население Капской колонии составляло почти 10 000 человек, из которых более 8000 были свободными колонистами, а остальные - "слугами" и наемными работниками Компании. Все это время, хотя процветание Кейпа росло и экспорт пшеницы, вина и скота развивался удовлетворительно, доходы неизменно не покрывали расходов; и, если бы не произошли другие события, голландская компания вскоре была бы вынуждена из-за банкротства передать управление Кейпом в другие руки. Но ближе к концу 18 века голландцы, слишком слабые, чтобы противостоять влиянию Франции и России, проявляли завуалированную враждебность по отношению к Англии, в результате чего Англия, которая, с другой стороны, втайне стремилась завладеть Кейптауном из-за развития Британской империи в Индии, объявила войну Нидерландам в конце 1780 года. В 1781 году британский флот под командованием commodора Джонстона покинул Англию и направился к мысу Доброй Надежды с 3000 военнослужащих на борту. Джонстон, однако, из-за штормов и по другим причинам, не столь очевидным, но, возможно, из-за определенной нерешительности, задержал свой флот в Порто-Прайе, на островах Зеленого Мыса; и известие об экспедиции было предательски передано Франции лицами в Англии,

находившимися у нее на жалованье, адмирал Сюффрен - один из величайших морских бойцов - застал британский флот у островов Зеленого Мыса врасплох эскадрой меньшей силы и устроил ему такую хорошую взбучку, что Джонстон на несколько месяцев задержался в Кейптауне, где французы опередили его и высадились на берег. достаточно людей, чтобы провести британскую атаку на Кейптаун с сомнительным успехом. Поэтому Джонстон не очень похвальным образом удовлетворился уничтожением невооруженных голландских судов в порту, а затем покинул Кейптаун, не совершив высадки. Результатом стало размещение гарнизона Кейптауна французским полком еще на два года, однако за это время британцами была предпринята еще одна попытка захватить Кейптаун, которая была почти успешной. Однако в ходе этой войны Англия, очевидно, решила, что обладание мысом Доброй Надежды и Тринкомали на Цейлоне необходимо для благополучия ее индийских владений, и не упустила из виду эту политику, когда представилась следующая законная возможность начать войну с Голландией. С другой стороны, французы, хотя и вывели свои войска в 1783 году, в равной степени осознавали важность Кейпа; и в великой дуэли, которая должна была состояться между двумя нациями, с достаточной долей уверенности можно сказать, что Южная Африка никогда бы не осталась в руках голландцев; если бы она не стала английской, она была бы захвачена и удержана французами.

Примерно в это же время голландцы вступили в конфликт с кафирами. Этот авангард великой расы банту вторгся в южную Африку почти одновременно с белыми людьми. Придя с северо-востока и севера, они, как мы можем догадаться, пересекли Замбези примерно в 6 веке христианской эры; и их вторжение привело к частичному разрушению и оставлению сабейских и арабских поселений в золотодобывающих районах юго-восточной Африки. Семитские жители Зимбабве и других центров добычи полезных ископаемых были изгнаны обратно на побережье в Софале. Продвижение черных банту против теперь уже более сконцентрированных готтентотов и бушменов было тогда несколько медленнее, задерживаемое, без сомнения, естественными препятствиями, отчаянной обороной готтентотов, участками безводной местности на западе и междоусобной войной между ними. Вслед за первыми тремя отрядами захватчиков-банту через Замбези из районов Танганьики спустилась великая раса зулусов, родственная предшествовавшему им народу бечуана-басуто, но менее смешанная с кровью готтентотов и говорящая на своеобразном языке банту^[92]. К началу 18 века эта седьмая волна — как ее можно назвать — вторжения банту докатилась на юг до Великой реки Кей, а несколько лет спустя оттеснила готтентотов обратно к Великой Рыбной реке. В 1778 году они вступили в прямой контакт с голландцами; и губернатор Кейпа заключил соглашение с кафирскими вождями о том, что река Грейт-Фиш должна стать границей между голландским правлением и поселениями кафиров. Тем не менее, это соглашение было вскоре нарушено кафирами, которые начали совершать набеги на голландских поселенцев. В 1781 году первая кафирская война закончилась катастрофой для захватчиков-банту, которые были на время отброшены к реке Кей. Восемь лет спустя они снова вторглись в Капскую колонию. Была принята политика примирения, которая закончилась тем, что в 1789 году кафирам разрешили поселиться на голландском берегу Грейт-Фиш-Ривер.

В 1790 году Нидерландская Ост-Индская компания практически обанкротилась; а в следующем году (когда было подсчитано, что европейское население Кейптауна насчитывало 14 600 человек, владевших 17 000 рабов) голландский губернатор был отозван в Европу, и страна на год погрузилась в состояние административного хаоса, пока не прибыли два комиссара, присланные Генеральными штатами, и не приняли управление. Но на следующий год эти уполномоченные отправились в Батавию; и бюргеры внутренних округов были настолько недовольны неправильным управлением делами, что изгнали своих судей и

взяли управление своим округом в свои руки, назвав себя “Националами” и в какой-то степени заразившись духом Французской революции. Тем временем, в том же 1793 году голландское правительство присоединилось к Англии и Пруссии в войне против Франции. Два года спустя, в 1795 году, французские войска оккупировали Голландию и превратили ее в Батавскую республику, государство в союзе с Францией. Принц Оранский, наследственный Штадхаудер Нидерландов, бежал в Англию; и весной 1795 года он уполномочил британское правительство оккупировать Капскую колонию от имени Генеральных штатов, чтобы предотвратить ее захват французами. В июне 1795 года британский флот с войсками под командованием генерала Крейга прибыл в Фолс-Бей. Голландцы не очень охотно сдавали Кейптаун по первому требованию, даже несмотря на то, что внутри страны бунтовали против Компании. Как офицер, управляющий правительством Компании, так и недовольные бюргеры утонули в своих разногласиях, выступив против высадки британцев. Последние стремились избежать военных действий и поэтому потратили месяц на переговоры; но 14 июля британцы силой заняли Саймонс-Таун, а три недели спустя вытеснили голландцев с позиции, которую они заняли близ Кейптауна. В сентябре прибыли еще 3000 военнослужащих под командованием генерала Кларка, и в середине того же месяца они двинулись маршем на Кейптаун с юго-востока. Капитуляция была, наконец, достигнута после нападения и обороны, которые были нерешительными. С тех пор в течение восьми лет англичане оккупировали Кейптаун и управляли прилегающей колонией. Сначала их правление было военным, справедливым и удовлетворительным; впоследствии, когда был отправлен гражданский губернатор, была введена система коррупции и фаворитизма, которая вызвала большое недовольство. Британцы также дали понять, что они доверяют колонию только Стадхаудеру; и это сделало голландских поселенцев неуверенными в своей лояльности. Тем временем, однако, британская администрация доставила поселенцам некоторое удовлетворение своей политикой свободной торговли и открытых рынков, а также определенными льготами в налогообложении, а также учреждением бюргерского сената из шести членов. Но буры из внутренних районов еще некоторое время оставались непокорными. Более того, голландцы предприняли попытку вернуть себе контроль над мысом, отправив флот из девяти кораблей с 2000 человек на борту, который, однако, был вынужден сдаться в заливе Салданы адмиралом Эльфинстоуном и генералом Крейгом без единого выстрела. Набеги кафров возобновились; и британцы организовали готтентотский полицейский корпус, другие готтентоты, которые были крепостными голландцев, подняли восстание против своих бывших хозяев. Когда в 1803 году британцы эвакуировали Кейптаун, они не оставили колонию в достаточно удовлетворительном состоянии, чтобы побудить голландских поселенцев сделать выбор в пользу британского правления. С 1803 по 1806 год голландское правительство управляло Капской колонией как колонией, а не как придатком Зафрахтованной компании, которая теперь исчезла. Кейп перестал подчиняться Батавии и обзавелся собственным губернатором и Советом. Был введен контроль над ввозом рабов и поощрялась иммиграция в Европу. Были организованы или усовершенствованы почтовая связь и отправлен правосудия. Фактически, генеральный комиссар Де Мист и губернатор Янссенс за два года и девять месяцев своего правления заложили основы превосходной системы колониального правления. Но ход событий был слишком силен для них. Великий министр Питт летом 1805 года тайно организовал экспедицию, в составе которой должно было быть около 7000 солдат для захвата мыса. Несмотря на задержки и штормы, этот флот достиг Тейбл-Бэй в начале января 1806 года. Шесть британских полков были высажены в 18 милях к северу от Кейптауна. Губернатор Янссенс вышел им навстречу с такими скудными силами, какие только смог собрать — всего 2000 человек против 4000 британцев. Результат, конечно, был катастрофическим для голландцев, чьи солдаты в основном состояли из

нерешительных немецких наемников. 16 января Кейптаун капитулировал; и после некоторого тщетного сопротивления Янсенса во внутренних районах 18 января была подписана капитуляция, и британское правительство отправило Янсенса и голландских солдат обратно в Нидерланды.

По Соглашению от 13 августа 1814 года голландское правительство во главе с принцем Оранским уступило Капскую колонию и американские владения Демерара Великобритании под залог выплаты 6 000 000 фунтов стерлингов, которая была произведена либо путем фактического предоставления денег голландскому правительству, либо путем погашения голландских долгов.

С другой стороны, сдача Кейптауна Великобритании побудила последнюю вернуть Голландии большую часть голландских владений в Ост-Индии, которые мы захватили и управляли ими во время наполеоновских войн. Если Голландия потеряла Южную Африку, которой она непосредственно правила всего три года, то благодаря самоотречению британцев она смогла построить империю на Востоке, уступающую по богатству и населению лишь азиатским владениям Великобритании.

Тем не менее, косвенным образом голландская Африка все еще существует, хотя флаг Голландии больше не развевается ни над одной частью африканской земли в качестве правящей державы. Старое соперничество между англичанами и голландцами, начавшееся почти сразу, как только голландцы стали свободным народом, и конкурентами с нами в торговле с Ост- и Вест-Индией, породило чувство вражды между двумя расами, которой никогда не должно было существовать, учитывая, насколько они близки по происхождению и насколько близки по языку, религии и, в некоторой степени, по истории, а также насколько они близки по физическим и умственным качествам. Достаточно любопытно, что между шотландцами и голландцами гораздо больше сходства в мышлении и характерах, чем между голландцами и англичанами. Одна и та же бережливость, граничащая порой со скупостью, странным образом сочетающаяся с искренним гостеприимством, одна и та же склонность к жесткой сделке, даже к превышению пределов в вопросах бизнеса, и одинаковая упрямая настойчивость характеризуют как голландцев, так и шотландцев; в то время как в вопросах религии обоим импонирует почти одна и та же форма протестантского христианства; настолько, что практически наблюдается слияние голландской реформатской церкви и пресвитериан. Если бы шотландцев послали управлять Капской колонией в первые дни ее существования, вполне вероятно, что могло бы произойти нечто вроде слияния рас, и не было бы голландского вопроса, который вызвал бы разногласия в южноафриканской политике в 19 веке. Шотландцы поняли бы бурских поселенцев и их особенности, и не стали бы высмеивать их или проявлять такую намеренную черствость, как некоторые из прежних английских губернаторов. Рабство все равно было бы отменено, но оно было бы отменено более осторожно, таким образом, чтобы не оставить после себя жала обиды. Но после того, как Капская колония была окончательно передана Великобритании, ее губернаторами в первые дни были в основном англичане, которые, хотя часто были способными и справедливыми людьми, не прилагали особых усилий, чтобы понять особенности характера буров и примирить этих подозрительных, необразованных фермеров. Другим источником проблем был приток британских миссионеров, которые нашли много поводов для осуждения в голландском обращении с местными жителями, которое напоминало то, что было в моде у британцев предыдущего столетия, до того, как дух филантропии распространился за границы. Некоторые из этих миссионеров, правда, были шотландцами, хотя и принадлежали к протестантским сектам с более отчетливо выраженным английским характером. Во всяком случае, миссионеры, без сомнения, были настолько правы на своей

стороне, осуждая буров за их поведение по отношению к местным жителям, что их чувства в этом отношении пересилили их национальную близость к голландцам. Бурский поселенец никогда не проявлял той дьявольской жестокости по отношению к туземцам, которых он лишал собственности, которая была и остается столь ужасно характерной для испанской колонизации Мексики или севера Южной Америки, или для некоторых английских, французских и португальских авантюристов на западном побережье Африки в 17 веке; но он был полон решимости сделать из туземца крепостного и отказал ему в правах человека, подобного ему самому. Если туземец восставал против такого отношения, его уничтожали по-деловому; но если он подчинялся, как это делало большинство готтентотов, с ним обращались с патриархальной добротой и снисхождением. Голландские поселенцы, по-видимому, с самого начала отделили свои отношения с готтентотами от их обычного кодекса морали. Не считалось бесчестным обманывать их, не считалось незаконным грабить их, не считалось аморальным использовать их женщин в качестве наложниц. Голландцы были настолько беспринципны в этом последнем пункте, что возникли целые расы, которые с тех пор превратились в нации, способные выжить и процветать, источником которых был незаконный союз голландских мужчин и женщин-готтентоток. К этим “ублюдкам”, как их откровенно называли, голландцы относились хорошо; от них не отрекались, обычно обращали в христианство, учили вести более или менее цивилизованный образ жизни и говорить на голландском языке, на котором они говорят в искаженной форме и по сей день. Короче говоря, мораль южноафриканских голландцев была моралью Ветхого Завета, как и мораль солдат Кромвеля; и в этом и многих других образах мышления голландские африканеры жили все еще в 17 веке, тогда как британские миссионеры были в начале 19-го, в раскаленном сиянии своей пока еще разочарованной и несколько пенистой филантропии. Голландские поселенцы подвергались осуждению в Эксетер-Холле и на каждой миссионерской платформе; и тот факт, что многие обвинения были в значительной степени справедливы, не делал их более приятными для обвиняемых.

Поскольку политика правительства Кейптауна в первой половине столетия находилась под сильным влиянием миссионерских обществ, голландцы с некоторой долей справедливости расценили эти нападки и взаимные обвинения как исходящие непосредственно от британского правительства, и, следовательно, отошли от нашего правления или восстали против него. Несогласные, неудовлетворенные буры начали уходить из обжитой части Капской колонии в дикую местность позади, где они все еще могли вести приятную, ничем не стесненную патриархальную жизнь, которую они успели полюбить. Они миновали Оранжевую реку, которая стала северной границей британского влияния, и, минуя пустыни Бечуаналенда, направились на северо-восток, на территории с лучшей водой, ныне известные как Оранжевое свободное государство и Трансвааль. Они также искали выход к морю на территории нынешней колонии Наталь. Здесь они вступили в конфликт сначала с кафирами и басуто на западе, а затем с зулусами на востоке. Первые находились в некоторой степени под британской защитой; поэтому британское правительство было готово поддержать их дело, если с ними поступят несправедливо. Зулусы, с другой стороны, были достаточно сильны и многочисленны, чтобы предотвратить поселение буров на их земле. Тем не менее, вторжение буров в Наталь с севера было в то время вторжением на территорию, недавно завоеванную и обезлюдившую в результате одного из самых отвратительных кровопролитий, которые когда—либо происходили среди негритянских тиранов - Чаки, второго^[93] король зулусов. Этот последний увидел опасность и заманил первопроходцев буров в позицию, где он мог спокойно убивать их. С великолепной отвагой — кровь стынет в жилах от восхищения, когда читаешь записи об этом — немногие оставшиеся буры собрали свои силы и отомстили за это подлое убийство сокрушительным поражением зулусов. Но это было в начале сороковых, когда британские авантюристы,

более или менее обескураженные или не поощряемые правительством метрополии, основали прибрежное поселение в Натале, на месте нынешнего города Дурбан. Обычная хитрость со стороны британского правительства ввела буров в заблуждение, заставив их думать, что они могут удержаться в Натале вопреки нашему желанию. Поскольку они в дальнейшем нарушили соглашение с нами, напав на басуто и кафиров, в 1842 году против них были направлены британские войска, которые после непродолжительной борьбы вынудили их капитулировать. Затем Наталь был закреплен за британской колонией, и бурам с горьким разочарованием пришлось искать свое независимое государство к северу от Оранжевой реки. Но и здесь за ними последовали; и, если бы губернатор Кейптауна — сэр Джордж Грей — получил поддержку с Даунинг-стрит, суверенитет Оранжевой реки никогда не стал бы Оранжевым Свободным государством, и вполне вероятно, что даже территория за рекой Вааль могла бы аналогичным образом перейти под британский контроль.

Но Даунинг-стрит в течение восьмидесяти лет после передачи мыса Доброй Надежды упорно неумело управляла южноафриканскими делами, то раздувая излишнюю жару, то охлаждая их и пресекая мудрое предприятие в зародыше. Действия губернатора были отклонены, и конвенция Сэнд-Ривер не была ратифицирована. Самым формальным образом бурам к северу от Оранжевой реки была предоставлена абсолютная независимость при условии соблюдения определенных положений о рабстве; и подобная привилегия ранее предоставлялась тем, кто переправлялся через реку Ваал в то время, когда штат Оранжевая река, вероятно, должен был стать британской колонией. Итак, с 1852 и 1854 годов соответственно^[94] южноафриканские голландцы образовали два государства, полностью независимые от британского правления в своих внутренних делах и очень незначительно во внешних отношениях. Оранжевое свободное государство, в котором присутствовал значительный британский элемент, относящийся к периоду британского суверенитета, в последнее время имело безоблачную карьеру устойчивого процветания^[95], во многом благодаря мудрости его главных судей. Когда в конце “шестидесятых” на его границах были обнаружены алмазные месторождения, у него были некоторые основания для недовольства британским правительством, поскольку, воспользовавшись неопределенными правами вождя гриква (Незаконнорожденного готтентота), британцы распространили свое правление на эту засушливую территорию к северу от Оранжевой реки, которая, как внезапно выяснилось, стоила неисчислимые миллионы фунтов стерлингов. Но размер спорной территории был относительно небольшим; и, если британцы в какой-то незначительной степени нарушили свои законные границы, они искупили это, выплатив Оранжевому штату компенсацию в размере 90 000 фунтов стерлингов. Великобритания также несколько раз вмешивалась, чтобы помешать воинственным басуто (которые живут в этой маленькой Африканской Швейцарии между Оранжевым Свободным государством и Наталем) либо совершить набег на Оранжевое Свободное государство, либо самим подвергнуться набегам и завоеванию в результате репрессий буров. В конце концов (1882 г.) Басутоленд, делами которого несколько неумело управлял парламент Кейпа, был взят под прямой имперский контроль; и с тех пор в этом квартале полностью прекратились неприятности с Оранжевым Свободным государством.

Карьера Республики Трансвааль на заре ее существования была гораздо менее успешной. Территория была обширнее, во многих местах не столь здоровая; и коренное население, особенно в восточных округах^[96], было беспокойным и решительно не желало признавать правление буров. Существование золота, хотя на него время от времени намекали незамеченные первопроходцы, было неизвестно миру в целом и абсолютно игнорировалось бурами; торговля велась мало или вообще отсутствовала, а население Европы было скудным. К 1877 году положение этого штата стало настолько безнадежным из-за разоренной казны и

угрозы вторжения зулусов, что он был аннексирован, несколько внезапно, имперским представителем сэром Теофилом Шепстоуном. Без сомнения, этот шаг был созвучен просвещенной политике, которой в то время придерживалось имперское правительство, а впоследствии и сэр Бартл Фрер, которому предстояло стать губернатором Кейпа на последнем этапе правления покойного графа Карнарвона в Министерстве по делам колоний. Сам лорд Карнарвон был решительно настроен осуществить в Африке к югу от Замбези федеративную схему, подобную той, которая в 1866 году объединила Доминион Канада. Но фактический метод, с помощью которого был захвачен Трансвааль, не был хорошо продуманным; и, к несчастью, за ним последовало назначение управлять этой страной офицера, поведение которого было совершенно несимпатичным бурской натуре. В конце 1880 года буры подняли восстание. После короткой военной кампании, примечательной полным отсутствием полководческого мастерства со стороны англичан и катастрофическими поражениями, нанесенными нашим войскам бурами при Лангс-Неке и Маджуба-Хилл, тогдашнее британское правительство (которое несколькими месяцами ранее категорически отклонило призыв буров отменить аннексию) заключило поспешное перемирие и вернуло (1881 г.) независимость Трансваалю под неопределенным сюзеренитетом со стороны британской короны, а позже и британскому правительству. к британскому вето, которое могло бы быть применено в отношении договоров с иностранными державами. Лучшим доводом в пользу этой капитуляции, о которой последующие британские правительства имели столько причин сожалеть, была вера в то, что суровое продолжение войны и возможное поражение буров приведут к восстанию голландских поселенцев в Капской колонии и вмешательству Оранжевого свободного государства. Сомнительно, были ли у этого страха серьезные основания, или же в то время не было бы намного легче раз и навсегда установить британское господство во всей Африке к югу от Замбези, даже если бы это привело к некоторой степени междоусобной борьбы; тем более что в то время не было бы опасности европейского вмешательства. Но шанс был упущен, и буры обрели независимость, завоеванную более справедливо и менее легко нарушаемую, поскольку она была результатом их непоколебимой доблести.

Ограничивающие условия Конвенции 1881 года были еще более ослаблены Лондонской конвенцией от 27 февраля 1884 года, в которой тогдашнее правительство без всякой необходимости присвоило государству Трансвааль экстравагантный титул “Южно-Африканская Республика”. Возможно, это самый замечательный акт отречения, который когда-либо происходил в истории Британской империи; и жителям британской Южной Африки он, должно быть, казался допуском конкурирующей правящей державы на британскую территорию к югу от Замбези. Этой Конвенцией 1884 года (бесполезной для этой цели, как и все договоры и конвенции, когда сила для их соблюдения не очевидна) были четко определены географические границы государства Трансвааль, и буры обязались придерживаться их.

Воодушевленные этим дипломатическим успехом и слабостью, с которой имперское правительство разрешило им создать новое государство в сердце Зулуленда, буры Трансвааля теперь решили присоединить Бечуаналенд к своим владениям; таким образом, возможно, пресечь британскую экспансию в направлении Замбези и сделать так, чтобы их западная граница совпадала с естественными границами того Протектората, который Германия только что установила, к северу от Оранжевой реки. Но общественное мнение в Великобритании становилось нетерпимым к любым дальнейшим жертвам британских устремлений в Южной Африке или к нарушениям веры со стороны буров, и это вынудило тогдашнее правительство заявить о себе. В конце 1884 года была отправлена сильная экспедиция под командованием сэра Чарльза Уоррена, которая окончательно закрепила за

Великобританией протекторат Бечуаналенда и удержание Трансвааля в его надлежащих пределах. Тем не менее, в 1894 году этому государству была сделана новая уступка, когда Британия прекратила противодействие поглощению небольшого анклава страны зулу, известного как Свазиленд. В оправдание британского правительства следует указать, что вожди Свази ранее передали подданным Трансвааля так много прав и уступок, что любое другое решение, кроме дальнейшей передачи администрации, было затруднено в существующих условиях. [Отделение Свазиленда как небольшого туземного государства, управляемого имперскими чиновниками, было осуществлено в 1902 году.]

Вскоре после заключения Лондонской конвенции 1884 года стало известно об огромных золотых богатствах, о которых более десяти лет назад заявляли необразованные первопроходцы и отрицали эксперты по горному делу. Развитие чудесного Витватерсранда привело к основанию Йоханнесбурга и направило в Трансвааль огромный приток иностранцев, в основном англичан, во всяком случае, в основном британских подданных, хотя многие из них были евреями из Англии или из Франции и Германии, которые стали натурализованными британскими подданными.^[97] Шахты были также открыты на востоке и севере Трансвааля. С другой стороны, чтобы противодействовать влиянию этого британского элемента, правительство Трансвааля почти с момента своего основания в 1881 году усиливало голландский элемент, приглашая поселенцев-голландцев из Нидерландов, которые работали в его правительственных учреждениях, в его школах, церквях и на строительстве его железных дорог. Эти уроженцы Голландии проявили себя очень враждебно по отношению к британскому влиянию; и благодаря их усилиям в Голландии и Германии была вызвана большая симпатия к южноафриканским голландцам. С другой стороны, чужаки, которые поселились вокруг Йоханнесбурга и других горнодобывающих центров и которые вскоре стали численно превосходить бурский элемент в населении Трансвааля в соотношении пять к одному, стали недовольны своим положением при бурском правительстве, которое управляло ими автократически, не предоставляя им никакого права голоса в администрации или в расходовании высоких налогов, взимаемых с их промышленности. Следует отметить, что бурское правительство пыталось отгородиться от контактов с окружающими британскими и португальскими государствами чрезвычайно высокими импортными пошлинами, которые сделали многие предметы первой необходимости или роскоши чрезвычайно дорогими и сделали цивилизованную жизнь в пять раз дороже, чем в соседней Капской колонии. Это снова был контраст между самым концом 19 века и манерами, обычаями, языком и пуританской религией 17 века.

В какой-то степени эта непокорная позиция буров была осуждена их гораздо более просвещенными собратьями, капскими голландцами. Со временем, вероятно, эти последние могли бы поощрять и поддерживать вмешательство имперского правительства в обеспечение справедливых условий для иноземцев; и поскольку эти справедливые условия должны были дать иноземцам преобладающий голос в правительстве, Трансвааль мог быть включен в состав Южно-Африканской федерации под британским управлением. Но Достопочтенный . Сесил Джон Родс, тогдашний премьер-министр Капской провинции и управляющий директор Британской Южно-Африканской чартерной компании, увидел в этом недовольстве в Йоханнесбурге средство и оправдание для своего личного вмешательства в Трансвааль. Он ускорил движение и даже вывел его за пределы, указанные более бескорыстными реформаторами. Администратор территорий Чартерной компании, доктор Джеймсон, вторгся в Трансвааль (29 декабря 1895 г.) с небольшим отрядом конной полиции численностью от 500 до 600 человек и попытался достичь Йоханнесбурга, центра беспорядков, с полуобъявленным намерением впоследствии выступить маршем на Преторию и свергнуть бурское правительство. Но бурские войска перехватили доктора

Джеймсона в Доорнкопе, прежде чем он смог добраться до Йоханнесбурга; и после боя, в котором несколько его людей были убиты, и когда дальнейшее продвижение означало бы полное уничтожение, он сдался. Верховный комиссар Южной Африки поспешил в Йоханнесбург; доктор Джеймсон и его офицеры были переданы британскому правительству для разбирательства, а затем подверглись короткому сроку тюремного заключения. С другой стороны, суды Претории обошлись с реформаторами Йоханнесбурга с непростительной суровостью, поскольку они не принимали активного участия во вторжении доктора Джеймсона и сдали свой город бурскому правительству. Огромные штрафы, составившие в конечном итоге почти полмиллиона фунтов стерлингов, были наложены на них после несколько пародийного судебного процесса, в ходе которого они были приговорены к смертной казни только для того, чтобы впоследствии быть заключенными в тюрьму или изгнанными. На какое-то время эта беспричинная агрессия со стороны мистера Родса отбила всякое сочувствие к жалобам чужаков и спровоцировала резкое выражение мнения в некоторых европейских государствах, которые, пока их не убедили, что британское правительство не поддерживает план мистера Родса, были вполне естественно склонны воображать, что их собственные территории в Африке однажды могут подвергнуться британскому набегу. Таким образом, непосредственным результатом этого опрометчивого действия со стороны премьер-министра Капской республики (хотя, по общему признанию, этим должностным лицом двигало то же желание, которое вдохновило некоторых британских государственных деятелей добиться британизации всей Африки к югу от Замбези), стало усиление сепаратистского характера двух голландских республик, все еще существующих в Южной Африке. Оранжевое Свободное государство заключило (1896) наступательный и оборонительный союз с Южно-Африканской Республикой (Трансвааль); и огромное количество оружия, боеприпасов и современной артиллерии было ввезено в голландскую Южную Африку через Лоренсу Маркеса (залив Делагоа) и новую железную дорогу^[98]. Считалось, что в конечном итоге должна разразиться война с Великобританией, но что, вероятно, одна или несколько европейских держав вмешаются и нападут на Великобританию, тем самым парализовав ее ударную силу в Южной Африке; что капские голландцы восстанут и выделяют квоту в 30 000 человек на 80 000-90 000 бурских государств; короче говоря, что будущее Южной Африки зависит от голландского элемента. Война была объявлена Великобритании 11 октября 1899 года. Поразительные победы поначалу выпали на долю бурских генералов, но Европа не вмешивалась, и более 8000 капских голландцев не присоединились к своим бурским братьям. После того, как победа перешла в пользу британцев, Блумфонтейн, Претория и Коматипоорт (пограничная станция железной дороги Делагоа-Бей) были оккупированы в период с мая по сентябрь 1900 года. Президент Крюгер бежал в Голландию, и обе республики были присоединены к Британской Южной Африке. Хотя война закончилась только после заключения Вереенингингского мира в мае 1902 года, последний год девятнадцатого века ознаменовался исчезновением любого независимого голландского государства в Африке. Однако вскоре после заключения этого мира в 1906-1907 годах восстановленным штатам Оранжевой реки и Трансваалю вновь было предоставлено ответственное правительство. Последний, однако, был лишен Свазиленда и его провинции северный Зулуленд, которая в последнюю очередь была присоединена к Наталу. Южно-Африканский союз (Капская колония, Оранжевое свободное государство, Трансвааль и Наталь) образовался в 1910 году; и первым премьер-министром голландской и англоязычной Южной Африки был генерал Луи Бота, ведущий генерал расформированной бурской армии. Эти храбрые, стойкие буры сыграли огромную роль в Африке, частью которой Голландия — страна, первой колонизировавшая Южную Африку, — вполне может гордиться. Южноафриканские голландцы настолько близки нам по крови, языку и истории, что мы можем без какой-либо горечи, кроме той, с которой вспоминаем восстание

американских колоний, гордиться их достижениями и мрачно улыбаться сильным ударам, которые они нанесли нам в свою защиту.

ГЛАВА VII

РАБОТОРГОВЛЯ

Человек незадолго до того обрел полную человечность, как ему пришла в голову идея поработать своих врагов или подчиненных, а не просто есть их. Однако рабство и работорговля — простое подневольное состояние — не должны вызывать большого ужаса или жалости, когда они происходят среди людей той же расы или той же религии или в странах, которые находятся недалеко от дома поработенных. Именно там, где существует состояние рабства между широко расходящимися расами, оно порождает злоупотребления, которые очевидны даже тем, кто не является чувствительными филантропами.

Негр больше, чем любой другой человеческий тип, отличается своими умственными и физическими характеристиками как слуга других рас. Конечно, есть исключения из общего правила. Есть племена, подобные крупным западноафриканского побережья, мандинго, волоф и зулу, которые всегда проявляли себя настолько непримиримыми к рабству, что их обычно оставляли в покое; в то время как малейшее отклонение от негритянского происхождения в восходящем направлении — как в случае с фула, галой и сомалийцами — по-видимому, порождает непобедимую любовь к свободе. Но негр в первобытном государстве — прирожденный раб. Он обладает огромной физической силой, послушанием, веселым нравом, короткой памятью на печали и жестокость и легко пробуждает благодарность за доброту и справедливое обращение. Он не страдает от тоски по дому в той чрезмерной степени, от которой страдают другие народы, оторванные от своих домов, и, при условии, что его хорошо кормят, его легко сделать счастливым. Прежде всего, он может тяжело трудиться под палящим солнцем и в нездоровом климате жаркой зоны. У него мало расовых привязанностей или их вообще нет, то есть он не испытывает симпатии к другим неграм; он признает своего хозяина, следует за ним и подражает ему независимо от какой-либо расовой принадлежности, и, поскольку он обычно сильный человек и хороший боец, он востребован не только как рабочий, но и как солдат.

Негритянские рабы были ввезены в Нижний Египет в качестве слуг в самые ранние династические времена. Время от времени некоторые из них достигали Карфагена, и многие были привезены в Имперский Рим; но решительная эксплуатация черных рас в больших масштабах началась только после завоевания Африки мусульманами. Арабы пронесли по Северной Африке и непосредственно познакомились с Суданом^[99]. До распространения ислама они торговали с восточным побережьем Африки, а после вспышки ислама правили там как султаны. Уединение женщин в харимах, охраняемых евнухами, вошло в моду во времена Византийской империи; но, вероятно, это был обычай сирийского, месопотамского или египетского происхождения. Оно было с особым вниманием воспринято цивилизованными мусульманами, и негр-евнух оказался самым умелым и верным стражем гинекея. Таким образом, работорговля получила мощное развитие в мусульманском мире. Домашние рабы и евнухи были импортированы в Северную Африку, Аравию, Турцию и

Персию из Судана; в то время как в более позднем столетии императоры Марокко прочно утвердили свою власть, импортировав боевых негров из Нигерии. Аравия, Персия и Индия привлекали негров из египетского Судана, Абиссинии и побережья Занзибара. На западное побережье Индии негритянские рабы были завезены из Восточной Африки, чтобы стать охранниками дворцов и боевыми моряками военно-морского флота. В президентстве Бомбея эти негры стали настолько полезными или могущественными, что создали для себя государства, одно или несколько из которых, все еще управляемых негритянскими князьями, существуют и по сей день как зависимые от правительства Индии^[100].

Окончательный импульс этому движению придал европеец. Когда испанцы, португальцы и англичане открыли и заселили Америку, они обнаружили, что местные расы слишком малочисленны, слишком свирепы или слишком слабы, чтобы быть пригодными для принудительных сельскохозяйственных работ; и уже в 1503 году на рудниках Эспаньолы работали африканские рабы, привезенные туда испанцами^[101]. Несколько лет спустя их начали ввозить в Мексику, Панаму и Перу. В 1517 году работорговля между Африкой и Америкой была налажена регулярно, Карл V Испанский предоставил фламандскому купцу исключительную привилегию ввозить в Америку 4000 рабов в год. Впоследствии эта монополия была продана концессионером компании генуэзских купцов, которые заключили сделку с португальским правительством о поставках рабов из Гвинеи.

Английские авантюристы, которые впервые отправились в плавание на португальских кораблях, чтобы исследовать торговлю пряностями, вскоре решили заняться торговлей чернокожими рабочими для плантаций в Америке, поскольку это было более прибыльно. Джон Хокинс, один из знаменитых моряков елизаветинской эпохи, в 1562 году доставил в Вест-Индию первый груз рабов, перевезенный под британским флагом. Впоследствии ставший сэром Джоном Хокинсом (и принявший в качестве герба “полу-мавра надлежащего цвета, перевязанного шнуром”), он совершил еще два путешествия (1564, 1567) к западному побережью Африки, доставив около восьмисот похищенных или купленных негров в Вест-Индию. Англия не занималась в значительной степени работорговлей самостоятельно, пока в 17 веке не начала владеть Ямайкой и другими островами Вест-Индии, а также развивать табачные плантации Вирджинии. Тогда она почти превзошла соперничающие страны. Покойный доктор Роберт Браун в своей интересной работе “История Африки” подсчитал, что чуть более чем за столетие, с 1680 по 1786 год, в британско-американские колонии было ввезено 2 130 000 негритянских рабов, Ямайка за 80 лет поглотила 610 000. Ближе к концу 18 века различные европейские державы, заинтересованные в Америке, импортировали в среднем более 70 000 рабов в год, британцы привозили более половины, а иногда и еще большую часть. Сначала рабы прибывали в основном из Гамбии и других рек к югу, в Сьерра-Леоне, и с Золотого берега, откуда они поставлялись голландцам в результате непрекращающихся войн народа ашанти. Позже их привезли из Дагомеи и Бенина, а также из португальских владений Анголы и Замбези. Затем, по мере роста спроса, в 18 веке в этой сети заболоченных рек, которую мы сейчас знаем как дельту реки Нигер, было открыто богатое месторождение. Но постепенно в Англии, Дании и Соединенных Штатах росло ощущение, что было что-то неправильное в этой системе, которая навлекла столько страданий на существа, которые, хотя и были в какой-то степени ниже белых людей, все же принадлежали к тому же виду, поскольку они могли скрещиваться с нами и научиться говорить на нашем языке. То, что такие чувства, должно быть, существовали во все времена, было очевидно из желания хороших людей, умирая, даровать свободу своим рабам. Но это национальное чувство оставалось дремлющим и не было распространено в Англии до конца 18 века. То тут, то там случаи продажи негритянского принца в рабство привлекали внимание и сочувствие и вызвали угрызения совести у просвещенных людей.

В 1768-72 годах великодушному англичанину Грэнвиллу Шарпу удалось добиться судебного решения о том, что рабство не может существовать в Англии, и что, следовательно, любой раб, высадившийся в Англии, становится свободным и не может быть возвращен в рабство. В 1787 году Уилберфорс, Кларксон и другие филантропы объединились в ассоциацию для обеспечения отмены рабства, и благодаря их усилиям в Великобритании в 1807 году был принят законопроект, который не достиг того, чего они желали, но который серьезно ограничил работорговлю под британским флагом. В 1811 году эта мера была дополнена и введена в действие другим законопроектом, объявляющим работорговлю уголовным преступлением, наказуемым каторжными работами. Тем не менее, сомнительно, были ли до принятия этих законов тяготы рабов, перевозимых морем, настолько ужасными, какими они стали после того, как ограничения, наложенные на торговлю, привели к необходимости перевозить большое количество людей в течение одного рейса, более или менее скрытых от посторонних глаз в трюме судна с полным пренебрежением санитарными условиями^[102]. В наши более поздние дни, когда было необходимо обходить утомительные предписания или продолжать торговлю перед лицом прямого запрета, страдания рабов были настолько ужасающими, что в них почти невозможно поверить. Может показаться, что бесчеловечная торговля людьми породила у арабов, негров и белых людей преднамеренную любовь к жестокости, часто доходящую до пренебрежения коммерческими интересами; ибо очевидно, что в интересах работорговцев, работорговцев и перевозчиков рабов было бы больше, если бы рабы были доставлены в конечный пункт назначения в хорошем состоянии — конечно, с наименьшими возможными человеческими потерями. И все же, как может засвидетельствовать автор настоящего письма из того, что он сам видел в восьмидесятых и девяностых годах прошлого столетия, банда рабов, направлявшаяся к побережью, была нагружена излишне тяжелыми ошейниками или рабскими палками, цепями и оковами, которые натирали и врезались в плоть, вызывая язвы. Рабы были полуголодны, перегружены, недостаточно обеспечены питьевой водой и безрассудно подвергались смерти от солнечного удара. Если они бросались на землю для краткого отдыха или падали без сил от изнеможения, в них стреляли, протыкали копьями или перерезали горло с дьявольской жестокостью. Я видел в Тавейте (ныне цивилизованное поселение в Британской Восточной Африке) мальчиков и юношей, оставленных в буше, чтобы они постепенно умирали от умерщвления плоти и выпячивания кишечника из-за неумелого способа, которым они были кастрированы арабами, которые пытались сделать из них евнухов для продажи турецким и арабским харимах. Детям, которых их матери не могли нести и которые не могли угнаться за караваном, вышибали мозги. Многие рабы (я снова пишу, исходя из личных знаний) покончили с собой, потому что не могли вынести разлуки со своими домами и детьми. Их клеймили и пороли, и, само собой разумеется, им не оказывали ни малейшей медицинской помощи в связи с травмами, полученными в результате такого обращения.

Вот и все о сухопутном путешествии, которое привело их на склад или фабрику европейского работорговца на побережье; затем начались ужасы морского перехода, описание которого, следует признать, почти полностью относится к кораблям цивилизованных наций, таких как англичане, голландцы, испанцы, португальцы и американцы, а не к арабам и индийцам, которые перевозили рабов с восточного побережья Африки в Аравию или Индию. В последнем случае парусные суда не часто были переполнены, и рабам предоставлялась изрядная степень свободы. В работорговле с Америкой, особенно когда на нее были наложены ограничения и, в конечном итоге, наложено наказание, целью хозяев было погрузить на борт судна как можно больше рабов, причем риск совершить один рейс составлял лишь половину того, что требовалось для совершения двух. Очень часто рабов отправляли на борт совершенно голыми. Их упаковывали, как селедки, в трюме или на средней палубе, а во время плохой погоды или по соображениям безопасности держали под

люками. Зловоние, которое они тогда производили, было ужасающим, и многие умерли от удушья. На некоторых кораблях, где капитан был гуманным человеком, рабам иногда разрешалось выходить на палубу, и их поливали из шланга; а там, где по поручению шкипера ему было выгодно высаживать рабов в хорошем состоянии, они получали лучшую еду и иногда предметы роскоши, такие как табак; но если за работорговцем гнался британский крейсер, рабов без колебаний выбрасывали за борт, чтобы они утонули.

Дании принадлежит заслуга в том, что она стала первой европейской державой, запретившей работорговлю своим подданным (1792). Два года спустя Соединенные Штаты Америки запретили своим подданным “участвовать в вывозе негров в зарубежные страны”; а в 1804 году был возобновлен закон (впервые обнародованный в 1794 году), который запрещал ввоз каких-либо новых рабов в Соединенные Штаты. В Великобритании шла долгая борьба (многие ливерпульские и бристольские купцы были глубоко заинтересованы в работорговле), прежде чем в 1807 году был принят парламентский акт (усиленный в 1811 году), отменяющий работорговлю в отношении британских подданных. На Венском конгрессе (1814) Франция в принципе согласилась с тем, что с работорговлей следует покончить, и даже подписала договор, предусматривающий, что, пока работорговля продолжается во французских колониях, она должна осуществляться только французскими подданными. Во время ста дней правления Наполеона в 1815 году был издан указ, раз и навсегда положивший конец работорговле. В том же году Португалия ввела определенные ограничения на работорговлю, но окончательно отменила ее только в 1830 году. В 1836 году Британия выплатила Португалии сумму в 300 000 фунтов стерлингов, чтобы добиться запрета вывоза рабов из любых португальских владений. Великобритания также в 1820 году заплатила Испании 400 000 фунтов стерлингов, чтобы получить от испанцев обещание, что они перестанут покупать негров в Африке. Оба контракта, хотя и были якобы согласованы соответствующими правительствами, часто нарушались отдельными лицами. В 1814 и 1815 годах голландцы и шведы соответственно запретили работорговлю своим подданным, а несколько лет спустя большинство испанских южноамериканских государств отменили работорговлю после обретения независимости. Рабство было отменено как правовое условие во всех частях британских владений к 1840 году; на Ямайке и Вест-Индии в 1833 году, в Южной Африке в 1834-1840 годах и в Индии примерно в то же время^[103]. Помимо упомянутых сумм, которые Британия выплатила Испании и Португалии, чтобы побудить их прекратить торговлю рабами, она распределила двадцать миллионов фунтов стерлингов среди рабовладельцев Вест-Индии в качестве компенсации за отмену рабства, и 1 250 000 фунтов стерлингов тем, кто владел рабами в Капской колонии, когда они были освобождены. Добавьте к этим суммам миллионы денег, которые она потратила на основание Сьерра-Леоне как поселения рабов, на помощь Либерии^[104] (по тому же мотиву), на патрулирование Восточного и западного побережий Африки и Персидского залива, и будет признано, что мы имеем здесь редкий случай, когда нация кается в своих грехах и приносит то реальное возмещение, свидетельством которого является денежная жертва.

К 1848 году французы отменили рабство во всех своих владениях. Голландцы не делали этого до 1863 года; в этом же году статус рабства прекратился и в Соединенных Штатах. Рабство сохранялось в некоторых южноамериканских штатах до 1840-5 годов. В португальских африканских владениях рабство было отменено в 1878 году, а на испанской Кубе и Порто-Рико - в 1886 году; в то время как Бразилия оставалась рабовладельческой страной до 1888 года, окончательная и несколько резкая отмена рабства была одной из причин, приведших к падению императора. Однако еще долгое время после того, как британские или французские владения перестали побуждать работорговцев перевозить нелегальные грузы, в Западном полушарии было достаточно стран, чтобы обеспечить отличный рынок для

негров, в то время как мусульманский мир на Востоке продолжал предъявлять более высокие требования, чем когда-либо, к рабским заповедникам Центральной Африки^[105].

Чтобы противодействовать попыткам обойти закон, мощная британская эскадра прочесала западное побережье Африки; но, несмотря на усилия Великобритании перехватывать суда работорговцев, эти последние продолжали перевозить грузы в Соединенные Штаты, Кубу и Бразилию, и полностью прекратить этот трафик было невозможно до тех пор, пока отмена рабства в этих странах не закрыла последние рынки для работорговцев. Наиболее интересный свет на обширность территории, охваченной этими операциями по работорговле, проливается в работе преподобного С. В. Коэлле (миссионера Церковного миссионерского общества), опубликованной в 1854 году под названием “Полиглотта Африка”. Мистер Коэлле обосновался в Сьерра-Леоне на несколько лет и занимался сбором у рабов, высаженных там с британских крейсеров, словарей языков, на которых они говорили в своих собственных домах. Таким образом, он записал более 200 языков, которые представляли большинство языков западного побережья Африки, верхнего Нигера, Сенегала, озера Чад, юго-западного побережья Африки вплоть до Бенгелы, Ньясаленда, дельты Замбези и юго-восточного побережья Африки, и даже вадаи.

Когда в конце 18 века британские филантропы пожелали репатриировать лояльных им негров в Северной Америке, которые хотели вернуться в Африку, была основана компания Сьерра-Леоне, которая приобрела у местных вождей ядро нынешней колонии Сьерра-Леоне. Здесь в течение трех четвертей века высаживались британские крейсера и освобождали рабов, захваченных у западного побережья Африки. Занзибар, расположенный на другой стороне континента, около двадцати лет назад стал восточным аналогом Сьерра-Леоне. Со времени британской оккупации Египта рабство в этой стране практически прекратилось, и из-за французской оккупации Алжира и Туниса, а также влияния, оказанного Великобританией на Турцию в отношении Триполи, торговля рабами через пустыню Сахара в эти страны практически не ведется; хотя любой, кто посетит юг Туниса, будет удивлен большим количеством негров во всех деревнях, что свидетельствует о том, что совсем недавно постоянные поставки, должно быть, поступали из штатов Борну и Хауса. Опустошительные набеги зулусов матебеле на рабов были отменены Британской Южно-Африканской компанией; а аналогичные набеги ангони были прекращены британским и германским правительствами в Восточной и Центральной Африке.

Арабы Занзибара приобрели дурную славу благодаря своим гигантским набегам на рабов в Восточно-центральной Африке. Великобритания, которая помогла отделить Занзибар от Маската в качестве независимого государства в 1862 году, несколько лет спустя начала интересоваться работорговлей, процветавшей в этих доминионах. К 1873 году султан Занзибара после значительного давления был вынужден объявить работорговлю незаконной в своем султанате, хотя она продолжала процветать незаконным образом до тех пор, пока его территориями не стали управлять англичане и немцы.

Арабы из Омана в Юго-западной Аравии и с Занзибара продвигались все дальше и дальше в Центральную Африку от Восточного побережья, пока не достигли Верхнего Конго, где они утвердились в качестве султанов среди негров и поработили миллионы. То тут, то там они обращали в мусульманство такие племена, как Ва-яо, маниема или Ва-ньямвези, которых снабжали мушкетами и делали из рабов еще худших грабителей, чем они сами. Эти набеги рабов в районы озер Ньяса и Танганьика, открытые миру Ливингстоном, в значительной степени сосредоточили внимание Великобритании на этих регионах; и одним из намерений британского правительства по установлению протектората в Южно-Центральной Африке была отмена работорговли, которая была осуществлена в 1896 году, после шестилетних

кампаний с небольшим отрядом индийских солдат^[106], и размещение двух канонерских лодок на озере Ньяса. В то же время бельгийские офицеры Государства Конго напали на арабов и разбили их наголову, главные охотники за рабами среди которых были убиты или изгнаны из Конго. Немцы под командованием блестящего майора фон Виссмана повесили нескольких арабских работорговцев в Восточно-центральной Африке и полностью пресекли торговлю остальными. Государства Дагоме и Ашанти, совершавшие набеги на рабов, завоевателя мандинго Самори, а также султанов и наместников Фула и Нупе в Восточной Нигерии были завоеваны Францией или Великобританией в период с 1893 по 1903 год. Наконец, между 1904 и 1911 годами Франция завоевала и оккупировала Вадаи, самое могущественное мусульманское государство в Центральном Судане, и таким образом положила конец рабовладельческим набегам державы Маба, которые быстро опустошали сердце Африки; в то время как эти действия были подкреплены итальянской оккупацией Триполи и Киренаики (1911). До тех пор, пока какая-либо мусульманская держава удерживала под своим прямым и неконтролируемым контролем какую-либо часть африканского побережья, внутри страны неизбежно происходили набеги на рабов и работорговля.

Короче говоря, хотя рабство все еще существует, открытое или замаскированное, во многих частях Африки, работорговля почти прекратилась, и набеги рабов ограничиваются такими частями Нигерии, Южного Конголенда и абиссинского Галаленда, которые не находятся под полным контролем Европы.

Какой бы отвратительной ни была работорговля, вызвавшая в Тропической Африке непрекращающиеся войны и грабежи, она многое добавила к нашим знаниям об этом континенте и во многих случаях служила оправданием или причиной европейского вмешательства, что иногда приводило к значительному улучшению положения местных жителей, когда европейское правление заменяло правление негритянских или арабских султанов. Его разрушительные последствия вскоре будут устранены несколькими десятилетиями мира и безопасности, в течение которых эта плодovitая, неугасимая негритянская раса будет быстро увеличивать свою численность. Тем не менее, в африканской работорговле, как и в большинстве других инстинктивных человеческих процессов, и в движениях одной расы против другой, есть основополагающее чувство справедливости. Белые и желтые народы были бессознательными проводниками Силы, стоящей за Природой, наказывающей негров за их ленивую отсталость. В этом мире Закон Природы предписывает, что все человечество должно работать в разумных пределах, должно добывать из окружающей среды средства к существованию для тела и разума, и немного больше, чтобы начать воспитывать детей с более высокого уровня, чем родители. Расы, которые не будут работать настойчиво и упрямо, будут растоптаны и со временем вытеснены теми, кто это сделает. Пусть негр примет это близко к сердцу; пусть он посвятит свое прекрасное мышечное развитие в первую очередь наведению порядка на своем собственном грязном континенте. Если он *не* будет работать по своей собственной воле теперь, когда ему временно возвращена свобода действий; если он не будет возделывать, удобрять, осушать и орошать почву своей страны постоянным, кропотливым способом, как это делают жители Востока и Европы; если он не будет ревностно заниматься освоением огромных ресурсов Тропической Африки под руководством европейцев, где до сих пор многие из его племен вели расточительную, непродуктивную жизнь; тогда сила обстоятельств, давление нетерпеливого, жадного, находящегося вне человечества человека, объединяющие энергии Европы и Азии снова низведет негров до рабства, которое станет альтернативой — в продолжающейся борьбе за существование — вымиранию. Негру в некоторых частях Африки вернули его свободу, чтобы он мог использовать ее с присущим

мужчине чувством ответственности за напрасную трату времени и возможностей. Во многих европейских “колониях” или протекторатах в Африке правящий белый человек или, чаще, безответственный торговец, плантатор, старатель и вербовщик рабочей силы по-прежнему смотрит на негритянскую расу как на народ, обреченный на вечное рабство. Но это мировоззрение быстро видоизменяется — главным образом под британским влиянием — в честное признание прав коренных жителей на землю и продукты.

Эпизодом в истории африканской колонизации, который наиболее уместно упомянуть здесь в связи с последствиями работорговли для Западной Африки, является основание Негритянской Республики Либерия частными агентствами Соединенных Штатов.

Когда наполеоновские войны закончились и началась великая западная экспансия Соединенных Штатов, возник вопрос — еще не решенный полностью: что делать с негром или мулатом как с гражданином, как со свободным человеком, имеющим полное право голоса? В Северной Америке и Вест-Индии уже было много свободных негров, и их положение в первой половине 19 века было неопределенным. Поскольку это начало раздражать из-за связанных с этим социальных и этических проблем, определенными доброжелательными и политическими обществами была предпринята попытка (1816-20) решить это путем депортации всех недовольных свободных негров и индигоидей обратно в Африку, где они могли бы создать для себя новый дом и даже наслаждаться привилегированным положением, которое одноглазый человек занимает среди слепых. Великобритания, как мы уже видели, ранее столкнулась с примерно такой же проблемой и решила ее с помощью фонда Сьерра-Леоне. Сначала различным миссионерским и филантропическим обществам казалось проще всего высадить своих свободных негров на побережье Сьерра-Леоне (в 1820 году); но губернатор этой колонии, по-видимому, воспринял это предложение довольно холодно. Дело в том, что в Сьерра-Леоне (почти провал с точки зрения “репатриации”) мы начали обнаруживать, что едва ли легче основать черную колонию в любой части населенной Африки, чем Белую; вам придется вытеснить несколько других людей, и такие коренные жители, если их попросить выбирать, скорее уступят место навязчивому белому элементу, чем банде иностранных негров. И когда такие негры или негроидидки приезжают из Америки или Азии, они сопротивляются африканскому климату, или, скорее, его микробным болезням, ненамного лучше европейцев. Вероятно, к 1820 году правительство Сьерра-Леоне начало больше думать об интересах действительно коренных племен этой “колонии”, чем о бедах и благополучии бывших рабов-американцев.

Получив такой отпор, сторонники экспатриации свободных негров Америки поспешно заключили соглашение с вождями племени Де на мысе Месурадо, на Зерновом побережье, сразу за пределами влияния Сьерра-Леоне; и в 1821 году отправили большую партию негров и мулатов-колонистов под опекой белых американцев. Все белые люди умерли от лихорадки или отказались от предприятия из-за тяжелого недомогания; но среди будущих колонистов был отважный негр Элайджа Джонсон, который благодаря своей неукротимой храбрости и находчивости спас зарождающуюся колонию от гибели от рук туземцев, которые на самом деле не понимали сделки, в результате которой они, как предполагалось, продали за несколько фунтов товаров значительный участок прибрежной земли. Однако в 1823 году появился белый человек с высоким характером и большими способностями, преподобный Джехуди Ашмун; и именно он практически основал “Либерию” (так новые поселения были названы преподобным Робертом Герли из Американского колонизационного общества в 1824 году).

Город, который американские негры построили на мысе Месурадо, был назван “Монровия” в честь президента Соединенных Штатов, сформулировавшего доктрину “Монро”. Другие

поселения были основаны на мысе Маунт (Робертспорт), на мысе Пальмас (Мэриленд), в Сино (Гринвилл) и в Гранд-Басе. Со временем они превратились в две отдельные республики, "Либерию" и "Мэриленд". Существование первого как суверенного и независимого государства было впервые признано Великобританией в 1847 году; действительно, британское правительство не только на протяжении всего времени было очень доброжелательным к борющимся либерийским общинам и несколько раз приходило к ним на помощь, когда они подвергались нападению местных сил, но и убеждало американских негров в целесообразности их создания государства, которое европейские державы могли бы признать действительным правительством на Зерновом побережье. Великобритания была первой державой, признавшей Либерию суверенным государством. Первый президент Либерии, восьмидесятилетний американец по имени Джозеф Дженкинс Робертс, отправился в Англию в 1847 году, был очень любезно принят королевой Викторией и заключил договор с лордом Пальмерстоном и Министерством по делам колоний. Впоследствии он посетил основные страны Западной Европы. В 1857 году Мэриленд был объединен с Либерией; и эта негритянская республика тогда (в глазах Европы) правила побережьем Западной Африки от близ Шербро на западе до реки Сан—Педро на востоке - около 400 миль, протяженность побережья с тех пор сократилась примерно на 90 миль.

Однако это государство пока не добилось успеха. Американская иммиграция в любом крупном масштабе прекратилась с началом Гражданской войны в США и освобождением американских рабов. Уроженцы побережья Кру и мусульманских внутренних районов отвергали любую идею о том, чтобы ими управляли или облагали налогами иностранные европеизированные негры; а американо-либерийцам не хватало ни смелости, ни денежных средств, чтобы осуществить завоевание регионов за пределами прибрежной полосы, на которой они построили свои города и основали плантации. Поскольку наиболее энергичные из американских негров и мулатов, основавших поселение, вымерли, молодое поколение не смогло привнести такую же энергию в развитие своей родной страны. Лица всех были слишком сильно обращены либо к Америке, либо к Англии. Английский, конечно, был и оставался официальным языком Либерии, его принятию способствовала тесная связь между населением Кру и торговлей на Западном побережье Великобритании (многие крумены также служили и служат до сих пор в британском военно-морском флоте); конституция Республики была тесно, слишком тесно смоделирована по образцу конституции Соединенных Штатов; очень мало интересовались языками, историей, манерами и обычаями полутора миллионов либерийских аборигенов или замечательной местной флорой и фауной^[107]. За исключением путешествий Бенджамина Андерсона в шестидесятых годах прошлого века, не появилось ни одного сколько-нибудь заметного либерийского исследователя, который рассказал бы что-либо о географии или естественной истории внутренних районов страны. Это действительно оставалось (географически) закрытой книгой вплоть до 1903 года, когда серия исследований британских, французских, швейцарских, немецких и голландских исследователей, наконец, выявила к 1910 году основные особенности либерийской географии и этнологии. Британские и немецкие торговцы и первопроходцы (не американо-либерийцы) в одиночку открывали и обрабатывали золото и алмазы западной Либерии и каучуковые леса в центре и на востоке.

Между тем, с начала семидесятых годов Либерия столкнулась с финансовыми трудностями. Попытки открыть внутренние районы были дорогостоящими в стране густых лесов и несудоходных рек. В 1871 году в Англии был заключен заем, средства от которого были безрезультатно растрочены. Еще один заем в 1906 году позволил либерийскому правительству расплатиться с некоторыми из своих немецких, голландских и британских кредиторов; но, хотя этот заем привел к назначению британского чиновника главой

либерийской таможни и, следовательно, к значительному увеличению доходов, беспорядок в финансах страны продолжался. Франция воспользовалась случаем, чтобы настаивать на урегулировании вопроса о внутренней границе на условиях, невыгодных для Либерии, хотя, возможно, настолько благоприятных, насколько того требовали обстоятельства.

Великобритания имела больше корыстных интересов в стране, чем любая другая иностранная нация, но воздерживалась от давления на них из уважения к чувствам американцев и желания не казаться слишком вторгающейся во французскую сферу.

Торговые интересы Германии в стране едва ли уступали интересам Великобритании, и, если бы не американский фактор, она, вероятно, настаивала бы на германском протекторате, что могло бы вызвать недовольство Великобритании и Франции, двух *лимитрофных* держав. В этих обстоятельствах либерийцам было предложено обратиться к своей метрополии, Соединенным Штатам; и после продолжительных раздумий было внесено американское предложение о принятии на себя контроля над либерийскими финансами и общего надзора за либерийскими делами примерно по тем же принципам, по которым проводилось американское вмешательство в Санто-Доминго. Это было сделано в 1912 году. Трудно сказать, каковы будут результаты.

Если бы не международная зависть, предпочтительным решением либерийской проблемы было бы слияние с соседней колонией Сьерра-Леоне, прибрежные поселения которой имели происхождение, очень похожее на происхождение Либерии, в то время как использование английского языка, законы и формы христианства были общими для обеих. Немало граждан Сьерра-Леоне достигли выдающихся административных успехов на местном уровне; один или двое даже стали “гражданами мира”; и несколько человек получили знаки отличия от британских суверенов. Либерия произвела на свет своих выдающихся личностей, таких как доктор Эдвард Уилмот Блайден (великий писатель об Африке) и Артур Баркли, президент Либерии с 1904 по 1911 год; но они были людьми европейской культуры и склада ума и мало способствовали решению африканских проблем.

ГЛАВА VIII

БРИТАНЦЫ В АФРИКЕ, I

(Западное побережье, Марокко, Северо-Центральная часть.)

С самых ранних дней истории португальской монархии между Англией и Португалией установились тесные и дружественные отношения. Большой отряд английских (вместе с немецкими и фламандскими) войск, отправлявшихся в крестовый поход, помог первому королю Португалии отвоевать Лиссабон у мавров в 12 веке. Более поздний король Португалии женился на дочери Джона Гонта, герцога Ланкастерского; и его сыновья, среди них великий принц Генрих Мореплаватель, были наполовину англичанами по крови. Эти дружеские отношения, без сомнения, частично объяснялись французским происхождением обоих правящих домов.

Поэтому, когда эффект португальских открытий в Западной Африке начал ощущаться в Англии благодаря расширению торговли специями (до сих пор монополией Венеции) и зарождающейся идее о том, что негритянские рабы из Африки станут отличным товаром для

американских плантаций, британские моряки-авантюристы не замедлили последовать по пути португальцев. Торговля специями, по-видимому, была первым стимулом, более мощным, чем золото или рабы. Англичане ранее перевозили грузы на португальских судах, прежде чем отважились отправиться в Западную Африку на собственных судах. Таким образом, довольно рано в 16 веке несколько англичан нашли свой путь в Бенин вместе с португальцами. Но на их действия смотрели с подозрением, и дружеские отношения между двумя национальностями вскоре охладели под влиянием соперничества за то, что португальцы хотели бы сделать своей монополией на торговлю в Западной Африке. В конце правления Эдуарда VI (1553) и во время правления Марии (1554-1558) английские корабли отваживались совершать круизы к Гамбии, Зерновому побережью и даже к Золотому побережью и реке Бенин, привозя золото, слоновую кость, гвинейский перец^[108] и “Райские зерна”^[109] для приготовления специй. В 1562-4-7 годах капитан (сэр) Джон Хокинс посетил побережье Западной Африки на собственном корабле, а позже на одном или нескольких кораблях королевы Елизаветы. Он пиратски нападал на португальские корабли и отнимал у них негритянских рабов; он покупал и похищал рабов за свой счет и переправлял их в Вест-Индию. Но реальные торговые предприятия мирного или честного характера стали очень опасными из-за враждебности португальцев. Однако, когда во второй половине 16 века Португалия была поглощена Испанией, а Испания вступила в войну с Англией, королева Елизавета без колебаний выдала двум компаниям купцов-авантюристов лицензии на торговлю с западным побережьем Африки. В 1585 году первая хартия была выдана группе лондонских авантюристов для ведения торговли с Марокко и Берберийскими штатами; в 1588 году другая хартия была выдана девонширским купцам, которые в течение некоторого времени ранее пытались торговать на побережье Сенегамбии. Таким образом, в 1588 году были заложены основы британского поселения в Гамбии. Эта река, которая изначально и, вероятно, более точно, была известна как “Гамбра”, примечательна среди африканских рек тем, что в ее устье есть глубокая отмель, которую большие корабли могут пересечь в любое время прилива. После Конго это, вероятно, самая безопасная река для впадения на всем побережье Западной Африки; и поскольку ее судоходность простирается более чем на 200 миль вглубь Сенегамбии, это очень ценное средство доступа к сердцу плодородных регионов Северо-западной Африки. Когда британцы прибыли в Гамбию, и в течение двух столетий после этого берега реки были густо усеяны португальскими торговыми поселениями. Португальцы, однако, похоже, никогда не высказывали никаких затруднений по поводу его перехода под британский контроль. Именно французы из Сенегала предприняли наиболее решительные попытки вытеснить британцев из Гамбии.

В 1592 году королева Елизавета учредила еще одну торговую ассоциацию на побережье между Гамбией и Сьерра-Леоне. Что касается последующей истории Гамбии, можно упомянуть, что первая консолидированная компания, созданная для ведения торговли и управления британскими поселениями, была зарегистрирована в 1618 году, но она не была успешной, и последующая ассоциация также потерпела неудачу^[110]. В 1664 году на острове Сент-Мэри, у южного берега устья Гамбии, был построен форт, впоследствии названный Форт Джеймс. Это было ядро нынешней столицы Батерста, названной полтора столетия спустя по имени того же министра по делам колоний, чье имя было присвоено австралийскому городу. В 17 веке французы предприняли решительные нападения на Гамбию, а в 1696 году им удалось уничтожить британское поселение, которое, однако, было вновь оккупировано и восстановлено четыре или пять лет спустя. Несмотря на распространение слухов о золоте в стране Верхняя Гамбия (результат исследовательской миссии, проведенной в 1723 году капитаном Бартоломью Стиббсом), поселение Гамбия стало богатым и процветающим в 18 веке благодаря работорговле. Река Гамбия стала отправной точкой первых серьезных британских исследований в Западной Африке и

Нигерии. В 1783 году прерывистая борьба с Францией завершилась признанием францией исключительных британских торговых прав на Гамбию, за исключением французской фабрики в Альбреде, в обмен на аналогичную уступку самим себе коммерческой монополии на реку Сенегал; но в качестве компенсации за французскую фабрику в Гамбии британцы сохранили исключительное право торговать камедью с маврами Портендика (недалеко от мыса Бланко). В 1857 году эти два права были обменены. Во время наполеоновских войн Англия захватила французские поселения в устье реки Сенегал, и британские купцы отправились туда торговать. После капитуляции Сенегала Франции в 1817 году эти британские торговцы покинули Сенегал и основали город Батерст, ныне столицу колонии Гамбия. В 1807 году крошечная колония Гамбия, ныне сильно обнищавшая из-за отмены работорговли, перешла под власть новоиспеченного правительства Сьерра-Леоне. В 1843 году, когда его процветание несколько возродилось благодаря растущей торговле земляными орехами, а его площадь была увеличена за счет различных пристроек территории вдоль берегов реки, он стал независимым от Сьерра-Леоне; но снова в 1866 году был присоединен к этой колонии, пока снова не получил отдельную администрацию в 1888 году. В начале семидесятых годов предпринимались попытки заявить британские претензии на побережье, разделяющее Гамбию и Сьерра-Леоне, где португальское правление прекратилось; но Португалии удалось заявить о своих притязаниях (стр. 98), проект был свернут, и в последовавший за этим период упадка духа Франции было позволено распространить свое влияние на всю страну по обе стороны нижней Гамбии. Несколько раз в течение 19 века обсуждался проект обмена Гамбии с Францией, сначала на ее владения на побережье Габуна, а позже на Порто-Ново и Гранд-Бассам. Первому проекту, который в конечном итоге дал бы нам французское Конго, воспротивились и потерпели поражение британские торговцы в Гамбии; а второму, который в конечном итоге привел бы к созданию непрерывной британской береговой линии от Сьерра-Леоне до Нигера, помешало противодействие марсельских торговых домов в Порто-Ново. В 1891 году плохая позиция была использована наилучшим образом, и с Францией было заключено соглашение о разграничении, которое, во всяком случае, закрепило за Великобританией оба берега реки Гамбия до пределов ее судоходства в морском направлении. После этого соглашения с французами возникли определенные трения среди мусульманских аборигенов (мандинго и фула) из-за вмешательства в их набеги на рабов. Вождь по имени Фоди Кабба был изгнан по этой причине с британской территории. Два года спустя другой работорговец, Фоди Сила, нанес серьезные потери отправленной против него карательной экспедиции, но в конце концов был загнан на территорию Франции, где и умер. Тем временем Фоди Кабба, обосновавшись во французской Сенегамбии в Медине, знаменитом городе Вули, связанном с парком Мунго, руководил отсюда повстанческим движением против британцев, которое привело к гибели двух британских чиновников. Но в 1901 году французские войска сотрудничали с войсками Великобритании; Медина была захвачена и оккупирована, а Фоди Кабба был убит. С тех пор регион Гамбия — когда-то отличное место для вербовки рабов — стал мирным и процветающим. Налог на хижины увеличил его поступления с 1894 года. В 1906 году домашнее рабство было отменено указом, работорговля была искоренена в результате совместной британской и французской оккупации торговых путей несколькими годами ранее.

Слова “Сьерра-Леоне” являются своего рода компромиссом между испанским и португальским языками из-за притупления слуха и небрежного написания иностранных имен, столь характерных для англичан до нынешнего поколения. Выступающий в море на этой части побережья (побережье в остальном плоское и заболоченное) представляет собой гористый полуостров с крутыми холмами, обращенными к морю. Если эти горы недостаточно высоки^[111], чтобы быть “Тейон Оксема” греческих переводчиков дневника Ганнона, они, во

всяком случае, были достаточно поразительными, чтобы произвести впечатление на первых португальских исследователей, которые окрестили их “Серра Леоа” или “львиноподобный горный хребет”, потому что раскаты грома от частых штормов гремят и отдаются эхом между этими лесистыми вершинами. и долины в точности напоминают рев множества львов. (Испанская форма была бы Сьерра-Леона, и, по-видимому, это было испанское название, принятое английскими мореплавателями.) Британцы впервые посетили это побережье в 1562 году, когда (сэр) Джон Хокинс прибыл на реку Сьерра-Леоне (Рокель) за рабами. С этого времени британские корабли заходили в Сьерра-Леоне всякий раз, когда им удавалось ускользнуть от военных кораблей разъяренных португальцев. Британская торговая станция была основана здесь во второй половине 17 века и не исчезла полностью (хотя обычно использовалась как склад рабов какого-нибудь англоговорящего мулата), пока не была окончательно объединена в 1787 году. Ближе к концу 18 века прекрасная гавань — лучшая гавань на западном побережье Африки - привлекла внимание доктора Генри Смитмана; и, вдохновленное его трудами, британское правительство добилось уступки полуострова Сьерра-Леоне в 1788 году. Четыре года спустя была выдана хартия, и территория была передана филантропической ассоциации, известной как “Компания залива Святого Георгия”, которая решила основать в этой части Западной Африки поселение для освобожденных негритянских рабов из Вест-Индии и Канады.

После получения чартера название было изменено на “Компанию Сьерра-Леоне”. В Сьерра-Леоне были привезены в 1787 году лояльные свободные негры, которые сражались на стороне Великобритании во время американской войны за независимость и поэтому получили свободу, но которых было сочтено, что лучше депортировать в климат, более подходящий для африканцев, чем климат Новой Шотландии, где они сначала были расформированы. Затем были отправлены около 400 не имеющих хозяев негров, подобранных в Англии после судебного решения, принятого Грэнвиллом Шарпом относительно незаконности рабства в Англии. Они были известны как “Грэнвиллы”. К ним позже были добавлены “мароны”^[112] — ямайские негры, в незначительной степени смешанные с кровью вымерших уроженцев Вест-Индии, которые поселились в буше на Ямайке и доставляли много хлопот. Кроме того, как только Сьерра-Леоне была избрана местом захоронения рабов, освобожденных с захваченных работорговых судов, к этим бывшим рабам Америки и Англии добавились разнородные выходцы из Западной, Центральной и Юго-восточной Африки, широко известные как “виллифосские негры”, потому что их свобода изначально была обеспечена усилиями мистера Уилберфорса. Затем, конечно, появились исконные жители Тимне, Буллома, Менди и Сусу; так что в целом негритянское население современной Сьерра-Леоне представляет собой необычайно смешанный состав, к которому с тех пор добавилась большая колония крубоев с побережья Либерии.

Филантропическая компания, основавшая это поселение в 1787 году, при создании руководствовалась некоторыми причудливыми идеями. Шестьдесят лондонских проституток были отправлены в Сьерра-Леоне, чтобы выйти замуж за негров и стать честными женщинами, в то время как множество англичанок, голландок и шведок были приглашены отправиться туда в качестве свободных поселенцев, полагая, что Западная Африка так же подходит для европейской колонизации, как и Капская колония. Результатом, конечно, стало то, что почти все эти европейские иммигранты умерли через несколько лет после своего прибытия, хотя и не раньше, чем они произвели свое впечатление на странно смешанное население Сьерра-Леоне. Все строительство пришлось начинать заново в 1791 году.

В 1807 году управление колонией было передано короне; а в 1821 году Сьерра-Леоне впервые была объединена с Золотым Берегом и Гамбией в "Колонию западноафриканских поселений". В 1843 году Гамбия была отделена, в 1866 году снова присоединена; а в 1874 году Золотой Берег и Лагос были отделены от верховного контроля Сьерра-Леоне. Наконец, в 1888 году, когда Гамбия получила отдельную администрацию, Сьерра-Леоне превратилась в изолированную колонию. Между 1862 и 1864 годами ее территория была значительно расширена вдоль побережья; и договор о разграничении с Францией в 1894 году, хотя и перекрыл доступ Сьерра-Леоне к Нигеру, все же расширил влияние колонии на значительное расстояние вглубь страны. В восьмидесятые годы 19 века возникли значительные трудности с беспокойными племенами, особенно с "йонни", которые были покорены экспедицией под командованием сэра Фрэнсиса де Винтона. В 1898 году восстание коренных жителей внутренних районов в знак протеста против подавления работорговли и взимания налога на хижины серьезно обеспокоило колонию и привело к нескольким месяцам упорных боев в буше, главным образом против народов тимне, киси и менди, а также к массовому убийству американских миссионеров. Но эта маленькая война принесла отличные результаты. Беспокойные, торгующие рабами и — на юго-востоке — управляемые фетишистами туземцы-каннибалы были впервые эффективно завоеваны белым человеком. Произошло заселение территории в 30 000 квадратных миль. Старое колониальное ядро Сьерра-Леоне было ограничено одноименным полуостровом и береговой полосой. Вся внутренняя территория была объявлена протекторатом и разделена на районы, где сохранялось или возрождалось правление местных вождей под контролем британских уполномоченных-резидентов. Налог на хижины был твердо установлен, но исключительные права местных жителей на землю тщательно соблюдались. Наконец, была построена железная дорога протяженностью около 230 миль через юго-восточную половину Протектората до границы с Либерией. К французской границе на севере строятся другие железные дороги или трамваи. Короткая, но очень важная горная железная дорога теперь доставляет пассажиров на здоровую вершину прекрасного горного хребта над жаркой и нездоровой столицей (Фритауном). Здесь могут проживать жители Европы, могут провести ночь в сравнительно прохладном климате. Сьерра-Леоне перестала быть могилой белого человека. Со многих точек зрения она стала образцовой западноафриканской колонией.

Хотя британские торговцы золотом и рабами пришли на Золотой берег вслед за португальцами в 16 веке, они не установили там никакой формы управления до 1672 года, когда Карл II дал хартию Королевской африканской компании и монополию на торговлю между Марокко и Капской колонией. Королевская африканская компания построила форты в различных местах на Золотом побережье и в Whyda^[113] на побережье Дагоме. В 1750 году ему наследовала Африканская компания торговцев, компания, субсидируемая правительством, которая продолжала существовать до 1821 года, после чего британские форты на Золотом берегу были переданы в ведение правительства западноафриканских поселений Сьерра-Леоне, а форт Уайда был заброшен. В 1807 году могущественное племя ашанти вновь привлекло к себе внимание европейских стран (уже знакомых с ним как с крупным поставщиком рабов и прилежным работником россыпных месторождений золота), пробившись к побережью, атаковав и уничтожив британский форт Анамабу и голландский форт Кормант-ин. Они даже осадили замок Кейп-Кост. В 1817 году в Ашанти была направлена миссия, в конечном итоге под руководством Томаса Эдварда Боудича, чтобы установить более дружественные отношения с королем Кумаси. Это удалось, но условия заключенного тогда договора не были приведены в исполнение британским правительством из жалости к преследуемому племени фанти на побережье; следовательно, отношения между замком Кейп-Кост (тогда штаб-квартира британской администрации на Золотом берегу) и Ашанти снова стали напряженными^[114]. В 1824 году, находясь в инспекционной

поездке, губернатор Сьерра-Леоне сэр Чарльз Макарти высадился в замке Кейп-Кост и, к сожалению, вступил в войну с ашанти без должным образом организованных сил. Он потерпел поражение и был убит. Имперское правительство вело войну в течение трех лет, в конце концов нанеся поражение ашанти близ Аккры, что привело три года спустя к миру. Но эта длительная кампания вызвала отвращение у имперского правительства к правлению на Золотом берегу, и как только был заключен мир с ашанти, они передали эти поселения комитету лондонских купцов. Этот комитет выбрал и направил на пост губернатора отличного человека — мистера Чарльза Маклина. Этот администратор ухитрился с помощью ежегодной субсидии в размере 4000 фунтов стерлингов и отряда в 100 полицейских распространить британское влияние на территорию, почти совпадающую с нынешней колонией Голд-Кост. Но в 1843 году власть торговцев снова была заменена властью короны, хотя Маклин был принят на службу новой имперской администрации.

Датчане и шведы из-за работорговли основали форты на Золотом берегу в 17 и 18 веках, соответственно, для снабжения рабами островов Вест-Индии. Шведы вскоре отказались от своих торговых фортов, но Дания все еще сохраняла четыре вплоть до середины 19 века, и все они затем были проданы Англии в 1850 году за 10 000 фунтов стерлингов. За такую же скромную плату Дания передала Англии протекторат над значительной территорией к востоку от колонии Золотой Берег, вдоль реки Вольта. Голландцы в 17-18 веках воздвигли форты на Золотом берегу в соперничестве с англичанами, и в большинстве случаев рядом с ними. После отмены работорговли Голландия потеряла интерес к своим западноафриканским владениям. Их существование было очень затруднительным для англичан, поскольку препятствовало взиманию таможенных пошлин. В 1868 году между Англией и Голландией были проведены переговоры о разделе побережья, при этом голландцы захватили все форты к западу от определенной линии, а англичане - те, что лежали к востоку от этой границы. Таким образом, англичане, наконец, овладели всем городом Аккра, который в настоящее время является столицей Золотого берега. В 1871-2 годах голландцы согласились уступить англичанам все свои оставшиеся владения на Золотом берегу в обмен на уступку некоторых британских претензий на Суматру. К сожалению, передача территории от голландцев повлекла за собой ссору с могущественным негритянским королевством Ашанти, расположенным позади прибрежных племен этого региона, но всегда стремящимся выйти к морю. Королевство Ашанти было скорее конфедерацией небольших негритянских государств с королем Кумаси во главе, чем однородной монархией. В 1872 году этот верховный король Кумаси отправил армию численностью 40 000 человек вторгнуться в британский протекторат и заявить о своих притязаниях на господство над племенами фанти в колонии. Большие силы фантиса были в какой-то степени вооружены и организованы британским правительством, но ашанти дважды нанесли им поражение с большой резней, а затем атаковали британский форт Эльмина, где армия Ашанти выдержала такой серьезный отпор, что избежала любых дальнейших нападений на британские укрепленные поселения. Год спустя сэр Джон Гловер (как он впоследствии стал) выступил в поход с отрядами Хауса, чтобы атаковать Ашанти с востока, в то время как сэр Гарнет Уолсли^[115], прибыв зимой 1873 года с сильной экспедицией, состоящей из британских солдат, контингентов вест-индских полков, британских моряков и морской пехоты, отбросил врага обратно в свою страну, достиг столицу, Кумаси, захватили и сожгли это место. Был заключен несколько сомнительный мир, король впоследствии так и не выполнил условий договора, который он, как предполагалось, подписал карандашным крестиком; и в течение следующих двадцати одного года отношения Великобритании с Ашанти (который также был опустошен гражданской войной) были неудовлетворительными. Наконец, в 1895 году другая сильная экспедиция без единого выстрела ворвалась в столицу и взяла короля в плен. Но народ ашанти выжидал своего часа;

и когда в 1900 году британские войска, казалось, были полностью заняты южноафриканскими проблемами, три племени конфедерации Ашанти (40 000 бойцов) подняли восстание как раз в то время, когда губернатор Золотого берега и его жена посещали форт Кумаси. Восстание вспыхнуло 1 апреля, и губернатор и его жена оставались взаперти до 23 июня, когда прибыла лишь небольшая группа негритянских солдат и британских офицеров. 23 июня губернатор и его жена (сэр Ф. Ходжсон и леди Ходжсон) покинули Кумаси с эскортом из 600 солдат хауса, прорвались через осаждающих Ашанти (потеряв убитыми двух британских офицеров) и благополучно добрались до колонии Золотой берег. Для защиты Кумаси был оставлен небольшой гарнизон из 100 солдат хауса и трех белых офицеров. Полковник (сэр) Джеймс Уиллкокс, прибывший из Нигерии с несколькими сотнями солдат йоруба и хауса, прошел маршем через невероятные трудности, связанные с затопленными землями, непроходимыми лесами и отсутствием транспорта, на помощь Кумаси. В течение нескольких недель он получил подкрепление за счет негритянских и индийских войск из британской Центральной Африки и ряда британских офицеров и унтер-офицеров, пока, наконец, у него не было сил в 3500 офицеров и рядовых, не считая союзных дружественных племен Ашанти. Кумаси был успешно освобожден 15 июля (гарнизон был слишком слаб, чтобы выстоять); и к концу года весь Ашанти был успешно завоєван и аннексирован. Железная дорога от Кумаси до Секонди на побережье, построенная в 1903 году, положила конец умиротворению в стране. В настоящее время Ашанти образует большую провинцию (около 23 000 квадратных миль) правительства Золотого Берега. За лесами Ашанти, к северу, находится значительная территория (33 000 квадратных миль), известная как Северные территории. Он отделен от Ашанти главным образом течением Вольты и ее большого притока Черной Вольты. В отличие от Ашанти, здесь нет большой площади густого леса, но это местность, похожая на травянистый парк, сухая и даже безлесная на юго-востоке. Негритянское население принадлежит в основном к группе дагомба-моши и в значительной степени исповедует ислам. Эти северные территории были практически частью неизвестной Африки до восьмидесятых годов прошлого века. Они были открыты нам путешествиями английских, французских и образованных негритянских исследователей и стали британским протекторатом между 1892 и 1899 годами. Основными продуктами являются крупный рогатый скот и масло ши (растительное масло).

Старейшим владением в этом регионе и самой южной из трех великих провинций этой важной британской территории является собственно колония Золотой Берег, которая расположена между Ашанти и морем и занимает площадь в 24 200 квадратных миль. Известный своим россыпным золотом с доисторических времен, в последнее время он стал еще более примечателен своими горными породами из кварцевых рифов и золотосодержащих конгломератов. Для более эффективной работы с ними к 1908 году была построена железная дорога из Секонди во внутренние районы страны с ответвлением. Средняя стоимость золота, ежегодно экспортируемого с 1907 года, составляет около миллиона фунтов стерлингов. С начала 20-го века среди туземцев на их собственной земле было широко развито выращивание какао; и важность этого движения и его прибыльные результаты полностью изменили европейскую концепцию африканской колонизации. Теперь понятно, что местный собственник гораздо усерднее работает на своей земле, если есть рынок сбыта для его продукции, чем в качестве наемного слуги в поместье, принадлежащем европейцам.

Хотя Золотой Берег, пожалуй, самое нездоровое из владений Великобритании в Западной Африке, он процветает в финансовом отношении и добился большого прогресса в торговле. За последние десять лет общая стоимость его торговли увеличилась в четыре раза и сейчас составляет приблизительно 6 000 000 фунтов стерлингов в год.

Колония Лагос возникла в 1863 году^[116]. Впоследствии он был присоединен к правительству Западноафриканских поселений, затем присоединен к Золотому побережью и, наконец, в 1886 году стал независимой колонией. Лагос, как видно из его названия, первоначально был открыт португальцами, которые называли его так из-за большой лагуны, которая до недавнего времени представляла собой гавань весьма сомнительной ценности даже на этом лишенном гаваней побережье, но теперь благодаря огромным затратам денег стала безопасной для выхода и захода пароходов во время прилива. Во времена первых португальских авантюристов современная территория Лагоса частично находилась под влиянием Дагомеи, частично - под властью Бенина; и португальцы, а впоследствии и британцы приезжали туда покупать рабов, которых местные войны поставляли в таком изобилии. Проводя крестовый поход против работорговли в середине прошлого века, британское правительство вступило в контакт с королем Лагоса, который стал одним из самых свирепых работорговцев на побережье. Этот король, Косоко, был изгнан британской военно-морской экспедицией в 1851 году, а его двоюродный брат был возведен на трон после заключения договора с британцами, обязывающего его покончить с работорговлей. Для наблюдения за исполнением этого договора был назначен британский консул, но ни король, подписавший его, ни сменивший его сын в точности не соблюдали его положений. Наконец, в 1861 году король Лагоса уступил свое государство британскому правительству в обмен на пенсию в размере 1000 фунтов стерлингов в год, которую он получал до своей смерти двадцать четыре года спустя. Под британским правлением Лагос достиг замечательного процветания, хотя, к сожалению, его крайне нездоровый климат привел к большим человеческим жертвам среди чиновников, назначенных для управления колонией. Из-за большого торгового движения в его порту (приспособление которого для океанских пароходов оказалось очень сложным и дорогостоящим) его с некоторой долей справедливости называли “Ливерпулем Западной Африки”.

В любой момент между аннексией Лагоса и, скажем, 1880 годом небольшая полоска побережья, отделяющая Лагос от Золотого берега, могла легко перейти под защиту Великобритании, единственной державой, имеющей какие-либо права на вмешательство, была Португалия с одним фортом на побережье Дагоме; но правительство Метрополии никогда не согласилось бы на эту процедуру, пока не стало бы слишком поздно и не вмешались бы Франция и Германия. Впоследствии, примерно до 1898 года, росли проблемы с Францией из-за того, что она распространила свою защиту или колонизацию на маленькое королевство Порто-Ново, большой негритянский штат Дагоме и прилегающую страну Боргу. Эти споры относительно делимитации границы были урегулированы в 1889 году на севере до 9-й параллели. Затем, в 1897 и 1898 годах, последовали энергичные попытки французов пересечь внутренние районы Лагоса вплоть до Нигера, но это различие снова было счастливо урегулировано Конвенцией, подписанной между двумя странами летом 1898 года.

За Лагосом, и действительно соединенная с ним наполовину засоренными ручьями, начинается великая дельта Нигера, которая простирается вдоль изгиба побережья примерно на 200 миль к востоку и заканчивается — насколько это касается прямого сообщения с Нигером — в устье реки Кво-ибо, хотя внутри береговой линии, вероятно, есть ручьи, которые продолжали бы соединять дельту со Старым устьем Калабара. Эти бесчисленные ответвления реки Нигер считались независимыми реками (каковыми они в какой-то степени и являются, поскольку принимают множество ручьев, поднимающихся независимо от главного русла Нигера) вплоть до нынешнего столетия, когда наконец стало ясно, что они представляют собой истоки третьей по величине реки Африки. Вместе с прилегающими реками Старого Калабара и Камеруна они стали известны как “Нефтяные реки”, потому что в них производилась большая часть пальмового масла наилучшего качества, поставляемого

на европейский рынок. Португальцы впервые пришли сюда в 17-18 веках (после ссоры с королем Бенина), чтобы торговать рабами; а англичане последовали за ними в конце 18 века и полностью вытеснили их. Доказательством прежнего интереса Португалии к дельте Нигера является тот факт, что некоторые из этих рек имеют португальские названия или португальские искажения местных названий. Остальные названия в основном принадлежат морским офицерам или кораблям, которые их обследовали, или иногда являются более или менее искаженными местными обозначениями.

К тому времени, когда работорговля была объявлена незаконной, были обнаружены замечательные свойства пальмового масла, главным образом в связи с его ценностью как смазки для машин (особенно локомотивов) и как материала для изготовления свечей и мыла. Таким образом, развитие железных дорог в Великобритании и других европейских странах, новая чистота, которая по совпадению проповедовалась как британское евангелие, и распространение образования и любви к чтению сделали Нефтяные реки и тех торговцев, которые поселились там, подвергаясь неминуемому риску смерти от лихорадки. Уже в сороковых годах прошлого века британские торговые интересы стали настолько важными в дельте Нигера, что был назначен консул. Первый консул, капитан Джон Бикрофт, был наиболее заметной личностью как исследователь и миротворец. Ему Великобритания обязана определенным установлением своего влияния на реке Кросс и в Старом Калабаре. Британское правительство с целью пресечения работорговли с согласия Испании оккупировало в первой половине 19 века испанский остров Фернандо По; и администрация этого острова некоторое время была связана с консульским учреждением в бухтах Биафра и Бенин^[17]. Впоследствии, когда Испания возобновила владение Фернандо По, британский консул в заливах был также консулом на испанском острове; но мало-помалу его обязанности вынуждали его чаще проживать на “Нефтяных реках”, чем на соседнем острове. За исключением блестящего Ричарда Бертона, который в течение четырех лет был консулом в заливах Биафра и Бенин, этот пост обычно занимал джентльмен, который ранее был в некоторой степени связан с африканской торговлей и сфера деятельности которого в политическом плане не сильно расширялась; но в 1880 году на этот пост был назначен мистер Э. Х. Хьюитт, бывший вице-консул в Анголе и человек довольно выдающийся. Он поселился в Старом Калабаре, и его отчеты вызвали большой интерес у правительства того периода, которое было склонно удовлетворить петиции вождей и взять все побережье от Лагоса до Габуна под британскую защиту. Но планы министерства не были полностью утверждены до конца 1883 года; и когда мистер Хьюитт вернулся на побережье со всеми полномочиями, его задержало плохое самочувствие, а еще больше - начало Нигерского вопроса и важность закрепления контроля над нижним течением Нигера. Следовательно, он покинул регион Камеруна для более позднего визита; и немецкий представитель в Дуале, знаменитый путешественник доктор Нахтигаль, воспользовавшись этим упущением, внезапно заключил договор с вождем в устье устья Камеруна. Британский флаг был водружен над всеми оставшимися территориями Южной Нигерии, округом Кросс-Ривер и северо-западным Камеруном. Но Германия была полна решимости получить изрядный кусок Западной Африки, и британское правительство сочло более разумным либерально отнестись к устремлениям Германии. Поэтому британский флаг был снят с окрестностей реки и горы Камерун. Последним участком территории Камеруна, который был передан Германии, было интересное маленькое поселение Амбас-Бей на склонах могучей горы Камерунс, основанное в 1858 году английской баптистской миссией, изгнанной из Фернандо По. Мистер Хьюитт аннексировал эту территорию в 1884 году, а (сэр) Х. Х. Джонстон управлял ею с 1885 года до момента ее капитуляции перед Германией в 1887 году.

Затем границы “Протектората Нефтяных рек” были проведены по реке Рио-дель-Рей на востоке и границе колонии Лагос на западе. Впоследствии восточная граница была расширена по соглашению с Германией до верховьев реки Бенуэ. Это приобретение, ныне известное как Протекторат Южной Нигерии и объединенное в единое великое правительство, почти Империю, Британской Нигерии, поначалу управлялось консульскими властями, в том числе автором этой книги; и этим консульским администраторам пришлось столкнуться с серьезными трудностями из-за решительного противодействия некоторых береговых начальников ведению прямой торговли с внутренними районами. Это были “посредники”, которые в течение нескольких столетий препятствовали проникновению европейцев в Африку с Западного побережья в страхе, что они потеряют свои прибыльные комиссионные с продуктов внутренних районов, которые они продавали в розницу на побережье. Некоторые из этих вождей происходили из давно установившихся правящих семей; другие снова начали жизнь рабами и выросли до богатых королей-торговцев с доходом от 10 000 до 20 000 фунтов стерлингов в год, получаемым за счет прибыли от товаров из внутренних районов, которые проходили через их руки. Главным среди этих препятствующих людей был Джаджа, раб из страны Ибо, который в качестве слуги, торговца и советника вождей Бонни достиг такого положения в богатстве и влиянии, что вооружил большой отряд воинов и флотилию боевых каноэ и стал самым могущественным вождем в дельте Нигера. Он проживал на реке Опобо и очень ревниво относился к своей независимости, подписав только квалифицированный договор о защите с британским правительством из вполне обоснованных опасений, что, если он этого не сделает, французы отберут его страну как выход к Нигеру. Когда Джаджа, наконец, дошел до насильственного противодействия торговле между британскими купцами и уроженцами внутренних районов, мистер Х. Х. Джонстон, в то время исполнявший обязанности консула в Ойл-Риверс, перевез его на Золотой берег, чтобы предстать перед судом комиссара. В результате судебного процесса он был низложен и приговорен к пятилетнему изгнанию в Вест-Индию. С изгнанием Джаджи основное сопротивление посредников было сломлено, хотя в Бенине и за Старым Калабаром пришлось предпринять аналогичные действия для обеспечения свободной торговли.

В 1893 году при сэре Клоде Макдональде была создана регулярная администрация над Южной Нигерией (Протекторат побережья Нигера, как он назывался до 1906 года). В 1896-7 годах мирная миссия короля Бенина в западной части протектората подверглась нападению солдат этого вождя, и лидер (Дж. Р. Филлипс) и семь других британских чиновников были убиты вместе со многими местными носильщиками.

Бенин поддерживал отношения с британскими торговцами с 1553 года. Голландцы торговали там в 17-18 веках рабами, но были вытеснены французами, а французы (в 1792 году) - британцами. В 1823 году Джованни Бельцони, итальянский египтолог, умер недалеко от Бенин-сити, когда отправлялся из этой части дельты Нигера в Тимбукту. В 1863 году (сэр) Ричард Бертон прибыл в Бенин в качестве британского консула, чтобы попытаться (тщетно) убедить короля отказаться от его опустошительных человеческих жертвоприношений, совершаемых раз в год по королевским “обычаям” поклонения предкам. (Сэр) Х. Х. Джонстон, заключив соглашение с королевским вице-королем Наной на побережье, исследовал реку Бенин на канонерской лодке, но получил отказ в разрешении проследовать в столицу. Это было предоставлено (сэру) Х. Л. Галлуи в 1892 году; и тогда же был заключен международный договор.

После расправы над мистером Дж. Р. Филлипсом и его товарищами 1 января 1897 года (только двум англичанам удалось спастись) британская карательная экспедиция была

быстро организована адмиралом сэром Гарри Роусоном; и месяц спустя город Бенин был взят, его король сослан, а худшие преступники из числа его вождей казнены. Вторая карательная экспедиция прошла по территории Бенина в 1899 году, с тех пор в этом древнем королевстве царил мир. Бенинская экспедиция открыла нам, в гораздо большей степени, чем предполагалось до сих пор, удивительное искусство, возникшее в этом виновном в крови городе, искусство, проявившееся главным образом в бронзовом литье по *технологии cire perdue*. Великолепная серия образцов этой работы с тех пор была выставлена в Британском музее. По всей вероятности, это искусство обработки меди и бронзы достигло Нижнего Нигера и частей дельты Нигера, таких как Бенин, с одной стороны, и Старый Калабар, с другой, из центрального Судана, где оно было привнесено арабскими мастерами, учителями и торговцами из Египта и Триполи; хотя некоторые авторы в последнее время утверждают, что еще более раннее появление изделий из меди, бронзы и латуни произошло в Египте до арабского завоевания и распространилось с востока на запад через центральный Судан до Верхнего Нигера. В любом случае, это искусство пустило корни в Бенине, где получило особое национальное развитие. Одновременно с этим возник изысканный вкус в резьбе по слоновой кости, почти восточный по своему изяществу и отделке.

В 1906 году протекторат побережья Нигера, перешедший в ведение Министерства по делам колоний в 1900 году, был объединен с прилегающей колонией Лагос под названием Южная Нигерия. Ранее (в 1900 году) он объединил свою восточную и западную половины, приобретая все дельтовое течение Нигера от Идды до моря, после того как территории Королевских нигерских компаний были переданы британскому правительству. Между 1900 и 1910 годами потребовалось несколько небольших войн с местными жителями для подчинения племени аро (чьи жестокие фетишистские обряды — “длинное джуджу” - требовали постоянных жертв) в северо-восточной части дельты и народа ибо на севере; но процветание Южной Нигерии было заметным. Общий объем торговли в среднем за год составляет 11 000 000 фунтов стерлингов. В настоящее время железная дорога проходит вглубь страны от Лагоса до Нигера и от Нигера до Кано, протяженностью около 850 миль. В 1912 году правительства Южной и Северной Нигерии были объединены под общим руководством генерал-губернатора.

Таким образом, Лагос, дельта Нигера и земли реки Кросс (Старый Калабар) наконец объединились для мирного и процветающего развития под британским флагом. Но какими бы сильными ни были претензии Великобритании на контроль над землями вдоль основного течения Нигера, они были энергично оспорены Францией во второй половине 19 века. Нигер был открыт от истока до последнего порога в начале его судоходства в морском направлении Мунго Парком, одним из величайших британских исследователей, и более поздними путешественниками из Сьерра-Леоне. Остальная часть исследований от Буса до моря была завершена другими британскими авантюристами и официальными лицами; с точки зрения открытий весь Нигер был британским от истока до устья. Судоходство по реке от моря до места ее впадения в Бенуэ было впервые организовано в 1832 году шотландцем Макгрегором Лэрдом, которого по праву называют “отцом британской торговли на Нигере”. Лэрд в период с 1832 по 1859 год тщательно потратил около 60 000 фунтов стерлингов на развитие нигерийской торговли. В 1841, 1854 и 1857 годах британское правительство отправляло или поддерживало различные экспедиции для исследования и заключения договоров; они также учредили консульство в Локодже, где Бенуэ впадает в Нигер, но человеческие жертвы из-за воздействия климата в те дни были настолько велики, что британское правительство впало в уныние. Самым выдающимся из их консулов в Локодже был доктор В. Б. Байки, который между 1854 и 1864 годами положил начало Британской Нигерии^[118]. Но консульство

в Локохе было упразднено в 1868 году; и с другой стороны, не было предпринято никаких попыток присоединить к внутренней части Сьерра-Леоне богатые страны, лежащие за истоками Нигера. Если бы не независимые действия со стороны британских торговцев, Нигер стал бы либо полностью французским, либо, в основном, французской рекой с немецким устьем. В восьмидесятые годы французское правительство Сенегала продвинулось вперед к Верховьям Нигера. Еще раньше, под влиянием Гамбетты, были сформированы две могущественные французские политико-коммерческие компании, которые основали торговые дома по всему Низовью Нигера. Однако, несмотря на сильное разочарование, многочисленные британские фирмы, которые вели торговлю с Нигером, остались на реке; но, хотя они вели большую торговлю, их прибыль была снижена чрезмерной конкуренцией. С британской точки зрения, настал час нанести удар по Нигеру; но где был этот человек? Капитану Джорджу Голди-Тaubману^[119] (офицеру королевских инженерных войск) были оставлены акции на несколько тысяч фунтов стерлингов в одной из этих небольших компаний в Нигере. Проведя некоторое время в Египте, он решил отправиться в Нигер (1877) и посмотреть, стоит ли сохранять его акции. Подобно аналогичному великому человеку в Южной Африке, он решил работать в amalgamation. С неутомимой энергией и большим тактом он добился консолидации всех британских компаний, торгующих на Нигере. Затем он выкупил французскую компанию, так как они были обескуражены смертью Гамбетты, и смело обратился к имперскому правительству за хартией, сумев доказать им, что никакой другой торговой фирмы, кроме его собственной, на Нигере не существует. Великобритания в то время как раз собиралась принять участие в Берлинской конференции. Она проиграла Конго, но выиграла восточный Нигер. Когда на Берлинской конференции британские притязания на протекторат были в принципе поддержаны, Национальной африканской компании, основанной капитаном Голди-Тaubманом, был предоставлен чартер, который изменил название своей ассоциации на Королевскую Нигерийскую компанию. Основное течение реки Нигер до моря было передано под управление этой зафрахтованной компании, но район Бенин на западе и районы Брасс, Бонни, Опобо и Олд-Калабар на востоке, как уже говорилось, в конечном итоге были организованы как протекторат побережья Нигера под прямым имперским управлением, поскольку в этих странах у Нигерской компании не было доминирующих интересов.

Когда компания сэра Джорджа Голди израсходовала почти весь свой доступный капитал на выкуп французов и приобретение прав управления у местных вождей, пришлось преодолеть новое препятствие: в игру вступило немецкое соперничество. Немцы только что захватили Камерун, но не смогли обезопасить Нефтяные реки, на которые в 1884-5 годах они предприняли несколько попыток. Герр Флегель был направлен для получения концессий за пределами непосредственной юрисдикции Королевской нигерской компании в Нигерийском Судане. Но Флегелю помешал в достижении его главной цели исследователь Джозеф Томсон, который наиболее умело провел миссию при дворе султана Фула или императора Сокото и заключил договор с этим важным властелином, который привел его территории под британское влияние. В 1890 году британские претензии на обширную нигерскую империю были признаны Францией и Германией. Но французскому признанию было позволено оставаться слишком расплывчатым в отношении северных, западных и восточных границ Британской Нигерии; таким образом, Франция в последующие восемь лет могла стремиться вторгнуться в британскую сферу с двух направлений, если не с трех. На севере стремились отодвинуть границу империи Сокото, чтобы перенести французские владения как можно дальше на юг, хотя это утверждение мало выходило за рамки составления карт. На юге, в бассейне Бенуэ, лейтенант Мизон предпринимал самые настойчивые и, как могло бы показаться, непрактичные попытки закрепить за Францией большую сферу влияния на реке Бенуэ, к которой с трудом можно было подойти с

французской территории, поскольку на пути стояла бы немецкая сфера. Наконец, поскольку делимитация в англо-французском соглашении 1890 года просто перенесла британскую границу от озера Чад, скажем, на средний Нигер, и не установила западную границу, французы (хотя, по неофициальным данным британцев в 1890 году, прямая линия была проведена, скажем, прямо на юг до границы между Лагосом и Дагоме) постепенно продвигали свои приобретения на восток от Сенегамбии, пока не обезопасили весь правый берег Среднего и Нижнего Нигера до Буса, который находится в конце Нигерских порогов и в начале его судоходства в морском направлении. Поскольку в 1894 году Франции было объявлено о британском протекторате над Бусой, этот акт со стороны французов был расценен как явное нарушение британских прав и вызвал в то время значительное волнение; но, как видно из конвенции 1898 года, французы в конце концов уступили британским претензиям. Некоторое время назад они молчаливо открестились от предприятия лейтенанта Мизона, которое стало еще более безнадежным, во-первых, из-за соглашения между Англией и Германией в 1893 году (которое предусматривало непрерывную англо-германскую границу от Рио-дель-Рей на побережье до южных берегов озера Чад), а во-вторых, из-за последующего франко-германского соглашения 1894 года, по которому часть немецкой территории была разделена между французскими притязаниями в Конголанде и на реке Шари, и британской сферой на Бенуэ; хотя, тем не менее, немцы допустили французов до точки на крайнем севере. верхние воды Бенуэ в обмен на доступ Германии к Санге, одному из притоков Конго.

Помимо того, что Нигерской компании мешали противоречивые амбиции других европейских держав, ей пришлось провести сложную кампанию против эмира Нупе. Как и большинство великих мусульманских империй, Сокото состояла из группы вассальных государств, в разной степени преданных доминирующей державе. В то время Британская Нигерия насчитывала четыре важных цивилизованных негритянских народа и неопределенное количество диких племен, которые в политическом отношении не имели никакого значения. Этими четырьмя великими народами являются *сонгаи* на северо-западе, *хауса* занимающие весь центр, *борну* или *канури* на северо-востоке и *нупе* на юго-западе. Более трех из них (за исключением канури) были завоеваны фулой столетней давности и установили правление Фулы с ее штаб-квартирами в штатах Хауса. Но королевство Нупе, хотя и находилось под властью династии Фула, сохраняло верность двору Сокото, но недорого, и потребовало от Нигерской компании признания своей полной независимости, которое по политическим причинам Компания не могла предоставить. Это могущественное королевство, однако, стояло на пути любого доступа в Сокото, и, бросая вызов Нигеру, компания совершала набеги в поисках рабов далеко в низовьях Нигера. До тех пор, пока не был открыт путь для успешной внешней интриги, позволив Нупе утвердить свою независимость от Сокото и Королевской Нигерской компании, было необходимо подавить ее притязания. Поэтому сэр Джордж Голди с помощью штаба британских офицеров, войск Хауса и пулеметов нанес сокрушительное поражение силам Нупе (в основном Фулы), захватил их столицу и успешно отстоял суверенные права Компании, предоставленные им султаном Сокото. Впоследствии были расправлены с другими беспокойными племенами, совершавшими набеги на рабов, и Компания постепенно стала хозяином огромного прибрежного доминиона в западно-центральной Африке.

Но вся эта позиция была ложной, насколько это касалось Великобритании. Британское правительство на Берлинской конференции по делам Африки повсюду отстаивало идею свободной торговли; однако здесь, в британо-нигерийской сфере, зафрахтованная компания обеспечила себе фактическую монополию на торговлю. Выше Або, в дельте Нигера, было практически невозможно вести торговлю никому, кроме местных жителей и Королевской

Нигерской компании. Тем не менее, британское правительство уже было призвано выразить протест против монополии короля Леопольда на торговлю во внутренних районах государства Конго и исключения французами британских купцов из Французского Конго. Итак, в 1899 году был предпринят шаг по выкупу административных прав Королевской Нигерской компании; и 1 января 1900 года британское правительство приступило к прямому правлению "Северной Нигерией", территорией площадью примерно 256 400 квадратных миль (как определено конвенциями 1890-1898-1902 годов с Францией и Германией — 338 000 квадратных миль с Южной Нигерией), которая простиралась от границ пустыни Сахара и озера Чад до Верхнего Бенуэ, Центрального Нигера, Боргу и границы Камеруна. За три с половиной года (1900-04) практически вся эта огромная территория была передана под эффективный британский контроль — благодаря мужеству и неукротимой энергии ее первого губернатора сэра Фредерика Лугарда (который завоевал Боргу и Илорин для Нигерской компании в 1897-99 годах). Полковник Т. Л. Н. Морланд командовал отрядом из 800 негритянских солдат с британскими офицерами и унтер-офицерами, который с помощью своих легких артиллерийских орудий и пулеметов "Максим" разгромил крупные силы кавалерии, выдвинутые против него принцами Фула. В ходе кампании, которая длилась с осени 1902 года до начала лета 1903 года, полковник Томас Морланд прошел маршем от Нупе до Борну, а от Борну до Сокото, попутно захватив большой город Хауса Кано. Враждебно настроенный султан Фула из Сокото был свергнут, и на трон взошел родственник, на которого можно было больше положиться в лояльном сотрудничестве с британцами в подавлении работорговли и в противодействии набегам рабов, которые быстро опустошали Северную Нигерию. Приятно отметить, что в ходе этих операций династия шейхов Канеми из Борну (основатель которой был так добр к транссахарским экспедициям, отправленным из Англии в первой половине 19 века) была восстановлена во главе этой страны. Они были изгнаны из Борну во время чрезвычайного вторжения в Центральный Судан Рабаха, бывшего раба Зобейр-паши в египетском Судане. Рабах, покинув рушащуюся державу дервишей Омдурмана, двинулся на запад и вступил в Борну в 1895 году во главе большой армии. Он быстро овладел регионами между Хаусалендом и бассейном Конго. В конечном счете он и его сын, Фадл-Аллах, пали в битве с французами; и британцы, когда они захватили Борну в результате побед полковника Морланда, заменили на посту шейха или коренного правителя этого древнего королевства правнука Мухаммеда аль-Амина аль-Канеми, человека, который так подружился с Денхемом и Клаппертоном в 1822-4 годах.

ГИПЕРССЫЛКА Fula power В Нигерии не вымерли. Далеко не так. Более умные принцы и аристократия Фулы теперь помогают британцам в качестве великих вождей и на второстепенных административных должностях. Торговля Хаусаленда возрождается, и в холмистой стране Баучи происходит значительное развитие добычи полезных ископаемых (в основном олова). Железная дорога сейчас соединяет Кано с Лагосом на берегу Гвинейского залива, и ответвление этой большой магистрали поворачивает на юг, в Баучи, и, возможно, когда-нибудь достигнет верхнего Бенуэ; точно так же, как линия Кано в будущем, далеко или близко, соединится с французской транссахарской линией и будет перевозить пассажиров из Центрального Судана и восточного Нигера в средиземноморские порты французской Северной Африки.

Интерес к торговым возможностям Центрального Судана был проявлен британским правительством в начале 19 века, совершенно независимо от проблемы Нигера; и именно за счет Великобритании в 1818 и 1822 годах из Триполи через пустыню Сахара были отправлены экспедиции для открытия озера Чад. Этот шаг был частично вызван успехами замечательного человека, Мухаммеда аль-Амина аль-Канеми^[121], который стал фактическим правителем Борну и наладил отношения с Триполи. Клаппертон, участник экспедиции 1822-

25 годов, пересек Хаусленд и добрался до двора императора Фула в Сокото. Денхам чуть не расстался с жизнью, присоединившись к армии борну, которая отправилась атаковать Фулы Мандары. Другая экспедиция, отправленная из Триполи в 1849 году под руководством консула Ричардсона, в основном достигла своих конечных целей благодаря одному из ее участников, немцу, доктору Генриху Барту, который достиг Тимбукту на западе и Верхнего Бенуэ на юго-востоке. Таким образом, Великобритания заложила основы своей будущей Нигерийской империи как со стороны Средиземного моря, так и поднявшись по Нигеру и Бенуэ из Гвинейского залива.

В свое время британское влияние на полунезависимую башу Триполи было настолько сильным, что казалось возможным предоставление британской защиты этому берберийскому государству, учитывая, что Франция аналогичным образом проигнорировала столь же обоснованные претензии Турции на сюзеренитет Алжира. Но восстание Мухаммеда Али в Египте заставило турок осознать необходимость усиления своих притязаний на Триполи, и британские проекты в этом направлении были заброшены.

Что касается Марокко, португальская крепость Танжер была передана Англии в 1662 году, поскольку британцы пожелали получить ее как порт захода недалеко от Гибралтарского пролива. Однако оказалось трудным защищать его от постоянных нападений мавров, и поэтому в 1684 году он был передан императору Марокко. Не исключено, что однажды он может вернуться под контроль британцев.

ГЛАВА IX

ФРАНЦУЗЫ В ЗАПАДНОЙ И СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ

С некоторой степенью вероятности утверждалось, что некоторые моряки-искатели приключений из Дьеппа проложили свой путь вдоль западного побережья Африки до Золотого берега в 14 веке, за сто лет до португальцев; и что они обосновались на реке Сенегал, построили два или более поселений (Маленький Париж и Маленький Дьепп) на побережье Либерии и основали торговые станции в "Ла Мин д'Ор" (Эльмина), в Аккре и в Кормантине, на Золотом берегу. Говорили, что станция Дьеппа в Эльмине была основана в 1382 году; и легенда гласит, что сорок лет спустя, из-за войн во Франции, отвлекших норманнскую торговлю от морских предприятий, эти поселения были заброшены. Возможно, в этих отчетах об открытиях норманнов на западном побережье Африки, сделанных во второй половине 17 века, была доля правды. Нормандский авантюрист, несомненно, заново открыл Канарские острова в 14 веке; и вполне вероятно, что Рио-д'Оур и даже все побережье Западной Африки вплоть до Гвинейского залива были известны итальянским морякам еще до того, как португальцы нанесли эти объекты на карту. Когда три столетия спустя французы основали поселение в устье Сенегала, говорят, что они обнаружили остатки нормандского форта (построенного авантюристами из Дьеппа) и сделали его ядром современного города Сент-Луис.

Во всяком случае, вскоре после того, как португальцы обнажили побережье Гвинеи, корабли начали отплывать из нормандских портов, чтобы возобновить или начать торговлю с Западной Африкой, хотя не было предпринято никаких попыток установить какие-либо

политические соглашения; поскольку в вопросе основания колоний в Африке Франция значительно отставала от Португалии, Голландии и Англии. Однако в 1637 году молодой француз по имени Клод Жаннекен де Рошфор расхаживал по набережным Дьеппа со смутным желанием стать “другим кортесом”. Случайно спросив, куда направляется некое судно, и получив в ответ, что оно направляется к реке Сенага в Африке, недалеко от Зеленого Мыса, он немедленно решил отправиться туда и не прошло и нескольких часов, как был занесен в судовую книгу как солдат; впоследствии он исполнял обязанности писаря при капитане. Казалось бы, это судно, на борту которого были не только солдаты, но и монахи, должно было быть отправлено каким-то дальновидным начальством, поскольку до того, как сьер де Рошфор присоединился к его компании, было решено остановиться на побережье Западной Африки к северу от реки Сенегал, срубить деревья, построить небольшую лодку и использовать ее для исследования Сенегала. Этот план был разработан при полном незнании того факта, что на побережье к северу от Сенегала и к югу от Марокко нет древесины для строительства лодок. Убедившись в этом, Дьеппская экспедиция под командованием капитана Ламбера, в числе солдат которой был сьер де Рошфор, отправилась к Сенегалу и соорудила небольшую лодку из древесины, привезенной из Франции. На это небольшое судно была переведена часть команды, включая Де Рошфора; и река Сенегал была исследована на протяжении 110 миль от ее устья. Хотя говорили, что искатели приключений из Дьеппа построили форт на месте Сент-Луиса в 1360 году, а у португальцев было несколько торговых постов в ее нижнем течении в 15 веке, на реке не было европейцев, когда ее посетил Де Рошфор, хотя голландцы основали станции на побережье неподалеку. Добившись уступок от местных жителей, экспедиция капитана Ламберта вернулась во Францию, испытав по пути множество задержек и приключений; и через шесть лет после того, как он отправился из Дьеппа Де Рошфор, опубликовал интересный отчет об их приключениях.

Но эта первая экспедиция не была вскоре продолжена из-за враждебности голландцев. Нормандская компания продала свои права Французской Вест-Индской компании, и последняя снова передала их дочернему объединению, впоследствии получившему название “Королевская сенегальская компания”. В 1677 году французский военно-морской флот (Франция находилась в состоянии войны с Голландией) захватил голландские порты на побережье Сенегала — Руфиск, Портудал, Джоал и остров Гори - этот последний, знаменитый в истории Западной Африки, был назван в честь небольшого острова на голландском побережье и контролировал ныне важную гавань и столицу Сенегала Дакар. В 1717 году Портендик, расположенный к югу от мыса Бланко, и в 1724 году Аргуин, остров к северу от мыса Бланко, также были отобраны у голландцев, которые ранее приобрели их у португальцев.

Королевская сенегальская компания направила в 1697 году для ведения своих дел очень способного человека — Андре де Брюэ, который разместил свою штаб-квартиру в форте Сент-Луис, основанном партией де Рошфора. Этот замечательный человек, Брюэ, сочетал в себе качества человека науки и дальновидного торговца, и можно сказать, что он действительно заложил основы французской империи в Западной Африке. Брюэ совершил два важных путешествия вверх по Сенегалу и в глубь страны. Он прожил восемнадцать лет на побережье Сенегала и посетил Гамбию в 1700 году, обнаружив там англичан, португальцев и испанцев, первыми назвавших себя торговцами в устье реки, а двое последних обосновались на некотором расстоянии вверх по ее течению как процветающие работоторговцы. По словам Брюэ, португальские поселения работоторговцев демонстрировали некоторую степень цивилизованности, но также и буйство европейского элемента, мало чем отличающееся от действий “могоков” на улицах Лондона. В своих работах Брюэ выражает

свое изумление по поводу огромного количества пчел, населяющих мангровые болота и прибрежные районы Гвинеи. В 1716 году Брюэ разослал агентов, чтобы распространить французское влияние вверх по Сенегалу и в сторону “Золотой” страны Бамбук, горного региона в верхнем Сенегале. Брюэ, наконец, вернулся во Францию в 1715 году и долгое время после этого спокойно жил на крупное состояние, которое он накопил. Его имя хорошо запомнилось в анналах Французской империи. Он был дальновидным, образованным человеком, обладавшим также даром выбирать и нанимать хороших партнеров. Среди них можно упомянуть сьера Кампаньона, *кумира* добродушного, симпатичного, гибкого, добросердечного, доблестного француза. Только обаяние завоевательных манер Кампаньона позволило ему проникнуть в тайники Бамбука, чьи секреты как золотоносной страны ревниво охранялись местными жителями. Один маленький случай из жизни Кампаньона на “Сенегале” хорошо иллюстрирует его характер. Прогуливаясь по окраинам Сент-Луиса, он наткнулся на несчастную львицу, которая принадлежала жителю города, но была выброшена умирать на мусорные кучи. Несчастное животное страдало каким-то заболеванием челюсти, которое не позволяло жевать, и поэтому было при смерти от голода. Когда Кампаньон увидел львицу, ее глаза остекленели, а рот был полон муравьев и грязи. Он сжалился над несчастным существом, прочистил ей рот и горло и накормил ее молоком. Это спасло ей жизнь, и благодарное животное прониклось к нему теплой привязанностью и впоследствии ходило за ним повсюду, как собака, и ни у кого больше не брало пищи. Доктор Роберт Браун, раскопавший этот очаровательный анекдот, далее сообщает нам, что после своей романтической карьеры в Африке Кампаньон вернулся во Францию и умер после долгой и благополучной жизни мастером-каменщиком и гробовщиком в Париже.

Французы продолжали развивать свои сенегальские поселения с некоторым процветанием до 1758 года, когда они были захвачены англичанами, которые удерживали их до 1778 года и снова приобрели на некоторое время по мирному договору 1783 года; после этого они находились в британских руках еще несколько лет, но к 1790 году снова стали французскими. В 1800 году британцы захватили остров Гори, который французы приобрели у голландцев в 1677 году. По мирному договору 1783 года англичане получили от французов исключительное право торговать жвачкой с арабами или маврами Портендика. Портендик был местечком на побережье Сахары, примерно в 120 милях к северу от Сент-Луиса. Все французские владения в Сенегале, которые время от времени удерживались британцами во время наполеоновских войн, были возвращены Франции через два года после заключения мира 1815 года, хотя в то время британская власть над Гамбией была более четко определена, французы сохранили только один пост на этой реке, отданный в 1857 году в обмен на британскую торговую монополию с Портендиком. Французы уже возобновили свои исследования Сенегамбии в конце 18 века; и после окончательного восстановления русла реки Сенегал в 1817 году эти исследования были продолжены с некоторой долей энтузиазма. В 1818 году Моллиен открыл истоки Гамбии, а Де Бофор исследовал страну Каарта. В 1827 году Рене Кайе отправился от реки Нуьес с помощью, полученной из колонии Сьерра-Леоне (за что впоследствии был неблагодарен), и спустился по Нигеру до Тимбукту, оттуда через пустыню направился в Марокко. Его путешествие, однако, мало что сделало для привлечения французского Нигера в то время, особенно после того, как появился великий завоеватель Фула, Аль Хаджи Омару, чьи завоевания не только перекрыли путь к Нигеру, но и позже поставили под угрозу само существование французских поселений на Сенегале. Но после длительного периода бездействия и отсутствия интереса французская колония Сенегал должна была получить значительное расширение. Генерал Файдербе, которому по политическим причинам не доверяла новообразованная Вторая империя, был сослан в Сенегал в 1854 году под видом назначения генерал-губернатором. Он был человеком большой предприимчивости и ума и немедленно приступил к изучению ресурсов

и расширению сенегальской колонии. Сначала он сурово наказал мавританские племена к северу от реки Сенегал, которые снова и снова совершали набеги на заселенную страну. Не пробыв и года в Сенегамбии, Фейдербэ аннексировал страну Вули и построил форт Медина, чтобы противостоять прогрессу Аль-Хаджи Омару. 'Омару послал армию в 20 000 человек против Медины, но они были отброшены командующим офицером, и в конце концов им пришлось отступить перед наступлением Файдербэ. Вслед за отражением нападения фулов последовала аннексия многих стран вдоль Верхнего Сенегала и в направлении Гамбии. Год спустя страна между Сент-Луисом и устьем Гамбии, за Кабо-Верде, была аннексирована. Затем была захвачена река Казамансе между Гамбией и Португальской Гвинеей; затем, в шестидесятых годах, побережье между Португальской Гвинеей и Сьерра—Леоне было присоединено к французским владениям под названием "Ривьер-дю-Сюд". В 1864 году французская экспедиция под командованием талантливого лейтенанта Э. Маге (который утонул у берегов Бреста в 1869 году) достигла Сегу в верховьях Нигера и была задержана там на два года подозрительным Фула Султан-Тидиани, племянником императора Аль-Хаджи Омару^[122].

Приостановка деятельности Франции произошла после катастрофической франко-германской войны, но она снова была возобновлена в 1880 году. Капитан Галлиени обследовал маршрут железной дороги, соединяющей судоходный Сенегал с верховьями Нигера, которого он достиг в том же году в Бамаку. К 1883 году пост Бамаку в Верховьях Нигера был окончательно основан и укреплен. Но генералам Боргнис-Десборду, Галлиени и другим французским офицерам пришлось бороться с внушительными силами короля Ахмаду бен Тидиани, внучатого племянника и преемника Аль-Хаджи Омару, который правил страной между верхним Сенегалом и Дженне на Нигере. Однако генерал Боргнис-Десборд вынудил Ахмаду заключить в 1887 году международный договор, который передавал его территорию под защиту Франции. Тем не менее, в 1890 году последовала война с тукулер (Такрур) фулас (и также с остатками масина фулас при Ахмаду Абдулее); и французы оккупировали великую страну Каарта (где парк Мунго так сильно пострадал) в 1891 году, Сегу на Нигере (также связанный с парком Мунго) в 1892 году, Дженне и Тимбукту в 1893 году. Французы еще в 1881 году взяли под свою защиту древнее королевство Фула Тимбо или Фута Джаллон. Их деятельность в этом направлении привела их к конфликту с силами Самори, негритянского короля (вероятно, мандинго), который поднялся с очень скромного положения до положения завоевателя и правителя стран у истоков Нигера. Самори, как и Аль-Хаджи Омару, командовал ордами негров-мандинго, чьи завоевания часто предпринимались из пропагандистских побуждений и которые в некоторой степени симпатизировали мусульманским племенам Верхнего Нигера. Силы Самори были в основном набраны из племен мандинго между верховьями Нигера и внутренними районами Сьерра-Леоне, Либерии и Берега Слоновой Кости. В 1885-6 годах полковник Фрей предпринял кампанию против Самори, которая кое-что сделала для сдерживания власти этого главаря рейдеров; но после уничтожения державы Фула в 1892 году нападения Самори на французские аванпосты удвоились и едва не поссорили Францию с Великобританией из-за дела Ваймы. К 1888 году была построена железная дорога, которая облегчила доступ к Нигеру; и после того, как по этой реке в Бамаку был пущен небольшой вооруженный пароход, Нигер впервые со времени последнего рейса Мунго Парка вышел за пределы Сегу. В 1887 году эта канонерская лодка (названная *Le Niger*) действительно достигла Кабары, порта Тимбукту, но враждебность местных жителей помешала ее командиру, лейтенанту Карону, посетить город. Канонерская лодка вернулась, не произведя ничего, кроме зловещей разведки.

В 1888 году капитан Луи Г. Бингер предпринял исследовательское путешествие по Франции, которое привело к самым замечательным результатам. Он был первым, кто вошел в

неизвестную страну, расположенную в большом северном изгибе Нигера. Он закрепил договором за французским влиянием Тибу, Гонконг и другие страны, лежащие между Нигером и берегом Слоновой Кости. Полковник Арчинар своими блестяще проведенными кампаниями против Ахмаду бен Тидиани присоединил к французским западноафриканским владениям Каарту, Бахуну, Сегу и Дженне и таким образом освободил от препятствий дорогу на Тимбукту. Позже полковник Арчинард разгромил короля-налетчика Самори и занял его столицу Бисандугу, недалеко от границ Либерии. В 1894-5 годах была предпринята попытка напасть на него в новом королевстве, которое он вскоре завоевал на землях между главным Верховьем Нигера и Черной Вольтой; и полковник П. Л. Монтейл (который ранее, в 1891-2 годах, совершил путешествие из Сенегала в Нигер, а из Нигера в Борну, а оттуда по суше в Триполи) возглавил военную экспедицию против него из берега Слоновой Кости. Полковник Монтейль потерпел неудачу и был отозван французским правительством. Затем Самори попытался продвинуться на север, в центральную часть Нигера, как последняя надежда прорваться через кольцо французской власти, которым он был окружен. Однако полковник Боннье отрезал ему путь в этом направлении в 1895 году; и капитан Маршан (известный как Фашода) отвоевал у него важный город Конг. В 1897 году Самори продвинулся на восток, так что оказался у северной границы британского протектората Ашанти; и здесь его отряд напал на небольшую британскую разведывательную группу, убил сопровождавших его туземцев и увел офицера, лейтенанта Хендерсона. После обязательного визита в Самори лейтенант Хендерсон был освобожден; и шеф снял с себя всякую ответственность за бессмысленное нападение на британскую партию, сказав: "Такова была воля Божья".

Наконец, в октябре 1898 года французские военные власти в Верховьях Нигера предприняли решительную попытку свергнуть власть этого короля-разбойника, который начал свою карьеру как религиозный мистик и закончил тем, что организовал своих учеников — "диванов", или суфиев, — в огромную армию, совершающую набеги на рабов. Они также были полны решимости сокрушить боевую мощь мандинго, как ранее они сокрушили фулу и таварек. Блестящим боевым подвигом Самори был загнан в угол, а его войска разгромлены лейтенантом Вульфелем. Король мандинго был взят в плен лейтенантом Жакеном и сержантом Братьером и сослан в Габун.

Во время правления Луи Филиппа произошло несколько слабое возрождение колониальной предприимчивости, в ходе которого Франция предприняла нерешительные попытки утвердиться в Новой Зеландии икрепила за собой Новую Каледонию и Таити в Тихом океане. В это время она также думала о расширении своих владений в незанятых районах вдоль Западного побережья Африки и приобрела права на Гранд-Бассам и Ассини к западу от британского Золотого берега. В шестидесятые годы Наполеон III предпринял некоторые усилия по развитию французского торгового и политического влияния в бухте Бенин в Африке; и Порто-Ново, недалеко от Лагоса, получил французскую защиту в 1868 году. Этим притязаниям, однако, было позволено в некоторой степени утратить силу; и приобретенные места в свое время были бы охотно переданы Англии за небольшую компенсацию. Но в борьбе за Африку, начавшейся в 1884 году, они внезапно приобрели огромную ценность в глазах французов как плацдармы, с которых можно было начать экспансию на север от Гвинейского залива до Нигерской империи, о которой Франция начала мечтать. Таким образом, в 1884 году Гранд-Бассам и Ассини на Золотом побережье, а также Порто-Ново, крошечное вассальное королевство Дагоме, были фактически оккупированы. Путешествия полковника Бингера между Нигером и Золотым Берегом в 1888-91 годах дали Гранд-Бассаму внутренние районы; и следствием этого стало то, что Берег Слоновой Кости между Гранд-Бассамом и Либерией (включая район Рио-Педро в Либерии) был аннексирован Францией в 1891 году. До сих пор это побережье, внутренняя часть которого тогда и до конца 19 века

была одной из наименее известных частей Африки, имело большое значение для британской торговли, которая осуществлялась главным образом бристольтскими парусниками. Более того, из Кот-д'Ивуара прибыла основная масса знаменитых крубоев, которые являются лучшей рабочей силой, которую можно найти на Западном побережье Африки от Гамбии до Оранжевой реки. Тем не менее, хотя мелкие вожди Берега Слоновой Кости часто предлагали Великобритании свою дружбу и вассалитет, со стороны британского правительства не предпринималось никаких шагов, и поэтому не было высказано никакого протеста, когда Франция аннексировала Берег Слоновой Кости и стала ближайшим соседом Либерии. В 1892 году между Францией и Либерией был заключен несколько жесткий договор, по которому, в случае перехода последней под влияние или защиту какой-либо другой державы, Франции возвращалась большая часть ее внутренних территорий. Оккупация Порто-Ново вскоре привела к ссоре с Дагоме, королевством необычайной кровожадности, которое в разное время бросало вызов и Англии, и Португалии и смеялось над нашими бесполезными блокадами его побережья. После предварительной оккупации прибрежных городов Дагомеи и установления несколько сомнительного французского сюзеренитета король Беханзин вынудил французов усилить свои действия. В 1893 году была отправлена хорошо оснащенная экспедиция под командованием генерала Доддса, который провел первые операции в 1891 году. Впервые в Дагомею вторглись хорошо организованные европейские силы; и после ожесточенной борьбы все королевство было захвачено, а король взят в плен и отправлен в Вест-Индию.

Тем временем французские войска, шаг за шагом продвигавшиеся вдоль верховьев Нигера, в 1893 году захватили важный город Дженне - Дженне, средоточие нигерийской цивилизации и прародину Тимбукту. Из Дженне в конце 1893 года полковник Арчинар руководил маршем на Тимбукту — как говорят, без приказа губернатора Сенегала или вопреки ему. Две эскадрильи прошли маршем по суше, а речная флотилия канонерских лодок под командованием команданта Буате направилась в порт Тимбукту, Кабара. Флотилия канонерских лодок и лихтеров прибыла в Кабару раньше вооруженных сил и вызвала значительное возмущение в Тимбукту. Цивилизованные жители города были готовы сдать его французам, только опасаясь своих ненавистных хозяев — тавареков. "Таварек", услышав о приближении сухопутной экспедиции, вышел из города ей навстречу; но Нигер был чрезвычайно высок, и лейтенанту Буато удалось провести две лихтеры, вооруженные пулеметами, по заводи, которая в периоды паводков достигает стен Тимбукту. После недолгих раздумий город сдался французам. Вскоре после этого "Таварек" атаковал военно-морскую базу, расположенную в Кабаре на Нигере, убив мичмана. Лейтенант Буато, услышав, что ведется стрельба, выехал верхом из Тимбукту с еще одним европейцем в сопровождении своего небольшого пешего гарнизона, прибыл в Кабару и разгромил таварека. Это был поистине доблестный поступок, достойный того, чтобы его зафиксировали. Выдержав короткую осаду Тимбукту и совершив успешную вылазку, маленькая морская экспедиция была избавлена от беспокойства, связанного с ее положением, прибытием первой колонны под командованием полковника Боннье 14 января 1894 года. Таким образом, Тимбукту был захвачен французами с девятнадцатью мужчинами, семеро из которых были французами, а остальные сенегальскими неграми. Но за этим последовала небольшая перемена. Чересчур опрометчивый полковник Боннье с небольшим отрядом отправился на разведку местности вокруг Тимбукту и очистил окрестности от тавареков. Слишком уверенные в себе, они попали в ловушку. Их лагерь был застигнут тавареком врасплох на раннем рассвете, и почти все французские войска были перебиты, только трем французским офицерам и горстке солдат удалось спастись, чтобы рассказать об этом. Двадцать пять дней спустя на место происшествия прибыла вторая колонна под командованием полковника Жуффра и собрала останки несчастных французов для

захоронения в Тимбукту. Затем он отправился преследовать таварека, которого французы, в свою очередь, застали врасплох ночью в их лагере и из которых, по мнению полковника Жуффра, его солдаты убили многих. С тех пор у французов не было серьезных боевых действий вблизи Тимбукту. Там уже обосновались французские торговцы и французские миссионеры - Белые Отцы — из Алжира. Любопытным эпизодом французского завоевания было обращение знати Тимбукту, узнав о приближении французов, к императору Марокко с просьбой вмешаться. После годичной задержки марокканский султан ответил, что, получив доказательства вассалитета Тимбукту, он выступит походом на французов и прогонит их.

Впоследствии французы патрулировали Нигер далеко к югу от Тимбукту и обнаружили, что он гораздо более судоходен, чем считалось поначалу. Они установили пост в Сэе, и лейтенант Хурст исследовал тот небольшой участок реки между Сэем и Гомбой, который до тех пор оставался отмеченным пунктирными линиями на карте. Многочисленные экспедиции пересекали излучину Нигера от верховьев до среднего течения, постоянно заключая договоры и расширяя правление Франции. Снова, после завоевания Дагомеи, французы двинулись на север через 9-ю параллель, которая до сих пор обозначала границу между французскими и британскими владениями, и оккупировали страну Никки, которая ранее была приобретена для Королевской Нигерской компании майором, ныне полковником сэром Фредериком Лугардом. Еще более смелый шаг был предпринят при оккупации Буса (уже объявленного британским протекторатом) в то время, когда сэр Джордж Голди и его маленькая армия одерживали победы над силами Нупе в окрестностях. Этот шаг, однако, вызвал такое сильное выражение народных чувств в Англии, что в Париже была созвана конференция для переговоров об урегулировании между Англией и Францией; и в конце концов Франция уступила на мысе Буса, хотя она сохранила Никки и смогла распространить свой контроль над западным берегом Нигера на Ило, на значительное расстояние ниже Сэя. Таким образом, она объединила свои дагомейские завоевания с остальными своими нигерийскими владениями. В настоящее время на обширной территории Французской Западной Африки не существует великого местного монарха или независимого народа, хотя есть много королей и вождей, управляющих своим народом мирно и гуманно под присмотром французских офицеров-резидентов. С 1900 года на территориях Сенегамбии и Нигерии не было серьезных нарушений мира, за исключением боевых действий в регионе к северу от Сенегала, который довольно неумело именуется “Мавританией”. Здесь Франция заключила договоры о защите с вождями мавританских и арабских племен в 1903-5 годах; но в 1905 году французский комиссар Копполани был убит в глубине страны. Между 1908 и 1909 годами войска под командованием полковника Гуро завоевали всю Мавританию и особенно холмистую страну Адзар-Теммур. Оазис Воздуха и Асбен (в котором находится старый сонгайский город Агадес) перешли под контроль Франции в 1905-6 годах, а Бильма — дальше на восток, в страну Тибу — в то же время.

В 1902-4 годах произошла административная реорганизация Французской Западной Африки, в ходе которой (и в дополнительных актах 1909 года) были признаны следующие подразделения: *Мавритания* (344 967 кв. миль), ограниченная на севере испанским протекторатом Рио-де-Оро и 22° Северной широты, а на юге рекой Сенегал; колония и протекторат *Сенегал* (74 000 кв. миль), ограниченная реками Сенегал и Фалеме и Португальской Гвинеей; *Французская Гвинея* (95 000 квадратных миль), ограниченный Португальской Гвинеей, Сьерра-Леоне и Либерией; *Берег Слоновой Кости* (130 000 кв. миль) между Либерией и британским Золотым берегом; *Дагоме* (около 40 000 кв. миль), узкая полоса между Боргу, Нигером и Гвинейским заливом; и, наконец, огромная “*Колония Верхний Сенегал и Нигер*”, которая с ее военными территориями имеет площадь около 1 268 400 кв. миль. На западе и юге он ограничен другими районами и иностранными владениями,

а на севере - Алжирским и марокканским протекторатами. Это последнее подразделение Французской Западной Африки простирается на восток от Фалемского рукава реки Сенегал до озера Чад.

В Сенегале и Французской Гвинее порты Дакар и Конакри получили замечательное развитие и признаны самыми великолепными и цивилизованными городами на Западном побережье Африки, намного превосходящими по санитарному устройству и внешнему виду все, что до сих пор существует в несколько вялых британских западноафриканских владениях. Из Конакри была построена железная дорога на здоровую возвышенность Фута-Джаллон и в Верховья Нигера в Канкане. Почти напротив Конакри находится небольшой архипелаг островов де Лос^[123]. Эти острова до начала 1904 года принадлежали Великобритании, но в соответствии с Англо-французской конвенцией 1904 года они были вполне законно переданы Франции, поскольку они больше не господствовали над побережьем, которое могло стать британским.

Развитие Сенегала с начала 20 века не ограничивалось превращением Дакара (ныне резиденции генерал-губернатора и столицы Французской Западной Африки) в первоклассный порт, но также был достигнут значительный прогресс в строительстве железных дорог. Высадившись в Дакаре, который находится всего в восьми днях пути на пароходе от Бордо или Марселя, путешественник преодолевает 165 миль по железной дороге до Сент-Луиса (старой столицы), там садится на речной пароход по Сенегалу и едет в Кайес, снова садится на поезд в Кайесе и проделывает 344 мили до Куликоро на Нигере, откуда он может отправиться речным пароходом в Тимбукту, при этом весь путь от Тимбукту до Парижа сокращается до возможных девятнадцати дней. Тимбукту, недоступный двадцать-тридцать лет назад, сейчас находится всего в десяти днях пути от морского порта в Атлантическом океане. Тимбукту связан с Алжиром (а также с Дакаром) сухопутным телеграфом.

Дагомея и колония Берег Слоновой Кости внесли свой вклад в развитие Французской Африки. Дагомея довольна, мирна и процветает под властью Франции. Железная дорога, идущая прямо на север от Котону до Нигера, за Боргу, находится в стадии строительства, примерно половина линии (200 миль) была закончена в 1910 году. В Кот-д'Ивуаре наблюдался определенный финансовый спад из-за неспособности обнаружить золото или другие полезные ископаемые в прибыльных количествах. Ряд компаний, в основном британских, были созданы для разработки минеральных ресурсов Берега Слоновой Кости; но, несмотря на энергичную работу французов по открытию коммуникаций с внутренними районами, большого коммерческого процветания в этой части Французской Африки пока не наступило. Серьезное восстание местных жителей пришлось подавить в 1910 году. В 1910-11 годах были урегулированы смежные границы Либерии и французских владений в Гвинее и на берегу Слоновой Кости, что в значительной степени принесло пользу французским владениям.

Общая площадь Французской Западной Африки на сегодняшний день (1912 г.) составляет приблизительно 1 952 000 квадратных миль, с негритянским населением около 12 000 000 человек и около 8000 белых. Ежегодный товарооборот страны составляет около 16 000 000 фунтов стерлингов, главным образом с Францией; поскольку Франция в своей колониальной политике все еще проводит эгоистичную политику протекционизма. Но в отличие от того, что произошло во Французском Конго, территории Сенегала, Гвинее, Нигерии, Сахары и Дагоме извлекли огромную выгоду из установления французского правления в конце 19 века. Впервые за свою долгую, запятнанную кровью историю трудолюбивые земледельцы и скотоводы-негры и фула из этих тропических регионов, а также полукочевники Великой

Пустыни познали, что значит испытывать постоянное спокойствие, безопасность и коммерческое процветание.

В течение трех столетий, последовавших за турецким завоеванием Алжира, Туниса и Триполи, Франция, как и большинство других христианских стран Средиземноморья, сильно страдала от рук мавританских корсаров — страдала так сильно, что, будучи не в состоянии в достаточной степени защитить свое собственное побережье, ей, вероятно, никогда не приходило в голову завоевать страну корсаров и овладеть ею; хотя при Франциске I она пыталась, соперничая с генуэзцами, получить торговую и рыболовную базу у восточного побережья Алжира, "Бастион де Франс", недалеко от Ла-Калле (около 1544 г.). Что касается политических устремлений, то ее взор порывисто обращался в сторону Египта. В конце 17 века Людовик XIV не только попытался вступить в политические отношения с Абиссинией (его посланник был убит в Сеннаре в 1704 году), но и получил совет Лейбница напасть на Египет и использовать его как перевалочный пункт на пути в Индию. Эта идея не была принята, но она дремала во французских архивах и, вероятно, была обнаружена там министрами Директории после Французской революции. Либо это было сообщено Наполеону Бонапарту с намерением отправить его с дурацким поручением, либо эта идея пришла ему в голову независимо, как средство нанести удар по англичанам. Как бы то ни было, с внезапностью, поразившей недоверчивую Европу, корсиканский генерал, только что одержавший победу в своей первой итальянской кампании, ускользнул от британского флота и высадился в Александрии в 1798 году с войском в 40 000 человек. Он встретился и победил мамлюкских беев, правивших Египтом под турецким сюзеренитетом, и в конце концов прогнал их в Верхний Египет. Затем он обосновался в Каире и попытался привлечь на свою сторону мусульманское население, исповедуя более или менее мусульманские взгляды на религию. Но Нельсон уничтожил его флот в заливе Абукир. Турецкая армия высадилась в Египте, но была разбита вдребезги и сброшена в море разъяренным Наполеоном, который затем попытался завоевать Сирию с грандиозной идеей, что он может донести свое оружие до Константинополя и, возможно, провозгласить в своем лице возрождение Восточной империи. Ему снова помешали британцы, которые помогли туркам удержать Акко. Наполеон, хотя и одержал победу в других частях Сирии, в конце концов отступил, разбитый неудачной осадой этой крепости. Затем он с отвращением отказался от своих восточных завоеваний и отплыл во Францию. Его способный лейтенант Клебер был убит. Британская и турецкая армии решили судьбу оставшихся французских войск в Египте, которые после капитуляции были отправлены обратно во Францию. Но это дерзкое вторжение Наполеона на Восток имело далеко идущие последствия. Это насильственно привело Египет в соприкосновение с европейской цивилизацией и подготовило почву для его отделения от Турецкой империи. Более того, это заставило Францию впредь проявлять острый интерес к долине Нила, интерес, который несколько раз приводил ее на опасную грань разрыва с Державой, еще более серьезно озабоченной египетским вопросом.

В 1827 году дей Алжира (страны, которая оставалась под номинальным турецким сюзеренитетом), безмерно дерзкий в своем обращении с европейцами, поскольку до сих пор ни одно европейское государство не смогло подавить его притязаний, обозначил некоторое расхождение во мнениях с французским консулом, ударив его по лицу мухобойкой. Франция размышляла над этим оскорблением в течение трех лет, когда пошатнувшееся правительство Карла X попыталось поддержать династию Бурбонов успешной военной экспедицией, и в июне 1830 года высадило 37 000 пехотинцев, а также силы кавалерии и артиллерии в Сиди-Ферруж, недалеко от Алжира. Учитывая их славу свирепых бойцов, алжирцы, по-видимому, оказали не очень сильное сопротивление; хотя, возможно, по прошествии времени после их последней войны с европейской державой

превосходство европейской артиллерии начало ощущаться. Во всяком случае, через три недели после высадки французов они взяли город Алжир, и Дей сдался. Неделю спустя Дей был сослан в Неаполь. Затем Великобритания запросила информацию о французских проектах, и ее заверили, что в течение очень короткого времени французские войска будут выведены, когда будет произведено возмещение ущерба. Но эти заверения были столь же благонамеренными и столь же бесполезными, как заверения России в Центральной Азии и наши собственные неоднократные и непрошенные заявления о том, что мы надеемся покинуть Египет через шесть месяцев. Правительство Карла X пало, и новоорлеанистская династия вряд ли могла навлечь на себя позор ухода. Но, тем не менее, по отношению к арабам проводилась неразумная политика, продиктованная невежеством. Жители Алжира не принимали особого участия в защите дея, который в их глазах был турком и иностранцем; но когда они начали понимать, что их страной вот-вот завладеют христиане, а христиане, которые в то время ничего не делали, чтобы успокоить свою религиозную восприимчивость, они нашли лидера в лице знатного человека Абд аль Кадера^[124]. С 1835 по 1837 год французы терпели от его рук поражение за поражением. Однако в 1837 году было заключено перемирие, по которому Абд аль Кадер был признан французами султаном значительной части западного и центрального Алжира. Через два года после того, как между французами и Абд аль Кадером снова вспыхнула война. Армия под командованием маршала Бюжо атаковала Абд аль Кадер с непоколебимой энергией — возможно, с некоторой жестокостью. В 1841 году национальный герой потерял почти все пункты своего королевства и бежал в Марокко, откуда впоследствии вернулся с большой армией, но снова и снова терпел поражения, хотя иногда наносил французам большие потери. Наконец, чтобы спасти свой особый округ от разорения, он договорился с французским генерал-губернатором, который разрешил ему удалиться в Александрию или Неаполь. Но французское правительство отказалось от условий, предоставленных Абд аль Кадеру, и несколько лет держало его взаперти во французской крепости. Когда Луи Наполеон стал императором, он освободил его и позволил ему жить в Дамаске, где он умер в 1883 году.

В то время, когда французы вторглись в Алжир, эта страна ни в коем случае не находилась под властью однородного правительства. Там были дей Алжира, дей Орана, а на востоке - бей Константина (который правил большей частью восточного Алжира); в то время как берберские племена в горах и на границе пустыни были практически независимы. Константин был чрезвычайно сильным местом, и в своих первых войнах с его беем французам не удалось его взять. Окончательно он был захвачен только в 1847 году. К этому времени Франция вела войну против Марокко и пресекала любые попытки "Императора Запада" вмешаться в дела Алжира. Они захватили и в какой-то степени покорили весь Алжир к северу от пустыни Сахара. Поэтому в 1848 году правительство сочло оправданным объявить новое африканское приобретение французской территорией, разделенной на три департамента, находящейся под управлением Франции и имеющей право представительства во французском парламенте. При Второй империи это конституционное правительство, которое совершенно не подходило для того, что Наполеон III справедливо назвал 'арабским королевством', было отменено в пользу военного правления. Но это не было организовано надлежащим образом и оказалось неудачным. В 1858 году была предпринята попытка имитировать изменения, происходившие тогда в правительстве Британской Индии. В Париже было сформировано алжирское министерство с принцем Наполеоном в качестве министра; но эта форма управления также потерпела неудачу и была отменена императором, когда он вернулся из своего визита в Алжир в 1863 году. В то время страной управлял военный губернатор, как правило, обладавший абсолютными полномочиями, и предпринимались попытки умиротворить кабайлов, или горных берберов, которых крайняя бесхозяйственность довела до восстания. Страна, тем не менее,

продолжала страдать от беспорядков; и в 1870 году, когда Империя умирала, была создана комиссия для расследования состояния колонии и предложения средств, которые можно было бы применить к ее неправильному управлению. Голосованием Палаты военное правительство было снова упразднено в пользу гражданского правления, но из-за восстания в Восточном Алжире, последовавшего за франко-германской войной, рекомендации этой комиссии не были полностью выполнены до 1879 года, когда был назначен первый гражданский губернатор. Одним из первых актов новой Французской Республики в конце 1870 года было предоставление избирательного права евреям Алжира, действие, которое из-за дискриминации между евреями и арабами с тех пор вызвало много проблем.

С 1848 по 1880 год предпринимались многочисленные попытки побудить французов поселиться в Алжире, и колонисты других стран не были обескуражены. Одно время молодых солдат отбирали из армии, женили на бедных девушках, получавших приданое от государства, и отправляли на поселение в Алжир, где им выделяли землю; но часто, как только заканчивалось приданое, новобрачную бросал муж, который, как мог, возвращался во Францию. В 1871 году почти 11 000 уроженцев Эльзаса и Лотарингии получили землю в Алжире, а впоследствии около 25 000 других французских колонистов были поселены в стране стоимостью 15 000 000 франков. Но, несмотря на неудачи, мошенничество и непостоянство, численность французских поселенцев в Алжире увеличилась за счет иммиграции и рождаемости, так что к началу 20 века французский элемент в европейском населении Алжира составлял более четверти миллиона человек (298 000 в 1910 году). Тем временем мир и безопасность торговли, привнесенные французами, привлекли большое количество итальянцев и мальтийцев в восточную часть Алжира и еще большее количество испанцев в западный департамент Оран - настолько, что даже в наши дни испанский является общим языком Орана, а итальянский так же часто можно услышать, как французский, в Боне, Константине и даже в глубине страны, вплоть до Тебессы. Несколько тысяч мальтийцев также поселились в восточном Алжире и натурализовались в качестве французских подданных. Вполне вероятно, что таким образом Алжир в конечном итоге будет колонизирован Европой, но не народами севера, а теми средиземноморскими народами, которые так близки по крови к берберским расам Северной Африки. Французский тип, который процветает больше всего, выведен с юга Франции; однако у светловолосых эльзасцев дела идут очень хорошо^[125]. Имело место определенное смешение между французами и местными расами, а также между ними и другими европейскими поселенцами. По мнению автора настоящего доклада, основанному на недавних визитах в Алжир, достигается замечательная степень слияния этих элементов. Арабы и берберы в оседлых частях страны все больше и больше приближаются по своей одежде и образу жизни к европейцам, в то время как последние становятся в некоторой степени арабизированными. Едва ли в каком-нибудь городе найдется алжирец, который не говорил бы по-французски, и едва ли в Алжире найдется французский поселенец, который не говорил бы по-арабски, в то время как среди низших классов возникает уродливый жаргон, в котором представлены оба языка вперемешку с итальянскими и испанскими словами.

В 1863 году император Наполеон добился принятия закона, который заменил племенное владение землей признанием коренных жителей индивидуальными собственниками земли. Этот закон в некоторой степени разрушил племенную систему, исправил тенденции кочевничества и многое сделал для того, чтобы берберы обосновались на земле с лояльностью к существующему правительству. Конечно, за пределами относительно хорошо орошаемых, плодородных районов природа страны побуждает немногочисленное

население к бродячей, пастушеской жизни; и здесь воинственный дух все еще время от времени проявляет себя в восстаниях все меньшего масштаба. В восьмидесятых годах 19 века французам пришлось ввести в бой большие силы для подавления серьезного восстания под предводительством Бу Амамы, лидера, который представлял более или менее арабские племена, населявшие степную страну далеко к югу от Орана, на границах Марокко. Их волнения были окончательно утихомирены только после строительства железной дороги в сердце их страны — железной дороги, которая сейчас тянется до юго-востока Марокко и должна быть продлена через Сахару до Тимбукту.

В конце 19 века еврейский вопрос вызвал волнения. Евреи, наравне с христианами в Алжире, являются избирателями, в то время как эта привилегия предоставлена лишь нескольким арабским собственникам. Как и в Тунисе, евреи очень склонны к ростовщичеству, и раньше в Алжире их не любили с такой силой, которая мало понятна в Англии, где евреев едва ли можно отличить от других подданных короны по их поведению или обычаям. Но факт остается фактом: парламентское правление, насколько это касается Алжира и его связей с Францией, является чем-то вроде фарса. В будущем Алжир потребует более полных мер самоуправления и меньшей зависимости от эгоистичной политики французских производителей и винокурен. Но, тем не менее, страна в огромном долгу перед Францией за ее благородные общественные работы, за ее безопасность, спокойствие и успешные битвы с силами природы — засухой, саранчой и песками пустыни.

Пример успешного сохранения местных форм правления можно увидеть в соседней стране Тунис, которая под властью турецкого принца управляется деспотически, умело, мудро и благожелательно одним французом. Тунис, который, как Алжир и Триполи, с конца 16 века был более или менее в турецкой зависимости — то есть страной, которой сначала управляли турецкие офицеры, которые в конце концов стали квазинезависимыми правителями с признанным наследственным происхождением, — вскоре начал ощущать результаты завоевания Алжира в виде роста интереса французов к его состоянию. Поначалу отношения между Францией и Тунисом были лестными для последней страны. Относительно просвещенный характер хусейнитских беев^[126] был признан, и когда у Франции возникли трудности с Абд аль Кадером и беем Константина, Тунису даже были сделаны предложения о поставке из его правящей семьи двух или трех принцев, которые должны были стать беями Константина и Орана под защитой Франции; но идея не была реализована. В 1863 году тунисский бей отправился с официальным визитом к императору Наполеону в Алжир. Тем не менее, в течение 50-60-х годов Великобритания твердо отстаивала независимость Туниса, при дворе которого ее в течение многих лет представлял мудрый дипломат сэр Ричард Вуд. Разочарование, вызванное Алжиром в начале шестидесятых годов, уменьшило интерес, который Франция испытывала к Тунису; и за это время, под опекой сэра Ричарда Вуда, британская предприимчивость приобрела настолько большую власть над Регентством, что в начале семидесятых было бы разумно распространить британскую защиту на бея. Но в игру вступил еще один фактор — новообразованная Держава Объединенной Италии. Финансы Туниса со времени Крымской войны пришли в беспорядок, в незначительной степени напоминающий состояние Египта при Исмаиле. Бей был не только экстравагантен, но, что еще хуже, его министры, в основном холопского происхождения, беззастенчиво грабили страну, и займы брались снова и снова только для того, чтобы увеличить свои несправедливо нажитые доходы. Наконец, державам пришлось вмешаться, и в 1869 году финансы Туниса были переданы под контроль трехсторонней комиссии с участием представителей Англии, Франции и Италии. Однако в начале 70-х годов британский коммерческий интерес ослаб, а предприимчивость Франции возросла, в результате чего Франция получила разрешение на строительство телеграфа и получила важную железнодорожную концессию, которая была

принята, а затем оставлена британской фирмой. Становилось очевидным, что местное правительство Туниса не сможет долго существовать без определенного европейского покровителя. Каким бы правом ни обладала Англия занимать такую позицию, она спокойно уступила ее Франции через своих официальных представителей на Берлинском конгрессе. Единственным другим соперником тогда была Италия; и Италия, хотя она очень хотела бы восстановить контроль от имени Рима над римской провинцией Африка, боялась опасности бросить вызов Франции. Небольшая британская железная дорога, проложенная от города Тунис до порта Голетта, была продана итальянской компании в 1881 году^[127]. В то же время британский подданный, действительно действовавший как представитель тунисского правительства, попытался на основании закона предотвратить переход очень крупного поместья во внутренних районах Туниса в руки Франции. Французское правительство решило больше не откладывать принятие мер. Воспользовавшись весьма недостаточным заявлением о том, что тунисское племя (хмиры или “крумиры”) совершало мелкие грабежи на алжирской границе, значительные силы вторглись в Тунис и вырвали у бея в его пригородном дворце Каср-эс-Саидский мирный договор, по которому он передавал свои территории под защиту Франции. Когда новость распространилась по отдаленным районам, начались восстания против французов или против правительства бея, которое передало страну под контроль Франции. Французским войскам пришлось практически завоевать большую часть юга Туниса, но через год спокойствие было восстановлено. В 1883 году Каср-эс-Саидский мирный договор был заменен другим соглашением, которое поставило правительство Туниса под полный контроль Франции. В этом году другие державы отказались от своей консульской юрисдикции и признали юрисдикцию французских судов. К 1897 году все прежние торговые договоры с беем были отменены в пользу новых конвенций, заключенных с Францией. С начала 1898 года Тунис решительно стал неотъемлемой частью Французской империи.

Случайно или намеренно — будем надеяться на последнее — целая череда способных людей была назначена руководить делами Франции в Тунисе. Некоторые из них относительно долго находились у власти и, следовательно, были способны проводить непрерывную политику. Наиболее способными среди этих французских резидентов были М. Жюль Камбон и М. Рене Милле. Тунис был примером почти безоговорочного успеха французской колониальной администрации. Однако в последнее время протекционистская политика, пользующаяся благосклонностью французского правительства, в какой-то степени направлена на обеспечение торговли Регентства для Франции, политика, которая может иметь тенденцию смягчать похвалу, которая в противном случае была бы воздана замечательному развитию страны под руководством Франции.

Расширение территории Сенегала под командованием генерала Фейдербе и оккупация французами оазисов в Сахаре, таких как Варгла и Голеа, рано наводили на мысль о сухопутной связи между двумя французскими владениями, и на “Чемин де фер Транссахариен” намекали, наполовину в шутку, в шестидесятые годы, а в семидесятые стали предметом серьезного рассмотрения. Но в 1881 году резня экспедиции Флэттерса в пустыне Сахара и очевидная враждебность таварека к любому дальнейшему продвижению французов через пустыню временно отбили охоту к этой идее; хотя основное разочарование, без сомнения, возникло из-за огромной стоимости такой железной дороги и бесплодного характера страны, которую она должна была пересечь. И все же Франция, когда слово “внутренние районы” вошло в политическую терминологию, начала беспокоиться о том, чтобы никакая другая европейская держава не вмешивалась в конфликт между ее североафриканскими владениями и ее империей на Нигере; и в 1890 году она добилась от британского правительства признания этого важного пункта, признания Британией

распространения французской сферы влияния на северо-западное побережье озера Чад, а также на Нигер. В 1898 году было решено фактически овладеть всей этой частью северо-центрального Судана, и к ней сошлись три большие экспедиции: одна из Алжира под командованием коменданта Лами с монсом Ф. Фуру в качестве политического офицера, одна из Французского Конго (о котором подробнее будет написано, когда будет рассмотрен этот регион), и третья из Сенегала под командованием капитанов Вуле и Шануана. К сожалению, эти офицеры, названные по последним фамилиям, принадлежали к типу, который в последние годы 19 века привлек к себе внимание во время французских и бельгийских операций в Центральной Африке, хотя и не был полностью неизвестен в британских и немецких отчетах того периода, о чем свидетельствовали скандалы о колониальных преступлениях и “Зверствах в Конго” — тип, который стал безрассудно жестоким и аморальным из-за обладания неограниченной властью и веры в то, что о его деяниях никогда не услышат в Европе. Но о жестоком обращении с туземцами в излучине Нигера стало известно французским властям в Сенегале и лейтенанту.-Полковника Клобба послали на восток, чтобы догнать колонну Вуле-Шануан и принять командование. Клобб догнал этих офицеров в стране Сокото. Вуле приказал своим людям стрелять в офицера, посланного заменить его. Клобб упал замертво. Затем Вуле и Шануан ушли с большей частью своих войск, чтобы основать независимое государство в сердце Африки, предоставив своим младшим офицерам и остаткам негритянских солдат делать все, что им заблагорассудится. Но их собственные сенегальские войска, поразмыслив, выступили против объявления вне закона и постоянного изгнания из своих домов. Они провели жестокий военный суд, приговорили Вуле и Шануана к смертной казни, расстреляли их, а затем вернулись к командованию лейтенанта. Паллиер, сменивший Клобба на посту командующего этой плохо организованной экспедицией. Паллиер храбро и ловко (поскольку номинально трагедия произошла на британской территории, а местные жители вооружались, чтобы наказать этих мародеров) возглавил реорганизованную экспедицию в Зиндер на севере Хаусаленда (июль 1899 г.), куда четыре месяца спустя прибыли Фуру и Лами. С этого времени пустыня Сахара была оккупирована и умиротворена, и теперь ее пересекают несколько линий телеграфных проводов. Тавареки и тибу перестали совершать набеги и опустошать мирных земледельцев в оазисах или длинные караваны торговцев. Между 1899 и 1903 годами французские войска (в основном местная кавалерия под командованием французских офицеров и иностранный легион) заняли все известные оазисы и населенные пункты в Марокканской Сахаре, от Фигига и Бешара на севере до Туата, Тидикельта, Гурары и Инсалаха на юге.

Работа конвенций 1890 и 1898 годов между Великобританией и Францией была завершена Соглашением 1904 года, в котором британское правительство признало Марокко сферой исключительно французского политического влияния, за исключением Танжера и частей, на которые может претендовать Испания на побережье Рифф. Но в 1905 году германское правительство выразило свое недовольство этим соглашением демонстративным признанием независимости Марокко. Европейская дипломатия добилась компромисса на Альхесирасской конференции весной 1906 года, на которой тринадцать собравшихся делегатов разработали некоторые регламенты временного характера для охраны правопорядка в марокканских портах Атлантического океана, восстановления марокканских финансов, положения иностранцев и т.д. Однако в 1907 году беспорядки в Марокко обострились, и французские и английские чиновники были схвачены или убиты местными жителями. Чтобы выразить свое неудовольствие, Франция оккупировала Уджду (Oudjda), пограничный город на северо-востоке Марокко, и продвинула свои войска к реке Мулуя (которая, вероятно, будет установлена в качестве теоретической границы “Марокко” на северо-востоке). Вскоре после этого племена вокруг Касабланки (Дар-аль-Байда) напали и убили нескольких европейских каменщиков, занятых на портовых работах. Франция (после

разграбления города племенем шавия), наконец, высадила войска численностью 15 000 человек и насильственно оккупировала страну шавия вокруг Касабланки. Еще больше боевых действий произошло в Южном Марокко (1907-8), и французские экспедиции пересекли и оккупировали регионы к югу от Высокого Атласа. В 1908 году произошла гражданская война между султанами Абд-аль-Азизом и Мулаи Хафидом, в результате которой первый потерпел поражение, несмотря на своих английских военных советников и унтер-офицеров^[128]. Германия, казалось, скорее поддерживала дело Мулая Хафида, но в любом случае осложнение было устранено отречением Абд-аль-Азиза и признанием Мулая Хафида Францией и другими державами, подписавшими Альхесирасскую конференцию.

Но в 1909 году временный мир в Марокко был снова грубо нарушен активностью Испании вокруг Мелильи — строительством железной дороги для обеспечения нового поста Ла-Мар-Чика, а также для достижения месторождений полезных ископаемых и их разработки. Племена риффов напали на испанцев с результатами, уже описанными в главе V. Затем брожение среди мавров против европейского вмешательства приняло форму нападения на султана Мулая Хафида в Фесе (1910). Чтобы спасти султана и султанское правительство (“Махзен”) и жителей Европы от возможного уничтожения, французское правительство направило экспедиционный корпус из прибрежного региона Шавия, чтобы добраться до Феса и освободить его. Это было достигнуто после некоторых трудностей весной 1911 года, и для султана была организована небольшая армия или правительственная гвардия под командованием французских офицеров.

Это и другие действия вновь вызвали возмущение Германии и вмешательство на том основании, что Франция создавала фактический протекторат над Марокко без согласия Германии и без компенсации Германии за возможную потерю прибыльной области коммерческого развития. Итак, немецкое военное судно “*Лантера*” было направлено в Агадир в бухте Сус для “защиты интересов Германии”; этими интересами были минералогические исследования и приобретение концессий фирмы Маннесманна. Если отбросить дипломатические выдумки, суть дела заключалась вот в чем. Германия давно желала заполучить залив Сус, или Агадир, эту полукруглую бухту на марокканском побережье к югу от хребта Атлас, напротив реки и страны Сус, которая является ближайшим на всем атлантическом побережье Марокко выходом к большой и хорошей гавани, защищенной от северных ветров. В Германии считалось, что Великобритания слишком вовлечена во внутреннюю агитацию, чтобы быть готовой начать войну из-за Марокко; и что Франция была бы готова предотвратить неприятности с Германией и получить ее согласие на приобретение почти всего Марокко, согласившись на немецкий протекторат над страной Сус и Антиатлас, тем самым признав Германию территориальной державой в Северной Африке.

Испания оказала Германии некоторую поддержку в этом вмешательстве, уже обнаружив, что французы очень неохотно распределяют испанские сферы влияния на севере Марокко и напротив Канарских островов. Но если бы Германия преуспела в своих требованиях к стране Сус, Испания пострадала бы первой. Регион Кейп-Джуби-Бохадор и Канарские острова, возможно, вскоре тоже стали бы немецкими.

В Германии была предпринята попытка заручиться сочувствием Европы на ее стороне, выдвинув утверждение, что это вмешательство в Агадире выступало за свободную торговлю в Марокко. Но этот важный принцип уже был закреплен Англо-французской конвенцией 1904 года и Альхесирасским актом 1906 года; более того, все переговоры между Францией и Германией с 1906 года содержали ссылки на эгоистические преимущества, которые немецкие концессионеры и торговцы должны были получить в Марокко в ущерб (скажем так)

британским, американским или бельгийским конкурентам. Конечно, Франция, используя Северную, Западную и Центральную Африку, а также Мадагаскар, вела себя непростительно протекционистски. Она приняла на вооружение совершенно эгоистичную политику колониальной эксплуатации, характерную для Испании и Португалии в XVI-XVIII веках и для Великобритании в XVII-начале XIX веков. Тем не менее, она, не скупясь, потратила кровь и сокровища на освобождение Северной Африки; и, несмотря на ее протекционистский тариф, нефранцузская европейская торговля с Алжиром и Тунисом очень значительна. Но в 1911 году перед Великобританией встал вопрос еще большей важности, чем эгоистичное использование Марокко Францией. Отказ поддержать Францию в этой дипломатической борьбе означал утверждение Германии на атлантическом побережье Марокко, означал, что полушутливое описание императором Вильгельмом себя в тот период как “адмирала Атлантики” станет реальностью со всеми последствиями, которые могли вытекать из такой позиции.

Германия, осознав свою ложную позицию, изменила позицию, запросила разумные “компенсации в Центральной Африке”, их получила, а взамен определенно признала протекторат Франции над Марокко. За исключением Рифового побережья, Танжера и региона напротив Канарских островов (который, за исключением Танжера, станет Испанским) Франция вскоре станет номинальной хозяйкой Марокко, но, вероятно, не полностью, пока не пройдет много лет. Ни один здравомыслящий человек не должен сожалеть об этом. Состояние Алжира и Туниса под руководством Франции является достаточной гарантией будущего процветания и счастья самой интересной страны Африки — Марокко - под руководством Франции.

Как уже говорилось, Франция, или— скорее, государство, существовавшее тогда при короле Людовике XIV, заинтересовалось делами Абиссинии в начале 18 века. Этот интерес вновь пробудился в середине следующего столетия благодаря замечательным исследованиям братьев Антуана и Арно д'Аббади, которые, хотя и имели частично ирландское происхождение, были французскими подданными. Старший брат исследовал Бразилию, младший - Алжир; но обоих привлекла малоизвестная цивилизация Эфиопии, и в 1838 году они вместе отправились в Абиссинию. Между 1838 и 1853 годами их исследования продолжались от Масавы на севере до малоизвестной страны Каффа на крайнем юге; и, хотя результаты не были полностью опубликованы до 1890 года (публикация началась в 1860 году), они дали Франции законное право (вместе с субсидированными путешествиями Борелли в 1890 году) интересоваться делами и будущим Абиссинии.

В 1857 году Франция, завидуя британскому истеблишменту в Адене, намеревалась захватить остров Перим в устье Красного моря, но англичане помешали этому. Поэтому она обратила свое внимание на побережье напротив Адена и там приобрела у местного вождя (в 1862 году) залив Обок. Это место не было эффективно занято до 1883 года, после распада египетско-Суданской империи. Затем Франция быстро продвинула свои владения на юг, чтобы максимально ограничить аналогичные британские операции в Сомалиленде. Таким образом, она обезопасила важный залив Таджурра, французская территория, которая сейчас простирается вглубь материка до окрестностей Харрара. На севере он ограничен итальянской колонией Эритрея, а во внутренних районах - Абиссинией и британским Сомалилендом. Французский Сомалиленд, как называется это владение, имеет площадь около 5790 квадратных миль и важен главным образом благодаря сравнительно хорошей гавани Джибути и тому факту, что он контролирует самый легкий доступ в Абиссинию. Действительно, единственная существующая железная дорога, которая входит в Абиссинию и соединяет эту страну с морским побережьем, начинается от Джибути и строится до

столицы Абиссинии, Адис-Абебы (275 миль), с ответвлением до старого семитского города Харрар (всего около 192 миль железных дорог на территории Франции). В последнее десятилетие 19 века Франция неосуществила свое стремление к тому, чтобы Французская империя простиралась на самые обширные территории Африки от Сенегала до Абиссинии и Красного моря или Аденского залива. Этот проект должен был быть в предварительном порядке опробован экспедицией, организованной во Французском Конго в 1894-5 годах (несмотря на предупреждения Великобритании о том, что такие действия будут расценены как недружественные) и возглавляемой офицером, добившимся больших успехов в войнах в Верхней Нигерии, храбрым майором Дж. Б. Маршаном, который продвинулся (в основном по течению реки Джур) с отрядом примерно из 150 сенегальцев и девяти французских офицеров к Фашоде на Белом Ниле. Здесь они были спасены от возможного уничтожения большим отрядом дервишей победой лорда Китченера при Омдурмане. В результате протестов британского правительства майору Маршану в ноябре 1898 года было приказано покинуть Фашоду и удалиться через Абиссинию во французский Сомалиленд. Это путешествие вверх по долине реки Собат было успешно завершено, и в конце мая 1899 года Маршан и его офицеры достигли Парижа, где их встретили бурными овациями.

Интерес Франции к региону Конго возник в 18 веке, главным образом из-за важности подневольного труда Конголанда для французской Вест-Индии и желательности помешать португальцам восстановить свою монопольную власть над королевством Конго и его торговлей. Более того, французское правительство ухитрилось направить в Конго и Лоанго французских католических миссионеров вместо итальянских капуцинов. Наполеоновские войны и отмена работорговли приостановили дальнейшие действия; но идея французского контроля над “Нижней Гвинеей” возродилась в 1839 году, в то время, когда правительство Луи Филиппа предпринимало нерешительные попытки основать французские поселения на Западном побережье Африки. В это время король Габуна Денис, который проявлял благосклонность к римско-католическим миссионерам и французским торговцам, был вынужден передать свое королевство Франции. Габун, или страна племен мпонгве, находится к югу от региона Камерун. Однако фактическое владение было захвачено только в 1844 году, а Либревиль, нынешняя столица, был основан только в 1848 году, когда груз рабов был выгружен там с захваченного работоргового судна и отпущен на свободу, чтобы начать заселение нового города. Внимание к этому французскому поселению привлекли замечательные путешествия американца французского происхождения Поля дю Шайю и то, что он определенно раскрыл особенности самой крупной из известных человекообразных обезьян - гориллы. Существование этой обезьяны было в некоторой степени установлено американским натуралистом доктором Сэвиджем по черепам, присланным домой американскими миссионерами, обосновавшимися в устье Габуна; но горилла едва ли была известна широкой публике, пока Дю Шайю не приехал в Англию со своими образцами^[129]. В начале шестидесятых французские исследователи установили нижнюю половину течения важной реки Огове; а в семидесятых эти исследования были продолжены другими путешественниками, которые донесли знания об Огове до границ его водораздела и вышли за его пределы — сами того не подозревая — к притокам Конго. Среди этих исследователей был знаменитый Саворньян де Бразза, выходец из Далмации, но родившийся на французском корабле у берегов Бразилии.

Политический интерес Франции к Габуну настолько ослабел, что эта страна один или два раза предлагалась Англии в обмен на Гамбию. Однако в 1880 году пробуждающееся желание основать великую колониальную империю побудило Францию расширить свои владения в Габуне вверх по побережью, в сторону Камеруна, и на юг, в направлении устья великой реки Конго, течение которой исследователю Х. М. Стэнли только что удалось

проследить. Еще до возвращения Стэнли король Бельгии вызвал в Брюссель нескольких географов, чтобы обсудить возможность цивилизации Африки с помощью Международной африканской ассоциации. Эта конференция привела к созданию национальных комитетов, которые должны были провести от имени каждой участвующей страны определенную часть исследований Африки. Французский комитет отправил Де Браззу исследовать внутренние районы Габуна. В то время как Стэнли начинал свою вторую экспедицию в Конго для короля Бельгии и медленно продвигался вверх по низовьям реки, Де Бразза совершил быстрое путешествие по суше в Стэнли-Пул и верхнее Конго, заключая договоры для Франции и водружая французский флаг везде, куда бы он ни направлялся. Вскоре после этого английский миссионер Джордж Гренфелл открыл нижнее течение великого Мубанги, и французские исследователи немедленно направили свои стопы туда. В течение нескольких лет существовало острое и даже ожесточенное соперничество между экспедицией Стэнли, которая постепенно стала бельгийским предприятием, и французскими исследователями под руководством Де Бразза; и когда на Берлинской конференции в 1884-1885 годах была предпринята попытка создать независимое государство Конго под суверенитетом короля бельгийцев, присоединения Франции к этому плану можно было добиться, только передав ей большую часть западного и северного водораздела Конго, помимо того, что она пообещала, что, если государство Конго когда-либо перейдет от бельгийского суверена к другой державе, Франция получит право на независимость. о вытеснении. До того, как французы провели много лет на реке Мубанги (которая является одним из немногих средств сообщения между южной частью Африки, населенной племенами банту, и северными регионами, “Суданом”, населенными неграми-банту, негроидами, хамитами и семитами^[130]), у французов вполне естественно возникла идея продвинуться на север к реке Шари и Озеро Чад. В 1890 году Пол Крампел был первым европейцем, пересекшим эту таинственную границу банту, покинув лесные районы Конго и нижнего Мубанги и вступив на более открытые парковые территории центрального Судана. Но он был атакован и убит (1891) подозрительными мусульманскими налетчиками на реке Шари. Другому французу польского происхождения, М. Дыбовски, удалось наказать убийц Крампеля и продолжить изучение Шариата. Следующая миссия под командованием лейтенанта Местра продолжила работу Дыбовского, и за ней, в свою очередь, последовала хорошо оснащенная экспедиция под командованием исследователя Эмиля Жантиля; в последний раз удалось провести небольшой вооруженный пароход по реке Шари, а оттуда достичь вод озера Чад.

Соглашением с Германией в 1892 году Франция добилась признания Германией своей сферы влияния на реку Шари, страну Багирми и южные берега озера Чад; в то время как по договору, заключенному с королем Бельгии в 1894 году, бельгийская пограничная линия была проведена по рекам Мубанги, Мбому и водоразделу Нила. Наконец, англо-французской конвенцией от июня 1898 года Великобритания признала французскую сферу к югу и востоку от озера Чад. Таким образом, Франция получила европейское признание как непрерывная империя, простиравшаяся от Алжира до побережья Конго и от Орана до Дакара — замечательный результат высадки 37 000 военнослужащих в бухте Сиди-Ферруж, недалеко от Алжира, летом 1830 года.

В последнее десятилетие 19 века французский метод управления территориями Габун, Лоанго и Конго-Мубанги (объединенными с 1888 года в одно правительство под названием “Французское Конго”) был заражен духом “концессионерства”, который, к несчастью, вдохновил короля Леопольда II примерно в то же время в его отношении к развитию Независимого государства Конго. Эти монополистические, протекционистские идеи были наследием более старого стиля колонизации в 16, 17 и 18 веках. Предполагалось, что Великая Берлинская конференция 1884 года по вопросу о Конго наложила на них вето и

сделала невозможным их повторение. Но не успела эта конференция закончиться, как эта монополистическая политика была возрождена Королевской нигерской компанией на Нигер-Бенуэ, молодым государством Конго на Конго над бассейном Стэнли, французами в Лоанго и (хотя и гораздо слабее) Британской Южно-Африканской компанией в Родезии. Но главным образом в случае Королевской Нигерской компании монополия была такой, которая полностью подавляла другие виды торговли. Теоретически эта ассоциация не запрещала местным жителям торговать с какими-либо иностранными купцами, кроме самой себя; она просто сказала внешним торговцам: “Извините! но это место наше, как и все остальное — фактически весь берег реки, — и мы не можем допустить, чтобы вы торговали на нашей частной земле. Король Бельгии довольно точно скопировал эту политику в отношении Конго, и то же самое сделали французы. Все Французское Конго, за исключением двух или трех старинных городов на побережье, было разделено на концессии площадью от 20 квадратных миль до 54 000 квадратных миль. Деревни и плантации, фактически занятые туземцами в то время, были признаны собственностью коренных жителей, но это признание не обязательно давало туземцам право торговать с кем им заблагорассудится.

Все прибрежные порты Габуна и Лоанго издавна посещались британскими купцами, ведущими крупную торговлю с Ливерпулем; и велико было возмущение, когда они обнаружили, что их торговля с внутренними районами перекрыта французскими концессионерами, которые, возможно, ничего не сделали для развития торговли в стране. По духу, конечно, эта политика находилась в вопиющем противоречии с коммерческими положениями Берлинского и Брюссельского актов, принятых после Конференции в Конго 1884-1885 годов. Но французское правительство в ответ на протесты указало на монополию Королевской нигерской компании^[131]; и французские суды вынесли решения, неблагоприятные для британских апеллянтов.

Будет справедливо привести обоснование этой политики концессий, хартий и других документов, предоставляющих особые привилегии. Желательно — в интересах коренных жителей, а также правящего европейского правительства — привлечь капитал к открытию и эксплуатации природных богатств Африки, богатств, о которых коренные жители оставались в полном неведении на протяжении тысячелетий. Чтобы привлечь инвестиции капитала, необходимо обеспечить некоторую гарантию того, что непосредственные плоды трудов и расходов инвесторов не будут несправедливо получены другими инвесторами, которые не подвергались подобным рискам. Никто не ставит под сомнение право коренного населения, в той или иной степени, на справедливую долю земли; площадь определяется его численностью, уровнем цивилизации, энергией, интеллектуальными способностями и тем, до какой степени он уже освоил ее ресурсы. Было бы, например, нелепым предположение, что 322 450 квадратных миль немецкой Юго-Западной Африки должны быть исключительным достоянием нескольких тысяч кочевников-готтентотов и охотников-бушменов или даже шестидесяти тысяч скотоводов-банту; что какой-нибудь лес Конго площадью от десяти до тридцати тысяч квадратных миль должен быть предоставлен в бессрочное пользование нескольким тысячам кочующих пигмеев, рыщущих по нему в поисках дичи и гнезд диких пчел; или что вся Сахара с ее фосфатами и соляными копиями должна быть отдана совершающим набеги Тавареку и Тибу. . С другой стороны, говорить в связи с густонаселенным, довольно известным регионом, таким как берега Нигера, Габуна и Лоанго, или низовья реки Огове, что местные жители должны торговать только с концессионерами или с самим правительством, или что одной нации должно быть оказано особое предпочтение в ее торговле или торговых отношениях, - значит навязывать тиранию, которую мир в целом и подчиненные расы больше не будут спокойно терпеть. Из этого не следует, что не должно быть вмешательства в права “коренных жителей”, что “свобода должна быть

свободна убивать себя”, как это часто бывает в диких странах, где бездумные жители уничтожают ресурсы страны, не думая о завтрашнем дне. С этической точки зрения для французского, британского или любого другого правительства вполне допустимо завладеть какой-либо совершенно отсталой или очень малонаселенной страной, находящейся в более или менее диком состоянии, и беспристрастно управлять этой страной для ее собственной выгоды и для ее общей полезности человечеству в целом. При таких условиях они, конечно, не обязаны по какому-либо моральному закону приписывать ближайшему коренному сообществу дикарей какой-либо большой участок необитаемого леса или металлоносных скал. Таким источником будущего богатства, которым они имеют право управлять в качестве доверительного управляющего, они могли бы распоряжаться имуществом в пользу несовершеннолетнего или слабоумного; но только при условии помещения полученной от этого прибыли в казну государства или страны, управляемых таким образом, а не в фонды, частные или государственные, далекой европейской нации. Король Леопольд II или Французская Республика были вполне правы, объявив необитаемые, неосвоенные леса Французского и Бельгийского Конго ”государственными владениями”; но не с единственной целью, в одном случае, увеличить доходы своего личного кошелька, а в другом - обогатить политических приверженцев или государственных служащих. Богатство этих регионов не обязательно должно было достаться какому-то туземному вождю или племени, живущему поблизости, которое не имело никакого отношения к получению богатства, но должно было быть приписано всему сообществу штата или колонии, в которых были расположены эти лесные или горнодобывающие районы.

Другим серьезным недостатком прежней администрации французского Конго была передача тысяч местных жителей в качестве настоящих крепостных глебов этим европейским концессионерам. Это была злая расплата за доверие, которое они оказали посланникам Франции, таким как Де Бразза, которые добились их присоединения к французскому владычеству по договору. Результатом этой политики стало то, что последовали грубые злоупотребления, за которыми последовали восстания местного населения. В конце концов европейское общественное мнение (в значительной степени разбуженное г-ном Э. Д. Морелем) заставило французское правительство заняться делами Французского Конго; и в 1905 году фактический создатель этого доминиона Де Бразза был направлен в качестве комиссара для расследования обвинений, выдвинутых против должностных лиц и концессионеров. Считается, что де Бразза был в ужасе от увиденных им разрушений и депопуляции, как и некоторые другие высокопоставленные французские чиновники, у которых хватило смелости опубликовать свои впечатления. Но Де Бразза умер в Дакаре по пути домой, и его отчет так и не был опубликован, хотя впоследствии французское правительство внесло некоторые изменения в административные вопросы.

В 1911 году Германия в обмен на признание французского протектората над Марокко получила от Франции важные территориальные преимущества во Французском Конго — около 107 000 квадратных миль — предоставив Германии (1) полосу к югу от залива Кориско и большую часть страны Ошеба, что позволяет ей окружать испанские владения Рио-Муни (она также приобрела у Франции преимущественные права на Рио-Муни); (2) длинную полосу вниз по долине реки Санга до главной реки Конго напротив Луколелы; (3) страны Лака и Байя к востоку от водораздела Камеруна; и (4) полоса земли, сообщаемая с рекой Мубанги. Взамен Германия уступила Франции участок земли (6450 квадратных миль) вдоль левого берега нижней Шари. Ходили слухи, что Германия просила весь левый берег Мубанги от Либенге до Конго и все Французское Конго между Мубанги, Конго и Атлантическим побережьем. Если бы она это сделала, другие обстоятельства вынудили ее изменить свои требования. В любом случае ей удалось отрезать Французское Конго от территорий Мубанги-

Шари-Чад, что касается бесперебойного наземного сообщения. Она обнесла дерево кольцом в надежде, что когда-нибудь оно упадет к ней. Но если это произойдет, то только в обмен на эквивалент в каком-то другом направлении, возможно, на исправление границы с Лотарингией.

Даже с потерей своей территории Габун-Западное Конго Франция по—прежнему обладала бы великолепной и компактной Африканской империей, превышающей по размерам территорию любой другой европейской державы или, во всяком случае, превосходящей ее по протяженности - империей площадью около 3 100 000 квадратных миль, простирающейся от Сенегала и Марокко до границ Египта и Египетского Судана, от Алжира и Карфагена до Бельгийского Конго и окрестностей Уганды; помимо ее ценного плацдарма в Аденском заливе и владения Мадагаскаром (о котором сейчас пойдет речь), который компенсирует ей отсутствие колоний в Южной и Восточной Африке. . В регионах к северу от Мубанги—Веле - реки, которую первыми открыли немцы, англичане и бельгийцы, но весь северный берег которой от впадения Мбому до Конго в настоящее время принадлежит Франции, — у французов есть основания гордиться достижениями своей страны. Как уже говорилось, именно французские исследователи первыми разгадали тайну перехода от водораздела Конго к водоразделу Шари-Чад; и несколько французских исследователей поплатились жизнью за свою безрассудность. Чтобы расследовать смерть Поля Крампеля и отомстить за нее, французский комиссар Эмиль Жантиль (впоследствии, до 1908 года, губернатор Французского Конго) проник вниз по реке Шари из бассейна Конго, пока не достиг знаменитой страны Багирми. Здесь он убедил измученного местного султана принять французскую защиту и поместил французского резидента при своем дворе. Затем Багирми был захвачен Рабахом Зобейром, который провозгласил себя султаном Борну. Султан Багирми и французский резидент были вынуждены бежать перед армией Рабаха; но после двухлетних боев, в которых поначалу французы потерпели несколько поражений, Рабах потерпел поражение и был убит в великой битве, в которой к Фуру-Лами^[132] экспедиции, пришедшей из Алжира, присоединились остатки Вуле- Колонна Шануа из Сенегала и речная флотилия из Мубанги-Конго. Однако еще два года французским войскам в Багирми приходилось сражаться с сыновьями и преемниками Рабаха; но последний из них был разбит (на границах Борну) в начале 1902 года.

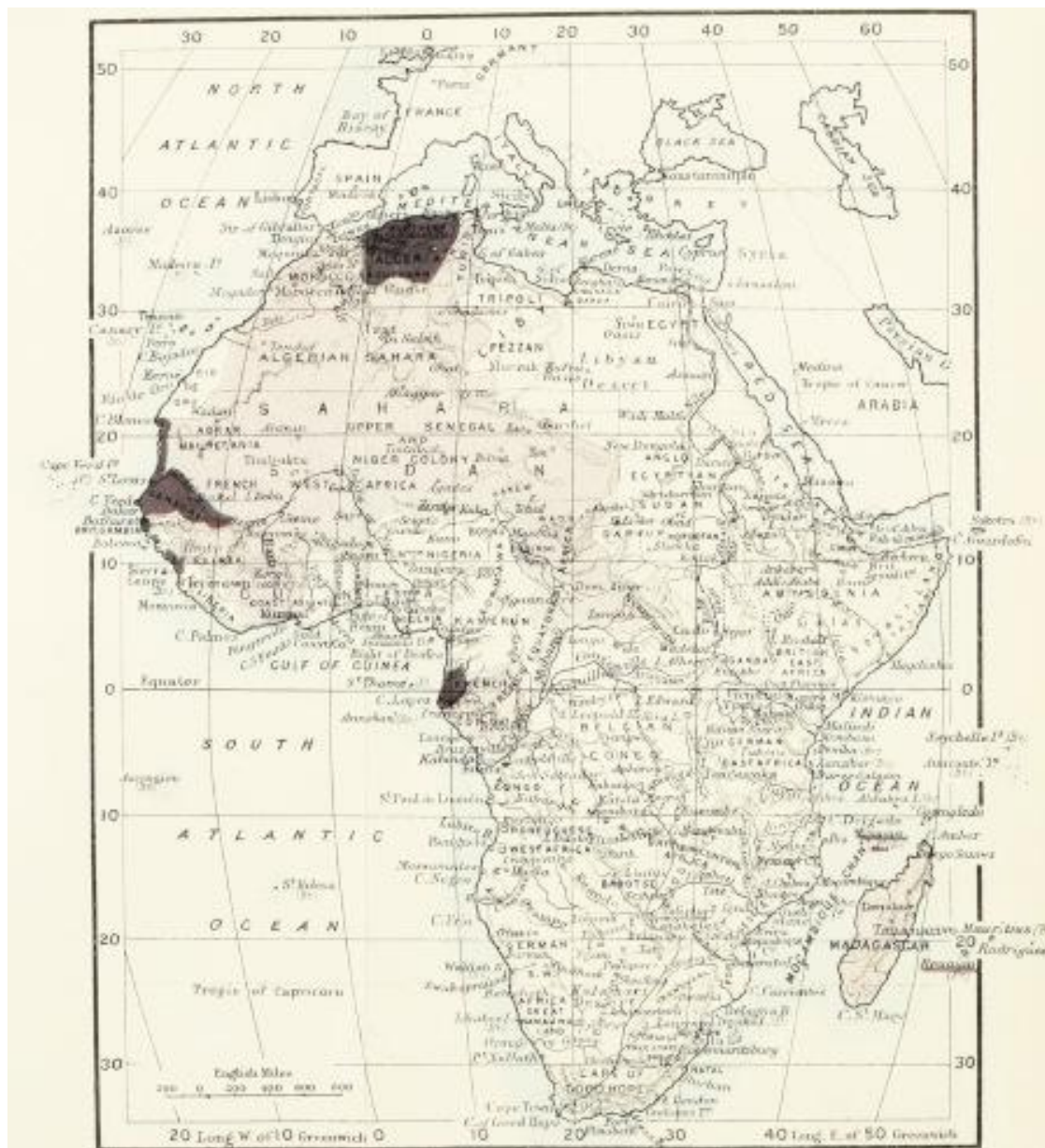
Следующим врагом, с которым предстояло столкнуться и победить — последним, насколько можно предвидеть, из сильных мусульманских государств Центральной Африки, — была страна Вадаи, расположенная к северо-востоку от Багирми и регион, который на протяжении столетия или более был главным центром работорговли в Центральной Африке, помимо того, что был единственным в этом регионе из-за своей светской ненависти и недоверия к белому человеку, в котором арабизированные правящие классы Вадаи видели не только ненавистного неверного христианина, но и возможного противника работорговли, на котором Вадаи копил богатство с семнадцатого века. Французы вступили в отношения с Вадаи в 1900 году и вмешались в его гражданские войны. Но подстрекаемый агентами сенуситского шейха^[133], правитель Вадаи напал на французские аванпосты на Шари в 1904 году и увел много негритянских пленников. Другим мотивом их враждебности было то, что Франция предоставила убежище претенденту на трон Вадаи - Асилу, впоследствии султану Вадаи. Между 1904 и 1911 годами боевые действия между французами и частью вадайских народов — в основном негроидами маба и арабами—массалитами - продолжались до тех пор, пока французы не завоевали всю страну и не посадили Асила на трон вадаи под руководством французского резидента, который с тех пор (1912) сверг его за жестокость. Они сами взяли в свои руки прямое управление южными провинциями, негритянскими странами Дар-Рунга и Дар-Сила, которые так долго были охотничьими угодьями для

работорговцев; настолько, что их некогда многочисленное негритянское население сократилось до нескольких тысяч жалких дикарей. В этой длительной войне против самого сильного и фанатичного из мусульманских негритянских государств французы потеряли множество выдающихся офицеров и проявили такие качества, как находчивость и героизм, которые многообещающи для нации, которая в наши дни может производить таких офицеров и унтер-офицеров. Как и в случае с британцами, рядовой состав их армий в этих кампаниях составляли африканцы, в основном сенегальцы.

Завоевание Багирми и Вадаи естественным образом закрепило за французами более малонаселенную страну Канем, населенную в основном теми негроидами Тибу, чья раса простирается прямо через Сахару до внутренних районов Триполи. Теперь, когда Италия оккупирует Киренаику, а Турция больше не может поставлять оружие и боеприпасы Вадаи для кампании против вторгающегося белого человека, маловероятно, что французское правление будет серьезно оспариваться в сердце Центрального Судана; то есть до тех пор, пока Британия правит на востоке. Вполне возможно, что большое стратегическое будущее может лежать перед Канемом и Вадаи, а также землями французской провинции Мубанги; ибо через эти регионы может пройти магистраль трансафриканских железных дорог, маршрут, который соединит Южную Африку с Танжером и Александрией. Завоевание Вадаи французами стало последним и самым сокрушительным ударом, направленным против африканской работорговли ислама, и оно было осуществлено с щедрой тратой денег и храбростью на расстоянии примерно 1500 миль от ближайшей цивилизованной базы, подвиг, почти не имеющий аналогов в истории Африки. Это вполне может послужить напоминанием о том кратком отступлении от политики цивилизованной державы, во время которого Франция установила нечто вроде новой формы рабства в Западном Конголанде.

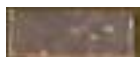
ФРАНЦУЗСКАЯ АФРИКА

Фото IV.

W. & A.K. Johnston, Limited, Эдинбург и Лондон.

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Площадь французских владений в 1880 году

” ” ” Колонии и протектораты в 1912 году

ГЛАВА X

ХРИСТИАНСКИЕ МИССИИ

Если бы я писал эту книгу для драматического эффекта, а не с целью установить историческую последовательность, я был бы склонен поместить эту главу рядом с главой, посвященной работорговле, в качестве эффектного кулона; ибо, если Европа поступала нечестиво, поработав Африку, она послала туда благородную армию мужчин и женщин, которые, действуя почти всегда из благородных и бескорыстных побуждений, подняли африканцев из бездушного невежества на явно более высокую ступень цивилизации. И независимо от того, была ли Британия большей грешницей, чем другие белые народы, в той тщательности, с которой она преследовала работорговлю, она, во всяком случае, заслуживает похвалы за степень миссионерских усилий, намного превосходящую те, которые можно приписать любой другой нации.

Португальцы были первой европейской нацией, пославшей миссионеров в Африку. Их рвение было велико и, за одним или двумя исключениями, достойно всяческих похвал. Португальские священники и отцы-иезуиты сопровождали большинство первых экспедиций в Африку; на самом деле вряд ли какой-либо исследователь или конкистадор плывал без сопровождающих его капелланов, которые поднимали крест и проповедовали христианство, как только они ступали на берег. В главе о португальцах в Африке я коснулся введения христианства в Конголанде в 1491 году. Но любая раса чисто негритянской крови с большой легкостью принимает и утрачивает христианство. Негр (если только он не мусульманин) легко обращается и так же легко впадает в грубое суеверие или отрицание всей религии, включая его прежние простые, но здравые представления о добре и зле. Для того чтобы христианство могло надолго укорениться в негритянской расе, необходимо, чтобы оно сохранялось европейской державой в течение длительного периода в качестве государственной религии. Если негритянские королевства, оставшиеся независимыми, и сохранили свое христианство, то в неузнаваемой форме. Это не так с мусульманством, объяснение состоит в том, что мусульманство, которому учат негра, не требует жертвовать своими телесными похотями, тогда как христианство с его ограничениями в конечном итоге наскучивает ему, до тех пор, пока его общее психическое состояние, благодаря индивидуальному гению или передаваемой поколениями культуре, не достигнет среднего уровня европейца. В качестве примеров первого можно было бы упомянуть около десяти или дюжины людей, живущих в настоящее время, которые являются священниками и дьяконами христианства в Африке; в то время как в качестве примеров того, что христианство прочно укоренилось в результате наследования, необходимо указать только на два или три миллиона действительно хороших негритянских мужчин и женщин, которых можно найти в Соединенных Штатах, Вест-Индии и Капской колонии. Португалия, однако, никогда не пыталась править Королевством Конго до последней четверти 19 века; итак, после более чем трех столетий пропаганды^[134] ба-конго отпали от христианства и менее чем за сто лет полностью скатились в язычество, когда миссионеры снова, против их желания, вернулись в Западный Конголанд.

Священники-иезуиты также сопровождали португальских завоевателей на Замбези и юго-восток Африки. Здесь они добились относительно небольшого успеха, хотя они оставили свои следы в Замбезии наиболее заметным образом, основав поселение в Зумбо высоко по Замбези и даже основав станции за ее пределами в малоизвестной стране Батока, где их присутствие по сей день подтверждается рощами фруктовых деревьев, произошедших от тех, которые они завезли. Тете, современная столица португальской Замбези, также

начиналась как миссионерская станция. В других местах, в португальской Восточной Африке, священники добились очень небольшого успеха, поскольку мусульманство уже захватило власть. Действительно, первый исследователь-миссионер Замбезии, посетивший двор короля Момотапы, принял там мученическую смерть по наущению арабов^[135].

Португальские священники также путешествовали по Абиссинии в течение двух столетий после открытия этой страны португальцами в конце 15 века. Христианская Абиссиния — наиболее вероятное место происхождения мифа о Царстве пресвитера Иоанна - привлекла большое внимание Португалии с тех пор, как она начала свое исследование внешнего мира. Но португальским священникам совершенно не удалось обратить абиссинцев из их униженной формы греческого христианства в римско-католическую церковь; и после ожесточенных ссор с местным духовенством эти миссионеры были либо убиты, либо изгнаны из страны к 1633 году.

Французские торговцы, часто посещавшие побережье Сенегала между 1550 и 1650 годами, почти всегда брали с собой миссионерского капеллана.

Испанские, португальские и итальянские священники в разное время тщетно пытались обратить мавров Северной Африки в свою веру. Сочтя это безнадежной задачей, они направили свои усилия на облегчение страданий несчастных христианских пленников берберийских пиратов и практически продолжали эту работу вплоть до французской оккупации Алжира.

Протестантские народы мало что сделали в плане миссионерской работы в Африке вплоть до конца 18 века; хотя добрые гугеноты, отправившиеся в Южную Африку, пытались, к некоторому удивлению голландцев, относиться к готтентотам как к собратьям, пригодным для крещения; а моравцы, привлеченные готтентотами, начали евангелизационную работу на мысе Доброй Надежды в 1732 году, но вскоре были остановлены в своих усилиях Голландской компанией.

Миссионерская работа уэслианцев началась в Сьерра-Леоне одновременно с основанием этого места как поселения для освобожденных рабов в 1787 году. Лондонское миссионерское общество было основано в 1795 году, Эдинбургское миссионерское общество - в 1796 году; вскоре после этого было основано Миссионерское общество Глазго. К концу 18 века эти три организации отправили миссионеров в Сьерра-Леоне и соседнюю страну Юругу. В 1821 году Миссионерское общество Глазго отправило первых пресвитерианских миссионеров в Южную Африку. Церковное миссионерское общество было основано в 1799 году. Оно поставляло миссионеров для Сьерра-Леоне и после длительного перерыва расширило свою деятельность до Лагоса и дельты Нигера, где оно по-прежнему является ведущей христианской миссией. В 1830 году эта миссия направила своих первых агентов для обучения протестантскому христианству в Абиссинии и начала рассматривать возможность евангелизации Восточной Африки. Как и другие английские миссионерские общества того времени, по не совсем понятным причинам, оно предпочло нанять немецких евангелистов, хотя, судя по достигнутым результатам, мало кто может придраться к сделанному выбору. Церковное миссионерское общество представило нам таких людей, как Крапф и Ребманн. Доктор Людвиг Крапф по праву является великим именем в области исследования Африки, африканской филологии и африканского христианства. Отправленный Церковным миссионерским обществом в перспективную Абиссинию в 1834 году, он был вынужден решить в 1842 году (в Шоа), после разочаровывающего опыта, что там нет поля для протестантского христианства, и поэтому направил свои стопы к побережью Занзибара. Будучи тактичным человеком и встретив доброту в руках Сайида Саида, "султана"

Занзибара^[136], он обосновался в Рабаи, недалеко от Момбасы, и там основал работу Церковного миссионерского общества, которое существует и процветает по сей день. Доктор Крапф также будет упомянут в главе, посвященной исследователям. Церковное миссионерское общество воспитало первого протестантского негритянского епископа^[137] в лице Сэмюэля Кроутера из Нигера. Ее работа увенчалась некоторым успехом на Западном побережье Африки с точки зрения числа приверженцев; но, как и большинство христианских миссий, она не добилась быстрого прогресса в более или менее мухаммеданизированной Восточной Африке. Эта миссия выделяется великолепной филологической работой, проделанной ее агентами в Африке; особенно заметными среди них были доктор С. В. Келле, мистер Райхардт, преподобный Джеймс Фредерик Шон, епископ Кроутер, Крапф, Ребманн и Дж. Т. Ласт.

Уэслианское методистское миссионерское общество было основано в 1813 году и посвятило свои первые усилия Южной Африке, Намакваланду и Кафрарии. Первобытное методистское общество было основано в 1843 году и продолжило евангелизацию Фернандо По, которая велась (британской) баптистской миссией с 1844 по 1859 год. В то же время они отправились в Южную Африку. На перспективы этой миссии в Фернандо-По повлияло возобновление управления этим островом испанским правительством, которое в то время не поощряло протестантские миссии на своей территории. Однако была достигнута определенная договоренность, и миссия по-прежнему продолжает там работать, причем в настоящее время без каких-либо очень заметных ограничений.

Общество распространения Евангелия стало отчетливо миссионерской организацией в 1821 году и работало в основном в Южной Африке.

Британские баптисты организовали миссионерское общество в начале 19 века и отправили миссионеров еще в 1840 году в Фернандо По. Из-за их изгнания с острова испанским правительством они переехали в Камерун, где основали процветающее поселение Амбас-Бей и сделали английский почти вторым языком камерунцев. Великолепная работа этой миссии в Камеруне была проделана главным образом при покойном Эдварде Сакере, чье имя до сих пор почитается на реке Камерун за то великое благо, которое он сделал стране, распространив знания о многих полезных искусствах и отраслях промышленности и в значительной степени обучив народ дуала. Из Камеруна миссия под руководством преподобного Томаса Комбера и преподобного Холмана Бентли переехала в Конго^[138], где у этой баптистской миссии теперь есть многочисленные станции. Один из местных миссионеров, преподобный Джордж Гренфелл, прославился открытием великой реки Мубанги, самого важного из притоков Конго, известной в своих верховьях как Уэле, а также замечательным исследованием главного течения Конго и нескольких его ведущих притоков, за что был награжден Золотой медалью Королевского географического общества и рядом других наград. Хотя ему несколько раз предлагали ответственные посты при правительстве Конго, он предпочел оставаться миссионером до своей смерти в 1906 году. Лингвистическая работа, проделанная этой баптистской миссией, была важной и включала иллюстрацию языка Фернандо По мистером Джоном Кларком, аналогичную услугу, оказанную камерунскому языку дуала мистером Сакером, ценный словарь Конго и грамматику преподобного доктора Х. Бентли и работу, представляющую далеко идущий интерес и важность, преподобного У. Х. Стэплтона.

Римско-католические миссии прибыли в Северную Африку вскоре после завоевания Алжира. Лион во Франции стал крупным центром миссионерской деятельности. В настоящее время это штаб-квартира могущественного Французского римско-католического миссионерского общества — общества Святого Духа и Святого Сердца Марии, — которое в

последние годы проводит хорошую работу в португальской Анголе и прибрежном регионе Конго, а также в Сенегамбии и Германской Восточной Африке. В 1846 году миссионерское предприятие в римско-католической Австрии решило воспользоваться завоеванием Мохаммедом Али Судана, чтобы проложить себе путь в сердце Африки через Египет. В 1846 году эти австрийские католические миссионеры выбрали Каир в качестве отправной точки, и эта миссия продолжала работать в египетском Судане до восстания махдистов.

Большинство читателей этой книги слышали о приключениях отца Орвальдера и монахинь, сбежавших из лап халифа в 1896 году. Эта миссия, среди других филологических исследований, проиллюстрировала интересный язык бари в верховьях Белого Нила и проделала отличную работу в таких отдаленных странах, как Кордофан и Сеннар. Итальянские священники — до бедствий, постигших колониальное предприятие Италии в 1896 году, — работали среди Галас Абиссинии. Римско-католические миссии (французские) были открыты в Тигре (Северная Абиссиния) около 1830 года. В 1847 году по просьбе принца Шоа папа Пий IX направил в Шоа римского епископа-миссионера монсеньора Массайю, который оставался там несколько лет и, можно сказать, положил начало итальянской миссионерской работе в этой области.

В 1878 году покойный кардинал Лавиджери учредил Миссию Белых отцов, которая заключалась в обращении Судана и всего Конголанда в христианство, и папа Лев XIII дал им рескрипт, предписывающий евангелизировать всю Центральную Африку. Они поселились в Тунисе (а также в Алжире), в Конго, на Танганьике и в Западной Африке (Сенегамбия) и, наконец, направили свою энергию в Уганду вскоре после того, как в этой стране утвердилось Церковное миссионерское общество. Кардинал Лавиджери был типом прелата, несколько характерным для последней четверти 19 века, склонного к звучной декламации, который выдавал себя за обличителя рабства и работорговли, никогда лично не знакомясь с их ужасами. Он стремился снискать в римско-католическом мире славу Ливингстона, не проходя через трудности Ливингстона. Более того, рука об руку с его желанием распространять религию среди арабов, берберов и негров шло не менее горячее желание одновременно сделать их французскими или находящимися под защитой Франции подданными.подданными. Его сильные политические пристрастия несколько обесцветили его напряженные усилия по евангелизации Африки, поскольку теперь считается, что его работа ни в коем случае не была бескорыстной. Несомненно, как отмечают иностранные критики, британские миссионеры часто становятся предшественниками британского правления; но они делают это бессознательно и действительно часто оказываются неудобными поборниками независимости коренных народов. Но миссионеры ордена кардинала Лавиджери в прежние времена стремились продвигать политические интересы Франции почти до того, как им удалось добиться обращения своих учеников; и это несколько умаляло их ценность как миссионеров христианства. Решительная враждебность, проявленная этими людьми к британскому протекторату над Угандой, спровоцировала ужасную гражданскую войну; хотя с 1898 года (когда часть их работы была передана британской римско-католической миссии) этот политический аспект их работы полностью прекратился, и они заслужили сердечную признательность британских, немецких и бельгийских администраторов. Белые Отцы носят арабский костюм — красную феску и длинную белую рясу, перетянутую вокруг талии поясом. Их церкви и школы раньше были построены в мавританском архитектурном стиле. Кардинал Лавиджери предполагал, что приближение к арабам в одежде и архитектуре может побудить этих людей прислушаться к его пропагандистам.

Около восемнадцати лет назад иезуиты решили возобновить свои работы на Замбези, которые были прерваны более чем на столетие из-за волнений местных жителей и изгнания

иезуитов из португальских владений по приказу Маркеса де Помбала. Поначалу усилия иезуитов привели к полной катастрофе. Они обосновались в верховьях Замбези, в стране Батока, недалеко от водопада Виктория, и все те, кто не умер от лихорадки, были убиты батокой. Затем они ограничили свои усилия окрестностями португальских поселений в Зумбо, Тете и Бороме. Недалеко от последнего названного места у них есть самое процветающее и хорошо организованное заведение, где негры Замбези получают хорошее техническое образование. По приглашению португальского правительства они обратили свое внимание на Ньясаленд, но после того, как Мухаммадан Яос разграбил и сжег их тамошнее заведение, они прекратили работу в этом направлении. Впоследствии они основали миссионерские станции в Машоналенде, помимо возобновления работы на Мадагаскаре.

Римско-католические миссионеры не имели большого успеха на Мадагаскаре, пока несколько лет назад там не стало доминировать французское влияние. Священники, которые неоднократно пытались обосноваться на побережье Мадагаскара в первые дни французских колониальных экспериментов, либо умерли от лихорадки, либо были убиты туземцами. Иезуиты, которые прибыли на плато Хова в шестидесятых годах 19 века и которые содержались там за счет субсидий, предоставленных французским императорским правительством, добились столь малого успеха, что почти отказались от своей работы. Однако в настоящее время, при решительной поддержке правительства этой французской колонии, они добиваются господства над протестантами.

Протестантская миссионерская работа, проводимая главным образом Лондонским миссионерским обществом, а впоследствии квакерами и норвежцами, началась на Мадагаскаре в 1818 году. Миссионеры Лондонского миссионерского общества добились большого успеха в обращении коренных жителей Мадагаскара в неконфессиональную форму протестантского христианства; но их усилия были внезапно остановлены реакционной политикой королевы Ранавалоны I, которая преследовала и убивала местных христиан и вынудила миссионеров покинуть остров в 1836 году. После различных попыток, оказавшихся тщетными, прийти к взаимопониманию со старой королевой—язычницей, протестантские миссионеры вернулись в полном составе после ее смерти, и с тех пор до французской аннексии острова они, можно сказать, обратили массу хова в христианство и основали сильную протестантскую местную церковь в дружеском сотрудничестве с англиканами, которые под руководством епископа Мадагаскара утвердились на острове с 1863 года.

Лондонское миссионерское общество, которое проделало такую поразительную работу на Мадагаскаре и действительно было первым миссионерским обществом в Южной Африке, было привлечено к открытым полям Танганьики в то время, когда Церковное миссионерское общество, воодушевленное призывом Стэнли, направило своих эмиссаров в Уганду. Первые миссионеры Лондонского миссионерского общества, пересекшие Танганьику с востока на запад, основали свое первое поселение на острове Кавала на западном побережье. С помощью Компании African Lakes Company из Ньясы они доставили пароход по частям в воды Танганьики, пароход, который успешно курсирует по озеру с момента своего спуска на воду в 1885 году. Однако впоследствии Лондонское миссионерское общество покинуло те районы Танганьики, которые находились под иностранными флагами, и обратило свое внимание на южный берег озера, который автор этой книги в 1889 году передал под защиту Великобритании.

Швейцарская протестантская миссия была основана в Базеле в 1815 году и вскоре после этого приступила к работе на Золотом берегу, работе, которая привела к самым

замечательным и благотворным результатам в промышленном обучении тысяч уроженцев Золотого берега, позволив им, таким образом, получать хорошую заработную плату и выполнять многие задачи, которые до сих пор возлагались на европейцев. Базельская миссия в настоящее время также создана на прилегающих к германии территориях Тоголанда. Моравское протестантское миссионерское общество было основано еще в 1732 году и направило первых подготовленных христианских миссионеров в Южную Африку. В настоящее время эта миссия имеет процветающие учреждения в этой части континента. Берлинское миссионерское общество было основано в 1823 году, Рейнское миссионерское общество - в 1829 году, а Северогерманское (Бременское) общество - в 1836 году. Две первые названные немецкие протестантские миссии направили свое внимание на Дамараленд и страну готтентотов в Юго-Западной Африке; Бременская миссия посылала своих агентов главным образом в Западную Африку. Несколько из этих обществ вместе с моравцами основали миссионерские станции в немецком Ньясаленде, к северу от озера Ньяса. Баварская римско-католическая миссия начала работу в прибрежных районах Немецкой Восточной Африки.

Французская евангелическая церковь начала свою важную миссионерскую работу в Африке еще в 1829 году. Её агенты, известные почти повсеместно своей целеустремленной серьезностью и отмежеванием от любых попыток добиться политического влияния, добились замечательных успехов в христианизации Басутоленда и прилегающих к нему народов бечуана в Южной Африке. Следуя за перемещениями расы бечуана, они постепенно были направлены в Верховья Замбези и в королевство Баротсе. Здесь, под выдающимся руководством месье Койяра, они провели цивилизованную работу среди баротсе, заслуживающую самой высокой оценки, хотя и понесли серьезные потери среди своих агентов из-за плохого состояния здоровья. Швеция, чтобы не отставать от других протестантских государств, в начале этого столетия основала миссионерское общество, которое посвятило себя все еще неоккупированной области Галаланд, нападая на эту страну как со стороны абиссинцев, так и с британской территории на Восточном побережье Африки, откуда в наши дни легче проникнуть. Хотя работа этого общества привела к важным дополнениям к нашим филологическим знаниям, его усилия по распространению христианства среди галасов, которые были либо упрямыми мусульманами, либо столь же упрямыми язычниками, оказались безуспешными. Швейцарская кальвинистская церковь направила миссионеров среди басуто в Южной Африке, а позже и в Анголу. Голландская реформатская церковь провела большую миссионерскую работу в Южной Африке, а в последнее время и в Ньясаленде. Американская пресвитерианская церковь основала африканское миссионерское общество в 1831 году и направила своих эмиссаров в Либерию, где у нее много приверженцев.

Британские пресвитериане учредили несколько важных миссионерских организаций. Самой ранней (среди существующих обществ), начавшей работу, была Объединенная пресвитерианская церковь Шотландии, которая основала миссию в Олд-Калабаре, на Западном побережье Африки, в 1846 году и с тех пор добилась большого прогресса в обращении уроженцев Олд-Калабара и Кросс-Ривер в христианство и определенную степень цивилизованности. Главным образом благодаря работе этой миссии Старый Калабар стал важным центром европейского предпринимательства и столицей восточной части Южной Нигерии. Миссионерские общества Эдинбурга и Глазго начала нынешнего столетия, которые посылали миссионеров в Южную Африку, были распущены и оформились в других формах как иностранные миссии Свободной церкви Шотландии и Учрежденной Церкви Шотландии. Первая, организованная в пятидесятых годах, создала сильные миссии в Южной Африке и основала там учебное заведение в Лавдейле, откуда многие сотни

южноафриканских негров отправились в мир с практическим образованием. Когда Ливингстон обратил внимание на Замбези, Свободная церковь Шотландии подумывала о создании там миссии, но после доклада своего уполномоченного решила, что время для такого предприятия еще не пришло. Но в 1875 году, после смерти Ливингстона, Свободная Кирка отправила экспедицию в Ньясаленд для создания миссии, у которой теперь есть станции по всему западному побережью этого озера^[139]. Основанная Церковь Шотландии последовала этому примеру в 1876 году, когда было основано поселение на нагорье Шире, к югу от озера Ньяса; и штаб-квартира миссии была названа “Блантайр” в честь маленького городка в Ланаркшире, где родился Ливингстон. Блантайр сейчас во многих отношениях является главным городом протектората Ньясаленд. Норвежская церковь посылала миссионеров в Зулуленд (1842) и на Мадагаскар в последующие годы.

Помимо американской пресвитерианской миссии в Либерии, другие американские миссионеры (баптисты, епископальные методисты и неконфессиональные) обосновались в Габуне и на побережье между Камеруном и французской колонией, в Конго, в Анголе и, прежде всего, на высокогорье Бихе, за Бенгелой. Среди агентов этих американских миссий, замечательных своей лингвистической работой над африканскими языками, были преподобный Дж. Л. Уилсон, который вместе с Престоном и Бестом писал о языках побережья Габуна; доктор Симс, который составил ценные словари языков Конго; г-н Эли Шатлен, чья работа в связи с языком Ангола имела исключительную ценность; и, наконец, преподобный У. М. Стовер, который умело иллюстрировал язык бихе.

Помимо Церковного миссионерского общества, англиканская церковь была представлена в Африке хорошо известной “Университетской миссией”, основанной в 1856 году в результате обращения Ливингстона к университетам Оксфорда и Кембриджа. В то время как Церковное миссионерское общество в основном поддерживается евангелической частью Английской церкви, Миссия университетов является результатом миссионерского предприятия партии Высшей Церкви. Его первое учреждение в Ньясаленде при Ливингстоне было неудачным и привело к смерти епископа Маккензи (первого епископа-миссионера Центральной Африки) и большинства бывших с ним миссионеров. Его преемник, епископ Тозер, решил приостановить работу в Ньясаленде и сосредоточить усилия миссии на Занзибаре, который с тех пор стал ее главным центром в Африке; но позже, когда его сменил епископ Сир, была предпринята еще одна и успешная попытка достичь Ньясса. С начала восьмидесятых и по сей день, хотя временами эта миссия подвергалась сильным преследованиям со стороны мусульман Яос, она прочно обосновалась в Ньясаленде, помимо создания и поддержания ряда миссионерских пунктов в Немецкой Восточной Африке. В Ньясаленде она занимает в основном восточное побережье озера и имеет одну станцию на западном побережье, предпочитая работать в основном среди тех групп населения, которые в той или иной степени находились под влиянием арабов или яос. Этой миссии обязано возведение прекрасного собора на Занзибаре; и большая ценная лингвистическая работа была проделана покойным епископом Стиром, мистером Маданом и покойным епископом Ликомы (более известным как архидьякон Чонси Мейплз^[140]).

Плимутские братья основали миссию в Южно-Центральной Африке, по ту сторону водораздела Замбези и Конго.

Шотландские баптисты начали миссию на юго-западе Ньясаленда, а также на Замбези в 1895 году. Там также находится Промышленная миссия Замбези (внеконфессиональная), которая была основана в 1893 году и стремится быть самоокупаемой за счет своей промышленной работы. Несколько американских миссионеров, в основном под руководством епископа Харцелла из Американской епископальной церкви, попытались

обосноваться в португальских владениях на Западном и юго-восточном побережьях Африки; и есть также свободные американские миссионеры в бассейне реки Конго, выполняющие работу за свой счет, не будучи связанными с каким-либо особым обществом. Наконец, Плимутские братья и другие английские протестанты разных конфессий организовали протестантскую миссионерскую организацию enterprise в Северной Африке под названием “Североафриканская миссия”, основанную в 1886 году. У этой миссии есть многочисленные представители в Марокко, Алжире, Тунисе, Триполи и Египте. Поскольку оно посвящает себя в основном обращению мусульман, в настоящее время оно имело лишь незначительный успех с точки зрения пропаганды, но оно больше, чем кто-либо другой, подготовило мусульманский разум к рассмотрению христианской этики, и его просветительская работа в последнее время была тепло оценена французскими властями. В этой миссии много женщин-участниц, которые посещают харимов в образовательных и медицинских целях. Его агенты отличались глубоким знанием арабского языка и даже берберских диалектов Марокко и Алжира.

Единственным христианским государством, существовавшим в Африке до начала европейской колонизации, была Абиссиния, которая в некоторой степени зависит от коптской церкви в Египте и находится в общении с Греческой церковью. Говорят, что христианство было введено здесь в 4 веке. Абиссинцы обычно возмущались прибытием римско-католических миссионеров и не проявляли гораздо большего поощрения к эмиссарам протестантских церквей. Абиссинское христианство, как можно себе представить, настолько деградировало и смешалось с фетишизмом, что его трудно признать ответвлением христианской веры, которая является религией столь значительной части Европы и Америки. Россия во второй половине 19 века была очень обеспокоена духовной тьмой, царящей в Абиссинии, и пыталась послать туда миссионеров из Греческой церкви, владения которой она отождествляет со своей собственной империей. Но это были пропагандисты исключительно военного типа — волки в овечьей шкуре, если можно прибегнуть к довольно сильной метафоре, — и их вряд ли можно причислить к невооруженным эмиссарам христианства, которые от имени Римско-католической и протестантской церквей Европы и Америки стремились обычно из целеустремленных побуждений, почти всегда с глубоким личным бескорытием, всегда с рвением, иногда с неосмотрительностью и нередко с горькими разочарованиями и жестокими страданиями евангелизировать Африку. Конечный эффект их работы для истории Африки окажется далеко идущим, важным и (я верю) в высшей степени благотворным.

ГЛАВА XI

БРИТАНЦЫ В АФРИКЕ, II (Юг и Юго-Центральная часть.)

Ближе к концу 18 века Великобритания с тоской смотрела на мыс Доброй Надежды как на перевалочную станцию для своих кораблей на пути в Индию, которая не могла долго оставаться в слабых руках голландской компании и не должна была попасть в руки Франции. В 1795 году британское правительство отправило сильную экспедицию под руководством принца Оранского и после непродолжительной борьбы с местными властями овладело

Кейптауном. Свободная торговля с некоторым предпочтением британских товаров сразу же заменила изматывающую монополию и досадные ограничения старой голландской компании; и были приняты различные другие либеральные меры, которые могли бы во многом примирить голландских колонистов с британским правлением, если бы не то, что, когда Англия по Амьенскому миру в 1803 году вернула Голландской республике мыс Доброй Надежды, последовали три года прямого голландского правления под руководством двух наиболее просвещенных людей, Де Миста и Янссенса, которые многое сделали для того, чтобы стереть из памяти поселенцев справедливо ненавистный эгоизм старых голландцев. Ост-Индская компания. Поэтому, когда Великобритания возобновила управление Капской колонией способом, который должен был стать постоянным, в 1805 году, ее силам было оказано еще более решительное сопротивление, чем раньше; и даже после передачи этой колонии Голландией в 1814 году среди голландских поселенцев сохранялась определенная тепловатость и склонность придирааться к действиям и мотивам колониального правительства и британского народа. В 1806 году, когда Капская колония окончательно перешла под британский контроль, ее площадь составляла около 125 000 квадратных миль^[141]. Границей на востоке была река Грейт-Фиш, а оттуда шла изогнутая линия, которая заканчивалась у Бикона Плеттенберга, примерно в пятидесяти милях к югу от Оранжевой реки. Граница на севере представляла собой неправильную линию от Бикона Плеттенберга (посередине уходящую далеко на юг) до устья реки Буффало (Литтл-Намакваленд) в Атлантическом океане. Население колонии (не считая вооруженных сил) составляло около 26 000 европейцев (из которых 6000 проживали в Кейптауне), около 30 000 малайских и негритянских рабов, несколько сотен тысяч готтентотов и полукровок, возможно, еще сто тысяч кафиров и несколько тысяч бушменов. Промышленность и занятия европейских поселенцев ограничивались виноградарством, выращиванием зерна и уходом за большими стадами крупного рогатого скота и овец. Крупный рогатый скот был в основном туземным, с длинными рогами, у готтентотов, а овцы - мохнатыми, толстохвостыми домашними овцами Африки. Разведение страусов было неизвестно, и хотя голландские комиссары Де Мист и Янссенс начали внедрять овец-мериносов незадолго до истечения срока их полномочий, шерсть еще не фигурировала в экспорте.

Первый благотворный эффект британского правления был ощутим в пресечении волны кафирского вторжения. Эта раса негров-банту в течение предыдущего столетия все ближе и ближе продвигалась к оконечности Южной Африки с северо-востока. Самой ранней ветвью банту, достигшей Южной Африки, были гереро, которые вторглись на территорию, ныне известную как Дамараленд. Но пустыня и готтентоты не позволили им ни достичь атлантического побережья, ни проникнуть дальше на юг. Затем пришли бечуаны, которые с трудом переправились через Оранжевую реку; а затем, победив этих последних, последними из всех на поле боя, зулусо-кафиры, которые попытались проникнуть в Капскую колонию из прибрежной области, граничащей с Индийским океаном. *Первая* британо-кафирская война произошла в 1811-12 годах и закончилась тем, что кафиры были отеснены к востоку от реки Санди, что в дальнейшем привело к их изгнанию из Зуурвельда (современный район Олбани), к западу от реки Грейт-Фиш, которая затем была установлена в качестве границы кафиров. В 1817 году лорд Чарльз Сомерсет, губернатор Кейптауна, посетил Зуурвельд и решил, что лучшим препятствием на пути повторных вторжений кафиров было бы заселить этот район крепкой расой колонистов. Поэтому он получил грант от британского правительства в размере 5000 фунтов стерлингов на содействие эмиграции в Кейп; и в 1820-21 годах 5000 британских эмигрантов высадились в Южной Африке, 4000 из которых были поселены в восточных округах, главным образом в графстве Олбани. Это урегулирование поначалу потерпело неудачу. Мало кто из поселенцев, если вообще кто-либо, был квалифицированным земледельцем; у них не было никакого опыта жизни в

субтропической стране; стоимость наземного транспорта сильно давила на них; а земельные наделы, предоставленные каждому человеку, были слишком малы. Первые несколько лет Природа играла свои обычные шутки; ибо природа, похоже, ненавидит перемещение видов и нарушение своих порядков. Поэтому она наслала мор на три года, а затем наводнения на следующий сезон. Поселенцы оказались в большом бедственном положении, но со временем все наладилось. Некоторые иммигранты переехали в города колонии и получали высокую заработную плату в качестве ремесленников; а другие, которые сохранили за собой Зуурвельд, в конце концов достигли процветания, расширив площадь занимаемой ими земли и занявшись разведением овец и крупного рогатого скота, отдав предпочтение выращиванию кукурузы. Однако кафиры хлынули через границу ордами под предводительством Маканы в 1817-18 годах. Они совершали набеги на бурские стада и напали на Грэхемстаун; и последовавшая за этим *вторая* кафирская война закончилась тем, что эти воинственные негры были оттеснены к востоку от реки Чуми или Кейскамма.

Иммигранты 1820 и 1821 годов впервые создали сильный британский элемент в населении Капской колонии. В основном они были англичанами по происхождению, но также включали шотландцев, ирландцев и валлийцев, хотя ирландские иммигранты, поселившиеся в западной части Капской колонии, не процветали. Постепенно, из-за распространения новых поселенцев, восточная часть Капской колонии стала английской по расе и языку, по сравнению с западной и центральной частями, которые оставались в основном голландскими. ГИПЕРССЫЛКА Хоса Граница кафиров была перенесена на Кейскамму, пограничный район между этим ручьем и Великой Рыбной рекой сначала рассматривался как нейтральная земля, которой не владели ни кафиры, ни белые люди. Постепенно, однако, эта система стала невозможной, и, наконец, в 1831 году Министерство по делам колоний дало свое согласие на предоставление земли на уступленной территории уважаемым поселенцам. К сожалению, в этом сообщении проводилось различие между англичанами и готтентотами, с одной стороны, и голландскими бурами, с другой, и последним не разрешалось получать землю в новом пограничном районе. Это бестактное и неоправданное заявление вкупе с нападками британских миссионеров на буров и осознанием того, что отмена рабства близка, вызвало у многих голландских поселенцев глубокое недовольство британским правительством и стремление выйти из-под его контроля.

Шестнадцать лет назад произошел неприятный инцидент, оставивший после себя горькие воспоминания. Британский губернатор примерно в 1811 году набрал полк солдат-готтентотов под командованием британских офицеров. У готтентотов было много обид, за которые нужно было отомстить, начиная с прежнего правления голландцев; и эти солдаты вели себя высокомерно по отношению к своим бывшим хозяевам. Самым неразумным было то, что их использовали в качестве полицейских и время от времени посылали арестовывать голландских поселенцев, нарушивших закон. Один из таких инцидентов вызвал в 1815 году беспорядки из-за ареста и смерти братьев Безайденхаут в северном Олбани и повешение в “Слэгтерс-Нек” пятерых бунтовщиков — чрезмерно суровое наказание, за которое некоторые авторы осудили лорда Чарльза Сомерсета как зачинщика расовой вражды, длившейся почти сто лет.

До 1825 года Кейптауном деспотически управлял губернатор, но в том же году был назначен исполнительный совет из шести членов, все правительственные чиновники, которые консультировали губернатора по его законодательству. В 1828 году в этот совет были введены два колониста вместо двух официальных членов. Но в 1833 году Кейп получил обычную конституцию королевской колонии с законодательным советом, в котором был

справедливо представлен неофициальный элемент. В 1827 году английский язык был заменен голландским в судах общей юрисдикции (дополнительная причина недовольства буров); но отправление правосудия в том году было значительно улучшено за счет назначения верховного суда с судьями, назначаемыми непосредственно короной, в то время как суды низшей инстанции были полностью преобразованы, и были назначены гражданские комиссары и магистраты-резиденты. В 1822 году число европейцев, поселившихся в Южной Африке, составляло около 60 000 человек. В 1828 году, из-за растущего значения поселения Олбани, Капская колония была разделена на две провинции, западную и восточную; и последняя некоторое время управлялась с некоторой степенью независимости. К 1824 году Капская колония приняла то, что сейчас является южной границей Оранжевого свободного государства, за свою северную границу.

В это время в Британской Южной Африке насчитывалось около 60 000 рабов, из которых менее половины составляли готтентоты (которые были скорее крепостными, чем рабами), а остальные малайцы, завезенные голландцами, и черные негры, привезенные из Мокамбике и из Анголы. Британское правительство отменило работорговлю в 1807 году, и дальнейший ввоз рабов прекратился; но в колонию прибыло некоторое количество свободных негров, которые были спасены с судов с работорговцами крейсерами и высадились в Южной Африке. В 1833 году рабство было отменено. Однако было постановлено, что, хотя освобождение должно вступить в силу 1 декабря 1834 г.^[143], полная свобода не должна предоставляться рабам до 1 декабря 1838 г.; кроме того, имперское правительство должно выплатить компенсацию в размере 1 ¼ миллиона фунтов стерлингов. Поскольку эта компенсация была обременена различными вычетами и недостатками, рабовладельцы - в основном голландцы — не получали справедливой стоимости за своих рабов, и поэтому у них был дополнительный повод для недовольства.

В конце 1834 года, вскоре после того, как один из самых выдающихся губернаторов Южной Африки, сэр Бенджамин д'Урбан, прибыл для вступления в должность, 12 000 вооруженных кафиров пересекли восточную границу колонии с твердой решимостью вытеснить европейцев из недавно заселенных районов. Почти две недели кланы Хоса под командованием Макомы и Чали делали все по-своему от Восточного Сомерсета до залива Алгоа, убивая многих белых людей, сжигая их дома, уничтожая или унося их имущество и превращая прекрасную провинцию в пустыню. Этот набег был абсолютно неспровоцированным, за исключением того, что в течение многих лет кафиры лелеяли обиду из-за своего изгнания из страны к западу от Кейскаммы, которую они сами незадолго до этого отняли у готтентотов. Были приняты срочные меры (*третья* кафирская война), чтобы отразить это вторжение и наказать Хплемя оса. Полковник Смит—затем губернатор сэр Гарри Смит,—набравшись сил, что были доступны, и погнал ХОса кафиров за и. В начале 1835 года британские войска достигли реки Кей в ходе ответного вторжения в Кафирландию. Сэр Бенджамин Д.'Урбан был милосерден к покоренным кафирам; очень немногие даже из числа врагов были лишены своих домов, в то время как те местные жители, которые оставались дружелюбными, были вознаграждены земельными наделами. За рекой Кей Карели сын и наследник Хинцы, вождя клана Галека (который был убит при попытке к бегству из заключения), был признан правителем части Хосас; в то время как в новой провинции, впоследствии известной как Британская Кафрария, британские жители были размещены к кафирским вождям, чтобы давать им советы, а миссионерам было рекомендовано вернуться к своей работе. И все же это урегулирование (государственное и дальновидное в деталях, которые нет места приводить, как и в его общих чертах) было расстроено, а процветанию Южной Африки был нанесен серьезный ущерб военным министром и по делам колоний, лордом Гленелгом^[144]; sentimentalный доктринер, создавший из своего внутреннего

сознания нереальную Южную Африку, в которой кафирские рейдеры из быков были благородно мыслящие черные короли, которых суровый проконсул изгнал с территорий их предков. Он не только нарушил все, что было нового в планах сэра Бенджамина Д'Урбана, но даже вынудил кафиров вернуть земли, которые долгое время были заняты белыми поселенцами, и еще больше подорвал авторитет популярного губернатора Кейпа, выделив восточную провинцию в отдельное губернаторство, во главе которого он поставил бура по имени Андريس Стокенстрем. Непосредственным результатом такого поворота политики сэра Бенджамина Д'Урбана стали десять лет непрерывной войны с кафирами (которые принимали великодушное обращение за слабость) и серьезное недовольство среди тех колонистов голландского происхождения, которые пострадали от набегов кафиров. Фактически, ошибка лорда Гленелга оказалась последней каплей, переломившей хребет терпимости голландцев к британскому правлению; и в 1836 году несколько голландских колонистов (которые стали известны как "буры", или фермеры) отправились за пределы Капской колонии через Оранжевую реку и реку Ваал на юго-восток, в Наталь. Еще в 1815 году голландские фермеры, как уже говорилось, восстали против правительства лорда Чарльза Сомерсета, потому что оно вмешивалось в их жестокое обращение с туземцами, и их восстание закончилось повешением пятерых бунтовщиков в Слэгтерс-Нек; но в современных исторических работах, посвященных Капской колонии, повторяется, что главной причиной отказа от британского гражданства столь многих бурских фермеров было не столько возмущение казнью Слэгтерс-Нек, сколько отказ лорда Гленелга от приграничного поселения Д'Урбан. О приключениях этих буров после ухода с британской территории я рассказывал в главе о голландской Африке.

В 1823 году небольшое предприятие под руководством Фарвелла и Кинга, офицеров Королевского военно-морского флота, отправилось из Кейптауна исследовать побережье Натала. Они высадились в Порт-Натале (ныне Дурбан), посетили короля зулу Чаку и получили от него в 1824 году в дар порт-Натал с территорией в 100 квадратных миль внутри страны и береговой линией в 35 миль. Другие территории на территории нынешней колонии Наталь также были позже получены от вождя зулусов. Покупатели этих земель провозгласили их британской территорией. Хотя этих авантюристов время от времени прогоняли жестокие войны и беспорядки, происходящие среди зулусов и кафиров, они сохраняли свои владения; и в июне 1834 года сэр Бенджамин Д'Урбан направил в Министерство по делам колоний петицию Капской колонии о создании определенного правительства в Натале. Это прошение глупый лорд Гленелг отклонил из-за дороговизны. В 1835 году количество белых в Натале увеличилось благодаря миссионерам из Америки и капитану Аллену Гардинеру, пионеру миссионерского дела от имени Англиканской церкви. Эти поселенцы составили планы обычного городка, построили церковь, окрестили свою территорию Викторией (в честь наследника британского престола) и предложили назвать город, который они закладывали, Дурбан, в честь энергичного губернатора Капской колонии. В 1835 году они подали петицию о том, чтобы их территория была преобразована в колонию, но имперское правительство снова отказало, тогда, как и много лет спустя, предпочтя отложить действия до тех пор, пока они не станут дорогостоящими и чреватými кровопролитием. Голландским иммигрантам было разрешено образовать республику во внутренних районах Натала. В июле 1838 года генерал Нейпир, действуя, без сомнения, по инструкциям из дома, пригласил британских поселенцев в Натале вернуться в Капскую колонию; но несколько месяцев спустя он послал небольшой отряд войск для поддержания порядка в порту и снова надавил на правительство метрополии, чтобы оно объявило Натал британской колонией, хотя в следующем году солдаты были отозваны. Это было воспринято бурами как молчаливое согласие на создание вассальной республики под британским сюзеренитетом. Вероятно, они добились бы своего, если бы не неосторожные отношения с их стороны к туземцам,

находящимся под британской защитой. В то же время начало расти ощущение, что Соединенные Штаты Америки собираются вступить в политические отношения с территорией Наталя (как еще одна “Либерия”); в то время как из Голландии вышло судно, отправленное, правда, частными лицами, но, по-видимому, для передачи обещания голландского союза бюргерам Наталя. Британские войска снова заняли Дурбан. В 1842 году они подверглись нападению буров, которые в конечном итоге были отбиты, а затем подчинились власти королевы. Наконец, в 1843 году, когда у власти находилось консервативное министерство, было намекнуто, что поселенцы на побережье Наталя могут быть взяты под британскую защиту с конечной целью превратить Наталь в самоуправляющуюся колонию, в которой буры должны были иметь долю, пропорциональную их численности. После долгих переговоров Наталь стал британской колонией с законодательным советом в 1843 году. Сражающиеся буры покинули страну и отступили за Оранжевую реку под несколько неопределенными заверениями, что британское правление не последует за ними. Король зулусов получил признание своей независимости, а взамен признал Тугелу границей британской колонии на северо-востоке. На юге территория Наталя была несколько ограничена, и отрезанная от нее часть стала известна как Пондоленд, который оставался независимым государством кафров до 1884 года; окончательно он был присоединен к Капской колонии в 1894 году. В 1847 году ошибка лорда Гленелга была в некоторой степени исправлена при губернаторе сэре Гарри Смите, и восточная граница Капской колонии еще раз продвинулась до реки Кей. Этот шаг был предпринят после очень серьезной кафирской войны (*четвертой*, или “Войны топора”), которая разразилась в 1846 году. Однако в 1850 году снова началась война (*пятая*, или “сандильская” война) с беспокойными Хкафирами оса. Она простиралась далеко и широко и была отмечена немалым количеством катастроф; одной из них была потеря в море у залива Саймона’s Bay of the troopship *Birkenhead*, который затонул с большим подкреплением войск на борту, 400 солдат и моряков утонули. Наконец, в 1853 году генерал Кэткерт, сменивший сэра Гарри Смита, захватил все опорные пункты кафиров в горах Аматола и депортировал кафиров из этого района, который впоследствии стал (из-за его заселения готтентотами-полукровками) Восточный Грикваланд^[145]. В этом восстании местных жителей к кафирам присоединились более тысячи чистокровных готтентотов, недовольных обращением с ними британцев и желающих создать “республику готтентотов”.

В 1852 году была заключена Конвенция Санд-Ривер, по которой была признана независимость буров Трансвааля; но суверенитет Оранжевой реки все еще оставался под британским контролем, а трудности с Басуто вынудили британские войска вмешаться. Вторжение в горный Басутоленд началось с ничейного боя, в котором басуто выстояли. Впоследствии они добились благоприятных условий мира, подчинившись. Этот инцидент обескуражил британское правительство, которое решило отказаться от суверенитета над Оранжевой рекой, вместо того чтобы нести какую-либо ответственность за ее защиту. Соответственно, поселенцам, многие из которых были англичанами, была навязана независимость. Басутоленд, после того как он часто участвовал в войнах с Оранжевым свободным государством и был вынужден уступить им часть своей территории, был окончательно взят под защиту Великобритании в 1868 году. В 1871 году он был присоединен к Кейпу, но из-за беспокойной жизни его населения и бесхозяйственности колониального правительства в 1883 году он был передан под прямое имперское управление.

В течение нескольких лет, предшествовавших 1849 году, имперское правительство пыталось организовать отправку британских заключенных в Южную Африку, поскольку содержать пенитенциарные учреждения в Австралии становилось неудобно. Всякий раз, когда поднимался этот вопрос, капские колонисты протестовали против этой идеи. Тем не менее, в

сентябре 1849 года корабль доставил с Бермудских островов несколько человек с отпускными билетами для высадки на мысе. Корабль бросил якорь в бухте Саймона, но колонисты приняли решительные меры, чтобы предотвратить высадку осужденных. Для достижения этой цели все объединились. Губернатор с большой мудростью вышел из опасной ситуации. Он держал осужденных на борту корабля до тех пор, пока приказ не был пересмотрен в Англии. Правительство Метрополии, как ни странно, не довело дело до поднятия восстания; осужденные были отправлены на Землю Ван Димена, в то время как Постановление Совета, разрешающее транспортировку на Кейп, было отменено. К 1850 году установилось процветание Капской колонии. Ее население, белое и цветное, в то время достигало в общей сложности 220 000 человек. Доход за тот же период составлял около 220 000 фунтов стерлингов в год, в то время как стоимость колониальной продукции, экспортированной в течение этого года, составляла примерно 800 000 фунтов стерлингов. Вино больше не было основной статьей экспорта, и даже экспорт зерна сократился; шерсть заняла первое место. В 1850 году на нее приходилось 53% от общего объема экспорта. Шерсть ангорских коз, которая была завезена в тридцатые годы, начала занимать важное место в списке экспортируемых товаров; и страусиные перья (в основном полученные от дикой птицы, однако) также были важным товаром. Разведение страусов, которое сегодня, к счастью, внесло страуса в список неугасимых домашних птиц, вошло в моду только в шестидесятых годах, хотя буры—эмигранты гораздо раньше имели обыкновение выводить и выращивать молодых страусов на своих фермах.

23 мая 1850 года правительству и Совету Капской колонии было поручено подготовиться к созданию представительного правительства; и три года спустя оно было создано, был сформирован законодательный орган колонии; но министерство должно было отвечать только перед губернатором. Ответственное правительство, во многих отношениях аналогичное тому, которое существует в дочерних странах Канаде и Австралии, было введено в действие в 1872 году.

В 1854 году великий сэр Джордж Грей стал губернатором Кейптауна. Он даже больше, чем его предшественники, стремился создать на Востоке стену из военных колонистов, которые были бы в состоянии защищать свои стада от набегов, не обращаясь постоянно к колониальному правительству с просьбой о вмешательстве. После Крымской войны появилось средство для роспуска Иностранного легиона, который набрала Великобритания и который состоял из немецких, швейцарских и итальянских солдат. После заключения мира было необходимо расформировать эти силы, и им было предложено стать добровольцами для африканской колонизации. В результате 2300 немцев приняли предложенные условия и отправились в Южную Африку. Они поселились в Восточной провинции. Но затем начались проблемы из-за того, что они были неженатыми мужчинами, и сэр Джордж Грей попытался исправить этот недостаток, импортировав большое количество немецких женщин. Имперское правительство, однако, считало, что создание маленькой Германии в Британской Африке было бы неразумным политическим шагом. Наконец, капское правительство отправило 1000 немецких холостяков в Индию, а 1300 оставшихся нашли жен в колонии и объединили свое гражданство с гражданством британских подданных. Тем не менее, появление этих немецких поселенцев привело к отъезду многих эмигрантов из Германии на несколько лет позже, и они в таком количестве поселились в независимой Кафрарии, что одно время казалось, что они могут прибегнуть к немецкой интервенции.

В 1856 году ужасное заблуждение овладело Хкафирами оса. Они перенесли немало страданий из-за гибели большей части их скота в результате эпидемии чумы крупного рогатого скота и были склонны поддаваться влиянию диких высказываний своих знахарей.

Один из этих волшебников, Умлакази, получивший поверхностное образование в миссионерской школе, поднялся и провозгласил странное евангелие. Он объявил, что умершие вожди кафиров вернутся на землю со своими последователями и принесут с собой новую расу скота, не подверженную болезням, и что вслед за этим воскрешением наступит триумф черного человека над белым. Пророк услышал о Крымской войне и объявил, что погибшие кафирские вожди приведут с собой много русских солдат и нападут на британцев. Но одна вещь была необходима для обеспечения безопасности этого тысячелетия — существующий скот и посевы должны быть уничтожены. Часть кафирских племен поверила в эту чушь. Некоторые вожди, даже знавшие лучше и улыбавшиеся самозванству, поощряли его, думая, что после принятия таких отчаянных мер их люди ни перед чем не остановятся и действительно подорвут британскую мощь. Поэтому, большинство из Х'Оса кафиров из Galeka и гайка кланов, набор для работы на убой своих волов и кукуруза, и все с нетерпением ждали наступление 18 февраля 1857, на какую дату воскресение должно было произойти. Однако ничего не произошло, и последствия этого ненавистного обмана были ужасны. Утверждается, что 25 000 кафиров умерли от голода, и почти 100 000 других покинули британскую Кафрарию и территории за пределами Кея в поисках другого дома. Около 40 000 из этих кафиров поселились в Капской колонии, будучи взяты там на службу благодаря вмешательству правительства; и от них, смешанных с готтентотами и освобожденными рабами, произошли "капские мальчики", которые с тех пор привлекли внимание своей ценностью как солдаты при подавлении восстания матебеле. Сэр Джордж Грей в 1858 году был вынужден послать вооруженные силы (*шестая* кафирская война) против некоторых кафирских племен, доведенных до отчаяния нищетой, и на некоторое время они были изгнаны в Пондоленд; британская Кафрария была присоединена к Капской колонии, а Транскей был взят под защиту Великобритании. Эта территория Транскеи впоследствии была повторно заселена, частично Финго^[146] кафирами, а частично потомками кафирских племен, которые были разорены учением лжепророков. В 1877 году галека, клан Х'племени оса, начал борьбу с финго. Позже к ним присоединились гайка, еще один Х'оса, который долгое время мирно жил в Восточной провинции, и в течение 1877 и 1878 годов бушевала *седьмая* и последняя кафирская война, которая неизбежно закончилась завоеванием и покорением.

Британцы отняли у голландцев в 1651 году маленький остров Святой Елены^[147] (в Атлантическом океане), голландцы ранее оккупировали его в 1645 году. Этот остров приобрел определенную ценность как место захода судов, следующих в Индию и обратно вокруг мыса. В 1815 году он был выбран в качестве места ссылки свергнутого Наполеона Бонапарта; и чтобы обеспечить безопасность вдвойне, острова Вознесения на севере и Тристан д'Акунья на крайнем юге^[148], были оккупированы также примерно в то же время и с тех пор остаются британскими. В то время как остров Вознесение всегда управлялся непосредственно Британским адмиралтейством, остров Святой Елены с 1673 по 1815 год и с 1821 по 1834 год находился под управлением Ост-Индской компании. В 1834 году он стал колонией Короны. Тристан д'Акунья был оккупирован британским гарнизоном с 1815 по 1821 год, из которых трое мужчин добровольно остались здесь и вместе с несколькими потерпевшими кораблекрушение моряками основали существующую колонию, представляющую собой самоуправляющееся сообщество.

Открытие Суэцкого канала в 1869 году оказало глубокое влияние на остров Святой Елены. Она потеряла почти все суда, которые раньше стремились в ее гавань, и три четверти своей торговли; но сейчас она начинает в некоторой степени восстанавливать свое процветание как ценный оздоровительный курорт, особенно для кораблей Западноафриканской эскадры, и как возможная станция добычи угля во время войны.

Капская колония, возможно, также пострадала от открытия Суэцкого канала, но она уже начала приобретать собственное значение благодаря экспорту шерсти, шкур, вина и страусиных перьев. Более того, произошло счастливое открытие, которое эффективно предотвратило любое ослабление интереса к Южной Африке. В 1867 году недалеко от реки Ориндж был обнаружен первый алмаз, но только в 1870 году недалеко от места современного Кимберли была сделана крупная находка этих драгоценных камней. Это открытие алмазов к северу от Оранжевой реки, в стране с сомнительным правом собственности, но на которую претендует Оранжевое свободное государство, подтолкнуло теперь уже пробудившееся британское правительство к довольно жесткой практике. На алмазоносную землю претендовал вождь гриква (полукровка-готтентот) по имени Уотербер. С другой стороны, Оранжевое свободное государство утверждало, что оно приобрело большую часть страны у первоначальных владельцев Гриква; а на северную часть Даймондленда претендовал Трансвааль. Этот последний иск был подан в арбитраж вице-губернатора Наталя, который присудил большую часть алмазной страны вождям Гриква и Бечуана. Эти последние действительно стали соломенными человечками, прикрывавшими руку британского правительства. Наконец, в 1871 году Уотербер и другие вожди гриква уступили свои права британскому правительству, которое быстро превратило алмазную страну в провинцию под названием Западный Грикваланд. Оранжевое свободное государство выразило протест, и, без сомнения, действия британского правительства были довольно своевольными и на редкость контрастировали с обычно проводимой политикой отречения. Наконец, претензии Оранжевого свободного государства были урегулированы лордом Карнарвоном, который в 1876 году присудил его правительству сумму в 90 000 фунтов стерлингов в качестве компенсации за отказ от их иска.

В 1845 году Натал был присоединен к Капской колонии, но позже, в том же году, ему была передана отдельная администрация, состоящая из вице-губернатора и исполнительного совета; хотя в юридических вопросах он по-прежнему оставался зависимым от Кейптауна. В 1848 году был создан местный законодательный совет, и, наконец, в 1856 году колония была полностью отделена от Кейпа и наделена частично представительным правительством. Несколькими годами ранее губернатор Капской колонии был также назначен Верховным комиссаром Его Превосходительства в Южной Африке, чтобы он мог иметь полномочия представлять британское правительство за пределами Капской колонии. Таким образом, в этом качестве он продолжал сохранять некоторую власть над правительством Наталя и его отношениями с соседними штатами. (Влияние Верховного комиссара в настоящее время распространяется на всю Южную и Центральную Африку под британским флагом, за исключением, в настоящее время, протектората Ньясаленд; другими словами, на Родезию, Южно-Африканский союз, Бечуаналенд, Басутоленд и Свазиленд.) Территория Наталя в течение некоторого времени не была способна к сколь-либо значительному расширению, поскольку была окружена бурскими государствами и негритянскими племенами, независимость которых была в некоторой степени гарантирована имперским правительством. Но в 1866 году он получил обратно небольшую территорию на юге (графство Альфред), которая находилась в первоначальных пределах, на которые претендовали основатели Наталя, но на некоторое время была передана вождю Пондо. Оседлое правительство Наталя и доброжелательное отношение британского колониального правительства привели к повторному заселению этой плодородной страны кафирскими племенами.

Этот "Сад Южной Африки" был почти опустошен королями Зулу, которые вырезали что-то около 1 000 000 туземцев от начала до конца. До возвышения племени зулу Натал или "Эмбо"^[149] был густонаселенной страной. При правлении белых иммиграция коренных

жителей и численность населения увеличивались так быстро, что, когда колонии было всего девять лет, в ней насчитывалось 113 000 кафиров. Белые колонисты были смешанного происхождения, примерно треть из них были первоначальными голландскими поселенцами, в то время как остальные были либо эмигрантами из Великобритании, либо капскими колонистами, либо немцами. Немецкие семьи в основном были родом из Бремена. Сначала основной статьей экспорта была слоновая кость, добываемая в Зулуленде, где слоны все еще буйствовали в большом количестве; но это продолжалось недолго, поскольку благодаря британским спортсменам и голландским охотникам и распространению огнестрельного оружия среди местных жителей крупная дичь была быстро истреблена. Затем, в пятидесятые годы, были выращены сахарный тростник и хлопчатник^[150], экспорт сахара вырос в 1872 году до 154 000 фунтов стерлингов в год. Эти полутропические плантации вызвали новую потребность - в терпеливых, дешевых сельскохозяйственных рабочих. К несчастью, чернокожий человек, хотя и такой сильный телом и такой неустремленный идеалами, как правило, решительно возражает против непрерывного сельскохозяйственного труда. Его собственные потребности с избытком удовлетворяются за счет обработки почвы в течение нескольких недель, распределенной в течение года; и даже этим обычно занимаются женщины племени, тогда как мужчины свободны сражаться, охотиться, ловить рыбу, пасти скот и бездельничать. Таким образом, 100 000 с лишним чернокожих мужчин Натала^[151], хотя они были полезными домашними слугами и полицейскими, от них было мало пользы на плантациях. Поскольку выращивание сахара было введено с Маврикия, то с этим внедрением естественным образом возникла идея использования индийских кули, которые уже заняли место на Маскаренских островах, ранее занятых неграми-рабами. В 1860 году первые наемные кули прибыли в Натал из Индии, и к концу 1875 года в Натале обосновались 12 000 выходцев из Британской Индии. Некоторые из них расторгли свои контракты и стали свободными поселенцами и мелкими торговцами. В настоящее время индийское население Натала увеличилось примерно до 142 000 человек. Из Натала эти британские индейцы проникли в Трансвааль, в Оранжевое Свободное государство и даже в Бечуаналенд и Родезию. Многие из них работают на натальских железных дорогах, а в городах они образуют процветающий класс мелких торговцев. Кое-где они смешивались с кафирами, образуя довольно красивый гибрид, похожий внешне на черных португальцев с Замбези, которые произошли от скрещивания уроженцев Гоа в Португальской Индии и замбези негров. К обычному классу кули добавляются торговцы, которые частично принадлежат к тамульским и другим дравидийским расам Южной Индии, а частично - к прибрежным племенам из Западной Индии, в основном исповедующим веру ходжа. Ходжа в некотором роде мусульмане. Жители Натала с большой неточностью стали называть этих индийцев с Западного побережья “арабами”.

Этот индийский элемент— насчитывающий уже около 150 000 человек, вероятно, окажет свое влияние на историю Натала. Это сильно непопулярно среди белых колонистов по эгоистичным причинам. В целом, это не является непопулярным среди черных, но идея возможного слияния негров и индейцев не очень приятна для рассмотрения с точки зрения колониста, поскольку это создало бы расу, сильную как умственно, так и физически, намного превосходящую белых численностью и, вероятно, ведущую опасную борьбу за превосходство. С другой стороны, с имперской точки зрения — с точки зрения того, что можно назвать политикой Черных, Белых и желтых, — кажется несправедливым, что индийским подданным короля-Императора не должно быть позволено перемещаться так же свободно, как тем из его подданных, которые могут претендовать на европейское происхождение. Возможно, в целом решение, начатое в британских протекторатах к северу от Замбези, является наилучшим, а именно, что индийская иммиграция должна быть направлена скорее в те страны, управление которыми аналогично Индии, чем в регионы с

умеренным климатом к югу от Замбези, где белому человеку может быть позволено беспрепятственно расширяться.

Говорят, что первой железной дорогой, работавшей в Южной Африке, была линия, соединявшая город Дурбан с пристанью его гавани, которая была открыта в 1860 году. Но вскоре после этого из Кейптауна в Паарл начала отходить железная дорога на север; и она была направлена, со множеством зигзагов и с кажущейся бесцельностью, к Кару. Открытие алмазных месторождений поставило целью расширение железной дороги, и Кимберли стал целью, которая была окончательно достигнута в 1885 году^[152]. В 1872 году правительство Кейпа Актом парламента передало в управление существующие железные дороги в Капской колонии, общая протяженность которых тогда составляла всего 64 мили. Вскоре после этого были утверждены расходы на расширение железной дороги в размере 5 000 000 фунтов стерлингов. В 1876 году в Натале была проложена государственная железная дорога, соединившая Дурбан со столицей, Питермарицбургом. Теперь эта линия пересекает Колонию до границы с Трансваалем и в другом направлении входит в Оранжевое свободное государство.

История Натала была сравнительно мирной и процветающей по сравнению с изнурительной войной кафиров в Восточной провинции Капской колонии. Но в 1873 году уроженцам Натала потребовался урок. На его северо-западной границе беженцам-глуби из Зулуленда было разрешено обосноваться под началом очень важного вождя Лангалибалеле. Его молодые люди отправились работать на Алмазные прииски Кимберли и вернулись с оружием, ввоз которого в колонию без регистрации был запрещен. Лангалибалеле, не обратив внимания на призыв к ответу за это нарушение закона, бежал в Басутоленд. К счастью, басуто не оказали ему никакой поддержки, и в конце концов он был схвачен и сослан на некоторое время в Капскую колонию. Но эта вспышка привлекла внимание к значительному увеличению коренного населения Натала и к тому, что неразумно позволять ему и дальше оставаться под властью безответственных кафирских вождей. Соответственно, в 1875 году сэр Гарнет, впоследствии виконт Уолсли, был направлен в Наталь для доклада по туземному вопросу и инициировал изменения, которые привели к более полному подчинению туземцев исполнительной власти и приблизили их к положению граждан колонии.

Все это время алмазы привлекали в Южную Африку множество эмигрантов, в основном из Великобритании, но также из Франции и Германии. Среди этих эмигрантов было множество евреев^[153] принадлежащих ко всем трем национальностям, которых, естественно, привлекала торговля алмазами. Растущий интерес, проявленный к Южной Африке в связи с открытием алмазов, не только заставил британское правительство придавать особое значение точным правам, которыми оно обладало в окрестностях голландских республик, но и побудил его возродить свои претензии на южный берег залива Делагоа. Португальское правительство, предвидя это, начало подтверждать свое право на эту гавань в договоре о границе с Трансваалем в 1869 году. В 1870-71 годах британское правительство выдвинуло свои претензии способом, который я уже описал в главе о португальской Африке. В 1872 году Великобритания согласилась передать спорный вопрос на арбитраж маршала Мак-Магона, чье решение, вынесенное в 1875 году, было полностью в пользу португальцев. Но Великобритания уже заручилась от Португалии обещанием, подтвержденным более поздней конвенцией, что ей должно быть предоставлено преимущественное право над заливом Делагоа^[154]. В пятидесятые и шестидесятые годы миссионеры и торговцы продвигались прямо на север, через Оранжевую реку, через Бечуаналенд, к Замбези и на запад, к озеру Нгами и Дамараленду. В шестидесятые годы в последней упомянутой стране велась большая торговля страусиными перьями и слоновой костью; и дамара, которых правильнее было бы

называть яйцегереро^[155], попали под европейское влияние. Войны, возникшие между дамара и готтентотом намаква, а также жалобы немецких миссионеров, работающих в этих странах, привели к отправке правительством Капской провинции комиссара (мистера У. К. Пэлгрейва) в Дамараленд. В 1876 году он выступил за распространение британской защиты на Дамараленд; но все, на что согласилась Даунинг-стрит, - это аннексия Уолфиш-Бей. (Двенадцать маленьких островков у побережья Юго-Восточной Азии были аннексированы в 1867 году, поскольку они были сданы в аренду компании по сбору гуано.) Немного позже из Кейптауна был направлен другой уполномоченный для урегулирования межплеменных распрей к северу от Оранжевой реки, и губернатор отправил домой еще одну рекомендацию; но лорд Кимберли, новый министр по делам колоний, категорически запретил распространение любого британского влияния на Намакваленд или Дамараленд. В 1883 году Германия напрямую спросила Англию, предъявляет ли она претензии на территорию к северу от Оранжевой реки. Был отправлен уклончивый ответ, в котором просили отложить, чтобы можно было проконсультироваться с правительством Кейптауна. В конце концов немцам сообщили, что Англия претендует только на Уолфиш-бей и острова Гуано, но что вмешательство другой державы между португальской границей и Оранжевой рекой нарушит законные права Великобритании. Бездействие британского правительства по этому поводу кажется в наши дни и в нашем современном свете немислимым. Буквально единственной причиной, по которой они вежливо не заявили, что Юго-Западная Африка находится под защитой Великобритании, был отдаленный страх, что им придется защищать немецких миссионеров и торговцев.

Однако не только Даунинг-стрит в большей степени, но и правительство Кейптауна в меньшей степени было виновато в этой бездеятельности. Правительством Кейпа в то время руководили министры, которые в значительной степени находились под чисто колониальным влиянием и которые, обескураженные своей неспособностью управлять Басутолендом, не имели особого желания тратить деньги колонии на аннексию и управление огромной территорией, в основном пустынной. Кроме того, идея превращения Германии в колониальную державу в те дни вызывала смех в правительственных кругах как невозможная. Наконец, все сомнения рассеялись с объявлением германского протектората над Юго-Западной Африкой в 1884 году.

В 1882 году парламент Кейпа принял меры, которые предоставили голландскому языку равные права во всей Капской колонии. В том же году была создана "Afrikander Bond" - организация, общепризнанной целью которой является создание африканско-голландскоязычной нации, которая в конечном итоге должна стать независимой от британского флага. Его главными создателями и сторонниками были г-н Дж. Х. Хофмейр из Кейптауна, г-н Боркенхагер из Оранжевого штата и г-н Рейц из Трансвааля. Меры по созданию федерации британского и голландского государств потерпели неудачу (как будет рассказано впоследствии), и аннексия Трансвааля была отменена. Британское влияние в Южной Африке, казалось, шло на убыль, а голландский элемент - на подъем.

Британские миссионеры в тридцатые и сороковые годы пересекли Оранжевую реку и поселились в Бечуаналенде, бесплодном плато между пустынями Намаква и Калахари, с одной стороны, и относительно хорошо орошаемыми регионами Трансвааля и Мателелеланда - с другой. К 1851 году британские спортсмены, охотившиеся за крупной дичью, и великий миссионер-исследователь Ливингстон достигли Замбези, которая до тех пор была известна только от моря вверх примерно на 500 миль вглубь материка. Исследование Ливингстоном Замбези привлекло внимание британского правительства, которое в то время было больше заинтересовано (из филантропических побуждений) в

приобретении территорий в Тропической Африке, чем в распространении своего влияния на более ценные регионы с умеренным климатом. Ливингстон был отправлен обратно в качестве консула в устье Замбези в 1858 году с хорошо оборудованной экспедицией для исследования Замбезии и открытия озера Ньяса, о котором сообщалось, тогда известного как озеро Марави. В течение пяти лет его экспедиция пересекала эти страны, значительно пополнив наши географические знания; но ее участники ужасно страдали от плохого состояния здоровья. Хотя португальцы относились к ним с добротой и не чинили препятствий на их пути, все же политическая восприимчивость португальцев была пробуждена. По этой и другим причинам Ливингстон был отозван, а его предложения относительно озера Ньяса отменены. Тем не менее, семя было посеяно и дало скудный урожай искателей приключений, охотников на слонов, миссионеров и торговцев, которые нашли свой путь в Ньясаленд. Сам Ливингстон возобновил там свои исследования (в 1866 году); и экспедиция под командованием лейтенанта Эдварда Янга, Р.Н., которая была отправлена для получения известий о нем (1868), сохранила о британцах благоприятную память среди местных жителей. Наконец, смерть Ливингстона возродила миссионерский энтузиазм; и две сильные шотландские миссии в 1875-186 годах оккупировали нагорье Шири и западное побережье озера Ньяса, пустив по этому озеру пароход. Два года спустя Торговая компания Африканских озер возникла из миссионерских чресл, а Университетская миссия в 1881 году продвинулась по суше от Занзибара до восточного берега озера Ньяса.

В результате усиления британских интересов в этом квартале британское правительство решило открыть консульство на озере Ньяса в 1883 году. Восприимчивость Португалии снова обострилась. Хотя Португалия никогда не предпринимала попыток обосноваться где-либо поблизости от озера Ньяса или даже на реке Шире, соединяющей это озеро с Замбези и морем, в Португалии считалось, что растущие британские поселения в Ньясаленде должны пополнять доходы португальской Восточной Африки; и что, поскольку путем дальнейшего расширения они могут проложить путь к побережью, было бы лучше, если бы они перешли под португальский контроль. Хотя британское правительство было решительно настроено, по возможности, не брать на себя прямых обязанностей в Ньясаленде, оно в равной степени стремилось к тому, чтобы у его подданных были развязаны руки и они не были скованы португальским контролем. Поэтому лорд Грэнвилл предпринял попытку (в проекте Договора о Конго 1884 года) определить сферу португальского влияния на Шире, с тем чтобы оставить большую часть этой реки и весь Ньясаленд за пределами португальских владений. Если бы этот Договор о Конго был ратифицирован, у португальцев, вероятно, никогда бы не возник вопрос о Ньясе. Но он не был ратифицирован, и поэтому Португалия была наравне с Великобританией вольна наилучшим образом использовать свои возможности, что она и сделала посредством нескольких экспедиций способом, уже описанным в главе IV. Но, тем не менее, Ньясаленд, включая нагорье Ширэ, был объявлен британским протекторатом, основанным на договорах с местными вождями, заключенных двумя консулами, (сэром) Х. Х. Джонстоном и Джоном Бьюкененом; и первый, при содействии (сэра) Альфреда Шарпа, дополнительно ввел в британскую сферу влияния остальную часть “Британской Центральной Африки” от центральной Замбези до озер Танганьика и Мверу и границы Независимого государства Конго. К этой сфере влияния вскоре после этого было добавлено королевство Баротсе, известное нам благодаря доктору Ливингстону и французским протестантским миссионерам. Договоры с Германией (1890) и Португалией (1891) санкционировали эти приобретения к северу от Замбези, и управление новой территорией было разделено между имперским правительством, которое решило контролировать более организованные территории вокруг озера Ньяса, и недавно основанной Британской Южно-Африканской чартерной компанией. После 1895 года Чартерная компания взяла на себя

непосредственное управление своими территориями в Северной Замбезии, которые сейчас известны как Северная Родезия.

С 1890 года многое было сделано для развития и популяризации этих территорий Британской Центральной Африки, которые, возможно, недостаточно здоровы во всех частях или лишены коренного населения, чтобы допустить более чем ограниченную европейскую колонизацию, хотя они уже приобретают большую ценность как тропические “плантационные” колонии и как районы добычи полезных ископаемых, и будут поддерживать многочисленное коренное население. В течение семи лет существования этой британской сферы к северу от Замбези работорговлю пришлось преодолеть. Многочисленные арабы из Занзибара утвердились в Ньясаленде в качестве султанов, обратили некоторые племена в мусульманство и внушили им неприязнь к европейскому господству. Страны к западу от озера Ньяса были разорены ангони, народом более или менее зулусского происхождения, остатками прежних вторжений зулусов в Центральную Замбезию. Однако за семь лет все эти враги были усмирены с помощью сикхских солдат, предоставленных индийским правительством, местных рекрутов, обученных сикхами, и пяти канонерских лодок, которые были размещены на Замбези, Шири и на озере Ньяса. Достопочтенный. Сесил Родс начал в 1893 году свою великую схему соединения Кейптауна с Каиром телеграфной линией. Во всяком случае, за пять лет он соединил Кейптаун с Танганьикой через Британскую Центральную Африку. Высокогорье Шири и большая часть Ньясаленда и Восточной части Северной Родезии оказались умеренно благоприятными для выращивания кофе (который изначально был завезен шотландскими миссионерами и плантаторами); но продуктом, который, вероятно, принесет удачу этой части Африки, является хлопок, как и предсказывал Ливингстон более полувека назад. Эти страны обладают другими ценными ресурсами - табаком, кукурузой и древесиной, полезными ископаемыми и слоновой костью; они также хорошо приспособлены для выращивания определенных видов каучука. Через центр Северной Родезии в настоящее время проложена железная дорога “Кейп-Каир” с несколькими ответвлениями; и регионы, не нанесенные на карту и неизвестные на момент публикации первого издания этой работы, теперь знакомы многим экскурсантам, оказавшимся в нескольких днях пути по железной дороге (через водопад Виктория на Замбези) от Кейптауна. Высокогорье Шире соединено железной дорогой с Нижней Замбези, линией, которая в скором времени завершится в порту Бейра на Юго-востоке Африки и будет продлена на север до озера Ньяса. В Ньясаленде и Северной Родезии возникли крупные города; численность коренного населения почти удвоилась с 1890 года; и “Британская Центральная Африка” находится на пути к тому, чтобы стать одной из самых процветающих частей Британской империи.

Во время пребывания 4-го графа Карнарвона в Министерстве по делам колоний между 1874 и 1878 годами этот государственный деятель пытался повторить в Южной Африке успех, который сопутствовал его объединению североамериканских колоний в один конфедеративный доминион. Он послал историка Фруда представлять его на предполагаемой конференции южноафриканских государств. Уже в пятидесятые годы сэр Джордж Грей упорно пытался осуществить это объединение Южной Африки под британским флагом; и в 1858 году он решительно настаивал на имперском парламенте на плане, который мог бы успешно достичь этой желаемой цели. За свои старания он был отозван и получил резкий выговор, но, главным образом благодаря влиянию королевы Виктории, его отправили обратно на пост губернатора, хотя ему и не разрешили проводить далеко идущую политику, которую он сформулировал. В Капской колонии Комиссия Федерации была назначена в 1872 году. Но постоянное, более или менее резкое расхождение в симпатиях между англичанами и говорящими по-голландски поселенцами - разногласия, постоянно заметные в дебатах

парламента Кейпа, — препятствовало любому созреванию идеи федерации; и комиссар лорда Карнарвона, мистер Дж. А. Фруд, был отвергнут голландцами Кейпа за свои усилия. Потерпев неудачу в одном направлении, лорд Карнарвон попытался добиться своей цели другим способом. Он отправил сэра Бартла Фрера губернатором и верховным комиссаром на Кейптауне. Он был выбран лордом Карнарвоном шесть месяцев назад как государственный деятель, наиболее способный консолидировать Южноафриканскую империю; “в течение двух лет надеялись, что он станет первым генерал-губернатором Южноафриканского доминиона”. Вторым шагом в том, что казалось лорду Карнарвону правильным, была аннексия Трансвааля. С этой территорией протяженностью около 120 000 квадратных миль, находящейся в руках Великобритании, осталось бы только Оранжевое свободное государство как препятствие на пути объединения Южной Африки. Трансвааль как независимое государство в период с 1853 по 1877 год потерпел неудачу. Он был банкротом и был бессилён подчинить могущественные местные племена в пределах своих границ, некоторым из которых было за что мстить. Более того, ему угрожало вторжение зулусов. Поэтому в начале 1877 года он был аннексирован британским комиссаром сэром Теофилусом Шепстоуном.

К сожалению, администрация сэра Бартла Фрера после двух с половиной лет безупречной работы была омрачена незаслуженным несчастьем. Держава зулусов к востоку от Наталя становилась угрожающе сильной. В начале 19 века малоизвестное племя кафиров, известное как Ама-зулу, получило известность под предводительством вождя по имени Чака, который стал своего рода негритянским Наполеоном и кровожадным убийцей всех, кто стоял у него на пути^[156]. Он и его вожди включили в свои завоевания весь современный Наталь и Зулуленд, большую часть Трансвааля и Оранжевого Свободного государства, а также Аматонгаленд вплоть до залива Делагоа^[157]. Сын Чаки, Дингане, хотя и совершил самое вероломное нападение на буров, был довольно дружелюбен в своих отношениях с британцами и терпимо относился к их установлению в Натале. На самом деле он, похоже, позволил им реорганизовать территорию Наталя, которую его отец почти обезлюдил. Из-за основания Республики Трансвааль и суверенитета Оранжевой реки в дополнение к колонии Наталь, зулусы отныне были заперты на относительно небольшом участке Юго-восточной Африки, представленном современными Зулулендом и Аматонгалендом; хотя аматонга были практически другим народом. Дингане сменил Панду, а Панду - Си'Эчвайо (Сетевайо). Последний названный вождь довел до совершенства систему постоянной армии хорошо обученных холостяков. Стремясь найти выход своей энергии, он открыто угрожал Трансваалю и был одной из причин британского вмешательства в дела этой республики. Лишенный этого выхода, он, казалось, становился опасным; и, решив, что лучше уколоть нарыв, пока он не прорвался, сэр Бартл Фрер вынудил его к войне, выдвинув ультиматум. Вторжение в Зулуленд с самого начала было проведено не очень мудро и привело к ужасной катастрофе, в результате которой 800 британских и более 400 туземных солдат были изрублены на куски в Исандлване; а впоследствии, из-за неправильного управления, принцу Франции, который пришел добровольцем, было позволено заблудиться в опасности и быть убитым зулусами. Однако через некоторое время лорду Челмсфорду удалось полностью завоевать страну, и'эчвайо был взят в плен. Хотя сэр Бартл Фрер никоим образом не нес ответственности за эти ошибки в кампании, которая в конечном итоге увенчалась успехом, его престиж был подорван; и поскольку Либеральное правительство 1880 года было склонно проводить реакционную политику в Африке, сэр Бартл Фрер был отозван.

Буры, воспользовавшись разочарованием британцев и сменой правительства в Англии, восстали и потребовали своей независимости. Администрация мистера Гладстона отказалась это сделать, и для их усмирения были срочно отправлены войска, результаты

которых подробно описаны в главе VI. Что касается последующей истории Зулуленда, то ее можно вкратце резюмировать следующим образом. Бурам было разрешено присоединить большую часть страны ("Врайхейд" или Новую Республику) к своему реорганизованному государству. Эчвайо был восстановлен в качестве короля, но вскоре умер. Затем страна была разделена на различные туземные княжества; но Динизулу, сын Эшвайо, поднял восстание и был сослан на остров Святой Елены. Затем страной более или менее управлял как британский протекторат сэр Маршалл Кларк и в связи с колонией Наталь, губернатор которой также был назначен губернатором Зулуленда. В 1897 году Зулуленд был включен в состав колонии Натал. В 1887 году британская защита была распространена на Амадонгаленд вплоть до португальской границы, а в 1895 году эта полоса прибрежной территории была передана под более прямое управление. В 1902 году территория Врайхейд в северном Зулуленде была выведена из состава Трансвааля и вновь объединена с Зулулендом.

Как говорилось в главе VI, голландская Южно-Африканская Республика вскоре после восстановления своей независимости попыталась вторгнуться в Бечуаналенд и поглотить его; но экспедиция под командованием сэра Чарльза Уоррена (1884-1885) положила конец их надеждам в этом направлении, и британцам был проложен свободный путь на север, к Замбези. В начале семидесятых годов исследования таких людей, как Томас Бейнс и Карл Маух (немецкий исследователь), выявили существование золота в странах между Лимпопо и Замбези, странах, которые находились под властью короля зулу Лобенгулы, сына Умсилакази^[158]. Мистер Сесил Джон Родс, англичанин, который добился консолидации рудников Кимберли и приобрел большое богатство и важное политическое положение на Мысе Кейп, в первую очередь заинтересовался урегулированием бечуанского вопроса с бурами; и когда Бечуаналенд был объявлен британским протекторатом, его мысли обратились к возможности добычи золота за его пределами; поскольку золотые открытия в Трансваале начали вызывать в воображении людей золотой рассвет Южной Африки. Он отправил послов к Лобенгуле и добился от него права на рудник. Другие частные лица или синдикаты получили права на добычу полезных ископаемых в этом направлении, но мистер Родс с терпением и честностью скупил или поглотил эти права, и в 1888 году начал подумывать о получении хартии от имперского правительства, которая позволила бы Компании, которую он намеревался создать, управлять Южно-Центральной Африкой. Одно время он, по-видимому, думал, что алмазодобывающая компания De Beers должна получить этот устав и выполнять эти функции; поскольку, когда он составлял устав акционеров De Beers, он включил пункты, позволяющие Компании заняться таким предприятием. Но было много причин, по которым это не сработало бы должным образом; и было решено создать независимую компанию для того, чтобы сначала проработать концессию Лобенгулы, а затем создать еще одно южноафриканское государство. Уже в 1888 году Верховный комиссар сэр Геркулес Робинсон несколько неохотно распространил неопределенную форму защиты на страну Лобенгулы; и Германии было ясно дано понять, что Великобритания не допустит, чтобы ее отрезали от Замбези. В начале лета 1889 года Британской Южно-Африканской компании был выдан чартер, практическим администратором которого мистер Родс стал и оставался до сих пор. Затем амбиции мистера Родса пересекли Замбези, и он сотрудничал с сэром Гарри Джонстоном в установлении британского влияния вплоть до Танганьики. В течение нескольких лет его компания предоставляла субсидии администрации Британского протектората в Центральной Африке, а также территориям, находящимся под собственным контролем Chartered Company. Африканская торговая компания по озерам^[159] получила финансовую поддержку и смогла расширить свою деятельность до Танганьики.

В 1891 году мистер Родс приступил к организации маршрута Восточного побережья от Машоналенда до моря, и он и его друзья практически вложили капитал в строительство железной дороги Бейра. Форт Солсбери и другие поселения в Машоналенде и на востоке Мателеланда были основаны между 1891 и 1893 годами. В последнем названном году мателеле совершили совершенно неспровоцированную атаку на силы Компании, но контрнаступление, наиболее умело направленное доктором (впоследствии сэром Старром) Джеймсоном, привело к полной победе над мателеле. Король Лобенгула бежал и умер вскоре после того, как пересек Замбези. Его столица, Булувайо, стала административной столицей владений Компании, которым впоследствии было присвоено всеобъемлющее название Родезия (Северная и Южная). Развитие Родезии шло быстрыми темпами. Мистер Родс с 1890 года был премьер-министром Капской колонии; он пользовался большой поддержкой голландской партии в Южной Африке; и он быстро становился фактическим, если не номинальным диктатором Африки к югу от Замбези, когда совершил роковую ошибку, организовав рейд в Трансвааль (см. стр. 287).

В ходе последовавших за этим всеобщих беспорядков правительство Южной Родезии было дезорганизовано восстанием мателеле весной 1896 года. Вскоре к ним присоединились их бывшие рабы, машоны. Восстание было подавлено частично в результате ожесточенных боев, а частично в результате прямых переговоров между мистером Роудсом и вождями мателеле, Роудс и несколько его товарищей отправились безоружными навстречу *индуна* на холмах Матопо. Но Машона продолжали сражаться до 1897 года. Родс многое сделал, чтобы искупить свою единственную ошибку огромными денежными жертвами, на которые он пошел, прокладывая железные дороги из Южной Родезии в Бейру и Замбези и прокладывая телеграфную линию от Мафекинга до Танганьики. Были признаки того, что он в значительной степени восстанавливал свое влияние в Капской колонии и что он все еще мог бы играть большую роль в Южной Африке; но ужасные события великой южноафриканской войны 1899-1902 годов прервали великую работу по развитию, на которую он положил свое сердце, и в конечном итоге привели к его смерти.

После лета 1899 года в британской Южной Африке произошли знаменательные события. Проблемы, возникшие между британцами и бурами в Южной Африке из-за политики Пола Крюгера и рейда Джеймсона, достигли кульминации в великой южноафриканской войне 1899-1902 годов. По мере того как эти эпизоды уходят в историю, большинству искателей истины становится ясно, что рейд Джеймсона был вызван следующим стечением обстоятельств. С 1884 года даже у либеральных и либерально настроенных политиков Великобритании наблюдалось отвращение к бурам Южной Африки. Восстановление мистером Гладстоном их независимости после короткой борьбы 1881 года было расценено как великодушный поступок. Это дало бурам Трансвааля возможность показать, на что они способны при разумном самоуправлении, хотя бы в малейшей степени контролируя свои международные отношения со стороны Великобритании. Три года спустя буры Трансвааля, вопреки договору и другим обязательствам, вторглись в Бечуаналенд и попытались отрезать британские колонии на юге от любого продвижения к Замбези. Затем британская общественность начала осознавать, что буры, помимо вполне законной борьбы за свою собственную независимость на территории Трансвааля, а также в Оранжевом Свободном государстве, стремились к чему—то гораздо большему - господству над всей Африкой к югу от Замбези. Как Либеральная, так и консервативная администрации поставили перед собой задачу противостоять этому движению. В конце восьмидесятых Сесил Родс выступил как сторонник союза между бурами и британцами в общих интересах белого человека в Южной Африке. На какое-то время он заручился поддержкой обоих; но золотодобывающая промышленность в Трансваале становилась все более и более могущественной, и правление

бурского правительства стало для них утомительным и чинящим препятствия. Горнодобывающая промышленность решила повлиять на общественное мнение в Великобритании и организовать в Южной Африке движение против независимости буров. Президент Крюгер играл на руку горнодобывающим магнатам, периодически нарушая свои соглашения с Великобританией. Среди них был знаменитый вопрос о “Дрейфах”, с помощью которого Крюгер летом 1895 года попытался закрыть доступ в Трансвааль из остальной части Южной Африки любыми другими маршрутами, кроме путей Нидерландской железной дороги, которая была привилегированной корпорацией. Мистер Джозеф Чемберлен, ставший государственным секретарем по делам колоний в 1895 году, энергично взялся за этот вопрос и обнаружил полную поддержку голландских колонистов в Капской колонии и Натале. Казалось, что война с Трансваалем неизбежна, и в этом случае в вопросе о Дрейфах Великобританию полностью поддержали бы ее голландскоязычные подданные в Южной Африке. Частью плана кампании, задуманного на случай войны, было перемещение с территории Британской Южно-Африканской компании через Бечуаналенд в западную и северную части Трансвааля; фактически это был зародыш рейда Джеймсона.

Крюгер уступил в вопросе о Дрейфах, когда увидел, насколько сплоченной была остальная Южная Африка против него; и лицам, облеченным властью как в Великобритании, так и в Южной Африке, показалось, что прекрасная возможность решить бурский вопрос в Южной Африке упущена. Были приняты недостаточные меры или вообще не было принято никаких мер, чтобы приостановить подготовку доктора Джеймсона (Администратора Родезии) к спуску в Трансвааль. Следовательно, состоялся рейд Джеймсона — самое прискорбное событие, поскольку оно поставило Великобританию в совершенно неправильное положение в вопросе, когда в противном случае она могла бы сослаться на законные огорчения и досаду.

Сэр Альфред (впоследствии виконт) Милнер был назначен в 1897 году преемником лорда Росмида (сэра Геркулеса Робинсона) на посту губернатора Капской колонии и Верховного комиссара Южной Африки. С 1897 по весну 1899 года предпринимались попытки решить южноафриканскую проблему мирным путем, убедив бурское правительство Южно-Африканской Республики предоставить избирательное право “аутлендерам” (иностранцам) после нескольких лет проживания; но Крюгер не согласился бы на достаточно короткий срок, чтобы предоставить избирательные права тем, кто больше всего агитировал за право голоса в администрации Трансвааля. Но война, разразившаяся в октябре 1899 года, была немедленно вызвана ультиматумом правительства Трансвааля, требующего от Великобритании прекратить любые приготовления к наступлению или обороне на границах Трансвааля. Оранжевое Свободное государство немедленно объединилось с бурами Южно-Африканской Республики, и произошло бурское вторжение в Наталь, за которым последовали аналогичные вторжения в восточную часть Капской колонии. Британцы были застигнуты врасплох. Катастрофа следовала за катастрофой. Если бы бурские лидеры были более осведомлены и отважны, они могли бы завладеть Наталем и далеко зайти в разрушении Британской империи в Южной Африке. Но они затянули осаду Ледисмита, умело обороняемого сэром Джорджем Уайтом. В Южную Африку было отправлено крупномасштабное британское подкрепление под руководством лорда (впоследствии графа) Робертса и лорда Китченера. Британцы прошли маршем через Оранжевое свободное государство в Блумфонтейн и Преторию, и буры были окончательно изгнаны из Натала и Бечуаналенда. Казалось, что к лету 1900 года война подошла к концу; но после бегства президента Крюгера бурская деятельность возродилась таким чудесным образом, что мир удивлялся упорству борьбы, и еще почти два года бурские силы противостояли британцам и сделали невозможной эффективную оккупацию Оранжевого Свободного государства и

Трансвааля. Однако буры, в свою очередь, были измотаны настойчивостью виконта Китченера и его "размашистыми" движениями. Летом 1902 года бурские лидеры попросили мира и получили его на условиях, в высшей степени почетных для них самих.

Сесил Джон Роудс, инициатор столь много авантюрного и исторического в Британской Южной Африке, умер в марте 1902 года, непосредственной причиной его смерти был не политический разрыв сердца (хотя это было причиной его ослабленного телосложения), а досада, вызванная судебным иском, затрагивающим его личные дела. Доктор Джеймсон, однако, оправился после проверки своей карьеры, последовавшей за его неудачным рейдом. Он придерживался духа умеренности и терпимости, чтобы решать местные вопросы и отстаивать общие интересы Капской колонии, премьер-министром которой он стал в 1904 году, оставаясь в течение четырех лет во главе Капского министерства. В 1908-9 годах он был одним из представителей, которые обсуждали и согласовывали условия Южноафриканского союза. В 1911 году он был посвящен в рыцари как сэр Старр Джеймсон, а в 1912 году ушел из политики Южной Африки. Президент Крюгер умер в Голландии в июле 1904 года. В том же году его политический оппонент лорд Милнер, чья семилетняя работа в Южной Африке, хотя и вызвала много ожесточенных споров, все же разрубила несколько гордиевых узлов, ушел из—под контроля южноафриканских дел, чтобы заняться политической жизнью дома.

Но процветание Южной Африки возродилось не сразу после заключения мира в 1902 году. Было обнаружено, что разрушения трехлетней войны превратили большую часть Оранжевого свободного государства, восточные части Капской колонии и, прежде всего, Трансвааль в пустыню, и требовалось время, чтобы устранить ущерб, нанесенный посевам и сельскому хозяйству, и восстановить дома. Очень многие жители — как буры, так и британцы — переехали в города, и там им было трудно поддерживать себя в условиях непомерно высокой стоимости жизни; которая, по-видимому, в настоящее время является непоправимым злом в Южной Африке из-за неразумных финансовых законов, судоходных компаний и железнодорожных тарифов. Была надежда, что процветание вернется, как только удастся возобновить добычу полезных ископаемых на Рэнде. Но местного предложения неквалифицированной рабочей силы оказалось недостаточно для масштабного развития горнодобывающих предприятий, планируемого отдельными лицами и компаниями. Трудовая проблема еще не полностью решена. Некоторые предлагают удовлетворить его законопроектами о многочисленном негритянском населении к северу от Замбези, причем эти рабочие будут доставляться в Южную Африку и обратно под надлежащие гарантии.гарантии. Другие призывают открыть земли и рудники для белых рабочих, чтобы увеличить европейское население Южной Африки с умеренным климатом. Было выдвинуто множество причин, препятствующих практической реализации каждой схемы, будь то увеличение предложения чернокожей рабочей силы или приток белых людей в значительных количествах. Те, кто находился у власти в период 1904-1906 годов, предпочли восстановить баланс путем ввоза китайцев с особыми ограничениями. Этот шаг подвергся негативной критике со стороны Либеральной партии Великобритании не потому, что эта партия была склонна отрицать, что доля развития Африки может быть разрешена азиатам, а на том основании, что условия, при которых нанятые китайцы должны были служить на южноафриканских рудниках, не только противоречили британским идеям свободы, но и были вредны для здоровья и морали. Их ожидания относительно плохих результатов, которые могли возникнуть в результате использования китайских рабочих в поселениях, оправдались; и в 1906-8 годах китайцы постепенно репатриировались из Ранда (так называется горнодобывающий район Южного Трансвааля). Важный вопрос об участии азиатов в развитии Южной и Восточной Африки зависит от решимости белого и черного людей быть самодостаточными для развития соответственно тропических и умеренных

районов этого континента. Черный человек должен быть менее ленивым, как и белый человек, а также менее гордым, если мы оба вместе хотим быть оправданы в отказе желтому человеку в части Черного континента, будь то в качестве поселенца или торговца. Интересно, однако, отметить, что белое население Капской колонии значительно увеличилось в период с 1891 по 1904 год. В 1891 году население европейского происхождения насчитывало 366 608 человек. В 1904 году этот показатель составлял 579 741 человек. В Трансваале белое население выросло до 300 225 человек; в Натале - до 97 109; в Оранжевом свободном государстве - до 143 419; в Родезии - до 12 623; а в Басуто и Бечуаналенде - до 1899 года. В Британской Южной Африке цветное (в основном негритянское) население составляло почти 5 500 000 человек. В 1912 году общая численность белого населения в Британской Африке, к югу от Замбези, составляла около 1 306 400 человек, а негритянского и негроидных около 5 800 000 человек. Было также около 192 000 азиатов, в основном в Натале; и эти азиаты состояли в основном из уроженцев Южной Индии (около 172 000), вместе с 15 000 малайцами в Капской колонии, несколькими китайцами, японцами, арабами и сирийцами. К северу от Замбези, в Северной Родезии и Ньясаленде, проживает около 2200 белых, 1000 азиатов и почти 2 000 000 негров: общая численность населения составляет около 9 300 000 человек. Площадь всей британской Южной и Южно-Центральной Африки (включая Уолфиш—Бей и островки у юго-западного побережья) составляет 1 148 619 квадратных миль, простираясь от границ Анголы и Бельгийского Конго, Танганьики и Германской Восточной Африки до берегов Капской колонии и Натала - империи, которой едва исполнилось 100 лет и которая началась в 1814 году^[160] с площадью 125 000 квадратных миль и населением около 150 000 человек, из которых около 26 000 были белыми, а остальные неграми, готтентотами, полукровками и малайцами.

31 мая 1902 года Веренигингский мирный договор положил конец братоубийственной южноафриканской войне. Всего четыре года спустя либеральная администрация Великобритании предприняла смелый эксперимент по предоставлению ответственного управления государству Трансвааль, приняв соответствующий закон, который вступил в силу 1 января 1907 года. В следующем году аналогичные полномочия самоуправления были предоставлены Оранжевому свободному штату (как он в конечном итоге был переименован). Эти уступки стойкому национализму буров были направлены на то, чтобы проложить путь к давно желанному Союзу Южной Африки. Были проведены переговоры между государственными деятелями Капской колонии, Натала, Оранжевого свободного государства и Трансвааля, результатом которых в 1909 году стало соглашение и Акт о союзе. Этот закон был ратифицирован британским парламентом и получил санкцию короля Эдуарда VII (который с момента своего восшествия на престол искренне стремился установить мир в Южной Африке) 21 сентября 1909 года. Южно-Африканский союз включает в себя один центральный Южноафриканский парламент в Претории и одного генерал-губернатора, штаты Капской колонии (с британскими Бечуаналендом и Уолфиш-Бей), Натал, Оранжевое свободное государство и Трансвааль. Коренные штаты Басутоленд, Свазиленд и Бечуаналенд, а также территории Южной и Северной Родезии и протекторат Ньясаленд остаются за пределами Союза по целому ряду причин, большинство из которых, возможно, не имеют постоянного значения. Но одной из этих причин является недоверие, которое ощущается в Великобритании относительно способности и беспристрастности белого населения действовать в качестве губернаторов вышеупомянутых штатов, в которых негритянское население очень сильно преобладает над белым, или которые, как в Басутоленде, Бечуаналенде и Свазиленде, были более или менее зарезервированы для негритянской колонизации и экспансии. Капская колония, это правда, имеет негритянское население численностью почти 1 700 000 человек, по большей части довольное и

превосходно управляемое, владеющее значительной долей хорошей земли и имеющее право голоса в законодательном органе Кейпа на тех же условиях, что и белые люди. Но либерально настроенная Капская колония, в которой почти никогда не слышно о проблемах местного населения или “черных опасностях”, является лишь одним из штатов, входящих в Союз; а остальные, особенно Трансвааль, показали себя - Трансвааль до сих пор поддерживает эту дурную репутацию — несправедливыми и суровыми в своем обращении с чернокожими. Когда положения Закона о профсоюзе были представлены британскому парламенту, было установлено, что они исключают любого цветного человека из франшизы^[161]. Британские министры выразили сожаление по поводу такой нелиберальности, но приняли меры, направленные на прекращение раздоров в других направлениях. Тем не менее, “туземный вопрос” еще долго будет преграждать путь к Великой Южной Африке, обширной конфедерации, которая будет простирается от Бельгийского Конго до Южного океана. Это очень сложный вопрос, из которого необходимо тщательно исключить сентиментальность, опрометчивое законодательство, произвольные заявления и расовые предрассудки. Если бы этим занимались дальновидные люди, подобные сэру Джорджу Грею, в прежние времена, когда закладывались основы Британской Южной Африки, многие причины будущих проблем могли бы быть устранены. Например, можно было бы найти какое-то другое решение претензий Басуто, кроме передачи (пятьдесят лет назад) неграм Басуто 11 000 квадратных миль самой прекрасной горной страны Южной Африки, региона, который по замыслу природы должен был стать Имперским штатом этого региона. Басутоленд - красивая горная страна, хорошо орошаемая, с плодородными долинами и увенчанными снегом вершинами. Из-за холодного климата южноафриканские негры скорее избегали его, пока предки басуто не были изгнаны туда в начале 19 века, чтобы укрыться от набегов зулусов. Если бы мы предложили первоначальным десяти-двадцати тысячам басуто хорошие места на плодородных землях на более низких уровнях, когда мы впервые вмешались, чтобы спасти их от нападений буров (буры вмешались еще раньше, чтобы спасти их от орд зулусов), они бы согласились. Теперь это хорошо вооруженный народ численностью почти в полмиллиона человек, больше не благодарный белому человеку, а возможное ядро черной конфедерации. Их влияние может быть остановлено только справедливым обращением с чернокожими за пределами Басутоленда, политикой Кейптауна, а не Йоханнесбурга. Удовлетворенность полутора миллионами кафиров в Капской колонии и влияние образования на них являются ценными противовесами самонадеянности и амбициям басуто и доказательством того, что наша старейшая колония в Южной Африке обладает государственной мудростью.

После таких поразительных событий, таких могущественных личностей и обширных территорий, довольно неприятно говорить о маленьком острове Маврикий, который не так велик, как графство Суррей, и который, за исключением правления его первого губернатора сэра Роберта Фаркуара (который пытался с этой выгодной позиции аннексировать Мадагаскар), не имел никакой волнующей связи с событиями большой важности. Маврикий был отнят британцами у французов в 1810 году. Французы знали его под названием Иль-де-Франс, но британцы возродили старое голландское название Маврикий. Французы завезли сахарный тростник и другие ценные растения, и эти плантации обрабатывались без особого энтузиазма с помощью рабского труда до тех пор, пока работорговля не была отменена. Затем, в пятидесятых годах, с большим успехом был внедрен труд индийских кули; и сейчас жителей индийского происхождения в колонии насчитывается почти 40 000 человек, в то время как индийские полукровки также многочисленны. Общая численность населения в 1912 году составляла около 370 500 человек. Большое значение имел негритянский и малагасийский элемент — более 50 000 человек. За вычетом азиатов (20 000 человек, в основном индийцев, нескольких китайцев и арабов) остается около 120 000 белых и 160 000

полукровок и евразийцев. Европейское население почти полностью французского происхождения; и явные симпатии белых жителей к Франции иногда вызывали разногласия между губернатором и управляемыми, хотя маврикийцам были сделаны значительные уступки в виде равного признания французских законов и французского языка. Тем не менее, несмотря на эти политические проблемы и случайные ураганы, которые приносят острову бедствия, в обычные годы это процветающая колония (ведущая торговлю с годовой стоимостью около 5 000 000 фунтов стерлингов), и ей приходится обращаться к казначейству Великобритании за помощью только в таких редких случаях, когда циклоны наносят необычайно большой ущерб.

Многочисленные небольшие острова в Индийском океане зависят от правительства Маврикия. Все они имели почти одинаковую историю — открытые Португалией, в конечном итоге они были использованы Францией и, наконец, захвачены и аннексированы Англией. Наиболее важными из этих маврикийских владений являются остров Родригес и группа нефтяных островов (Диего-Гарсия). Сейшельские острова ранее были связаны с Маврикием, но с 1897 года являются независимой колонией под руководством полноправного губернатора. Они состоят из 90 небольших островов Сейшельской группы, Альмиранте, Альдабры, Космоledo и других крошечных архипелагов; общая площадь суши составляет всего 160 квадратных миль, а население белых и цветных составляет 26 000 человек. Сейшельские острова перешли во владение французов в 1743 году. До этой даты они были необитаемы, хотя на них сохранились следы древнего обитания, которые могут представлять собой места остановок малагасийских морских скитальцев на их пути с Суматры на Мадагаскар. Их название Сейшельские острова - это неправильное написание “де Сешель”, фамилии французского министра финансов в 1756 году. Британский флот захватил главный остров (Маэ) в 1794 году, но позволил французскому губернатору продолжать управлять островами до 1810 года, когда они были окончательно захвачены; отчасти по той причине, что французы на Маврикии и Реюньоне злоупотребляли проявленной к ним терпимостью, совершая постоянные каперские нападения на британское судоходство. Именно на Маврикии один из благороднейших героев британского колониального первопроходчества — Мэтью Флиндерс из Королевского военно—морского флота - был заключен в тюрьму на шесть лет, что вывело его из себя, лишив всех преимуществ, которые он мог бы получить от своего поистине замечательного кругосветного исследования австралийских берегов^[162]. Чтобы лишить французов всех возможных операционных баз в Индийском океане, Бурбон (Реюньон), остров немного больше Маврикия и самый южный член Маскаренской группы, также был оккупирован британцами, которые в результате этой оккупации, а также оккупации Маврикия, Таматаве и других пунктов на побережье Мадагаскара предъявили претензии на протекторат над большим островом Мадагаскар, о чем более подробно будет рассказано в следующей главе. Бурбон, однако, был возвращен французам в 1816 году и позже переименован в Реюньон.

ГЛАВА XII

ВЕЛИКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Колонизация Африки на всех ее ранних стадиях настолько близка к исследованию, что в нескольких предыдущих главах я, казалось, имел дело скорее с географическими открытиями, чем с политическим урегулированием. Но поскольку существует много исследовательской работы, которая не была напрямую связана с колонизацией (точно так же, как вся миссионерская работа не привела к основанию европейских государств в Африке, и за мерами по пресечению работорговли неизменно не следовала аннексия) Я думаю, что лучше посвятить главу перечислению великих исследователей, чья работа оказалась косвенной причиной окончательного установления европейского контроля в настоящее время почти над всей Африкой.

Первыми исследователями, известными истории, хотя, к сожалению, не упомянутыми по имени, были финикийцы, отправленные египетским фараоном Нику II (сыном Псамметика) около 600 (603-599) гг. до н.э. в кругосветное плавание по Африке. Мы получаем сведения о них от Геродота, который черпал свои сведения из Египта; но приведенный отчет о путешествии несет на себе печать правдивости и правдоподобия и, по-видимому, подтверждается некоторыми замечательными надписями на скарабеех, обнаруженными французскими исследователями египетских памятников. Они, однако, были объявлены подделками^[163].

Говорят, что Камбиз, персидский царь, вторгшийся в Египет в 525 году до н.э., погиб, пытаясь проследить течение Нила, он и его армия исчезли в пустынях Верхней Нубии. Около 520 года до н.э. Ганнон Карфагенянин, как уже говорилось во Второй главе, совершил экспедицию вокруг западного побережья Африки, которая проникла примерно до границ Либерии.

Грек Геродот путешествовал по Египту и Киренаике около 450 г. до н.э. Грек Эратосфен, родившийся в Курене в 276 г. до н.э., стал библиотекарем одного из Птолемеев в Александрии, и, хотя большую часть информации о долине Нила он почерпнул у других путешественников, все же определенную часть исследований он провел сам. Полибий, грек, родившийся в 204 году до н.э., исследовал большую часть Северного побережья Африки на службе у римлян примерно за 140 лет до христианской эры.

Знаменитый Страбон процветал во времена правления Августа Цезаря и написал большой труд по географии примерно в 19 году н.э. Он сопровождал римского губернатора Элия Галла в путешествии вверх по Нилу до Филы, хотя его знания о Киренаике ограничивались путешествием вдоль побережья. Нерон послал двух центурионов (согласно Плинию) с приказом подняться по Нилу и выяснить его течение. Благодаря рекомендациям короля Эфиопии, они передавались от племени к племени и, по-видимому, поднялись по Нилу до его слияния с Собатом, где были остановлены огромными массами плавающей растительности (судд).

Хотя Плиний Старший^[164], по-видимому, не посещал Африку или, во всяком случае, не продвинул свои исследования дальше поездки в Александрию и посещения портов вдоль побережья Берберийских островов, он, тем не менее, многое сделал для сбора и редактирования географических знаний того времени; и таким образом довел до наших дней ту скудную информацию, которой римляне обладали о внутренней Африке в первые годы войны. Империя. Плиний примечателен тем, что дошел до нас первым упоминанием о

Нигере, который он называет Нигир или Нигрис и несколько путает с более скромной рекой Драа на юге Марокко.

Примерно в середине второго века христианской эры в Египте процветал знаменитый географ по имени Клавдий Птолемей, более известный нам как 'Птолемей'. Хотя он также был в основном компилятором и большей частью своей информации был обязан работам по географии, опубликованным его предшественником или современником Маринусом Тирским, все же представляется вероятным, что он путешествовал вверх по Нилу на определенное расстояние и посетил африканские побережья вдоль Красного и Средиземного морей. Во всяком случае, он опубликовал самый подробный отчет об африканской географии из всех классических авторов. Его описания Нильских озер, побережья Восточной Африки и пустыни Сахара ближе всего к действительности, чем у любого географа до мухаммедовой эпохи.

С упадком Римской империи прекратились географические исследования, и возрождения не было до тех пор, пока мусульманские захватчики Африки не достигли достаточной цивилизации, чтобы записывать свои путешествия и наблюдения. Масуди и Ибн Хаукаль в 10 веке и другие арабские путешественники, чьи странствия не были зафиксированы, предоставили информацию о своих путешествиях, воплощенную в карте Идриса или Эдриси, составленной сицилийским географом-мусульманином для графа Роберта Сицилийского в 12 веке. Благодаря этим путешествиям европейцы получили первую определенную и достоверную информацию о географии Африки к югу от Сахары и вдоль Восточного побережья до Занзибара и Софалы. Ибн Батута, уроженец Марокко, в 14 веке^[165], и Лео Африкан (испанский мавр, впоследствии обратившийся в христианство) в 16 веке достигли Нигера и регионов вокруг озера Чад. Географическая предприимчивость мавров передалась и их завоевателям, португальцам. Помимо своих великих мореплавателей, португальцы отправляли сухопутных исследователей, первого из которых звали Жуан Фернандес, который в 1445 году исследовал пустыню Сахара вглубь материка от Рио-д'Оуру. Утверждается, что Перо д'Эвора и Гонсалвес Эннес действительно путешествовали по суше в 1487 году из Сенегамбии в Тимбукту; но было высказано сомнение в том, что они достигли этого отдаленного города; возможно, они добрались до Дженне. Гораздо более реальными и важными были исследования Перо де Ковильяна, который путешествовал в Софале и достиг Абиссинии в 1490 году по возвращении из Индии и оставался в этой стране до конца своей жизни. Оставляя в стороне Франсиско Баррето, который исследовал Замбезию больше для сиюминутных политических целей в 1569 году и последующие годы, мы можем затем отметить исследования португальского джентльмена по имени Джаспар Бокарро, который в 1616 году совершил путешествие по суше из центральной Замбези через реку Шире, недалеко от озера Ньяса и реки Рувума, а оттуда к восточному побережью в Микиндани. Из Микиндани он продолжил свое путешествие морем в Малинди. В 1613-18 годах два португальских миссионера-иезуита, Педро Паес и Джеронимо Лобо, исследовали Абиссинию, даже далеко на юге. Паес посетил истоки Голубого Нила, а Лобо направил свои путешествия в квазихристианские государства к югу от Абиссинии. В 1622 году Лобо и другие португальские миссионеры попытались проникнуть в Абиссинию через Зейлу (Сомалиленд). Они столкнулись с большими несчастьями и большой жестокостью со стороны сомалийцев и египетских турок. Шесть миссионеров погибли или были убиты. Лобо нашел свой путь из Момбасы в Индию и, ничуть не обескураженный, вернулся к побережью Данакиля в 1625 году и высадился в Байлуле, напротив Мохи. В изодранной одежде и с окровавленными ногами он прошел через суровую местность Данакиль, поднялся на абиссинские горы и добрался до центра миссии иезуитов во Фремоне, недалеко от Аксума. Затем он совершил действительно замечательное исследование Абиссинии и посетил исток Голубого Нила; но

ревнивые абиссинцы изгнали его и других иезуитов из Абиссинии в 1633 году, передав их в качестве пленников туркам в Масаве^[166]. Именно благодаря путешествиям Паэса и Лобо география Абиссины стала так хорошо известна в Европе, когда вся остальная внутренняя Африка была пуста. Множество неназванных, незапоминающихся португальских солдат и миссионеров, должно быть, отправились вглубь Африки между 1445 годом и концом 17 века, принося оттуда беспорядочную информацию об озерах, реках и негритянских штатах; но информация о них исчезла — за исключением косвенной формы — и их имена утеряны для истории.

В 1588 году Эндрю Баттел, рыбак из Ли в Эссексе, потерпел крушение у берегов Бразилии, был схвачен индейцами как “пират” и передан португальцам в Рио-де-Жанейро. Португальцы решили депортировать его в Анголу. Судно, на котором он путешествовал, достигло Бенгелы в то время, когда ее разоряли хищные “Джагасы”^[167]. Португальцы, вынужденные оставить заложника у джагас, оставили Баттела позади; и в компании этих диких людей он, по-видимому, пересек большую часть страны Конго за Анголой и Лоанго, прежде чем в конце концов снова достиг побережья (к северу от Конго) возле португальского форта, где джагас разрешили ему покинуть их и откуда португальцы разрешили ему вернуться в Англию в 1607 году. Судя по всему, он почти 18 лет бродил по Юго-Западной Африке и привез с собой довольно правдивые рассказы о пигмеях, человекообразных обезьянах и некоторых видах крупной дичи, которая проникает в глубь Бенгелы с юга.

В начале 17 века Уильям Литгоу, шотландский путешественник, посетил Тунис и Алжир. В 1618 году Лондонская компания искателей приключений отправила Джорджа Томпсона, который уже побывал в Берберии, исследовать реку Гамбия. Во время его отсутствия вверх по реке корабль, на котором он прибыл из Англии, был захвачен, а команда убита португальцами и работорговцами-метисами, которые были возмущены этим вторжением в их особые владения. Томпсону удалось отправить обратно сообщение о своих трудностях, и Компания искателей приключений отправила еще одно небольшое судно. Отправив ее обратно с письмами, Томпсон продолжил свое путешествие примерно на 80 миль выше устья Гамбии. Томпсон, однако, потерял голову, стал фантастом в своих представлениях и, как предполагается, был убит своими собственными английскими моряками, которые впоследствии смело добрались до побережья Сенегала и были отправлены домой на голландском корабле. Третье судно под командованием Ричарда Джобсона отплыло из Лондона, чтобы узнать о судьбе Томпсона. Первое путешествие Джобсона, хотя он и достиг места, где исчез Томпсон, было не очень успешным. Вернувшись из Грейвсенда с двумя кораблями в 1620 году, он поплыл вверх по Гамбии к месту под названием Кассон, где жил влиятельный португалец, который был подстрекателем к уничтожению корабля своего предшественника. Этот человек убежал при приближении Джобсона, а тот продолжал свой путь, пока не добрался до Тенды, где исчез Томпсон. Затем он проплыл на лодках далеко над порогами Барраконды^[168].

Затем последовало путешествие Жаннекена де Рошфора и его спутников в Сенегал и еще более важные исследования Брюэ и Кампаньона в том же регионе, путешествия, о которых говорилось в главе IX. Во время правления короля Карла II голландский или англизированный голландский купец по имени Вермюйден утверждал, что он поднялся по Гамбии и достиг страны за ее пределами, полной золота, но правдивость этой истории вызывает серьезные подозрения. В 1723 году капитан Бартоломью Стиббс, а еще позже человек по имени Харрисон повторили исследования Гамбии Джобсоном. В 1720-30 гг. доктор Шоу, англичанин, путешествовал по Египту, Алжиру^[169] и Тунису и дал первый довольно точный отчет о берберийских государствах, который был получен с тех пор, как они

стали мусульманскими. Чуть позже (1737-40) английский священник, доктор юридических наук и член Королевского общества Ричард Покок путешествовал по Египту и исследовал Нил до первого порога. Примерно в 1780 году итальянец Соннини, родившийся в Эльзасе, исследовал Египет и дал действительно подробный отчет об этой стране, который много сделал для того, чтобы побудить французское революционное правительство вторгнуться в нее. В 1768-1773 годах Джеймс Брюс, шотландец из хорошей семьи, получивший образование в Харроу и проводивший два с половиной года в качестве консула в Алжире, совершил первое путешествие по Тунису, Триполи и Сирии. Затем он прибыл в Египет и, заинтересовавшись вопросом о Ниле, отправился по Красному морю в Масаву, а оттуда отправился в Гондар, столицу Абиссинии. Обладая некоторыми познаниями в медицине, он снискал расположение властей и был назначен командиром абиссинской кавалерии. После многих разочарований его горячее желание было исполнено, и он прибыл к тому, что, как он полагал, было истоками Нила, но на самом деле было верховьями Голубого Нила, к югу от Абиссинии. Он отправился обратно через Сеннар и Нубийскую пустыню в Каир. В 1793 году Уильям Джордж Браун, лондонец и член Ориел-колледжа в Оксфорде, привлеченный рассказами о путешествиях Брюса, прибыл в Египет и в 1793 году пересек Ливийскую пустыню от Асиута до Дарфура. Там султан страны крайне плохо обошелся с ним, и он практически три года провел в плену, прежде чем ему удалось вернуться в Египет.

В течение 18 века слухи постепенно приобретали форму веры в то, что в Западной Африке есть великая река, на берегах которой стоит знаменитый город Тимбукту. Эта река была идентифицирована Плинием с Нигрисом или Нигиром^[170]. Сначала считалось, что Нигер - это Гамбия или Сенегал, но в конце концов стало считаться, что Нигер должен подниматься на юг, за истоки этих рек, и течь на восток. Сэр Джозеф Бэнкс, президент Королевского общества, сопровождавший Кука в его кругосветном путешествии, присоединился к другим выдающимся личностям и 19 июня 1788 года основал Африканскую ассоциацию с особой целью изучения Нигера. Сначала они решили попробовать с Северного побережья Африки или из Египта; но эти экспедиции оказались безуспешными, и была предпринята попытка отправиться в неизвестность из Сьерра-Леоне. Майор Хоутон, который был консулом в Марокко, работал среди других путешественников, и ему удалось пройти через Бамбук по пути в Тимбукту; но его перехватили сахарские мавры, ограбили и оставили умирать голым в пустыне. Из Египта немецким путешественником по имени Фридрих Хорнеманн был командирован та же ассоциация. Он достиг Феццана, отправился в путешествие в Борну, и впоследствии о нем никогда не слышали, хотя практически наверняка он достиг Нигера в стране Нупе^[171] около 1800 года. В 1795 году ревностная ассоциация приняла услуги молодого шотландского хирурга по имени Мунго Парк и отправила его исследовать Нигер с Западного побережья. Мунго Парк начал свою карьеру в возрасте 24 лет, имея предыдущий опыт научных исследований в качестве помощника хирурга на судне из Восточной Индии, совершавшем путешествие на Суматру. Парк добрался до Пизании, станции высоко вверх по реке Гамбия, в 1795 году. Он отправился в путь в конце того же года и, переправившись через реку Сенегал и пережив множество приключений, попал в мавританские страны Каарта и Людамар на северо-востоке. Таким образом, выдержав плен и большие лишения, он сбежал и постепенно нашел свой путь к Нигеру в Сего, где с трудом пробрался вдоль берега реки на небольшое расстояние дальше на восток. Его обратный путь по Нигеру сопровождался такими трудностями, что диву даешься физической силе, которая помогла ему выжить. Однако, наконец, он добрался до Бамаку, а оттуда после почти невероятных трудностей вернулся в Пизанию на Гамбии, примерно через год с четвертью после того, как отправился оттуда открывать Нигер. Из-за того, что его обратное путешествие привело его в Вест-Индию, он прибыл в Англию только 22 декабря 1797 года, совершив путешествие, которое, даже если бы он впоследствии не стал Стэнли Нигера, сделало бы его надолго знаменитым.

Лондон принял его с энтузиазмом, но после того, как первая новизна прошла, наступил период забвения. Парк женился и поселился в Пиблзе в качестве практикующего врача. Но со временем влияние Африканской ассоциации просочилось даже в каменное сердце правительственного ведомства; и Министерство по делам колоний (тогда филиал Военного министерства) приняло решение отправить Мунго Парка обратно для продолжения его исследований Нигера. Ему выделили 5000 фунтов стерлингов на расходы, а также достаточный запас припасов, оружия и другого снаряжения. Он имел звание капитана, и ему было разрешено отбирать солдат из гарнизона Гори. Он взял с собой своего шурина в качестве заместителя командира, чертежника по имени Скотт и нескольких судостроителей и плотников. В Гори он отобрал одного офицера, 35 рядовых и двух матросов. Группа покинула Гамбию в 1805 году. Вскоре на них напала лихорадка, и к тому времени, когда они достигли Нигера, только семеро из 38 солдат и моряков, покинувших Гори, были живы. Спускаясь по Нигеру мимо Сего, Мунго Парк построил в Сансандинге грубую и готовую лодку, которую он назвал *Джолиба*. К этому времени его группа сократилась до пяти человек, включая его самого. 12 ноября 1805 года они отправились из Сансандинга (откуда отправили обратно в Гамбию свои письма и дневники), чтобы проследить реку Нигер до ее устья. О Мунго Парке больше ничего не было слышно. На основании информации, впоследствии полученной от местных торговцев и вождей, было установлено, что его отряд встречал постоянное сопротивление со стороны местных жителей при спуске по реке, в результате чего он и его спутники постоянно сражались. После того, как Мунго Парк вторгся в страны Сокото, говорящие на языке хауса, вражда местных жителей усилилась, очевидно, из-за того, что он не мог оплатить свой путь подарками. Наконец, в Буссе, где дальнейшее судоходство было затруднено скалами, туземцы окружили его. Не найдя выхода, Парк прыгнул в реку вместе с лейтенантом Мартином (офицером Королевской артиллерии) и утонул. После смерти Парка майор Педди, капитан Кэмпбелл, майор Грей и доктор Дочард пытались пойти по стопам Парка со стороны Гамбии, но все они умерли безвременной смертью от лихорадки, хотя доктору Дочарду удалось добраться до Сего на Нигере.

Присутствие голландцев в Южной Африке не привело к большим исследованиям. Те путешествия, которые были совершены, проходили в основном параллельно побережью. В 1685 году командер Ван дер Стел исследовал Намакваланд на очень небольшом расстоянии от Оранжевой реки; но прошло около 60 лет, прежде чем эта река была действительно открыта бурским охотником на слонов. О его открытии стало известно с научной точки зрения благодаря экспедиции под руководством капитана Хопа в 1761 году. Эта экспедиция добыла несколько жирафов, которые были отправлены домой губернатором Тулбагом и первыми достигли Европы. В 1777 году капитан Роберт Джейкоб Гордон, шотландец, состоявший на службе Голландской Ост-Индской компании, открыл Оранжевую реку в месте ее слияния с Ваалом. Впоследствии капитан Гордон вместе с лейтенантом Уильямом Паттерсоном, англичанином, совершили путешествие по суше из страны Намаква к устью Оранжевой реки, по которой они поднялись на 30-40 миль. Они окрестили то, что голландцы до сих пор называли "Великой рекой (Гроот)", "Оранжевой рекой" в знак уважения к Стадхаудерам. Ходят также слухи, что два голландских уполномоченных, Трастер и Соммервилл, в 1801 году отправились в экспедицию по закупке скота за Оранжевую реку и проникли через страну бечуана в окрестности озера Нгами.

Воодушевленная новостями об африканских открытиях, Португалия пробудилась от одного из своих мирских снов в 1798 году - как она точно так же пробудилась в 1877 году - и отправила бразильца, доктора Франсиско Хосе Марию де Ласерду, к Замбези, чтобы попытаться совершить путешествие через Африку с Востока на Запад. Результаты этого первого научного исследования Центральной Африки были затронуты в главе IV. Возможно,

здесь будет достаточно упомянуть, что доктор де Ласерда путешествовал вверх по Замбези до Тете, а из Тете на северо-запад в окрестности озера Мверу, у берегов которого он умер. На этом маршруте ему предшествовали два гоанца по фамилии Перейра. В начале 19 века два португальца-полукровки по имени Баптиста и Амаро Хосе пересекли Африку от реки Кванго, за Анголой, до Тете на Замбези. В 1831 году майор Монтейру и капитан Гамитто повторили путешествие доктора де Ласерды из Тете в страну казембе, недалеко от озера Мверу; а в 1846 году португальский торговец в Тете по имени Кандидо де Коста Кардозу утверждал, что видел юго-западный угол озера Марави (Ньяса).

Вернемся снова в Южную Африку — британское правление привело к большому развитию геологоразведочных работ. Кэмпбелл, шотландский миссионер, в 1812 году проложил на карте русло Оранжевой реки и открыл исток Лимпопо. Капитан (впоследствии генерал сэр Дж. Э.) Александер совершил интересное путешествие по суше от Кейптауна до Уолфиш-Бей; доктор Уильям Берчелл и капитан Уильям Корнуоллис Харрис^[172] исследовали Бечуаналенд и Трансвааль и многое добавили к нашим знаниям о великой африканской фауне. Роберт Моффат и другие миссионеры расширили наши знания о Бечуаналенде; Ангас исследовал Зулуленд; майор Вардон исследовал Лимпопо.

В первом десятилетии 19 века Генри Солт (бывший генеральный консул Великобритании в Египте) исследовал Абиссинию и побережье Занзибара. В 1822 году капитан (впоследствии адмирал) У. Ф. У. Оуэн покинул Англию на двух кораблях и провел четыре года, исследуя восточное и западное побережья Африки и остров Мадагаскар. Он особенно пополнил наши знания о заливе Делагоа и его окрестностях. Он отправил суда в первое исследовательское путешествие вверх по Замбези, которое, к несчастью, закончилось гибелью всех британских офицеров. Достигнутым пределом была Сена. Восточное и западное побережья Африки были нанесены на карту капитаном Оуэном с первым приближением к реальной точности. Хотя он не был сухопутным исследователем, его путешествие знаменует собой важнейшую эпоху в открытии Африки, и многие из его исследований используются до сих пор.

Мунго Парк и другие, придя к мысли, что Нигер может найти свой конечный выход в море в реке Конго, в 1816 году отправили экспедицию для исследования нижнего течения Конго. Конечно, это была морская экспедиция, и командование было передано капитану Такки. Он обследовал реку до водопада Йелала и повел свою экспедицию вглубь страны, выше этих порогов, недалеко от современной станции Исангила. К сожалению, он и почти все офицеры его экспедиции умерли от лихорадки; но его путешествие, проводившееся с научной целью, привело к значительному пополнению наших знаний об Африке банту, ее народах, языках и флоре.

Шотландец майор Лэйнг, который уже в 1823 году отличился, исследовав исток реки Рокель в Сьерра-Леоне (практически определив местонахождение истока Нигера и установив его приблизительную высоту), решил в 1825 году предпринять новое направление в поисках Тимбукту. Он стартовал из Триполи, добрался до Гадамеса и оазиса Тват, а оттуда проехал через пустыню к Нигеру по маршруту, по которому, возможно, когда-нибудь пройдет французская транссахарская железная дорога. По дороге на него напал отвратительный Таварек, который оставил его умирать, истекающего кровью из двадцати четырех ран. Тем не менее, он выздоровел и действительно прибыл в Тимбукту 18 августа 1826 года. Получив совет от людей уйти из-за их неприязни к присутствию христианина, он начал возвращаться через пустыню, но был убит в Эль-Аруане, в нескольких переходах к северу от Тимбукту, по наущению короля Фула Ахмаду из Масины.

Французские имена были редки в списках исследователей после путешествий Брю и Кампаньона в начале 18 века; хотя Ле Вайан, как натуралист, совершил небольшие, но очень интересные исследования в Южной Африке. Но в начале 19 века, после восстановления своих сенегальских владений, французы возобновили исследование Темного континента. Уже в 1804 году Рубо, чиновник Сенегальской компании, исследовал пустынную местность между Сенегалом и Гамбией, а также верховья Сенегала. В 1818 году Гаспар Моллиен открыл исток Гамбии и исследовал Португальскую Гвинею. В 1824 и 1825 годах Де Бофор посетил страну Каарта к северо-востоку от Сенегала. Затем последовал Рене Кайе, который добрался до Тимбукту и вернулся оттуда в Марокко в 1827 году - путешествие, политическое значение которого обсуждалось в главе IX.

В 1817 году в Ашанти была направлена британская миссия под руководством Томаса Эдварда Боудича. Боудич, заключивший договор с королем Ашанти, использовал возможности общения с хауса, мандинго и мавританскими купцами при дворе этого монарха, чтобы собрать множество ценнейшей информации о течении Нигера, судьбе парка Мунго, географии, этнологии и языках сердца Западной Африки в излучине Нигера. Его книга, опубликованная в 1820 году, является ценным трудом по африканской антропологии и истории.

Британское правительство, все еще сосредоточенное на проблеме Нигера, было привлечено к новым действиям благодаря собранной информации. Впечатленный успехом, с которым Лэйнг проник в Центральную Африку из Триполи, он решил использовать эту регентскую^[173] в качестве основы для открытия. Мистер Ричи и капитан Джордж Лайон отправились из Триполи в 1818 году и достигли страны Феццан. Здесь Ричи умер, а Лайон так и не добрался до самой южной границы Феццана. По его возвращении была организована вторая экспедиция под руководством доктора Уолтера Аудни (который фактически был назначен политическим агентом на Борну до того, как эта страна была открыта европейцами!), лейтенанта Хью Клаппертона, Р.Н., и лейтенанта Диксона Денхэма. Отправившись из Триполи весной 1822 года, они были вынуждены остановиться там из-за препятствий, возникших на их пути. Денхэм, импульсивный, энергичный человек, помчался обратно в Триполи, чтобы выразить протест баше, и, не получив ничего, кроме пустых словесных заверений, направился в Марсель с намерением отправиться в Англию, но был отозван башой Триполи, который с тех пор не чинил ему препятствий. За время его отсутствия экспедиция посетила город Гат, расположенный далеко в Сахаре. В 1823 году эта экспедиция достигла Судана, и ее участники были первыми европейцами, открывшими озеро Чад. Затем они посетили Борну и штат Хауса в Кано, где скончался доктор Оудни. После смерти Одни Клаппертон направился в Сокото и почти достиг Нигера, но ему помешала ревность султана Фула Сокото. Пока майор Денхэм оставался в Борну, туда прибыл с припасами молодой офицер по имени Тул, который почти в одиночку преодолел долгий путь из Триполи в Борну и проделал путь из Лондона за четыре месяца. Денхэм и Тул исследовали восточные и южные берега озера Чад и обнаружили реку Шари, после чего несчастный Тул скончался.

Затем Денхэм и Клаппертон вернулись в Триполи^[174]. Британское правительство отправило Клаппертона обратно на поиски выхода из Нигера. Он высадился в Бадагри, на территории нынешней британской колонии Лагос. Он терял своих товарищей одного за другим, за исключением своего бесценного слуги Ричарда Ландера. Клаппертон прошел через Йорубаленд и фактически достиг Нигера у порогов Буса, недалеко от того места, где Парк и его компания погибли. Из Буса Клаппертон и его отряд проследовали через Нупе и штаты Хауса Кано и Сокото; но он прибыл в неудачное время, когда Сокото находился в состоянии

войны с Борну, а султан Фулы слишком подозрительно относился к мотивам Клаппертона, чтобы помочь ему в исследовании Нигера. От лихорадки и разочарования Клаппертон умер в Сокото 13 апреля 1827 года. Было очень жаль, что он вообще поехал туда. Что ему следовало сделать по прибытии в Бузу, так это спуститься из Бузы к морю. Все его спутники, за исключением его слуги Ландера, умерли раньше него. Теперь Ландер попытался проследить путь по Нигеру до моря, но султан Фула все еще сопротивлялся ему, и у него отобрали почти все имущество экспедиции, прежде чем он смог покинуть Сокото. В конце концов он вернулся в Бадагри почти тем же маршрутом, которым следовал Клаппертон. Ландер был корнуолльцем, человеком невысокого роста, но приятной внешности и манер. Мальчиком он получил небольшое образование, но научился гораздо большему, поступив на службу в качестве пажа, лакея и камердинера. В этом последнем качестве он путешествовал по европейскому континенту и Южной Африке, прежде чем сопровождать Клэппертона. Когда он вернулся в Англию, его история не вызвала особого интереса, поскольку исследования Арктики заменили Африку в сознании общественности. Более того, окончательное течение Нигера в результате процесса истощения было почти угадано.

Еще в 1808 году доктор Райхардт из Веймара предположил, что Нигер достиг Атлантики в Гвинейском заливе по Нефтяным рекам. Позже Джеймс Маккуин, который в качестве плантатора из Вест-Индии провел перекрестный допрос многих рабов на тему Нигера, не только показал, что эта река, очевидно, впадает в море в бухте Бенин, но и предсказал, что этот великий поток когда-нибудь станет магистралью британской торговли. Несколько неохотно правительство согласилось отправить Ландера и его брата обратно в Африку, поскольку они были плохо обеспечены средствами. Однако, не отчаявшись, десантники прибыли в Бадагри в марте 1830 года и достигли Нигера в Бусе после трехмесячного путешествия по суше. Не встречая сопротивления со стороны туземцев, они два месяца плыли вниз по течению на каноэ. Наконец они достигли дельты, но там, к сожалению, попали во власть большого флота боевых каноэ ибо. Ибо они, вероятно, были бы убиты, если бы не протесты некоторых мусульманских учителей, которые, как ни странно, были найдены с этим флотом. Более того, местный торговец Лату Нью из поселения идзе недалеко от побережья дельты случайно оказался в гостях у вождя Ибо и согласился выкупить братьев Ландер при условии получения от них "векселя", в котором они соглашались возместить "королю" Латуни стоимость товаров, которые его сын предоставил для их выкупа. Они достигли моря в устье реки Брасс, одного из впадений Нигера, но не главного течения. Английское торговое судно стояло там на якоре, и пассажиры с радостью поднялись на борт, думая, что их бедам пришел конец. Они попросили капитана оплатить их счет, сумму которого правительство выплатит ему. К их изумлению, он отказался и вообще вел себя таким позорным образом, что жаль, что его имя не сохранилось из-за позора. Однако им удалось на этом корабле добраться до Фернандо По, где они и высадились. Судно, на котором они путешествовали и капитан которого так плохо с ними обращался, впоследствии было захвачено пиратом, и о нем больше никогда не слышали. Здесь можно упомянуть, что Ричард Ландер в конечном счете вернул сыну вождя всю сумму, которую тот потратил на спасение двух исследователей из лап короля Ибо.

Когда Ландеры вернулись в 1831 году, особого шума не поднялось. Джон Ландер остался дома. Впоследствии Ричард Ландер присоединился к экспедиции Макгрегора Лэрда по открытию Нигера. Это коммерческое предприятие столкнулось с самыми ужасными бедствиями из-за болезни, но Джеймсу Макгрегору Лэрду, тем не менее, удалось открыть Бенуэ и подняться на него на некоторое расстояние. В 1833 году Ричард Ландер и доктор Олдфилд поднялись по Нигеру от устья Нун до Раббы и исследовали Бенуэ на протяжении 140 миль выше ее впадения в Нигер. После возвращения из третьего путешествия вверх по

Нигеру Ландер подвергся нападению дикарей в дельте, был тяжело ранен и скончался от полученных ран в Фернандо-По 6 февраля 1834 года.

В 1840-41 годах мистер Джон Бикрофт, суперинтендант Фернандо По, а впоследствии первый консул в заливах Биафра и Бенин, не только исследовал Нигер, но и впервые открыл реку Кросс на востоке, по которой он поднялся от Старого Калабара до порогов. В 1841 году британское правительство направило важную геодезическую экспедицию в Нигер под руководством четырех морских офицеров. Эта экспедиция была предпринята по наущению сэра Томаса Фауэлла Бакстона, филантропа, который всей душой посвятил себя антирабовладельческому движению. В тот период в Англии безраздельно царила филантропия, а чувство юмора было в упадке, хотя оно и начало проявляться на страницах Диккенса, который так восхитительно высмеял экспедицию в Нигер в “Холодном доме” с ее неподражаемой миссис Джеллиби и ее промышленной миссией в Борриабуга-Гха. Ужасающая нездоровость нижнего Нигера была проигнорирована, и одним из пунктов программы экспедиции было создание образцовой фермы на слиянии Бенуэ и Нигера. Другие цели экспедиции были прекрасно сбалансированы между распространением христианской цивилизации и пресечением работорговли, с одной стороны, и ревностным продвижением манчестерских товаров - с другой. Были заключены многочисленные договоры, но результатами экспедиции были разочарование и катастрофа, вызванные полным незнанием условий, при которых можно было сохранить некоторый уровень здоровья, и бестолковой нерешительностью относительно практических результатов, которые должны были быть достигнуты открытием Нигера. Человеческие потери были огромными. Тем не менее, несмотря на эту проверку, британские торговцы постепенно проникли в Нигер и вверх по нему, результаты которой подробно описаны в главе VIII.

В 1836 году Джон Дэвидсон, англичанин со значительными достижениями, отправился с атлантического побережья Марокко в Тимбукту, но был убит в Тендуфе, в пустыне Сахара.

В 1849 году британское правительство решило предпринять еще одну попытку наладить торговые отношения с Нигером и Центральной Африкой, но решило снова попробовать сухопутный маршрут из Триполи. После окончания наполеоновских войн британское правительство разослало различные геодезические группы для нанесения на карту берегов Африки; а хорошо оснащенная экспедиция под командованием адмирала Бичи провела тщательное исследование берегов Триполи и Барки в 1821 и 1822 годах и прислала первые заслуживающие доверия отчеты о греческих руинах Киренаики. С тех пор несколько консульских представителей Великобритании в Триполи провели исследования во внутренних районах страны. Среди них был Джеймс Ричардсон, который первоначально сопровождал адмирала Бичи и который в дальнейшем совершил важнейшие исследования Триполитанской Сахары, обнаружив множество интересных наскальных рисунков и надписей. Он был назначен руководителем этой сухопутной экспедиции 1849 года, и с ним были связаны два немца, Барт и Овервег. Доктор Генрих Барт родился в Гамбурге в 1821 году. Он много путешествовал по Малой Азии, по Средиземноморью Африки и вверх по Нилу.

Эта экспедиция покинула Триполи весной 1850 года и без каких-либо трудностей достигла Борну. Здесь ее участники разделились. Ричардсон умер вскоре после этого и был похоронен недалеко от озера Чад; Овервег умер в 1852 году, будучи первым европейцем, совершившим плавание по озеру Чад^[175]. Он был похоронен на берегу этого озера. В течение следующих четырех лет Барт самостоятельно проводил гигантские исследования. Он прошел путь от озера Чад вдоль реки Комадугу, а оттуда через северный Хаусленд к Нигеру в Сэе. Из Сэе он пересек излучину Нигера в Тимбукту и спустился по реке обратно в Сэй, а оттуда в Сокото, откуда направился в Кукаву в Борну, где встретился с доктором Эдуардом

Фогелем и двумя унтер-офицерами королевских инженеров, которые были посланы британским правительством для усиления его экспедиции. Ранее, в 1851 году, Барт совершил путешествие прямо на юг и наткнулся на реку Бенуэ очень высоко в ее русле. Фогель начал завершать открытия в этом направлении и в конце концов добрался до Нила. Его сопровождал капрал Макгуайр, но они поссорились и расстались, и оба были убиты в окрестностях Вадаи. Доктор Барт и другой унтер-офицер возвращались через пустыню в Триполи и Англию. Путешествие Барта принесло едва ли не больше достоверной информации, чем путешествие любого из великих исследователей Африки, за исключением Стэнли и, возможно, Нахтигала, Швайнфурта и Эмин-паши. Помимо приведенной географической информации, пятитомная книга Барта и его различные лингвистические работы по языкам Центрального Судана представляют собой объем информации, которая еще недостаточно усвоена. Генрих Барт стоит в первом ряду *очень* великих исследователей, к классу, к которому, возможно, следует отнести Мунго Парка, Ливингстона, Стэнли, Спика и Гранта, Бертон, Бейкера, Швайнфурта, Нахтигала, Рольфа, Гренфелла, Бингера и Джозефа Томсона; людей, которые не только совершили великие географические открытия, но и обогатили нас той информацией, которая покрывает сухие кости простых очертаний рек, озер и гор. Барт получил несколько скупую награду за свои услуги в Англии. После некоторой задержки ему присвоили звание члена Королевского совета, а затем его существование было проигнорировано правительством, для которого исследователь Африки, открывший, насколько нам известно, сотни тысяч квадратных миль ценной территории, был менее достоин памяти, чем временный поверенный в делах при дворе великого герцога Пумперникельского.

В 1846 году португальский торговец по имени Граса прибыл ко двору Мвата Янво в южном Конголанде из Анголы; а между 1847 и 1851 годами внутренние районы Анголы были тщательно исследованы венгром Ладисласом Мадьяром. В 1853 году португальский торговец Сильва Порту действительно пересек Африку от Бенгелы до устья реки Рувума, пройдя южнее озера Ньяса, но не заметив его.

В 1858 году марокканский еврей по имени Мордохай^[176] Аби-Серур совершил путешествие с юга Марокко в Тимбукту и впоследствии проживал в этом городе до 1862 года, с тех пор повторяя свои поездки туда до 1869 года. В 1830 году Церковное миссионерское общество направило эmissаров в Абиссинию, среди которых в последнее время были такие люди, как доктор Людвиг Крапф^[177]. Но эти агенты были изгнаны в 1842 году, и Крапф поселился на восточном побережье Африки два года спустя. Здесь к нему присоединился Иоганн Ребман, также состоявший на службе в Церковном миссионерском обществе. Сделав Момбасу своей штаб-квартирой, Крапф и Ребман совершили несколько замечательных путешествий в глубь того, что тогда было совершенно неизвестной страной. Ребман в 1848 году впервые увидел Килима-ньяро, самую высокую гору в Африке, высотой почти 20 000 футов. В 1849 году Крапф не только увидел Килима-ньяро, но и продвинулся гораздо дальше на север и мельком увидел гору Кения. Помимо этих замечательных открытий (в правдивости которых английские географы сильно сомневались), они привезли с собой такие подробные сведения о великих озерах Центральной Африки, которые привлекли других к исследованию этих регионов.

В тридцатые годы Абиссинию и Шоа исследовал доктор Э. Рюппель (немецкий путешественник, который значительно расширил наши знания о естественной истории Африки); в сороковые и пятидесятые годы ирландско-французскими братьями Антуаном и Арно д'Аббади (которые провели наиболее тщательные исследования) и сэром У. Корнуоллисом Харрисом; а впоследствии Теофилом Лебвром, Мэнсфилдом Паркинсом, Х.

Дюфтоном и географом доктором К. Т. Беком. В 1856 году мистер Джеймс Гамильтон совершил интереснейшее исследовательское путешествие по Киренаике, а оттуда отправился по суше через оазис Сива в Египет.

Тем временем в Южной Африке возник Ливингстон. Он поселился в Бечуаналенде в 1841 году и постепенно расширял свои путешествия все дальше и дальше на север, пока в компании с Уильямом Освеллом и Мюрреем, двумя английскими спортсменами, не открыл озеро Нгами. Мистер Фрэнсис Гальтон пытался добраться до этого озера в 1851 году, совершив интересное, но очень трудное путешествие через Дамараленд; но ему не удалось подобраться к Нгами ближе, чем к руслу пересохшего ручья Омурамба. Однако швед Андерссон в 1851 году покинул Уолфиш-Бей и, путешествуя через Овамболанд, сумел добраться до берегов Нгами. Грин исследовал нижнее течение реки Окабанго-Теог в 1856 году. В 1851 году Ливингстон в сопровождении своей жены и семьи, а также мистера Освелла достиг Замбези в Сешеке. Чувствуя себя на пороге грандиозных открытий, Ливингстон отправил свою жену и семью в Англию с денежной помощью мистера Освелла и поступил на обучение к сэру Томасу Макклиру, королевскому астроному Кейптауна. Повернувшись лицом к северу в июне 1852 года, он в том же году снова достиг Замбези, проследил ее верховья, недалеко от истока, а затем пересек Анголу, которой достиг в мае 1854 года. Снова вернувшись из Анголы на Замбези, он проследовал вдоль этой реки более или менее близко к ее устью, а затем направился в Келимане маршрутом, которым всегда следовал до недавнего открытия устья Замбези Чинде. Из Келимане он был доставлен британской канонерской лодкой на Маврикий и прибыл в Лондон 12 декабря 1856 года.

Сомалиленд был исследован в 1854 году Ричардом Фрэнсисом Бертоном и Джоном Хэннингом Спиком. Бертон был офицером индийской армии и ранее совершил замечательное путешествие по святым местам Хеджаза. В 1856 году Королевское географическое общество (которое образовалось из Африканской ассоциации в 1830 году) отправило экспедицию под командованием Бертона, который выбрал Спика своим лейтенантом, на поиски великих озер, о существовании которых сообщали вюртембергские миссионеры. В результате этого эпохального исследования Бертон открыл Танганьiku (хотя нанес на карту только северную половину), а Спик открыл южный берег Виктория-Ньянза. Поспешив домой раньше Бертона, Спик добился согласия Географического общества и был немедленно отправлен обратно (в сопровождении капитана Дж. А. Гранта) на поиски истоков Нила. К Бертому в этом вопросе относились довольно сурово, но он был человеком слишком умным для своего времени и нажил много врагов среди тех, кто руководил географическими исследованиями в середине 19 века. Спик и Грант достигли северной оконечности Виктория-Ньянза и истока реки Виктория-Нил у водопада Рипон, двинулись на север и пропустили Альберта-Ньянзу; затем, встреченные сэром Сэмюэлем Бейкером и сменившие его, отправились вниз по Нилу в Египет. Это было в высшей степени замечательное путешествие, но в некотором смысле ошибочное, замечательное как тем, что было упущено, так и тем, что было приобретено в ходе исследований. Из-за того, что они не провели никакого обследования огромного озера, которое они, несомненно, обнаружили и часто видели, и не смогли дать точного представления о его форме или площади, само его существование впоследствии стало подвергаться сомнению, пока оно не было окончательно установлено Стэнли в 1875 году. Спик и Грант покинули Англию в апреле 1860 года и достигли Хартума 30 марта 1864 года, а вскоре после этого и Англии. Спик погиб в результате несчастного случая с огнестрельным оружием в сентябре 1864 года. Грант, впоследствии произведенный в полковники и к.б., сопровождал британскую экспедицию в Абиссинию и прожил до 1892 года.

До путешествия Спика и Гранта вниз по Нилу эта река уже была известна вплоть до окрестностей великих озер исследователями, следовавшими по следам военных экспедиций, отправленных Мухаммедом Али для завоевания Судана^[178]. Католическая миссия обосновалась в верховьях Нила в 1848 году, в основном при поддержке австрийского правительства. Среди миссионеров был доктор Игнатиус Кноблехер, который в 1849 году исследовал Белый Нил за Гондокоро до горы Логвек. Другие исследования были проведены Джованни Бельтраме, другим миссионером. Мальтийский торговец слоновой костью по имени Андреа Дебоно и венецианец по имени Джованни Миани также исследовали Белый Нил; и последний был первым европейцем, посетившим страну Ньям-ньям. Английский (или, скорее, валлийский) торговец слоновой костью по имени Джон Петерик отправился из Хартума в ноябре 1853 года и на некоторое расстояние поднялся вверх по реке Бахр-аль-Газаль. Он совершал и другие путешествия в неизвестное, более или менее в районе Бахр-аль-Газаль и страны Ньям-ньям. Питерик, который стал британским консулом в Хартуме, была поручена миссия по встрече и освобождению Спика и Гранта, но по какой-то случайности не удалось этого сделать. В одном из своих более поздних путешествий до Гондокоро его сопровождал доктор Мюри, натуралист. Теодор фон Хойглин, Кизельбах, Мюнцингер и доктор Штуднер были среди методичных немецких исследователей, которые путешествовали по египетскому Судану и Абиссинии в 1861 и 1862 годах. Однако величайшим исследователем этих регионов после Спика и Гранта был мистер, впоследствии сэр Сэмюэл Бейкер, который вместе со своей женой самостоятельно исследовал Верховья Нила с намерением встретиться со Спиком и Грантом и, по возможности, помочь им. Бейкер ранее исследовал абиссинские притоки Нила. Оставив Спика и Гранта продолжать их путешествие домой, он отправился на юг, чтобы восполнить пробелы в их открытиях. Нил был достигнут в стране Буньоро; и после долгого заключения при дворе негодяйского короля Ньоро и невероятных страданий Бейкер и его жена обнаружили Альберта Ньянцу, который по разным причинам показался им намного больше, чем есть на самом деле. Были посещены вход и выход из Нила в Альберт-Ньянза и обратно. Бейкеры добрались до Гондокоро, а затем вернулись домой в марте 1865 года. Их путешествие вниз по Белому Нилу было перекрыто зарослями растений (судд). Наконец это было преодолено, и в конце концов они достигли Египта. Когда Бейкер вернулся в Лондон, он был посвящен в рыцари за сделанные им открытия. Впоследствии "Альберт Ньянза" совершил кругосветное плавание под руководством Гесси-паши, итальянца из Леванта, состоявшего на службе египетского правительства, и полковника Мейсон-бея, ни один из которых, как ни странно, не заметил впадающую в озеро Семлики и покрытого снегом Рувензори.

Романтической фигурой в исследовании Нила и Сахары была Александрина Тинне. "Молодая и красивая (на момент смерти ей было всего 33 года), замечательно образованная, смелая наездница, очаровательная Диана; владычица многих языков, включая арабский, и щедрая до безобразия, неудивительно, что она осталась прекрасной и милостивой полубогиней в памяти тех арабов и нильских негров египетского Судана, которые не были истреблены восстанием Махди"^[179]. Александрина Тинне с 1858 по 1864 год посвятила себя исследованию Нила и Бахр-эль-Газалья. В этих путешествиях ее сопровождали мать и тетя, которые умерли от блэкуотерской лихорадки. В 1868 году мисс Тинне решила пересечь Сахару от Триполи до озера Чад, а затем отправиться из Чада в верховья Нила; но по пути в Гат, древний город, населенный очень фанатичными берберами, она была убита по приказу вероломного вождя тавареков, как и ее голландские слуги.

Первое большое путешествие Ливингстона привело к тому, что его отправили обратно с сильной экспедицией для продолжения его открытий в Замбезии. Во время этих путешествий между 1858 и 1864 годами была исследована река Шире, а озеро Ньяса было

открыто и частично нанесено на карту. Ливингстона сопровождал доктор (впоследствии сэр Джон) Кирк, который собрал ценнейшие коллекции естественной истории и чья последующая долгая карьера политического агента на Занзибаре и многочисленные исследования вдоль Восточного побережья Африки навеки связали его имя с этой частью континента.

Французская оккупация Алжира и их завоевания в Сенегамбии, естественно, привели к значительной исследовательской работе, хотя, поскольку большая часть этой работы выполнялась по частям, это не привело к передаче известных имен, за некоторыми исключениями. Француз Пане в 1850 году путешествовал по суше вдоль побережья Сахары от Сент-Луиса, в устье Сенегала, до Марокко. Винсент, другой француз, в 1860 году исследовал страну от Сент-Луиса до района Адрар в Сахаре, вплоть до того, что в настоящее время является испанским протекторатом Рио-де-Оро. Поль Солейе описал алжирскую Сахару; а Дювейрье, настоящий ученый путешественник, совершил важные путешествия из Алжира на юг и юго-восток, многое добавив к нашим знаниям о Северной Сахаре. Дювейрье посетил внутренние районы западного Триполи и привез оттуда значительную информацию о товарах и их диалектах.

В 1866 году Ливингстон возобновил свои исследования Восточно-Центральной Африки. Он путешествовал по суше на юго-запад от реки Рувума до южной оконечности озера Ньяса, затем на северо-запад и север до южной оконечности Танганьики, оттуда из Танганьики к озеру Мверу, к могучей реке Луапула и к Бангвеулу, озера и реку которого он открыл в 1868 году. Снова достигнув Танганьики, он присоединился к нескольким арабам и пересек страну Маньема на восток, к Ньянгве, на границе Луалаба-Конго. Отсюда он вернулся в Уджиджи, где его встретил мистер Х. М. Стэнли, которого газета "Нью-Йорк Геральд" послала на смену великому исследователю. Проехав со Стэнли половину обратного пути до Занзибара, Ливингстон вернулся на озеро Бангвеулу и умер там в 1873 году. На помощь ему были отправлены различные экспедиции. Один из них под командованием лейтенанта Гранди был отправлен в 1873 году для восхождения на Конго, но экспедиция оказалась крайне неудачной, и исследователь погиб недалеко от Сан-Сальвадора^[180]. После многих изменений и изъятий большая экспедиция, организованная Королевским географическим обществом, стартовала с Занзибара в 1873 году, чтобы найти и освободить Ливингстона. Им руководил лейтенант (впоследствии командер) Верни Ловетт Кэмерон. Вскоре Кэмерон услышал о смерти Ливингстона, но продолжил путь к Танганьике и впервые точно нанес это озеро на карту. Затем он отправился к Луалабе, которая, по его высоте, практически представляла собой не что иное, как Верхнее Конго; но, удерживаемый от спуска из-за огромных трудностей, которые возникали перед ним, он направился на юго—запад через не очень сложную для перехода страну - слегка цивилизованную империю Мваты Янво (пропитанную португальским влиянием), и в ноябре 1875 года достиг Бенгелы, став первым англичанином, пересекшим Африку.

В начале шестидесятых годов доктор Герхард Рольфс, один из величайших африканских путешественников, начал исследовать Марокко. Он завербовался в Иностранный легион, служивший в Алжире, был доктором медицины, отступником и прекрасно владел арабским языком. Впоследствии он путешествовал по южной части Марокко и проник в оазисы Тват и Гадамес в Сахаре (1864), а в 1865 году достиг Феццана и Тибести. В 1866 году он отправился в путешествие в Борну и в конце концов проник через Нигер в Лагос, расположенный на побережье Гвинеи, став таким образом первым европейцем, совершившим полное путешествие от Средиземного моря до Гвинейского залива. В 1873 году он исследовал оазисы Ливийской пустыни, а в 1878 году возглавил экспедицию, отправленную германским

правительством в Вадай, но не продвинулся дальше оазиса Куфра. Впоследствии двое итальянцев, доктор Пеллегрини Маттеуччи и лейтенант Альфонсо Мария Массари, в сопровождении принца Джованни Боргезе дошли до Дарфура, пересекли Африку с востока на запад через Суакин, Кордофан, Вадай, Борну, Кано и Нупе до Нигера, откуда вернулись в Англию, где Маттеуччи, к сожалению, умер (1882). Они были первыми европейцами, пересекшими Африку с востока на запад к северу от Экватора, но их путешествие не принесло больших географических знаний. С точки зрения приобретенных и переданных знаний, одним из самых замечательных путешествий, когда-либо совершенных в Африке, было путешествие доктора Густава Нахтигала, который после службы врачом у туниССкого бея был назначен в 1868 году прусским правительством для доставки подарков султану Борну. Покинув Триполи в феврале 1869 года, Нахтигаль сначала остановился в Феццане, а оттуда совершил очень интересное путешествие в Тибести, горный регион в самом центре пустыни Сахара. Он был первым и единственным европейцем, который действительно исследовал этот замечательный горный регион. Вернувшись в Мурзук, он возобновил свое путешествие в Борну, куда прибыл в 1870 году. Он тщательно исследовал озеро Чад и большую часть реки Шари, а также посетил Багирми, Вадай (где более ранний немецкий путешественник Мориц фон Берманн был убит в 1863 году при поисках Фогеля), Сомраи, Дарфур, Дар-Рунга и Кордофан, откуда возвращался домой через Египет. Он привез с собой огромную массу географической и лингвистической информации. В своем путешествии из Триполи в Феццан Нахтигаль часть пути сопровождала мисс Тинне.

Сэр Джозеф Хукер, великий ботаник, уже прославившийся своими ботаническими исследованиями Гималаев, Австралии, Новой Зеландии и Палестины, в 1871 году отправился с мистером Джоном Боллом в путешествие к Атласским горам в Марокко. Это привело к значительному пополнению наших знаний о флоре и фауне Северной Африки и об этом все еще недостаточно изученном и оцененном горном массиве, высочайшие вершины которого, возможно, лишь немногим уступают по высоте самым высоким африканским вершинам. Г. Шаудт, немец, исследовал марокканскую Сахару в 1879-82 годах.

На Западном побережье Африки самыми замечательными путешествиями, совершенными в пятидесятые и шестидесятые годы, были путешествия Поля дю Шайю по стране Габун, чьи коллекции естественной истории почти превосходят коллекции любого другого путешественника по своему богатству и замечательным формам, которые они открывают. Его всегда будут помнить как человека, который практически открыл гориллу. Уинвуд Рид, первый современный африканский путешественник, который в то же время был литератором, посетил западное побережье Африки в шестидесятых годах и отправился вглубь страны к истокам Нигера. Его исследовательские поездки не имели большого значения, но его описания Западной Африки являются самыми яркими, самыми правдивыми и, возможно, окажутся самыми долговечными из всех, что у нас есть. (Сэр) Ричард Бертон из знаменитой Танганьики, который был назначен консулом в Фернандо По, поднялся на вершину Камеруна и посетил Дагоме и водопады Конго в период с 1860 по 1864 год. Маркиз де Компьень и герр Оскар Ленц исследовали реку Огове во французской Западной Африке в 1873 году; а позже мистер Джордж Гренфелл, член Баптистской миссии, который впоследствии стал еще более известным, значительно расширил наши знания о Камеруне.

В 1876 году монс. М. Ж. Боннат, французский торговец, поднялся вверх по реке Вольта и достиг мусульманского города Салага во внутренних районах Золотого побережья; таким образом, впервые со времен смутно зафиксированных португальских посольств к королю Моси в 15 веке европейцы соприкоснулись с мусульманскими землями за лесным поясом Центральной Гвинеи.

Смерть Ливингстона и успешное пересечение Кэмероном Африки во многом пробудили интерес европейцев к этому континенту. "Нью-Йорк Геральд" и "Дейли Телеграф" направили Х. М. Стэнли завершить исследования Ливингстоном Неизвестной реки. В 1875 году он отправился в это путешествие, которое по своим открытиям и результатам является величайшим подвигом, который можно найти в анналах исследований Африки. Он совершил кругосветное плавание по реке Виктория-Ньянза и Танганьике, пересек Луалабу и решительно следовал по ее течению, невзирая на страшные препятствия, пока не доказал, что это Конго, и не вышел в Атлантический океан в 1877 году.

Путешествия камерона вывели португальцев из летаргического состояния. Трое исследователей, Серпа Пинто, Брито Капелло и Роберто Ивенс, были отправлены в Анголу. Покинув Сан-Паулу-де-Лоанда в 1877 году, Серпа Пинто зигзагами добрался до Замбези и спустился по этой реке в страну Баротсе, откуда он сопровождал месье Койяра, французского миссионера, через пустыню Калахари в Трансвааль. Капелло и Ивенс исследовали северную часть Анголы и реку Кванго. Два или три года спустя они отправились в путешествие, замечательное по важности полученных географических результатов. Они исследовали большую часть Верхнего течения Замбези, проследили эту реку до ее истока, прошли вдоль водораздела между Замбези и Конго, а затем снова повернули на юг, к Замбези, и так вышли к Индийскому океану.

Исследования в районах Нила неуклонно продолжались. Один из великих африканских путешественников, Георг Август Швайнфурт, уроженец Немецкой России (Рига), впервые посетил долину Нила в качестве ботаника. В 1868 году он отправился в исследовательское путешествие вверх по Белому Нилу и Бахр-аль-Газалю, сопровождая нубийских торговцев слоновой костью. С ними он проник далеко на юг через страну Ньям-нья, пока не достиг страны Манбетту, и там он обнаружил реку Веле, текущую на запад, которая в конечном итоге оказалась одним из главных притоков Мубанги, великого северного притока Конго. Швайнфурт вернулся в Египет в 1872 году и надолго посвятил себя ботаническим исследованиям Египта, Аравии и Абиссинии. Судя по огромному количеству собранного материала, его путешествия превзошли по важности лишь несколько африканских исследований. Сэр Сэмюэл Бейкер (1868-1873), а позже генерал Гордон стали генерал-губернаторами Египетского Судана, обширного зависимого от наполовину европейского государства Египет, в котором, естественно, будь то при европейских или египетских губернаторах, работало большое количество европейцев. Среди тех, кто пополнил наши географические знания, были полковник Парди-Бей, полковник Колстон, великий генерал Гордон и Марно (уроженец Вены); полковник Шайе Лонг (американец), который посетил Уганду, открыл озеро Ибрагим и фактически доказал, что Нил вытекает из Виктория-Ньянза, а затем в Альберт-Ньянза; и Линан де Беллефон, бельгиец, который также посетил Уганду, когда Стэнли был там в 1875 году, Стэнли передал ему знаменитое письмо для отправки в Египет^[181]. Были также полковник Мейсон Бей и Гесси-паша, совершившие кругосветное плавание по Альберт-Ньянзе; бедный Лаптон Бей, исследовавший страну Бахр-аль-Газаль и Ньям-нья и умерший после долгого плена в руках Махди; и Слатин-паша, бывший губернатор Дарфура, у которого была более счастливая судьба.

Создание миссий в Ньясаленде привлекло туда исследователей. Капитан Фредерик Элтон, который был назначен консулом в Мокамбике, отправился к озеру Ньяса с несколькими спутниками, исследовал северную оконечность озера и начал возвращаться по суше на Занзибар, но по дороге умер. Его преемник на посту консула, лейтенант Х. Э. О'Нил, пересек взад и вперед совершенно неизвестную местность между Мокамбике и Ньясой, занял множество позиций на южной оконечности озера и в высокогорье Ширэ и исследовал

многие районы Португальской Восточной Африки к северу от Замбези. Епископ Сир, епископ Чонси Мейплз, епископ Смайтис и другие миссионеры Университетской миссии также исследовали страну между озером Ньяса и рекой Рувума и побережье Мокамбике. Исследования к югу от Замбези проводились Болдуином, Бейнсом, Андерссоном, Эрикссоном и другими спортсменами-путешественниками. Карл Мох и Эдвард Мор (немцы) исследовали Машоналенд (1866-9); и Мох обнаружил золото в долинах ручьев и замечательные руины Зимбабве. В 1875 году доктор Поль Погге совершил путешествие из Анголы ко двору Мвата Янво. Двое других немцев, по имени Райхард и Бем, в конце семидесятых годов пересекли Танганьiku из Занзибара и исследовали страну к северу от озера Мверу.

В 1877 году доктор Эрвин фон Бари, немецкий исследователь, отправился далеко в Сахару из Триполи и Южного Туниса, обнаружив несколько замечательных недавно потухших вулканов в стране Воздуха. Однако он был убит фанатичными жителями Гхата. В 1877 году также было совершено примечательное путешествие в провинцию Бахр-эль-Газаль египетского Судана греческим врачом на египетской службе П. Потагосом, который таким образом пересек бассейн Конго и достиг притока Мбому в Веле-Мубанги.

Замечательное путешествие совершил в 1878-9 годах доктор Р. В. Фелкин, который с одним или несколькими товарищами-миссионерами из Церковного миссионерского общества отправился по суше из Суакина вверх по Нилу в Уганду. Они снова вернулись (с преподобным К. Т. Уилсоном) в 1881 году из Уганды через Белый Нил, Бахр-эль-Газаль и Дарфур в Египет.

Между 1880 и 1887 годами профессор Й. Бюттикофер, швейцарец (впоследствии натурализовавшийся голландец), провел очень тщательное исследование прибрежных территорий Либерии, открыв много нового и любопытного в замечательной фауне этой все еще малоизвестной части Западной Африки.

Возвращение Камерона и последующий успех Стэнли вызвали у короля Бельгии сильный интерес к исследованию Африки; сначала, без сомнения, из бескорыстной любви к знаниям, но вскоре после этого с определенной идеей создания в незанятых частях этого континента огромной местной конфедерации или государства, которое должно было стать зависимым от Бельгии. Король вызвал в Брюссель видных "африканцев" из большинства европейских стран с желанием сформировать Международный комитет, который должен был осуществить полное исследование Африки. Но это международное предприятие вскоре разделилось на национальные секции; и то, что по замыслу короля бельгийцев должно было быть совершенно бескорыстной географической работой, в конечном итоге вылилось в "Борьбу за Африку". Тем не менее, это привело к значительному расширению географических знаний. Королевское географическое общество отправило хорошо оснащенную экспедицию на Занзибар для исследования страны между Танганьикой и Ньясой. Это было сделано по приказу Кита Джонстона, который умер вскоре после старта, предоставив свою задачу Джозефу Томсону. Мистер Томсон добился полного успеха и исследовал много новых территорий между Ньясой и Танганьикой к западу от Танганьики и к югу, где он обнаружил северную оконечность озера Руква^[182]. На Западном побережье французская секция послала Де Браззу исследовать территорию нынешнего Французского Конго. Его географические открытия привели к аннексии. Антонелли и другие итальянцы направили свои усилия на исследование Шоа, расположенного к югу от Абиссинии. Но главным результатом этой акции со стороны короля бельгийцев стало основание Свободного государства Конго.

Х. М. Стэнли был отправлен обратно в Конго за счет небольшого комитета — в конечном итоге по единоличному распоряжению короля Бельгии. В то время как он постепенно пересек Конго и совершил множество географических открытий, таких как озера Леопольд и Мантумба, уже упоминавшийся баптистский миссионер, преподобный Джордж Гренфелл, сделал известной реку Мубанги, великий северный приток Конго, которую полковник А. Ванжель и другие бельгийские исследователи впоследствии определили как Уэле. Лейтенант Герман Виссманн^[183] (впоследствии майор фон Виссманн) нанес на карту русло Касаи и других южных притоков Конго, пересек Африку, выйдя в первый раз на Занзибар, а во второй - на Замбези. Доктор Людвиг Вольф был главным агентом по отслеживанию течения большого притока Санкуру в Касаи. Другими компаньонами Виссмана были майор фон Франсуа и доктор Ганс Мюллер. Вместе они открыли ведущие южные притоки Конго в период с 1880 по 1886 год; но не следует забывать, как сильно им помог в этом отношении преподобный Джордж Гренфелл из английской баптистской миссии и его миссионерский пароход "Мир". Гренфелл стоит на втором месте после Стэнли как исследователь Конго. Помимо своего выдающегося открытия Мубанги, он исследовал Кванго (также нанесенную на карту в середине ее течения в 1880 году австрийцем майором фон Меховым), реки Касаи, Бусира, Лулонго, Ломами, Арувими и Руки. У. Х. Стэплтон, Томас Комбер, доктор Холман Бентли и Уильям Фанфитт, другие члены баптистской миссии, и С. П. Вернер, американец, также исследовали бассейн Конго в последней четверти 19 века. Дж. Р. Вернер (английский инженер) внес некоторый вклад в изучение бассейна Конго. исследования Монгаллы и Северного Конго; и капитан Дж. Сидни Хайнд (впоследствии английский чиновник в Восточной Африке) исследовал Луалабу в 1892-3 годах. Бельгийскими исследователями, которые сотрудничали с англичанами и немцами в великой работе по раскрытию запутанных тайн бассейна Конго, были, помимо почтенного Ванжеля, Жорж ле Маринель, Л. ван Керкховен, А. Ходистер, Поль ле Маринель, доктор Корне, Александр Делькоммунн, капитан Бэрт и барон Дханис.

В 1879 году доктор Оскар Ленц, австриец, ранее исследовавший Огове, совершил путешествие из Марокко в Тимбукту, а из Тимбукту в Сенегамбию. Впоследствии доктор Ленц поднялся по Конго и пересек Танганьiku, возвращаясь в Европу по Замбези в более или менее тщетной попытке выяснить местонахождение Эмин-паши. В начале восьмидесятых годов другой австрийский исследователь, доктор Голуб, путешествовал по Южной Африке и совершил путешествие в Центральную Замбезию. Знаменитый охотник на крупную дичь, мистер Ф. К. Селус, не только многое добавил к нашим знаниям о Южно-Центральной Африке (сегодняшней Родезии), но и проник к северу от Замбези в долину реки Кафуэ, о его исследованиях в этом направлении стало известно совсем недавно. Мистер Ф. С. Арно, миссионер, совершил замечательное путешествие с Юга в Центральную Африку, исследовав южную часть бассейна Конго (Катанга) и достигнув западного побережья Бенгелы. В 1884 году лейтенант Жиро, француз, провел интересное исследование плато Танганьика и озера Бангвеулу, которое он был первым европейцем, нанесшим на карту с какой-либо степенью точности. В 1882 году граф Мейо в сопровождении (сэра) Гарри Джонстона исследовал реку Кунене в Юго-Западной Африке. Впоследствии Джонстон путешествовал по Анголе и вверх по реке Конго, а на обратном пути в Англию посетил эту малоизвестную часть Африки, Португальскую Гвинею. Впоследствии он был отправлен в экспедицию на гору Килиманджаро, в Восточной Африке. Среди других географических работ он посетил малоизвестные районы Туниса в 1880 и 1897 годах; открыл (вместе с доктором Кроссом) южную оконечность озера Руква в Восточно-Центральной Африке в 1889 году; в 1886-88 годах исследовал Камерун и дельту Нигера; совершил многочисленные путешествия по "Британской Центральной Африке" (Ньясаленд и Северная Родезия) в 1889-95 годах; и немного пополнил географические знания в Восточной Африке, Уганде и на горе Рувензори в 1899-1901 годах.

В 1883 году Джозеф Томсон, уже известный как исследователь Африки, был направлен Королевским географическим обществом с чрезвычайно важной миссией. Ему предстояло пересечь почти неизвестную местность, отделяющую побережье Момбасы от восточного побережья Виктория-Ньянза, между двумя великими снежными горами Кении и Килима-ньяро (Килима-ньяро, согласно отчетам Крапфа и Ребманна, была тщательно нанесена на карту бароном фон дер Декеном; мистер Чарльз Нью также поднялся на нее почти до уровня снега). Джозеф Томсон практически заново открыл Кению (рассказ Крапфа был настолько расплывчатым, что его стали считать полумифическим) и сфотографировал эту вторую по высоте снежную гору Африки. После некоторых трудностей ему удалось проникнуть в страну масаи и описать великую рифтовую долину озера Найваша (достигнутую примерно годом ранее немецким исследователем Фишером); открыл озеро Баринго и гору Элгон и, наконец, достиг северо-восточного побережья Виктория-Ньянза — самая замечательная экспедиция, результатом которой стали значительные дополнения к нашим географическим знаниям. Впоследствии Томсон совершил путешествие от устья Нигера до Сокото, исследовал горы Атлас в Марокко, нанес на карту много новых земель в Центральной Замбезии и умер, будучи еще молодым человеком, о чем очень сожалел, в 1895 году. Венгр, граф Самуэль Телеки, который пошел по стопам Томсона, открыл озера Рудольф и Стефани. Лейтенант Хенель, который отправился с ним, проводил другие экспедиции в том же направлении и выполнил замечательную геодезическую работу.

Затем последовало последнее эпохальное путешествие Стэнли — поиски Эмин-паши. После британской оккупации Египта и потери Судана Эмин-паша отступил в Экваториальную провинцию. Через доктора Уильяма Юнкера (русского путешественника, который совершал путешествия по западному бассейну Нила, достиг притока Непоко в Арувими и привез оттуда значительные дополнения к нашим географическим знаниям о водоразделе Нил-Конго) ему удалось связаться с Европой через Уганду, сообщить о своем состоянии и обратиться за помощью. Стэнли поставили во главе большой британской экспедиции, которая должна была отправиться ему на помощь. Он путешествовал через Конго и на стыке Конго и Арувими вступил в неизвестность. Он пересек этот всегда труднопроходимый барьер, пограничную территорию банту - в данном случае почти непроходимый лес. Преодолев бесчисленные препятствия, Стэнли встретил Эмина пашу на "Альберт Ньянза" и в конце концов сопровождал его к побережью Занзибара. В ходе этого путешествия Стэнли обнаружил Рувензори, третью по высоте гору в Африке, Эдвард-Ньянзу (одно из главных озерных истоков Нила) и реку Семлики, соединяющую реки Эдвард и Альберт-Ньянза. Исследованиям Стэнли в этом путешествии оказал большую помощь его превосходный лейтенант, капитан Стэйрс, который первым предпринял попытку штурма Рувензори и впоследствии исследовал Замбезию и Катангу.

В Западной Африке, которой в течение некоторого времени пренебрегали как полем для исследований, все еще оставались пробелы, которые требовалось заполнить — в большой излучине Нигера и за Камеруном. В последней названной стране немецкие путешественники - доктор Цинтграфт, лейтенанты Морген, Кунд и Таппенбек, фон Штеттин, Юхтриц и доктор Пассарж — исследовали горную местность между Камеруном и водоразделом Бенуэ или проследили течение великих и до сих пор совершенно неизвестных рек Лома и Мбама, которые соединяются и образуют Санагу, реку, впадающую в море с южной стороны устья Камеруна. Доктор Оскар Бауманн^[184] также исследовал заброшенный остров Фернандо По. В излучине Нигера несколько французских исследователей и один или два немца и англичанина пополнили пробелы. Примечательными среди них были капитан (впоследствии полковник) Л. Г. Бингер, который первым рассказал о большей части страны между Верхним Нигером и Золотым Берегом; и полковник П. Монтейл, который путешествовал от Верхнего

Нигера до Центрального Нигера, а оттуда до озера Чад и Триполи (1890-1890). Путешествия полковника Бингера можно поставить в первый ряд африканских исследований. Они проводились между 1886 и 1889 годами, а результаты были опубликованы в 1892 году (О Нигере и гольфе Гвинеи). Вместе с работой полковника Монтейла, коменданта Жоржа Туте и немца Г. А. Краузе, английских капитанов Р. Л. Лонсдейла и Брэндона Кирби, местного исследователя Золотого побережья Г. Э. Фергюсона и полковника Х. П. Норткотта исследования Бингера показали сравнительную узость бассейна Нигера в большой излучине Нигера. Большая часть огороженных земель отводится на юг в Гвинейский залив Черной и Белой Вольтами, двумя потоками, которые после очень длинных русел соединяются, образуя главную Вольту. Это важная река, образующая границу (за исключением ее устья) между немецким Тоголендом и британским Золотым берегом. Бингер сделал для этого региона то же, что Гренфелл и Виссманн сделали для второстепенных загадок бассейна Конго. Восточная половина русла Нигера, от его устья вверх до Сокото, была тщательно исследована в 1880-1880 годах немцем Э. Р. Флегелем; и этот последний наиболее примечательный исследователь в 1882-4 годах пересек неизвестный южный бассейн Бенуэ и проследил эту реку до ее конечного истока близ Нгаундере. Разрыв между бассейном Конго и озером Чад был заполнен между 1890 и 1900 годами исследованиями Поля Крампеля, Дыбовского, К. Местра, Э. Жантиля, А. Бернара, Ф. Ж. Клозеля и других французских путешественников.

Между 1889 и 1895 годами сэр Альфред Шарп (впоследствии губернатор Ньясаленда) постепенно нанес на карту озеро Мверу, обнаружил большое солончаковое болото между этим озером и Танганьикой, исследовал Луапулу и Луангву и внес другие интересные дополнения в карту Южно-Центральной Африки, открытия, дополненные исследованием озера Бангвеулу мистером Пулеттом Уэзерли. Капитан Хор, агент Лондонского миссионерского общества, провел обследование озера Танганьика в период с 1878 по 1889 год; и его открытия в водной фауне были настолько замечательными, что мистер Дж. Э. Мур (ученый-зоолог) был отправлен в 1896 году изучать креветок, медуз и водных моллюсков Танганьики, замечательный характер которых впервые был отмечен Бемом (1879) и Хором. Впоследствии Мур исследовал покрытые снегом вулканы Мфумбиро (Вирунга), а оттуда отправился в Рувензори (долина Мубуку) и Уганду. Ранее он исследовал водную фауну озер Ширва и Ньяса. Граф Гетцен исследовал неизвестную страну между озером Эдвард-Ньянза и Танганьикой, открыв высокие вулканы Вирунга и озеро Киву; а мистер Скотт Эллиотт отправился с восточного побережья на гору Рувензори, а оттуда в Британскую Центральную Африку с ботаническими целями.

Великий восточный рог Африки, Сомалиленд и Галаленд, долгое время оставался неисследованным после путешествия Бертон и Спика в Харрар в пятидесятых годах. В начале восьмидесятых годов была предпринята еще одна попытка его исследования. Господа Ф. Л. и В. Д. Джеймс с тремя товарищами проникли в Сомалиленд так далеко на юг, что достигли реки Уэббе-Шебейли. Их сменили в разведке Ревуаль (француз), Русполи, Бричетти-Робекки и Боттего (итальянцы) и Борелли (француз). Последний из названных совершил важнейшее путешествие на юг из Абиссинии и открыл реку Омо. Его отчет о путешествиях, опубликованный французским правительством, является почти идеальным примером того, какой должна быть такая работа. Мистер У. Астор Чанлер, американец, впоследствии провел важную приблизительную съемку Галаленда, расположенного к северу от реки Тана. Доктор Дж. У. Грегори из Британского музея побывал на озере Баринго и в Кении, на гору которой он поднялся выше, чем кто-либо из предыдущих исследователей.

Путешествие доктора Грегори принесло много информации о геологии пройденных стран. Доктор Дональдсон Смит (американец) путешествовал в 1894-5 годах по этим странам между Сомалилендом и Восточной Африкой банту, привезя много нового материала для географии. Капитан (ныне полковник) Х. Г. К. Суэйн исследовал внутренние районы Сомалиленда; полковник Сеймур Венделер обследовал Уганду и Уньеро; полковник сэр Дж. Р. Л. Макдональд в 1897-9 гг.^[185] провел важнейшую экспедицию, которая впервые пересекала горную страну между горой Элгон, озером Рудольф и горным Нилом, открыв много нового в географии и этнологии; и мистер Х. С. Х. Кавендиш в 1897-8 годах совершил замечательное путешествие через восточный Африканский рог от Аденского залива до озера Рудольф и Момбасы.

В 1899 году мистер Х. Маккиндер поднялся на снежный пик Кении, на его самую высокую вершину. Девятью годами ранее экспедиция под руководством господ Ф. Дж. Джексона и Эрнеста Геджа поднялась на самую высокую точку великого потухшего вулкана Элгон (Экваториальная Восточная Африка) (14 000 футов). К. У. Хобли также пополнил наши знания (географические и этнологические) о внутренней Восточной Африке, от Элгона до границы с Германией на юге, между 1896 и 1912 годами.

Основные особенности Немецкой Восточной Африки были открыты еще до того, как Германия политически захватила регион между побережьем Занзибара и Великими озерами; но в 1889 году доктор Ханс Мейер совершил великий подвиг, поднявшись на самую высокую гору Африки — Килима-ньяро — на ее вершину (19 321 фут). Оскар Бауманн (уроженец Вены) довольно подробно исследовал северные районы Немецкой Восточной Африки в период с 1888 по 1893 год, посетив истоки Нила (верховья реки Кагера) недалеко от северо-восточного побережья Танганьики и впервые обнаружив или описав племена с загадочным языковым сходством, такие как сандави. Путешествия доктора Франца Штульмана как в одиночку, так и с Эмин-пашой, особенно в том, что касается водораздела Танганьика-Конго-Нил, представляли большой интерес как для географии, так и для этнологии. Следует также с почетом упомянуть капитана Пола Коллманна, чьи путешествия вокруг южных берегов Виктория-Ньянца и прилегающих к ней островов привели к созданию замечательной книги о народах и языках этого района.

Между 1884 и 1900 годами Х. Шниц, д-р фон Пассарге, д-р А. Шенк и Строммер фон Райхенбах провели большую исследовательскую работу в юго-западной Африке Германии. Тоголенд в Западной Африке был исследован в начале девяностых доктором Р. Бюттнером (уже известным своими путешествиями по Западному Конголанду), Л. фон Банноном и Н. Зайделем.

Новый интерес к Марокко был проявлен в последней четверти 19 века. Помимо смелого путешествия Джозефа Томсона в Атласские горы в 1888 году, было действительно замечательное исследование почти всей мавританской империи в 1883-6 годах Шарлем де Фуко, переодетым французом. Уолтер Б. Харрис пересек Атлас и попал в Тафилалт в 1895 году. В Центральной Африке полковник Дж. Б. Маршан и его спутники совершили замечательное путешествие в 1895-9 годах. Войдя во Французское Конго с побережья Лоанго, Маршан поднялся вверх по рекам Конго и Мубанги, пока не остановился для дальнейшей организации своей миссии недалеко от водораздела Конго и Нила. Затем он переправил свой маленький пароход по частям к Суэ, притоку Бахр-эль-Газала, и оттуда плыл по западным притокам Нила, пока не достиг главного течения. Продолжая свое путешествие на восток и север, он достиг старой египетской станции Фашода на Белом Ниле, где обосновался и где разгромил небольшой отряд дервишей, посланный против него халифом Омдурмана. Появление британцев и египтян под командованием лорда Китченера

сделало эвакуацию Фашоды Маршаном необходимой. Поэтому доблестный французский исследователь продолжил свое путешествие на восток, поднявшись вверх по реке Собат, насколько это было возможно для судоходства, а оттуда пересек доселе неизвестные страны и через Шоа и Сомалиленд добрался до французского порта Джибути на берегу Аденского залива. С точки зрения пройденного расстояния, без больших потерь в людях или материальной части, Маршан заслуживает звания героя африканских приключений.

Единственными путешественниками по Мадагаскару, добившимися важных результатов в географии и физических науках, были английский миссионер преподобный Дж. Сибри (1868-85) и, прежде всего, доктор Альфред Грандидье (1875-1900), Э. Ф. Готье (1892-9) и доктор Г. Грандидье (1898-1902). Последнему названию в основном обязаны недавние открытия полукаменелых вымерших лемуру, описанных в публикациях Лондонского зоологического общества. Альфреду Грандидье мы обязаны великолепным трудом в 28 томах, который полностью описывает этот странный остров.

В конце 19 века Франция начала окончательно овладевать Сахарой; и несколько экспедиций, научных и политических, пересекли этот пустынный регион и выявили все его основные физические характеристики. Выдающимся среди французских исследователей был Фернан Фуро, который завершил десять лет разнообразных исследований великолепным путешествием в 1898-9 годах из Алжира в Зиндер и озеро Чад через Ахаггар, Эйр и Дамергу. Г. Б. М. Фламанд исследовал важный оазис Туат в 1900 году. Большая исследовательская работа была проведена в излучине реки Нигер и внутренних районах берега Слоновой Кости; а экспедиция (1898-1900) М. Хостена и капитана д'Оллоне открыла огромные горы и русла многочисленных рек на северо-востоке Либерии.

Эта запись переносит нас в начало 20 века. Наименее исследованными частями Африки, которые тогда оставались, были: (1) внутренние районы Либерии; (2) регион между водоразделами Бенуэ и Камеруна; (3) озеро Чад и территория между озером Чад, Шари и Нилом; (4) Западная Сахара; (5) Ливийская пустыня и Тибести; (6) Вадаи; (7) регион между Шари, Бенуэ и Мубанги; (8) регион между Камеруном, рекой Санга и Мубанги; (9) Юго-западный Конголенд; (10) Юго-восточная Ангола; (11) внутренние районы Мозамбике, между Мозамбике и озером Ньяса; (12) Юго-западный Галаленд и регион между рекой Собат и озером Рудольф.

Что касается названного района, то многое было дополнено нашими знаниями голландскими исследователями Набером и Море, мистером Джоном Паркинсоном и господами А. Шевалье и Морисом Делафоссом; последний из названных провел замечательное языковое исследование Западной Африки. В № (2) должны быть записаны путешествия капитана Э. Ленфанта (который доказал связь между верховьями Бенуэ и системой Шари через болота Тубури); полковника Л. Джексона; П. Амори Тэлбота (Бенуэ, Кросс-Ривер и страна Экой); и немецких исследователей Ф. Хаттера, Ф. Бауэра и О. Циммермана. Что касается № (3) — озера Чад — это первое из всех обнаруженных африканских озер не было должным образом исследовано и нанесено на карту до начала 20 века, когда эта работа была выполнена экспедициями капитана Ленфанта, полковника Дестенава, монса А. Шевалье и капитана Тильо. Он также был тщательно изучен лейтенантом Бойдом Александером, чье путешествие Нигер-Бенуэ-Мубанги-Нил в 1905 году значительно расширило наши знания о регионе Чад. В № (4) "Западная Сахара и Южное Марокко" у нас были важные исследования французских офицеров или гражданских лиц Ла Перроне, Арно, Поля Бланше, Эдмона Дутте, Кортье, Ньежера и Готье (последний специально изучал наскальные рисунки и археологию); и примечательное путешествие англичанина, капитана А. Х. Хейвуда, который путешествовал из Сьерра-Леоне в Алжир. № (5), все еще остается

одной из самых пустынных частей Африки, хотя Восточная Сахара от Триполи до Бильма была пересечена мистером Ханнсом Вишером из Британской Нигерии в 1906 году. Ливийская пустыня также исследуется У. Хардингом Кингом и другими британскими исследователями, прибывшими из Египта. В Вадае, который в 1910 году пересек лейтенант Бойд Александер (он был убит на границе с Дарфуром), французская военная оккупация вскоре проведет подробное обследование. В № (7) были проведены подробные исследования капитаном Э. Ленфантом и господами Э. Ф. Готье и Р. Чудоот имени французского правительства. Основные пробелы в № 8 были восполнены английским путешественником мистером Г. Л. Бейтсом (замечательным полевым натуралистом, сделавшим очень важные открытия новых позвоночных в Западной Экваториальной Африке), О. Циммерманом и другими немецкими исследователями. На юго-западе Конголенда на первый план вышел великий исследователь и антрополог, г-н Эмиль Тордей, венгр, чьи замечательные работы о бушонго и племенах рек кванго, Квилу, Касаи и Санкуру были опубликованы на английском и французском языках. Следует также упомянуть о путешествиях австрийца Франца Тоннера по центральной и северной части Конго, которые имели большое значение для определения сложного распределения языковых семей в этом регионе. Юго-западная Ангола по-прежнему остается очень малоизвестной, хотя работа железной дороги Лобито-Бей-Катанга постепенно проливает свет на географию этого региона; в то время как в Баротселенде и Северной Родезии были проведены первоклассные исследования майора А. Сент-Хилла Гиббонса, Фрэнка Мелланда и других должностных лиц Британской Южно-Африканской компании. В п. (11) требуется значительная часть точной геодезии и геологических исследований. В № (12) (Южный Галаланд и Собат до озера Рудольф) с 1900 года проводятся замечательные исследования Оскара Неймана (немца), капитана М. С. Уэлби, капитана Х. Х. Остина и капитана П. Мод — английских офицеров, путешествующих от своего имени или по поручению британского правительства.

Доктор Рихард Кант, немец, в период с 1901 по 1906 год провел тщательное обследование озера Киву, плато на северной оконечности Танганьики, а также Кагеры (главного истока Нила) и ее притоков. В период с 1900 по 1904 год командер Б. Уайтхаус нанес на карту всю береговую линию озера Виктория-Ньянза, сделав множество новых открытий и исправив многие старые ошибки в определении границ.

Давно обсуждаемое путешествие от Кейпа до Каира было совершено первым в 1900 году мистером Эвартом Гроганом, за которым вскоре последовал Монс. Lionel Décle. Многие туристы и официальные лица впоследствии повторили этот подвиг, который теперь стал сравнительно легким благодаря развитию железных дорог и судоходства на речных пароходах. Однако примечательным было путешествие мистера Фрэнка Мелланда и его спутника на велосипедах из Родезии в Египет, совершенное в 1911 году. Немецкие офицеры проехали на автомобилях всю Африку, от Германского Востока до германской Юго-западной Африки.

Примечательными достижениями в исследованиях, хотя они, возможно, и не выявили многого нового в картографии, были путешествия и исследования лейтенанта П. Х. Г. Пауэлла Коттона (Абиссиния, Восточная Африка, Конголанд и Португальская Гвинея — 1900-11); Огюста Шевалье, французского ботаника (Центральный Судан, Верхний Нигер, Западный Конголанд и Либерия - 1898-1910); Александра Уайта, шотландского ботаника—коллекционера (Британская Центральная Африка, Восточная Африка, Уганда и Либерия - 1891-1904); доктора У. А. Каннингтона (Великобритания). Танганьика, 1904-5); Его Королевское Высочество герцог Абрुцци, который в 1906 году провел первое полное обследование хребта Рувензори и поднялся на все высочайшие вершины; А. Сэвидж

Лэндор, который пересек Африку в самом широком месте, в основном пешком, от Сомалиленда до Сенегала (1906); Теодор Рузвельт (Восточная Африка и Египетский Судан, 1909-10); и сэр Дэвид и леди Брюс (Уганда, Ньясаленд и Северная Родезия — 1903-11).

Героический этап исследования Африки закончился в 19 веке; и невозможно записать имена всех военных и гражданских чиновников, которые с тех пор спокойно, кропотливо и с пользой вписывали детали в общие контуры, нарисованные (ценой страшной усталости, серьезного ухудшения здоровья и опасности со стороны диких туземцев) великими исследователями прошлого. Предстоит покорить еще много высоких гор — в Атласе, в Тибести, на северной границе с Либерией, на юго-восточных границах бассейна реки Нигер, в Камеруне, на юго-западе Мокамбике, на юго-востоке Анголы и на севере Галаленда; предстоит исследовать озера, определить геологические формации, определить зоны растительности и распространения быстро исчезающей фауны. Археология Юго-восточной Африки, Сахары, Марокко и Сомалиленда все еще преподносит нам сюрпризы. Палеонтологическое исследование Африки только начинается; и уже в Алжире, Египте, Восточной и Южной Африке, а также на Мадагаскаре исследования дали свидетельства удивительной исчезнувшей фауны гигантских буйволов, гигантских динозавров, гигантских птиц, крупных лошадей, маленьких динотериев, отдаленных предков слонов, китов, сирен, гиппопотамов, жирафов, обезьян и человекообразных обезьян. Более тщательный поиск видов живых существ с 1900 года уже выявил окапи в лесах северо-восточного Конго, большую черную свинью Экваториальной Африки и несколько новых антилоп и обезьян. Ботанические исследования, проводимые с 1900 года, показали существование в Африке около тридцати источников хорошего каучука, а также многих ценных камедей и орехового масла. Золото было найдено в бассейне северо-восточного Конго, олово - в Нигерии, а алмазы - в Юго-западной Африке Германии, на юго-западе Конголенда и в Либерии. Африка, вероятно, и в будущем останется такой, какой она казалась кавказцу с тех пор, как он начал свою историческую колонизацию, — самым интересным и загадочным из континентов, всегда производящим что-то новое.

ГЛАВА XIII

БЕЛЬГИЙСКАЯ АФРИКА

В предыдущей главе уже рассказывалось о том, как географический пыл короля Бельгии привел к отправке Стэнли с важной экспедицией для исследования Конго. Однако до этого предприятия король Леопольд II проявил глубокую заинтересованность в судьбе Центральной Африки. После успешного пересечения континента от Занзибара до побережья Бенгелы командером В. Л. Камероном, Р.Н., и его открытия богато обеспеченных территорий Южного бассейна Конго король Леопольд созвал в Брюсселе под своим председательством конференцию географов, которая создала Международную ассоциацию по исследованию и цивилизации Центральной Африки и за отмену работорговли, которая тогда действительно опустошала этот регион. Эта Международная ассоциация вскоре разделилась на ряд национальных комитетов; Бельгийский был основан в ноябре 1876 года, а в 1877-79 годах бельгийские экспедиции были отправлены через Занзибар в Танганийку. К

августу 1879 года капитан Камбье (превосходный первопроходец) основал станцию Карема на юго-восточном побережье Танганьики. Капитан Э. Стормс обосновался здесь (вместе с католической миссией Белых отцов) в 1880 году и приступил к работе по объединению племен Танганьики для самообороны от арабских налетчиков на рабов. Шторм стал настоящим героем после того, как отбил от арабских войск с помощью всего лишь местных материалов, наспех обученных как солдаты. К 1885 году он был признан великим Белым вождем и защитником южной Танганьики.

В 1879 году из бельгийского отделения Африканской международной ассоциации вырос Комитет исследований Верхнего Конго, который выдвинул идею о заключении Стэнли от своего имени договоров с верховными вождями региона Конго, договоров, посредством которых эти вожди должны были согласиться объединиться в своего рода конфедерацию в целях взаимной поддержки, в то же время они допускали на свои территории торговцев, которые будут разосланы Комитетом, который должен был в некотором роде стать сюзереном этой Федерации Конго. Мистер Стэнли, по-видимому, находился под впечатлением, что окончательный протекторат над центральным Конго будет британским; до 1884 года мало кто, казалось, думал, что король Бельгии провозгласит себя сувереном Конго. В начале восьмидесятых в Конго произошла своего рода англо-французская дуэль, Де Бразза представлял французов, а Стэнли - британцев. Когда до британского правительства начало доходить, что король бельгийцев действует в чисто бельгийских интересах, им пришлось в голову, что нет никаких причин, по которым Англия и Португалия не могли бы прийти к соглашению, во всяком случае, по поводу Нижнего Конго. Таким образом, несостоявшийся международный договор 1884 года был составлен, но не ратифицирован. Полагая, что это было предварительным шагом к установлению британского протектората над Конго, Франция и Германия объединили усилия; и в Берлине была созвана Конференция по африканским делам, первая из длинной серии совместных действий, предпринятых другими государствами Европы, чтобы остановить расширение британского влияния.

На Берлинской конференции 1884-5 гг. Независимое государство Конго^[186] было признано всеми ведущими державами Европы как суверенное государство во главе с королем Бельгии. Границы не были установлены окончательно, но западная граница Танганьики была объявлена восточной границей; и капитан Стормс, к его великому огорчению, был отозван. Однако, прежде чем дать свое согласие, Франция оставила за собой преимущественное право владения этими территориями Конго, помимо того, что по соглашению с королем Бельгии получила значительную часть западного Конгоганда. Мистер (впоследствии сэр Генри) Затем Стэнли перестал управлять государством Конго, и его сменил сначала сэр Фредерик Голдсмид, а затем сэр Фрэнсис Де Винтон, который правил от имени короля Бельгии, но придавал администрации отчетливо английский тон. Монс. Камилла Янссен, однако, сменила сэра Фрэнсиса Де Винтона в 1886 году; международный характер государства был утрачен; и британские, французские, португальские, шведские и немецкие чиновники постепенно заменялись бельгийцами, так что к 1891 году вся администрация была бельгийской. Стэнли, однако, еще раз вмешался (в 1887 году) в дела Свободного государства, которое столкнулось с большими трудностями из-за нападений занзибарских арабов на Верхнюю часть Конго. Стэнли тянул время, стремясь выиграть время для молодого государства, и признал Типу Типу^[187], ведущего араба, губернатором короля Бельгии в Верхнем Конго. Типу Типу ушел примерно в 1890 году, когда арабское восстание против немцев вызвало серьезную напряженность между арабами и европейцами в Центральной Африке. После его ухода арабы, которые теперь стали чрезвычайно могущественны в Верхнем Конго, напали на бельгийцев в 1892 году, убив торговца Ходистера и ни в чем не повинного Эмин-пашу, а также заключив в тюрьму и в конечном итоге убив бельгийского

резидента и его помощника в арабской столице (Касонго), помимо резни людей на нескольких аванпостах. Силами государства, в основном состоявшими из уроженцев Конго с несколькими хауса из Нигерии и одним или двумя заслуживающими внимания либерийскими неграми, умело руководили девятнадцать бельгийских и один английский офицеры, а командовал ими комендант (впоследствии ставший бароном) Дханис. Упомянутым английским офицером был капитан (первоначально хирург) Сидни Л. Хайнд, впоследствии британский чиновник в Восточной Африке.

Дханис начал в июле 1892 года наиболее примечательную кампанию с базы — Лусамбо — на реке Санкуру. Его маленькая армия двинулась лесными тропами к Ломами и таким образом обошла арабов с фланга. От Ломами бельгийские войска вышли к берегам великой Луалабы-Конго, и, одерживая победу за победой, они захватили Ньянгве (великий город рабов времен Ливингстона) 4 марта 1893 года и взяли Касонго (арабскую цитадель) штурмом 22 апреля 1893 года. История, рассказанная капитаном Сидни Хайндом^[188], о захвате Ньянгве и Касонго читается как эпизоды из романа "Невозможный всадник" Хаггарда. Это был один из величайших ратных подвигов, проявлений стойкости и великолепного мужества, которые только может показать история Африки. К началу 1894 года бельгийцы добились завоевания всей страны вплоть до западных берегов Танганьики и смерти или изгнания из Конголенда всех арабских лидеров. Этот блестящий эпизод в истории бельгийского Конго, однако, был омрачен судебным убийством в сентябре 1893 года Гонго Лютете, великого вождя племени маниема, который в начале борьбы с арабами перешел на бельгийскую сторону и только союз с которым сделал возможной победу бельгийских вооруженных сил. Казнь этого военного вождя — без отсрочки или апелляции, без каких-либо достоверных доказательств предательства - после военного трибунала драмхеда под председательством молодого бельгийского лейтенанта читать так же больно, как предыдущую кампанию барона Дханиса против арабских работорговцев - источник удовлетворения для всех, заинтересованных в благополучии Африки. Бельгийцам в конечном итоге пришлось дорого заплатить за эту судебную ошибку. Память о смерти Гонго Лютете тлела среди негритянских солдат, которых он вырастил для службы с бельгийцами; и в 1895 году они подняли открытый мятеж в Лулуабуре и убили своего бельгийского командира. Барон Дханис подавил этот мятеж наказанием и переговорами; но в 1897 году мятеж вспыхнул снова среди тех солдат Маниемы и Батетелы, которые были переведены в анклав Ладо в бассейне Нила. Восстание распространилось повсюду и не прекращалось до 1900 года.

В 1892 году король Леопольд II, встревоженный успехами Британской Южно-Африканской компании, отправил экспедицию под командованием капитана Стэйрса (бывшего лейтенанта Стэнли— уроженца Новой Шотландии), чтобы занять от его имени территорию Катанги, которая была спорной землей, в некоторой степени находившейся под влиянием британских миссионеров, но утверждала, что находится в границах государства Конго. Его король (Мсиди) был авантюристом и работорговцем из Мнямвези; тем не менее, он правил своей страной с определенной степенью мудрости и позволил британским миссионерам поселиться там, а британским путешественникам исследовать; поэтому с некоторым сожалением стало известно, что он был без суда и следствия расстрелян за отказ передать свою территорию бельгийцам. Не довольствуясь гигантскими владениями, уже находившимися под его контролем, король бельгийцев стремился распространить их до берегов Белого Нила. В 1894 году было заключено соглашение с британским правительством, по которому в обмен на полосу территории, которая позволила бы последнему соединить северную оконечность Танганьики с Угандой, король Бельгии передал в аренду управление территориями на севере до Бахр-эль-Газала и Белого Нила. Но это соглашение было практически аннулировано последующей бельгийской конвенцией с

Францией, которая ограничила северную границу Независимого государства Конго притоком реки Веле Мбому, в то время как король Бельгии на некоторое время сохранил за собой право аренды небольшого участка территории на западном берегу Белого Нила, напротив Ладо.

Еще одним событием в недавней истории государства Конго, вызвавшим некоторое возмущение в Англии, стала казнь несчастного Чарльза Стокса без суда и следствия бельгийским офицером по имени Лотэр. Мистер Стоукс (ирландец из Ольстера) когда-то был миссионером и часто путешествовал по Уганде взад и вперед. Затем он устроился торговцем и, хотя и был британским подданным, был достаточно интернациональен в своих симпатиях, чтобы работать на немцев, помогая основать их восточноафриканскую колонию. В ходе своих экспедиций по торговле слоновой костью он проник в государство Конго. Лотэр подозревал, что он снабжал арабов порохом; поэтому он послал гонца к Стоксу, вызывая его в свой лагерь. Стоукс пришел, ничего не подозревая. Ночью его подвергли перекрестному допросу, а рано утром вывели из его хижины и повесили. Проще говоря, он был убит; ибо он не только не предстал перед судом, но и в то время в государстве Конго сохранялась британская консульская юрисдикция, и не было представлено достаточных доказательств того, что Стоукс продавал какой-либо порох арабам или делал что-либо, достойное смерти. Майора Лотэра судили за убийство Стокса как в Боме, так и снова в Брюсселе, но на каждом судебном процессе его признавали невиновным, и часть бельгийской прессы считала его национальным героем. Однако в конечном итоге он был уволен со службы в Свободном государстве Конго, а ребенку Стокса было выплачено пособие в размере 6000 фунтов стерлингов.

В июле 1898 года была открыта для общественного пользования (в основном благодаря предприятию полковника Тиса) железная дорога от Матади до Стэнли-Пула протяженностью около 250 миль, на строительство которой ушло около 8 с половиной лет, но которая, будучи законченной, оказала огромную помощь в освоении природных ресурсов Конголенда. Матади - порт в нижнем течении Конго (110 миль от моря), до которого могут подниматься океанские пароходы. От Леопольдвилья на Стэнли-Пул тянется от 4000 до 5000 миль судоходных водных путей, по которым пароходы и паровые катера могут проникать во внутренние районы Французского Конго и Камеруна, до Центрального Судана (бассейн Шари) и Египетского Судана, Германской Восточной Африки и Родезии, которые находятся в пределах нескольких дней пути.

Но последствия, следовавшие за открытием этой железной дороги, отличались от ожиданий короля Леопольда. Европейское общественное мнение постепенно обнаруживало, что одно из самых смелых нарушений международного права и справедливости, известных истории, было совершено человеком, который в 1876 году предстал перед Европой как бескорыстный филантроп, желающий направить свои свободные средства на реализацию идеалов Ливингстона и возрождение негритянской Африки. С помощью Стэнли он между 1879 и 1885 годами основал свое Независимое государство Конго, обосновав свое право называть себя "Руа-Сувереном" этого обширного доминиона на ряде договоров, заключенных его агентами в регионе, ныне известном как Французское Конго, а также вдоль обоих берегов главной реки Конго от моря вверх до впадения Ква-Касаи; то есть только на сороковой части территории, которой, как он утверждал, он управлял с согласия местных вождей, а также Европы.

Двумя из многочисленных условий, выдвинутых его правительством Конго, были свобода торговли по всему бассейну реки Конго и право миссионеров беспрепятственно путешествовать, селиться и строить там, где они пожелают. Тем не менее, как только король

Леопольд II был признан международным сообществом в качестве короля-суверена государства Конго, он начал откладывать в сторону все те положения Берлинского акта, которые сковывали его намерения по самообогащению и неоспоримой автократии. Свобода торговли, за исключением устья реки и устья реки Конго, стала невозможной. К 1890 году в бассейне реки Конго выше бассейна Стэнли слоновая кость была объявлена государственной монополией; и вскоре каучук был отнесен почти к той же категории. Торговля была в основном ограничена государством, а также одной голландской и различными бельгийскими фирмами, хотя коммерческие агентства в Нижнем Конго все еще содержались купцами других стран. Эта политика со стороны государства Конго, которое на основании своих филантропических заверений получило в 1891 году разрешение взимать импортные пошлины, подверглась резкой критике и привела к некоторому отчуждению симпатий в Англии. К этому добавились экстраординарные истории о зверствах, которые начали распространяться британскими, американскими и шведскими миссионерами. Говорили, что для обеспечения уплаты дани слоновой костью и каучуком бельгийские чиновники приказали своим подчиненным-неграм отрубать руки всем, кто откажется от уплаты. Утверждалось, что туземцы были ввергнуты в рабство худшее, чем все, что ввели арабы, что их расстреливали по пустяковым причинам и что негритянской полиции и солдатам штата было позволено беспрепятственно пожирать тела убитых в бою. Эти обвинения в некоторых случаях были едва ли правдоподобны применительно к действиям цивилизованных людей; король Леопольд в 1896 году учредил комитет миссионеров для их расследования и внесения предложений по улучшению методов управления. Но комитет был скован во многих отношениях и лишен возможности получить доказательства. Обвинение в допущении каннибализма подтверждается рассказами капитана С. Л. Хайнда, на которые уже ссылались, и других британских офицеров, служивших в Конго. Дело в том, что территория, почти такая же большая, как Бразилия, была передана в управление нескольким молодым бельгийским офицерам и сотрудникам нескольких компаний-концессионеров. Подчиненные, которых они использовали в своей администрации и на войне, были дикарями, едва избавившимися от самых варварских обычаев; и точно так же, как, в гораздо меньшей степени, полиция Мателе Британской Южно-Африканской компании была виновна в злоупотреблениях, которые Компания сознательно никогда бы не допустила, так и негритянские солдаты Государства Конго совершили ужасающие бесчинства, прежде чем их офицеры смогли осознать их предполагаемые действия и предотвратить их. Но ничто не может быть сказано в оправдание или смягчение поведения определенных агентов привилегированных компаний и даже лиц, нанятых в частных владениях короля Леопольда, чьи действия, зафиксированные в неоспоримых доказательствах, были почти дьявольскими.

В июле 1885 года король-суверен государства Конго издал указ о том, что все свободные земли в пределах границ государства являются “частной собственностью” (*Domaine privé*) правительства; правительство было тогда и в течение двадцати пяти лет после этого деспотическим королем-Сувереном. Сначала против этой меры было выдвинуто мало возражений, общая идея (очень похожая на заявления, сделанные тогда и позже другими европейскими державами в их африканских владениях) заключалась в том, что король Леопольд хотел защитить права местных жителей от поспешной и безрассудной продажи частным спекулянтам земель или охотникам за концессиями. Но в 1891 году из кабинета короля был разослан “секретный указ”, оставляющий за государством всех слонов и их слоновую кость, а также весь дикий каучук и лесную продукцию на “свободных землях” *Domaine privé*. Должностным лицам государства было предписано организовать сбор (в виде налогов) всей добываемой слоновой кости и каучука; а коренные жители Конго (за исключением небольшой западной полосы у Атлантики) были обязаны продавать всю свою продукцию только государству. Более поздним указом им фактически было запрещено

покидать свои деревни без специального разрешения. Короче говоря, согласно распоряжению короля-Суверена, все население Бельгийского Конго — почти миллион квадратных миль — было фактически порабощено, и это человеком, который в 1876 году выступил перед Европой и объявил, что собирается посвятить столько своего времени и денег, сколько сможет выделить из Бельгии, отмене рабства в Центральной Африке и воспитанию негров в условиях свободы и просвещения.

В 1896 году другим “секретным указом” был создан *Домен де ла Куронн* и выделен для короля Леопольда II участок площадью 112 000 квадратных миль в самом сердце Конголанда, между реками Санкуру и Бусира. Этим регионом, удивительно богатым дикорастущим каучуком, должен был в частном порядке управлять Леопольд II, не отчитываясь перед государственной казной, и, конечно, не закладывая его огромные доходы (выжатые из жителей жестокостью и стрессом, которые едва ли превзойдут недавно выявленные ужасы Путумайо) в какой-либо взнос на ежегодные расходы государственного управления в штате Конго. Кроме того, вся остальная часть *Domaine privé* (за исключением всегда истощенной полосы вдоль берегов Конго между бассейном Стэнли и морем) была разделена на регионы, строго отведенные для государственной монополии на продукцию, и другие, которые были переданы концессионерским компаниям, в которых либо государство, либо король Леопольд, либо оба были партнерами по прибыли. Этим концессионерским компаниям сначала были предоставлены почти неограниченные полномочия над местными жителями, что привело к ужасающим злоупотреблениям, которые потрясли совесть Европы и англосаксонской Америки. Один иностранный торговый дом, который мог бы протестовать, был разгромлен, получив часть награбленного; большинству других старинных торговых домов в Низовьях реки запретили торговать внутри страны; влиятельные англичане (не забывая о нескольких связанных с прессой) были допущены к получению прибыли; и в течение примерно двенадцати лет эти поистине незаконные действия игнорировались, несмотря на протесты миссионеров, начавшиеся в 1898 году, и яростную атаку мистера Фоксборна^[189] о политике короля Леопольда, опубликованной в 1903 году, то есть проигнорированной правительствами государств, принявших участие в Берлинской конференции 1884 года. Честные государственные деятели поначалу не могли поверить, что Леопольд II, король Бельгии, внук Луи Филиппа, двоюродный брат королевы Виктории, муж австрийской эрцгерцогини, преданный сторонник Римской церкви и очень богатый человек, мог на мгновение поддаться политике, одновременно позорной, вопиюще несправедливой, чрезвычайно жестокой и невероятно подлой^[190]. Были отмечены доблестные действия многих бельгийских первопроходцев на Танганьике и Луалабе - даже на окраине египетского Судана, куда Великобритании тогда не хватило решимости вторгнуться. “Великая летопись бурь” была обнаружена в записях миссионеров, и общественное мнение было опрошено: “Возможно ли, что человек, который послал таких офицеров, как эти, который пресек работорговлю, которую Ливингстон ненавидел, но был бессилён арестовать, который принес облегчение от тирании дервишей измученным туземцам Бахр-аль-Газала, мог желать обогатиться сам, и только сам, продуктами всего Конголанда, мог терпеть сбор каучука или добычу слоновой кости методами принуждения, которые можно найти только в худших записях прошлого?” Испания в Новом Свете? И все же это было правдой. Бок о бок с этим опустошением бассейна Конго — опустошением, которое оставило арабские набеги рабов далеко-далеко позади, которое за пятнадцать лет сократило коренное население (в результате сонной болезни) примерно с двадцати миллионов до всего лишь девяти миллионов, — продолжалась работа цивилизации, в своем роде столь же хорошая, как все, что Британия или Франция сделали в Уганде или Нигерии. Везде, где у бельгийских офицеров были развязаны руки, и они не были простыми агентами этого исключительно бессердечного человека, они заново создавали местные общины, и даже были любимы и

почитаемы местными жителями. Виновата была не столько бельгийская нация, сколько бельгийские мужчины, которым не хватило тех замечательных административных качеств, которыми обладают многие другие европейские нации; это была система, навязанная им существом, родившимся не в свое время, личностью, которая без изменений перешла из 16 века в 19. Однако, справедливости ради, эта концепция “африканской колонизации” не была свойственна Леопольду II. Это был идеал некоторых английских умов и еще больше вошел в моду у определенного типа французского колониального администратора или министра. Как мы видели, история Французского Конго была очень похожа на историю Бельгийского Конго.

Король Леопольд долго защищался от нападков и отразил многие удары британского парламента, указывая на британские компании и британские монополии в Африке. И у нас, по—видимому, не было государственного деятеля, достаточно ловкого, чтобы указать ему на кардинальное различие. Ни в одном из своих постоянных соглашений и никогда даже теоретически Великобритания не допускала в своих африканских доминионах или сферах влияния монополий, которые ограничивали торговлю страны одной или несколькими привилегированными организациями или которые обязывали туземцев ограничивать свою торговлю какой-либо конкретной фирмой или индивидуальным торговцем. Великобритания действительно признавала (обычно там, где было невозможно поступить иначе), что определенные компании-первопроходцы или отдельные лица владели путем покупки на справедливых условиях обширных участков земли в “новой” Африке; но права туземцев на землю, которую они занимали и использовали, уважались, всегда принимались меры для их расширения, и в большинстве случаев вся свободная земля принадлежала британскому правительству. Но не в направлении, параллельном тому, которому следовал Леопольд II, не в результате увеличения личных доходов королевы Виктории или короля Эдуарда, не в результате строительства эстрады в Маргейте, оперного театра в Борнмуте или нового музея в Лондоне. Британское правительство считало, что держит свободные земли в доверительном управлении для новорожденного штата и для всех его будущих жителей, без различия цвета кожи, за исключением того, что к черным должно быть более либеральное отношение, чем к белым. Все доходы, получаемые от государственных земель в Британской Африке, ежегодно учитываются и направляются на службу и на благо страны, из которой они получены. В этом заключается радикальное различие между грабежами короля Леопольда (или старой Испанской колониальной империи) и политикой Великобритании и большинства других современных европейских держав в Азии и Африке. Хорошо это может быть, а может и не быть, что половина земли в Уганде или Нигерии является собственностью государства, государства, которым в настоящее время в основном управляют европейцы. Но в любом случае любой туземец, достаточно образованный, чтобы читать годовые отчеты, может определить весь доход, получаемый от земли; и весь этот доход расходуется — обычно с ведома и по совету местных консультантов — на Нигерию или Уганду, в зависимости от обстоятельств, а не на какую-либо другую землю. Король Леопольд, это правда, хотя и забирал себе все доходы, прямые и косвенные, поступающие от государства Конго, до 1890 года покрывал из своего личного кошелька расходы на создание и содержание государства Конго (общая сумма около 500 000 фунтов стерлингов) и, вероятно, дополнительно потратил до 1901 года еще 400 000 фунтов стерлингов. Но даже после предоставления ему процентов в размере 4% (теоретически) на эти расходы в размере 900 000 фунтов стерлингов и добавления к этому теоретического гражданского состояния в размере 20 000 фунтов стерлингов в год в качестве короля-Суверена, он все еще был должен государству Конго сумму, заниженную на 4 000 000 фунтов стерлингов, когда это государство было аннексировано Бельгией в 1909 году. Иными словами, он извлек выгоду из своего вмешательства в дела Конго по крайней мере в такой же степени, а возможно, и в гораздо

большей. И его огромные богатства были добыты жестокой ценой человеческих жизней и человеческих страданий.

Я хочу представить все аспекты этого поразительного эпизода в истории колонизации Африки. Поэтому я бы заявил, что король Леопольд потратил небольшой процент от вышеуказанной прибыли — скажем, 100 000 фунтов стерлингов — на содействие научным исследованиям своих территорий и подвластных народов, в результате чего наши знания о фауне, флоре, метеорологии и, прежде всего, этнологии бассейна Конго были значительно расширены. Кроме того, какими бы несправедливыми по отношению к условиям торжественного договора ни были его уступки и монополии, они во многом обогатили Бельгию и Антверпен в частности. Легко себе представить, что, когда так много подданных короля наживали большие и малые состояния на Конго-каучуке, слоновой кости и пальмовом масле, когда на пожертвования Конго росли церкви, создавались музеи, бельгийским городам дарили киоски и общественные сады ради получения прибыли, бельгийцы (как правило, очень несведущие в Африке, колониальной политике или предметах, не связанных с бельгийской жизнью) должны были быть в восторге от своего монарха, его “стройности” и Конго-дойной коровы. А известные английские властители в области судоходства и финансов были партнерами короля Леопольда, чей пресс-отдел еще больше подавил критику в журналах Америки, Франции и Германии. Поэтому мало найдется историй более романтических — и которые покажутся потомкам более невероятными, — чем та, в которой рассказывается о том, как этот Голиаф был побежден Давидом в лице бедного судового клерка в офисе ливерпульской судоходной фирмы, входившей в число партнеров короля Леопольда.

Этого судового клерка — Э. Д. Мореля — послали в Антверпен и вообще в Бельгию, потому что он говорил по-французски и, следовательно, мог согласовать все мелочи, касающиеся стоимости проезда на пароходе и размещения пассажиров, а также размеров фрахта товаров и продукции, с официальными лицами штата Конго. В ходе своей работы он познакомился с некоторыми ужасными фактами ненадлежащего управления в Конго. Он привлек внимание своих работодателей к этим историям и их проверке. Результатом стало его увольнение.

Почти без гроша в кармане он взялся за ручку и бумагу, чтобы через британскую прессу и британских издателей просветить мир о положении дел в Конго. От африканских торговцев, не столь черствых, как его покойные работодатели, он получил поддержку, которая также медленно и поначалу неохотно исходила от общественности. Ему удалось заинтересовать тогдашнее правительство, поскольку его обвинения были полностью подтверждены британскими консулами, отправленными в Конголенд с докладом (самым известным из которых был сэр Роджер Кейсмент). Морелю пришлось столкнуться с оскорблениями и даже личными нападками проплаченных оппонентов на его митингах, а также с клеветой субсидируемой королем Леопольдом прессой; но он пробудил общественное мнение в Великобритании, Бельгии, Соединенных Штатах, Швейцарии, Франции и Германии. Первым, на что Голиаф обратил внимание Давида, было — очень неохотно — назначение Комиссии по расследованию, состоящей из выдающегося и честного юриста из Бельгии, Италии и Швейцарии. Их отчет, хотя его публикация была лишь частичной, был фактическим признанием правдивости утверждений, выдвинутых Морелем, британскими консулами и миссионерами. Королю Леопольду, по сути, нечего было предложить в свою защиту; и хотя, максимально используя свои полномочия как короля, как родственника королей и императоров, как богатого человека, ему удавалось затягивать дискуссии и переговоры настолько долго, насколько это было возможно, конец был неизбежен. Конго было отнято у

него и аннексировано Бельгией 14 ноября 1908 года. 17 декабря 1909 года умер король Леопольд. Стэнли, “Була Матади”, настоящий создатель государства Конго, умер на пять лет раньше него в 1904 году, последние несколько лет его жизни были омрачены удручающим убеждением в том, что непосредственным результатом работы всей его жизни стал грязный скандал и самый чудовищный акт лицемерия, когда-либо совершенный Европой в Африке^[191].

Леопольд II нашел много сторонников в Англии и Соединенных Штатах, даже среди мужчин и женщин-путешественников с хорошей репутацией, неспособных поддаться подкупу или уговорам. Но объяснение этой кажущейся аномалии, в отличие от яростных обвинений Мореля, британских, американских, шведских и бельгийских миссионеров и публицистов, заключается в том факте, что эти апологеты или восхвалители короля или его бельгийских офицеров никогда не посещали обширную *Область ла Куронн* (территория, превышающая по площади Соединенное Королевство) и не проникали далеко в ревниво закрытые концессии бельгийских компаний; а также в странном невежестве, которое многие из таких путешественников проявляли в элементарной этике прав коренных жителей. Они видели — как и нынешний автор — порядок, сменивший беспорядок, улучшенное земледелие, красивые здания, конец арабскому рабству, распространение образования среди местных солдат и через них, и многие другие благотворные признаки цивилизации, и они никогда не изучали то, что происходило вдали от стереотипных маршрутов путешествий. Или, если они принадлежали к классу научных исследователей типа Эмиля Тордея, они с большим риском проникали в отдаленные районы юго-запада, севера и северо-востока Конголенда, где местные племена были слишком могущественны, чтобы быть поработанными и принужденными собирать каучук или ограничивать свою торговлю королевскими агентами и концессионерами. К счастью, эти районы избежали опустошительных действий Леопольда и теперь созрели для того, чтобы через бельгийское агентство передать их народам упорядоченную цивилизацию.

Любой историк, который не стал бы подробно останавливаться на самоотверженном и обычно низкооплачиваемом труде многих бельгийских офицеров и гражданских лиц в Конголанде среди сварливых или жестоких местных племен, на достижениях на благо туземцев многих бельгийских инженеров, врачей, плантаторов, дорожников, скотоводов и школьных учителей, был бы поистине несправедлив. Уничтожение арабской тирании навсегда останется подвигом необычайного мужества и принесением долговременного блага Центральной Африке; и, к счастью, несправедливые действия короля и его концессионеров имели место не в регионах, освобожденных от арабского владычества. Завоеванные арабами части бассейна Конго никогда не возвращались к процветанию и благополучию местных жителей с тех пор, как они стали бельгийскими провинциями; и почти то же самое можно сказать о Катанге, которая при узурпировавших ее вождях Ва-нямвези была залита кровью. Но бассейн Конго по-прежнему управляется Бельгией при режиме, который не соответствует в точности условиям, установленным Берлинским актом, и не удовлетворяет тех, кто желает справедливого отношения к коренным народам, ведущим оседлый сельскохозяйственный образ жизни.

Нынешний король Бельгии (Альберт I) посетил территории Конго в 1907 году, пересек Конголенд от Катанги до устья Конго и решил, что его политика как короля-суверена должна радикально отличаться от политики его предшественника. Поток свободной торговли уже пронизывает доминион и приносит с собой свободу в других направлениях. Более крупных местных вождей теперь поощряют работать с бельгийским правительством и заботиться о непосредственных интересах своих подданных. В восточном Конголенде быстро

развиваются железные дороги, которые когда-нибудь свяжут Северную Родезию с Угандой, англо-египетским Суданом и французским Суданом.

Бельгийское Конго должно иметь большое будущее, во всяком случае, с коммерческой точки зрения, которое по богатству растительных и минеральных продуктов и протяженности судоходных водных путей напоминает Бразилию и Гвиану; и, теоретически, не должно быть никаких причин, по которым фламандцы и валлоны как опекуны этого богатого центральноафриканского государства не должны играть такую же роль на Темном Континенте, какую они сыграли в промышленной и художественной истории Европы. И все же перед маленькой Бельгией стоит огромная задача по доведению этой огромной территории до состояния Бразилии или Явы; и сожаление, естественно испытываемое английскими, немецкими и французскими писателями по поводу того, что их правительства более или менее пренебрегали этой богатой территорией во времена ранних поездок Камерона и Стэнли и рекламы ее возможностей, без сомнения, стимулирует с их стороны деструктивную критику бельгийских усилий и возможностей. Иногда намекают, что это громоздкое государство недолго переживет как политическое образование монарха, который его основал, и что его южные провинции отойдут к Англии, северные - к Франции, а западные - к Германии. Но предсказания относительно развития африканской истории весьма сомнительны в исполнении, и государство Конго все еще может стать и остаться Бельгийской Индией.

ГЛАВА XIV

БРИТАНЦЫ В АФРИКЕ, III (Египет и Восточная Африка.)

С первого года 19 века, когда Британия изгнала французов из Египта, она сама страстно желала установить контроль над этой страной. Одна из причин такого желания была предельно ясна: через Египет пролегал кратчайший морской путь в Индию. Даже без Суэцкого канала однодневное путешествие по железной дороге или трехдневное путешествие по каналу и в карете перенесло бы человека из Александрии на Средиземном море в Суэц на Красном море. Двести тридцать четыре года назад, во времена правления Людовика XIV, и сто четырнадцать лет назад, на заре империи Наполеона Бонапарта, когда пар был неизвестен как движущая сила, была задумана и родилась идея, что Египет контролирует черный ход, садовые ворота Индии. Но когда паровой транспорт вошел в моду на море, а позже и на суше, и люди сравнили экономию времени, которую предлагал египетский маршрут, с утомительным трехмесячным путешествием вокруг Кейптауна, британским государственным деятелям стало очевидно, что британское влияние должно иметь полную силу, если не исключительный контроль в Египте.

После ухода французов простой майор артиллерии из европейской Турции — Мухаммед Али — внезапно пришел к власти с помощью процедуры, которая была точно скопирована Араби-пашой 80 лет спустя. Он вселил такую энергию и храбрость в вооруженные силы Египта, что в 1806-187 годах его солдаты разгромили британские войска, высадившиеся в Александрии и Розетте, и попытались завладеть страной. Таким образом, британская

оккупация Египта была отложена на 76 лет, оккупация, которая в 1806 году гораздо быстрее превратилась бы в аннексию, чем это возможно в наши дни^[192].

Британия уважала решительное сопротивление Мухаммеда Али, и хотя она выступала против его попытки завоевать Турецкую империю и — вопреки глупой поддержке, которую он получал от Франции, — одно время казалась его врагом, она, тем не менее, спасла его от падения и помогла ему основать династию в Египте, которая правила, прямо или косвенно, в течение столетия. Тем не менее, зная о страстных желаниях британцев, царь Николай I предложил Британии Египет и Крит незадолго до Крымской войны в обмен на свободу действий в Константинополе. Великобритания отказалась, опасаясь увидеть Россию с новой базой в Константинополе и закрытым Черным морем за спиной, ставшую сильнейшей державой в Восточном Средиземноморье. Затем последовало строительство Фердинандом де Лессепсом Суэцкого канала, влиянию которого, однако, несколько противодействовал тот факт, что все египетские железные дороги были британскими. Тем не менее, британское влияние в Египте никогда не было таким низким, как при открытии Канала, когда наследник британской короны затерялся среди плеяды правящих монархов, возглавляемых лучезарной императрицей Франции. Но хотя французское влияние в Египте стало настолько сильным, французское правительство не стремилось — во всяком случае, открыто — к более чем равному голосу с Англией в делах Египта, отчасти из-за чувства лояльности к британскому союзу, которое Наполеон III проявлял при любой возможности, а позже из-за ослабления Франции после войны с Германией. В 1871 году около тысячи британских пароходов прошли через Суэцкий канал, огромная важность которого стала настолько очевидной, что в 1875 году британское правительство приобрело акции Канала, принадлежавшие египетскому хедиву, и, таким образом, стало контролирующим фактором в компании Canal Company.

Ибо между 1862 и 1877 годами Египет был разорен и доведен до банкротства из-за безрассудного заимствования денег со стороны его родного правителя, хедива Исмаила. Этот принц дорогой ценой приобрел практическую свободу своей страны от турецкого контроля; действительно, к 1873 году он был фактически независимым сувереном. Он распространил египетское правление на Экваториальную Африку, реорганизовал свою таможенную службу, провел важные общественные работы; но он также в изобилии строил дворцы и был виновен в ненужной расточительности. В результате банкротства Египта в 1877 году возник Двойной контроль Великобритании и Франции над египетскими финансами. Исмаил спровоцировал восстание против этого вмешательства в деятельность его правительства и был свергнут турецким султаном в 1879 году. Двойное управление было восстановлено (лорд Кромер, затем майор Эвелин Бэринг, была одним из контролеров) при новом хедиве Тауфике; но в 1881 году произошло восстание армии во главе с полковником Ахмедом Араби. Франция под влиянием Гамбетты проводила ту же политику, что и Великобритания, а именно, периодически делала устные предупреждения без применения силы. Наконец, в июне 1882 года в Александрии произошел бунт и резня христиан. Когда британский флот приготовился действовать, французы отступили, враждебное голосование Палаты прекратило Двойное управление. Затем Британия вторглась в Египет против восстания Араби, обстреляла Александрийский порт (11 июля 1882 г.) и захватила Суэцкий канал. Лорд Уолсли, прославленный Ашанти, участвовал в битве при Тель-эль-Кебуре, оккупировал Каир (15 сентября) и отвоевал страну для хедива. Когда это было сделано, британское правительство оказалось перед дилеммой. Если бы она, как говорят некоторые, при захвате Каира прямо объявила Египет британским протекторатом, она сделала бы только то, чего ожидали все европейские державы. С другой стороны, этот смелый шаг означал бы разрыв международных договоров и раздел Турецкой империи. Возможно, этого можно было

бы избежать путем прямых переговоров с султаном и заверений в продолжении выплаты дани.

Примерно с 1853 года британское правительство проявило интерес к развитию Судана. Горный инженер из Гламорганшира Джон Питерик после окончания срока своего контракта с египетским правительством обосновался в Хартуме в качестве торговца слоновой костью и стал британским консульским агентом. В шестидесятые годы путешествия и исследования Спика и Гранта, а также сэра Сэмюэля и леди Бейкер привлекли внимание к египетскому Судану. В 1869 году сэр Сэмюэл Бейкер был назначен египетским губернатором Экваториальной провинции (от Гондокоро до Альберта Ньянзы). В 1874 году его сменил полковник Чарльз Джордж Гордон, который в 1877 году стал генерал-губернатором всего Египетского Судана. Между 1877 и 1879 годами Гордон посвятил себя, вместе с итальянцем Ромоло Джесси в качестве лейтенанта, разгрому и подавлению "нубийских" или "базингерских" работорговцев и налетчиков на Бахр-эль-Газаль и Дарфур. Безуспешные захватнические войны против Абиссинии имели место в семидесятые годы, и столь же безуспешные попытки обезопасить побережье Момбасы и королевство Уганда — попытки, которым противостояло британское правительство. Гордона сменил турок на посту генерал-губернатора в 1880 году; и цивилизованное правление египетским Суданом начало приходить в упадок, хотя Эмин-паша (Эдуард Шницер, немец из Силезии) хорошо и мудро правил Экваториальными провинциями примерно до 1886 года.

Осенью 1882 года британское правительство, вероятно, было искренне, заявив о своем намерении немедленно эвакуировать Египет; но казалось, что судьба распорядилась так, чтобы британский гарнизон остался в этой стране. В 1881 году в Судане вспыхнуло восстание Махди^[193]. В ноябре 1883 года отряд Хикс-паши был разбит наголову в дебрях Кордофана. Генерал К. Г. Гордон был отправлен на подмогу гарнизонам, вместо того чтобы сделать это, он остался в Хартуме в тщетной надежде навести какой-то порядок в стране, которую он любил, прежде чем покинуть ее. На его спасение была послана армия под командованием виконта Уолсли. Она прибыла с опозданием на несколько дней, но даже тогда могла бы вернуть Хартум и подавить восстание; но Россия угрожала вторгнуться на границы Индии, а Великобритания не могла позволить себе держать много солдат в Центральной Африке. Таким образом, будучи не в состоянии решить суданский вопрос, британцы были вынуждены остаться в Египте, чтобы предотвратить захват этой страны махдистами. В 1885-6 годах была предпринята попытка обсудить условия вывода войск с султаном, но предложенная конвенция не была ратифицирована из-за противодействия Франции и России. Постепенно, благодаря способностям и истинно британскому спокойствию британского агента и генерального консула сэра Эвелина Бэринга (который стал лордом Кромером в 1892 году), ситуация стала возможной. Был сохранен умеренный британский гарнизон. Казначейство было передано под контроль Великобритании, равно как и общественные работы, отправлен правосудия, организация армии, почты и телеграфа, а также других ведомств, где было необходимо наведение порядка, честности и экономии. Египетский хедив продолжал править при британской поддержке и по британским советам. В 1890 году заключение англо-германского соглашения о разграничении британской и германской сфер влияния в Восточной, Западной и Центральной Африке обеспечило, по крайней мере, одной европейской державе признание возможного британского контроля над бывшими экваториальными провинциями Египта. Из этого события и созерцания карт возникла идея "от мыса до Каира"^[194]; и британские министерства начали медленно обдумывать отвоевание Судана. Махдисты способствовали росту этой решимости своей бессмысленной враждебностью и постоянными нападениями на Суакин и границу Вади Халфа на юге собственно Египта, за которую египетские войска отступили в 1885 году. В 1886 году

махдисты попытались вторгнуться в Египет по течению Нила, но потерпели сокрушительное поражение в битве при Саррасе. Три года спустя, снова возглавляемые Вад-ан-Неджуми, завоевателем Хикс-паши и Хартума, они были полностью разбиты при Тоски лордом Гренфеллом, и Вад-ан-Неджуми был убит. В 1894-5 годах окрестности Суакина были освобождены от этих мародеров, и восточный Судан был отвоеван, Италия оказала большую помощь своим доблестным захватом Касалы^[195]. Ужасная катастрофа, постигшая итальянское оружие в Абиссинии в 1896 году, заставила британское правительство настаивать на завоевании Судана, чтобы отвлечь дервишей от нападения на итальянцев. Египетский главнокомандующий — сэр Герберт Китченер, ныне лорд Китченер Хартумский - основательно реорганизовал туземную египетскую армию под руководством британских офицеров; и с этими материалами и небольшим контингентом британских войск он отвоевал провинцию Донгола летом 1896 года. В 1897 году (битва при Атбаре) и в начале 1898 года продвижение вверх по долине Нила продолжалось; а 2 сентября 1898 года произошла решающая битва при Омдурмане, в которой смешанная армия британских и египетских полков под командованием сэра Герберта Китченера окончательно сокрушила власть халифа и отомстила за смерть Гордона. Англо-египетский контроль быстро распространился на восток до абиссинской границы и на юг до реки Собат, но обнаружилось наполовину ожидаемое препятствие, которое временно приостановило продвижение на юг, в сторону Уганды. Майор Маршан достиг Фашоды, недалеко от слияния Белого Нила и Бахр-эль-Газала, и водрузил французский флаг над этим заброшенным египетским постом. Перед решительной позицией Великобритании Франция после двухмесячной задержки отозвала майора Маршана, а позже, в 1899 году, заключила с Великобританией дополнение к Нигерской конвенции (стр. 222), согласно которому, в широком смысле, весь бассейн западного Нила и Дарфур признавались исключительно британской "сферой влияния". Хотя Франция еще конкретно не признала особое положение Великобритании в Египте, она подготовила почву для Конвенции 1904 года, в которой это признание было дано в обмен на аналогичное признание французского интереса к Марокко. Эта конвенция 1904 года определенно завершила долгую эпоху англо-французского соперничества и дипломатического конфликта в Египте; и с тех пор британцы не встречали никаких препятствий со стороны какой-либо внешней нации, кроме Турции, в своей задаче реформирования и реабилитации страны фараонов. Турция в 1906 году попыталась вывести большую часть Синайского полуострова из-под египетского владычества, перенести турецкие посты в окрестности восточного берега Суэцкого канала и удержать оба берега залива Акаба. Потребовался фактический ультиматум со стороны Великобритании, прежде чем Турция уступит; и этот кризис (который закончился окончательным включением всего Синайского полуострова в состав египетских владений, в то время как турки столь же определенно вернули себе те бывшие египетские посты в земле Мадиям, которые Египет удерживал с 1832 года) дал повод британскому правительству придать британской оккупации Египта более определенный и постоянный характер, чем это до сих пор закреплялось в дипломатических документах.

Но начиная с этого периода (1906 г.) в городах дельты Нила, главным образом в Каире и Александрии, было много "национальных" волнений. Процветание, которым наслаждался Египет, распространение современного, европейского типа образования, падение султана Абд-аль-Хаида в 1908 году и обещание создания конституционно управляемой, модернизированной Турции были условиями, которые заставили мусульманских египетских горожан — в основном профессиональные классы — подумать, что пришло время для установления в Египте полностью конституционного режима в сочетании с устранением британского контроля и военной оккупацией. Это движение началось в 1892 году с восшествия на престол молодого хедива Аббаса Хильми; но в последние годы хедив

отмежевываясь от нападков на британскую оккупацию или даже от холодного отношения к ней. Его приближение к британской точке зрения стало более очевидным после ухода графа Кромера на пенсию в 1907 году. Сэр Джон Горст, преемник лорда Кромера, в некоторой степени симпатизировал "националистическим" идеалам, но считал христианина-копта таким же египтянином, как араба-мусульманина, египтянина или турка. Копты получили возможность высоко подняться на государственной службе Египта. В 1908 году копт - Бутрос—паша - стал премьер-министром правительства хедива. Государственные министры—христиане — армяне, копты, левантинцы - не были новинкой в Египте; но эта идея была наиболее отталкивающей для агрессивного "панисламизма" мусульманских "националистов", и возбуждение националистической прессы побудило студента Аль Вардани убить Бутроса пашу в феврале 1910 года — событие, которое так глубоко затронуло сэра Джона Горста (искреннего друга настоящего "национализма" в Египте), что он заболел болезнью, ставшей причиной его смерти год спустя. Виконт Китченер из Хартума сменил его на посту британского представителя в Египте. В 1911-12 годах возобновилась "националистическая" агитация, и был организован заговор с целью почти одновременного убийства хедива, лорда Китченера и египетского премьер-министра. Это должны помнить все, кто склонен сочувствовать росту и достижениям национализма, которые есть в Египте, помимо примерно 10 500 000 мусульман (всего около 5%). из которых грамотные), миллион христиан египетской и европейской расы, которые представляют — по большей части — мозги и богатство страны. До тех пор, пока это важное меньшинство не будет рассматриваться националистической партией как имеющее равное право на полное египетское гражданство, до тех пор, пока мусульманство Египта не избавится от своего крайнего фанатизма и презрения к науке, санитарии, древней истории и современным знаниям, британское правительство в своем качестве хранителя земли фараонов, земли бессмертной истории, которую арабы, турки и черкесы так много сделали, чтобы разрушить и обезобразить, справедливо, противостоит движению, которое не является строго национальным в египетском смысле, но возрождением исламской нетерпимости и гражданской нечестности.

Англо-французская конвенция 1904 года предоставила ограниченное, но отчетливое признание со стороны Франции британского контроля над египетским хедивиадом, последовали различные важные реформы в финансах и администрации, и был проложен путь к отмене капитуляций, последних остатков недоверия, которое Европа испытывала к судам мусульманской нации. С 1876 года отдельные консульские суды в Египте были упразднены в пользу смешанных трибуналов, которым были предоставлены полномочия, ранее принадлежавшие консульским судам, и которые теперь рассматривают все гражданские и уголовные дела, в которых замешаны иностранцы. Со временем эти иностранные суды могут быть заменены национальными судами Египта. Во всяком случае, англо-французское соглашение 1904 года имеет тенденцию в этом направлении. Благодаря этому соглашению Египту теперь разрешено использовать свой профицит после погашения Накопленного Долга на любые цели, которые он может счесть целесообразными в интересах страны, либо для расширения общественных работ, либо для уменьшения налогообложения. Однако до предоставления льгот по этому соглашению граф Кромер (создатель современного Египта) при финансовой поддержке сэра Эрнеста Касселя и инженерном мастерстве сэра Уильяма Уиллокса и других начал те грандиозные ирригационные работы над Ассуаном, которые утратят производственные возможности Нижнего Египта и пропорционально увеличат процветание страны хедива. Под британским контролем (с 1882 года) накопленный долг сократился на 12 миллионов фунтов стерлингов; налогообложение было значительно снижено, но доходы увеличились на 4 миллиона фунтов стерлингов; общий объем торговли Египта увеличился более чем вдвое; а население увеличилось с 6 832

000 человек в 1882 году до почти 12 000 000 человек в 1912 году. Принудительный труд был отменен; положение крестьянства было чрезвычайно улучшено; в два раза увеличена площадь земли, возделываемая ранее; и границы страны были определенно расширены до границы Сирии и Киренаики.

В Судане большие перемены последовали за победами лорда Китченера в 1898 году. Конвенция с Египтом в январе 1899 года определила конституцию отныне англо-египетского Судана к югу от Вади-Хальфы. Это должно было стать совместным владением Великобритании и Египта. Генерал-губернатор должен был быть выбран британским правительством и назначен хедивом. Росчерком пера громоздкая система консульских или смешанных судов, которая ранее существовала в египетском Судане, была упразднена и заменена прямой юрисдикцией англо-египетского правительства. К 1900 году отвоевание Египетского Судана, начатое в 1896 году, было фактически завершено. В ноябре 1899 года, после того как лорд Китченер был отправлен в Южную Африку, его преемник в Судане, сэр Реджинальд Уингейт, преследовал беглого халифу в глубинах Кордофана; и этот преемник Махди погиб на поле битвы при Ом Дубрейкате 25 ноября 1899 года. Осман Дигна, другой великий лидер дервишей, был взят в плен на холмах Токар близ Суакина 19 января 1900 года. Постепенно в последующие годы границы англо-египетского Судана были согласованы с Абиссинией. Дарфур остается полунезависимым королевством, несколько неохотно признающим англо-египетский сюзеренитет. Регион Бахр-аль-Газаль был оккупирован правительством Судана в соответствии с притязаниями Египта на этот регион и вопреки чаяниям короля-суверена Государства Конго, который в определенный период (1894 г.) получил разрешение от Великобритании, без ущерба для дремлющих притязаний Египта, осуществлять контроль над этим регионом. Король не сразу воспользовался этой возможностью; и за это время Египет возобновил свои претензии на исконные владения египетского Судана после разгрома войск халифа при Омдурмане. Но, хотя государству Конго не было разрешено осуществлять власть над Бахр-эль-Газалем, оно сохранило свое влияние в меньшем анклав Ладо между границей Конго и западным берегом Белого или Горного Нила на основании договора аренды, который закончился со смертью Леопольда II в 1909 году, когда анклав Ладо перешел под контроль англо-египетского правительства Судана в 1910 году.

Помимо арабов, британцам не составило особого труда установить свое контрольное правление над уроженцами Судана, правительство которого управляется из Хартума. Единственным племенем, которое занимало враждебную позицию по отношению к британцам до 1904 года, была часть народа динка между Горным или Белым Нилом на западе и притоками Собата на востоке. Но осенью 1904 года пришлось направить сильную экспедицию против могущественных племен ньямня в Западном Бахр-аль-Газале. Этот народ, вооруженный примерно 20 000 современными винтовками, полученными путем покупки или грабежа на бельгийских базах, был склонен поставить под сомнение "Пакс Суданика" и возобновить свои прежние набеги на рабов. В 1903 году в Кордофане восстал еще один Махди — тунисский араб, но он был быстро схвачен и казнен. В 1908 году еще один фанатик, араб из племени халави в Сеннаре, объявил себя Иисусом Христом, вернувшимся на землю, чтобы изгнать европейцев из Судана. Он убил британского чиновника, но вскоре после этого был пойман и повешен за свои преступления. В 1911-12 годах потребовались две экспедиции против аннаков, нилотского негритянского племени на реке Собат. Аннаки вооружились тысячами французских винтовок, проданных французскими купцами на границах Абиссинии и переданных абиссинцами аннакам в ходе торговли. С этой стороны в конечном итоге может возникнуть гораздо больше неприятностей.

Значительное коммерческое развитие произошло в северных регионах Египетского Судана и на юге Египта благодаря возобновлению золотодобывающих работ, которые бездействовали со времен древнего Египта или, во всяком случае, со времен мусульманского завоевания, и значительному увеличению посевов хлопка. Продвижению Судана к процветанию препятствует лишь нынешняя нехватка коренного населения. Было подсчитано, что восстание Махди и массовые убийства халифы, должно быть, стоили Судану примерно трех миллионов жизней, причем эти потери были вызваны прямой резней (в некоторых местах на Ниле 70 000 человек — мужчин, женщин и детей — были убиты в течение двух или трех дней), неконтролируемым распространением болезней, голодом из-за уничтожения посевов и пренебрежения сельским хозяйством, а также потерями в битвах с англо-египетскими войсками. Просвещенная администрация, правящая из Хартума, прилагает усилия для поощрения сельского хозяйства и просвещения народа. Колледж Гордона был основан в Хартуме в 1899 году с особой целью дать практическое и светское образование арабам и неграм этого доминиона. Одним из великолепных подвигов, среди прочих, благодаря храбрости и упорству британцев в достижении цели, был прорыв через *Садд* (как это произносится, или Судд, как это обычно пишется), густые заросли плавучей водной растительности, которая с незапамятных времен блокировала русло Горного Нила и его притоков между Бозом и 6-м градусом широты, а также впадение реки Собат. В промежутках между 1871 и 1882 годами этот *садд* полностью перекрыл путь пароходным или лодочным путешествиям между Хартумом и Экваториальными провинциями. Великая работа по прорыву через *садд* была, наконец, выполнена под руководством сэра Уильяма Гарстина между 1899 и 1904 годами майором Малкомом Пиком, лейтенантом. Друри, Р.Н., и майор Г. Э. Мэтьюз. С тех пор англо-египетский Судан был полностью связан пароходной почтой с британским протекторатом Уганда.

Площадь этого обширного доминиона, между Вади Халфа на севере, Гондокоро и 5-м градусом широты и водоразделом Нил-Конго-Шари на юге, составляет 984 520 квадратных миль; тем не менее, население по-прежнему оценивается всего в 2 600 000 человек, хотя оно способно прокормить 50 000 000 чернокожих или коричневых мужчин и в некоторых частях является здоровым для европейцев.

Аден, расположенный на юго-западной оконечности Аравии, был оккупирован индийским правительством в 1839 году в связи с открытием для пароходов египетского маршрута в Индию. К Адену были добавлены в 1840 году договорами о покупке или исключительном влиянии острова Зейла и Муша на побережье Сомали, остров Перим в 1858 году и остров Сокотра в 1876 году^[196]. Египет в 1875 году аннексировал побережье Сомалиленда напротив Адена, за исключением французского поста Обок. Когда египетское владычество в Судане рухнуло, в наших интересах было необходимо, чтобы побережье Сомали напротив Адена не попало под влияние другой европейской державы; поэтому там был установлен британский протекторат (1884-89) по соглашению с Францией и Италией, Франция расширила свою территорию Обок, чтобы соответствовать британскому сомалийскому протекторату, в то время как город Харрар в глубине страны, который, вероятно, был яблоком раздора, был передан Абиссинии вместе с небольшим прилегающим участком территории в 1897 году.

В 1898 году значительный кусок юго-западной части Британского Сомалиленда был передан империи Эфиопии (Абиссиния) по соглашению Реннелла Родда, заключенному в 1897 году. Итальянцы между 1889 и 1892 годами приобрели права на все морское побережье к востоку и югу от британского Сомалиленда, но со временем внутренние районы, которые никогда не были благосклонны к европейцам, пришли в смятение. Восточная и южная части этого протектората были разорены между 1899 и 1904 годами, а затем снова между 1908 и 1910

годами сомалийским лидером Мухаммедом бен Абдаллой, которого самым неподобающим образом называли Безумным муллой. Этот человек — уроженец южного Огадейна Сомалиленда - на первый взгляд кажется выразителем законных претензий со стороны некоторых сомалийцев побережья. Британской администрации Сомалиленда в конце 19 века не повезло в отношениях с беспокойным и непостоянным народом. Некоторые из прежних чиновников, казалось, были больше заинтересованы в охоте на крупную дичь, чем в приобретении знаний о пристрастиях, традициях и общих делах сомалийских племен, находящихся под их управлением. Постепенно общественное мнение Сомали стало беспокойным из-за ограничений, которые, по-видимому, не были подкреплены достаточной силой, и склонилось на сторону их национального лидера, муллы. Последние успешно атаковали те племена на побережье, которые остались верны британскому правлению. Череда экспедиций против муллы завершилась сложной и дорогостоящей кампанией, проведенной британским военным министерством в 1903-4 годах. Муллу неоднократно загоняли на итальянскую территорию, и было получено разрешение Италии использовать побережье итальянского Сомалиленда в качестве новой базы для операций против сомалийцев. Предполагалось, что Абиссиния также окажет несколько сомнительную и половинчатую помощь. В результате этих операций мулла и его войска неоднократно терпели поражения (после того, как с британскими войсками произошло не одно несчастье), и он был изгнан с британской территории на ничейную землю в споре между Италией и Эфиопией. Между 1905 и 1908 годами был мир, мулла довольствовался тем, что поселился под итальянским надзором. Затем он снова вспыхнул и, наконец, напал на племена, находившиеся под защитой Великобритании. Предыдущие сомалийские войны (1900-1944) стоили британскому правительству жизни многих британских офицеров, негритянских и индийских солдат, помимо более чем двух миллионов фунтов стерлингов, потраченных на содержание армии численностью 7000 человек, было решено оставить внутренние районы Британского Сомалиленда — бесплодный и малонаселенный регион — в покое и ограничить британскую оккупацию прибрежными городами. Это решение было приведено в действие в 1910 году. Мулла Мухаммад ибн Абдаллах все еще на свободе, но внутренние племена постепенно выступают против него. Площадь протектората составляет около 68 000 квадратных миль. До 1902 года эта территория, единственная среди британских протекторатов в Африке (за исключением Занзибара), платила самостоятельно, без субсидий, доход получался за счет значительных поступлений на таможне. К сожалению, война уничтожила так много живого скота, что Сомалиленду на долгие годы стало трудно восстановить то частичное процветание, которым он наслаждался в прежние дни. Но, тем не менее, на береговой линии возникают значительные города, где их легко оборонять гарнизонами индийских войск и сомалийской полицией.

После того, как португальцы были изгнаны арабами с Занзибара и Момбасы, все Восточное побережье Африки от Сомалиленда до реки Рувума перешло под контроль имама Маската, который обычно назначал своего брата или какого-либо другого родственника своим вице-королем на Занзибаре. Из-за междоусобиц, возникших в княжеской семье Маскат, британское правительство вмешалось в 1861 году и окончательно отделило султанат Занзибар от имамата Оман или Маскат. Поскольку французы начали проявлять живой интерес к делам Занзибара и Маската, британское правительство в то время (1863 г.) заключило договор с Французской империей, по которому обе державы обязались уважать независимость Занзибара и Маската. Много лет назад, в 1824 году, лейтенант Рейц по приказу капитана У. Ф. У. Оуэна поднял британский флаг в Момбасе и попытался занять этот город для Ост-Индской компании, но его действия были отклонены. Тем не менее, британское влияние на Занзибаре стало очень сильным благодаря Политическому агенту, которого мы внедрили при дворе сайида или представителя имама Маската (известного

позже как султан Занзибара)^[197], и мощная эскадра крейсеров, которые находились в водах Занзибара для пресечения работорговли. В 1866 году доктор Кирк, впоследствии сэр Джон, который был заместителем Ливингстона на Замбези, был назначен вице-консулом и постепенно вырос до консула, а затем политического агента и генерального консула. Он рьяно взялся за дело подавления занзибарской работорговли, которая стала надругательством над человечеством. Британское правительство поддержало его, и в 1873 году сэр Бартл Фрер был отправлен на Занзибар для переговоров о заключении договора с султаном.

Султан (Баргаш) был непокорным и даже пошел на то, чтобы предложить свою территорию Франции. Однако в конце концов, прежде чем могла произойти угроза британской бомбардировки или прибыть французская эскадра, сэр Джон Кирк убедил султана подписать мирный договор, после чего Сайид Баргаш бен Саид решил посетить Англию, что он и сделал в 1874 году. Говорят, что даже в то время у него была некоторая идея обратиться за защитой к Германии, при условии, что ему разрешат разорвать договор о работорговле. Однако мудрость и такт сэра Джона Кирка сотворили чудеса с британским влиянием на Занзибаре; и в 1876 году султан предложил в аренду почти все свои континентальные территории мистеру, впоследствии сэру Уильяму Маккиннону, председателю Британской индийской пароходной компании. Но мистер Маккиннон был чересчур осторожным человеком. Вместо того чтобы принять, а затем заставить действовать британское правительство, он отказался принять уступку султана, если сначала не сможет получить британские гарантии, действие, на которое правительство, естественно, не желало брать на себя обязательства. В 1881 году сэр Джон Кирк придумал другой план, а именно побудить султана нанять способных британцев, которые будут развивать его территории в качестве губернаторов или уполномоченных. Он заручился услугами мистера Джозефа Томсона для освоения ресурсов провинции Рувума - назначение, которое могло бы эффективно предотвратить любое немецкое вмешательство в будущем; но мистер Джозеф Томсон был слишком пессимистичен и, возможно, близорук. Страна казалась ему бедной ресурсами, хотя уже давно было доказано, что она более продуктивна, чем он думал. Он прямо сказал об этом султану и поэтому был освобожден от своего назначения. В 1883 году сэр Джон Кирк вернулся из Англии, убедив правительство назначить ряд оплачиваемых вице-консулов в различные пункты на территориях султана. Следует отметить, что в этот период очень большая доля занзибарской торговли находилась в руках британских подданных, выходцев из Британской Индии.

В 1882-4 годах состоялось замечательное исследовательское путешествие мистера Джозефа Томсона под эгидой Королевского географического общества. Томсон проехал от Момбасы до границы с Бусогой, на северном побережье Виктория-Ньянза, и раскрыл все самые яркие особенности Британской Восточной Африки. Сэр Джон Кирк примерно в то же время вступил в дружеские отношения с Мандарой, вождем на горе Килима-ньяро, и настаивал на отправке научной экспедиции, руководить которой мистер Х. Х. Джонстон был назначен в 1884 году, с целью исследования этой горы. После нескольких месяцев пребывания на Килима-ньяро мистер Джонстон сообщил о больших преимуществах этого региона как санатория и, ожидая указаний от сэра Джона Кирка, заключил договоры с несколькими вождями. Реакция британского правительства была благоприятной для утверждения британских интересов в этом направлении; но возникли различные препятствия, которые требовали рассмотрения, среди прочего, воспоминание о соглашении 1862 года с Францией. Другая европейская держава, однако, не была связана таким соглашением и не испытывала таких угрызений совести, о чем будет рассказано в главе XIV. Хотя договоры мистера Джонстона с Чагой (Южная Килима-ньяро) и Тавеитой (восточные склоны) послужили основой, на которой в

конечном итоге была основана Британская Восточноафриканская компания, сам горный район Килима-ньяро в конце концов перешел к Германии. К 1885 году британское правительство более или менее указало Германии на ту часть владений Занзибара, которая должна перейти под британское влияние, если произойдет раздел этих территорий; и после нескольких лет дипломатического конфликта весь вопрос был справедливо урегулирован для обеих сторон Конвенцией 1890 года между Великобританией и Германией и вторичным соглашением с Францией, которое определенно выделило Великобритании северную половину владений султана Занзибара, острова Занзибар и Пемба, а также сферу влияния во внутренних районах, которая включала Уганду и озеро Альберт. Ньянза.

Британская Восточноафриканская компания, организованная в 1886 году, была зафрахтована в 1888 году и взяла на себя управление обширными территориями, лежащими между побережьем Момбасы и проливом Виктория-Ньянза. Первые два года все шло гладко. У компании был способный администратор, мистер (впоследствии сэр) Джордж Маккензи, который решил проблему рабства, выкупив рабов арабской знати, а затем освободив их. Это, без сомнения, помешало арабам с побережья напасть на британский режим в то время, когда они почти уничтожили германский режим в регионах южнее.

Но Имперская британская восточноафриканская компания взяла на себя задачу, слишком сложную для ее финансовых ресурсов. Народ и правительство Великобритании ожидали, что они будут поддерживать и защищать британские интересы на обширных внутренних территориях. Страна Уганда^[198], расположенная к северо-западу от этого величайшего из африканских озер, была передана британской сфере Германской конвенцией; но, к несчастью для британских интересов, в страну вторглись французские римско-католические миссионеры из миссии белых отцов кардинала Лавиджери (см. стр. 245-6), которые были такими ревностными французами, что скорее забыли о религиозных принципах. цель, ради которой они прибыли, и спровоцировала серьезные ссоры между королем и предшествовавшими им протестантскими миссионерами. Великий король Мтеса умер в 1884 году, раздраженный миссионерскими спорами и религиозными взаимными обвинениями, которые звучали у него в ушах, и тоскуя по старой, легкой языческой жизни, которую он вел до того, как убедил Стэнли прислать ему христианских учителей (стр. 326). После его смерти арабская партия настроила его сына Мвангу предвзято против иностранцев-христиан и новообращенных коренных жителей. Епископ Ханнингтон из Церковного миссионерского общества, недавно назначенный в Восточную Экваториальную Африку, настаивал на въезде в Уганду по маршруту мистера Томсона тем, что король назвал “обходным путем”. Испугавшись, что епископ может прибыть, чтобы захватить страну методами, которые немцы применяли южнее, король приказал убить его в Бусоге, недалеко от Нила Виктория. Вскоре после этого миссионеры, протестанты и католики, были изгнаны из Уганды. Затем произошло мусульманское восстание, которое вынудило Мвангу бежать. Он нашел убежище у католических миссионеров на южной оконечности озера и стал христианином. Он был восстановлен на своем троне с помощью мистера Стокса, который впоследствии был повешен майором Лотэром (стр. 347). Затем французские миссионеры получили контроль над королем и попытались помешать стране стать британским протекторатом — если она не могла быть французской, то, по крайней мере, пусть она будет немецкой; и доктор Питерс, прибывший на место происшествия, стремился сделать ее немецкой; но его усилия были аннулированы Конвенцией 1890 года. После этого, чтобы предотвратить попадание страны под власть мусульман, которые могли присоединиться к махдистам или стать французами, Британская Восточноафриканская компания была вынуждена общественным мнением вмешаться, хотя у нее не было достаточных средств для управления такой дорогостоящей империей. Капитан, ныне генерал сэр Фредерик Лугард, незадолго до этого вернувшийся с

арабской войны в Ньясаленде, был направлен туда в качестве их агента в 1890-1890 годах и чрезвычайно умелым и мужественным образом восстановил порядок, добившись от короля заключения договора с Компанией и подавив восстания римско-католических христиан и мусульман. Но Восточноафриканская компания была вынуждена обратиться к британскому правительству с просьбой прийти к ней на помощь, чтобы Уганда не поглотила все ее ресурсы. Покойный сэр Джеральд Портал, агент и генеральный консул на Занзибаре, был направлен в Уганду, чтобы доложить о целесообразности и средствах сохранения этой страны под британским влиянием. К несчастью, он умер вскоре после своего возвращения в Англию в 1894 году, но его доклад привел к установлению британского протектората. Благодаря вмешательству папы римского было достигнуто некоторое смягчение горечи в отношении миссии Белых Отцов, сфера деятельности которой была ограничена на востоке рекой Виктория-Нил. Новая римско-католическая миссия под руководством епископа Хэнлона, ирландца, при поддержке английских, ирландских и голландских священников, с тех пор продолжает обращение и обучение туземцев в восточной половине протектората в гармоничных отношениях с британской администрацией; хотя действительно, с 1900 года всякая горечь чувств между миссией Белых Отцов и британскими официальными лицами или вождями коренных народов полностью прекратилась. В 1895 году французские миссионеры получили компенсацию за разрушение некоторых из их станций во время гражданской войны в размере 10 000 фунтов стерлингов.

После ухода Эмин-паши из его Экваториальной провинции несколько его бывших суданских солдат добровольно пошли на работу в Уганду и были с готовностью завербованы в качестве боеспособной силы. Но они были мусульманами и всегда были склонны к интригам против христианской державы. Вдобавок к этому Мванга, кабака, или король Буганды, был самым неуравновешенным из людей и к тому же обладал чрезвычайно скверным характером. Его пороки и жестокость сделали его настолько ненавистным в глазах своих подданных, что без британской поддержки он, вероятно, был бы свергнут или убит. Как бы то ни было, присутствие британцев предотвратило это, но не остановило его интриги с той частью населения, которая не одобряла европейское вмешательство. После нерешительного поведения, длившегося несколько лет, он, наконец, попытался расправиться с несколькими британскими офицерами и миссионерами, но потерпел поражение и бежал через границу с Германией. Затем суданские войска подняли восстание, захватили крепость и несколько орудий и почти год оказывали неповиновение британцам и лояльным им баганде. Наконец, отряд из 450 сикхов достиг страны (горстка этих великолепных солдат уже позволила европейским офицерам противостоять мусульманским мятежникам), порядок был в некоторой степени восстановлен, и были предприняты решительные усилия по поимке короля-прогульщика Мванги и этого престарелого негодяя Кабареги, короля Буньоро, которого европейцы справедливо ненавидели со времен Спика и Бейкера^[199]. Этот захват был осуществлен полковником Джоном Эваттом в июне 1899 года. Британское правительство, решив, что военная и гражданская организация Уганды теперь должна быть окончательно урегулирована, решило в том же году направить сэра Гарри Джонстона в качестве специального уполномоченного для разработки и введения в действие подходящей схемы управления в этих странах вокруг Ньянзаса и Верхнего Нила^[200].

До этих неприятностей в течение нескольких лет велась непрерывная война с королевством Буньоро на севере, которое было окончательно завоевано и в конечном итоге присоединено к протекторату. В этих войнах с Буньоро (начавшихся с неспровоцированных боевых действий со стороны Кабареги) майор А. Б. Терстон сильно отличился. Этот доблестный офицер и способный лингвист впоследствии был убит суданскими солдатами-мятежниками (1897). Майор 'Родди' Оуэн поднял британский флаг в Ваделае, на Белом Ниле (в 1894 году),

но это действие не было подтверждено британским правительством. Тем не менее, в связи с приближением к Хартуму и возможным завоеванием Судана было решено отправить хорошо оснащенную геодезическую экспедицию под командованием полковника (сэра) Дж. Р. Л. Макдональда, которая должна была тщательно исследовать земли между рекой Виктория-Ньянза и Горным Нилом. Отчасти именно требование о том, чтобы эту экспедицию сопровождал суданский батальон, ускорило мятеж этих недовольных солдат. Сэр Джеймс Макдональд помог сломить главное сопротивление этих мятежников, а затем приступил к эпохальному исследованию, которое выявило новые горы, новые озера, новых народов и новые языки и заложило основы британского влияния в северной части протектората Уганда.

Специальная комиссия сэра Гарри Джонстона прибыла в Уганду в конце 1899 года, когда суданский мятеж и другие неприятности почти закончились. В результате работы этой Специальной комиссии границы протектората Уганда были перенесены на север до Гондокоро на Горном Ниле, до 5-го градуса Северной широты и до озера Рудольф; штат Анколе на юго-западе также был включен вплоть до границы с Германией. Королевству Буганда была дана определенная конституция. Местный правитель Буганды получил титул Его высочества Кабака^[201]; местный парламент или Лукико был признан; и королевство было разделено на ряд административных округов. Было достигнуто земельное соглашение, в результате которого по меньшей мере половина земель королевства Буганда была закреплена за местными владельцами. Поселения, в чем-то схожие с теми, что были осуществлены в провинции или королевстве Буганда, были проведены в соседних провинциях Анколе, Торо и Буньоро. В 1903 году Восточная провинция (масаи) была передана под управление соседнего Восточноафриканского протектората, таким образом сократив общую площадь протектората Уганда в настоящее время до 117 681 квадратных миль, с населением — почти полностью неграми — около 2 900 000 человек (650 европейцев).

Летом 1901 года в Уганде появилось новое предзнаменование — ужасная болезнь, известная как сонная болезнь. Это заболевание, вызываемое введением в организм человека через хоботок мухи Цеце трипаносомных анималкул, которые после роения в крови достигают спинного мозга и затем убивают пациента — негра или европейца. Эта ужасная болезнь, веками существовавшая в Западной Африке, проникла из лесов Конго в Уганду в 1901-1922 годах и год за годом убивала многие тысячи туземцев на берегах и островах Виктория-Ньянза. Он тщательно изучается с целью его искоренения.

После того, как Занзибарский султанат был передан под защиту Великобритании, необходимо было реорганизовать его администрацию. Острова Занзибар и Pemba оставались под более или менее прямым правлением султана, который, однако, назначал английских министров для контроля над различными государственными ведомствами и в то же время подчинялся советам и финансовому контролю британского агента и Генерального консула. Несколько султанов сменяли друг друга и умерли в течение нескольких лет; а по случаю смерти султана Хамида ибн Твейна (1896) произошел дворцовый бунт, вызванный разочарованным претендентом на трон. Это восстание, однако, на самом деле было преждевременной вспышкой со стороны арабской партии, которой откровенно не нравилось британское вмешательство, повлекшее за собой отмену работорговли и даже исчезновение рабства, и они были достаточно глупы, чтобы вообразить, что они достаточно сильны, чтобы противостоять европейской нации. После нескольких часов бомбардировки штаб-квартиры султана это восстание было подавлено. С тех пор постепенно и с мудрой системой градаций рабство отменяется и вскоре перестанет существовать как признанный

статус. В 1911 году молодой султан Занзибара (Али бин Хамуд) отрекся от престола по состоянию здоровья; и его сын, Суид бин Али, был провозглашен регентом, причем регентом и первым министром был британский чиновник. Между 1903-5 годами местное население было значительно недовольно методами правления, применяемыми на Занзибаре, и депутация занзибарцев прибыла в Лондон, чтобы выступить с заявлениями по этому вопросу; но с тех пор, как в 1906 году были проведены реформы, жители Занзибара и Пембы были спокойны и процветали. Общая площадь этих двух островов составляет 1020 квадратных миль, а население (200 000 человек) в основном негритянское, с примерно 10 000 арабами, 10 000 индийцами и 300 европейцами. Остров Занзибар - отличное место для судоходства и штаб-квартира крупной океанской кабельной компании; кроме того, здесь производят гвоздику и другие тропические овощи, а в Пембе много крупного рогатого скота.

На материке между рекой Умба и Момбасой на юге и рекой Джуба и Сомалилендом на севере Имперская Британская Восточноафриканская компания продолжала править до 1894 года. Но как только британское правительство взяло на себя обязательство управлять Угандой в качестве протектората (1894 г.), стало очевидно, что господство компании над промежуточным районом от Кикуйю до побережья не может продолжаться. Соответственно, в 1894 году устав компании был аннулирован, и они получили компенсацию в размере 450 000 фунтов стерлингов. 1 июля 1895 года сэр Артур Хардиндж возглавил управление Британским протекторатом Восточная Африка.

Едва новая администрация была установлена на побережье Момбасы, как она оказалась вынужденной заняться вопросом об арабах-мазруи. В другом месте этой работы упоминалось, что в начале 18 века арабская власть на побережье между рекой Руфу на юге и Малинди на севере номинально осуществлялась от имени имама Маската арабской семьей, известной как Мазруи. Даются различные объяснения этому названию и происхождению этого клана, некоторые выводят их из старой колонии египетских арабов (*Маср* - арабское название Египта); но более вероятно, что они пришли из Южной Аравии или даже из Омана до прихода португальцев, которые на время изгнали их. В 17 веке они объединились с арабами Омана в нападении на португальцев и изгнании их, но, когда дело доходило до принятия ими имама Маската в качестве своего суверенного повелителя, они обычно уклонялись от прямого ответа, частично соглашаясь. В начале 19 века они бросили вызов представителю имама на Занзибаре и попытались передать Момбасу под защиту Великобритании. Во второй половине 19 века султан Занзибара при поддержке сэра Джона Кирка утвердил власть Занзибара над прибрежной полосой на севере вплоть до Сомалиленда. Действительно, он удерживал все основные порты нынешнего Итальянского Сомалиленда, а также Ламу, Малинди и Момбасу. Во внутренних районах Ламу находился еще один полунезависимый арабский султанат, Виту, на реке Ози; в то время как клан Мазруи между Момбасой и границей с Германией был представлен линией султанов, обычно называемых Сиди Мубарак или Мбарук (*Сиди* означает господин, остальная часть имени представляет собой измененную форму арабского слова, обозначающего благословение). Немцы в своих отношениях с Восточной Африкой рано оценили разногласия между султаном Занзибара и независимыми арабскими державами на материке; и когда в восьмидесятых годах Германия и Великобритания боролись за восточноафриканское владычество, Германия признала независимость султаната Виту. По соглашению 1890 года Виту был передан под протекторат Великобритании, во многом против ее воли. Это была страна, ставшая недоступной из-за экстравагантного роста лесов в дельте рек Ози и Тана, но, тем не менее, она была захвачена поздней осенью 1890 года военно-морской экспедицией под командованием адмирала сэра Э. Фримантла в наказание султану за возобновление торговли рабами и приказ об уничтожении партии немецких лесорубов. Небольшие

дальнейшие действия от имени британских официальных лиц привели к восстановлению спокойствия в этом маленьком государстве с разумной степенью самоуправления.

Сэр Артур Хардиндж, взяв под свой контроль британскую Восточную Африку, обнаружил, что прежде всего ему пришлось вести долгую войну, полную стычек, засад и отраженных набегов, против султана Мубарака, оплотами которого были несколько небольших арабских городков во внутренних районах страны, к юго-западу от Момбасы. Эта трудность была окончательно устранена только в следующем, 1896 году, когда Мубарак после нескольких поражений, нанесенных ему негритянскими и индийскими войсками британии, укрылся на территории Германии. С тех пор больше не возникало никаких трудностей с арабами в этой части Восточной Африки.

Масаи из восточноафриканских глубин, которые, как считалось, доставили бы самые серьезные неприятности любой правящей державе, очень скоро смирились с идеей британского протектората и действительно были союзниками британцев во многих их трудностях с непокорными племенами. В лесной стране кикуйю, которая когда-то была западной границей Восточноафриканского протектората, пришлось провести несколько полицейских операций, поскольку трудолюбивый народ кикуйю, подозрительный после многих лет набегов масаи, сначала смотрел на белого человека как на еще одного врага и нападал на британских поселенцев или охотников на крупную дичь по соседству с их страной.

В 1902-3 годах, как уже упоминалось, протекторат Восточной Африки был распространен на восточную провинцию Уганда вплоть до берегов Виктория-Ньянза, склонов горы Элгон и юго-западного побережья озера Рудольф. На юге она, конечно, была ограничена англо-германской границей, которая в последний раз была точно определена между 1903-5 годами. На севере, после долгих переговоров с Абиссинией, ее границы были очерчены таким образом, что допускали Абиссинскую империю к северо-восточному углу озера Рудольф. От этой точки граница Восточной Африки проходит по склону Горо до реки Джуба, по которой она затем спускается к морю. Общая площадь протектората составляет около 200 000 квадратных миль, а общая численность населения на сегодняшний день оценивается в 4 040 000 человек^[202]. Она состоит в основном из негров и негроидов, причем негроиды являются результатом древнего или современного смешения хамитских племен Эфиопии и Сомалиленда с неграми Экваториальной Африки. Гала, красивый и интересный хамитский народ, демонстрирующий свое родство с белым человеком использованием плуга, владением языком, определяющим пол, и многими другими особенностями, населяют часть северных районов Протектората, простираясь на юг до реки Тана. На северо-востоке, по обе стороны реки Джуб или Джубба, проживают сомалийские кланы, в основном принадлежащие к группе, известной как Огадейн. В этих южных сомалийцах много негритянской крови, и они не такой красивый или европеоидный народ, как жители Северного Сомалиленда. Как по отношению к итальянцам, так и по отношению к британцам — и, возможно, даже более заметно по отношению к британцам — они с самого начала проявили себя враждебно. Все помнят, как жестоко они обращались в прежние времена с португальскими католическими миссионерами, пытавшимися проехать через их страну в Абиссинию. С 1896 года они убили нескольких британских чиновников, дислоцированных в Кисмаю или других местах на их территории; против них были направлены карательные экспедиции в 1898 и в 1901 годах. Эта последняя экспедиция закончилась несколько катастрофически для британского оружия, но за ней мудро не последовала дорогостоящая кампания возмездия, поскольку страна в настоящее время не стоит того, чтобы ее завоевывать, и населена только полукочевыми, воинственными сомалийцами, которые,

однако, благодаря соблазну торговли постепенно приходят к мирному состоянию. В стране Боран-Гала, в самых северных частях протектората, время от времени происходят набеги абиссинских солдат, которые особенно раздражают из-за безрассудного ущерба, наносимого крупной дичи страны. В этой части Восточной Африки абиссинцы быстро истребляют крупную дичь.

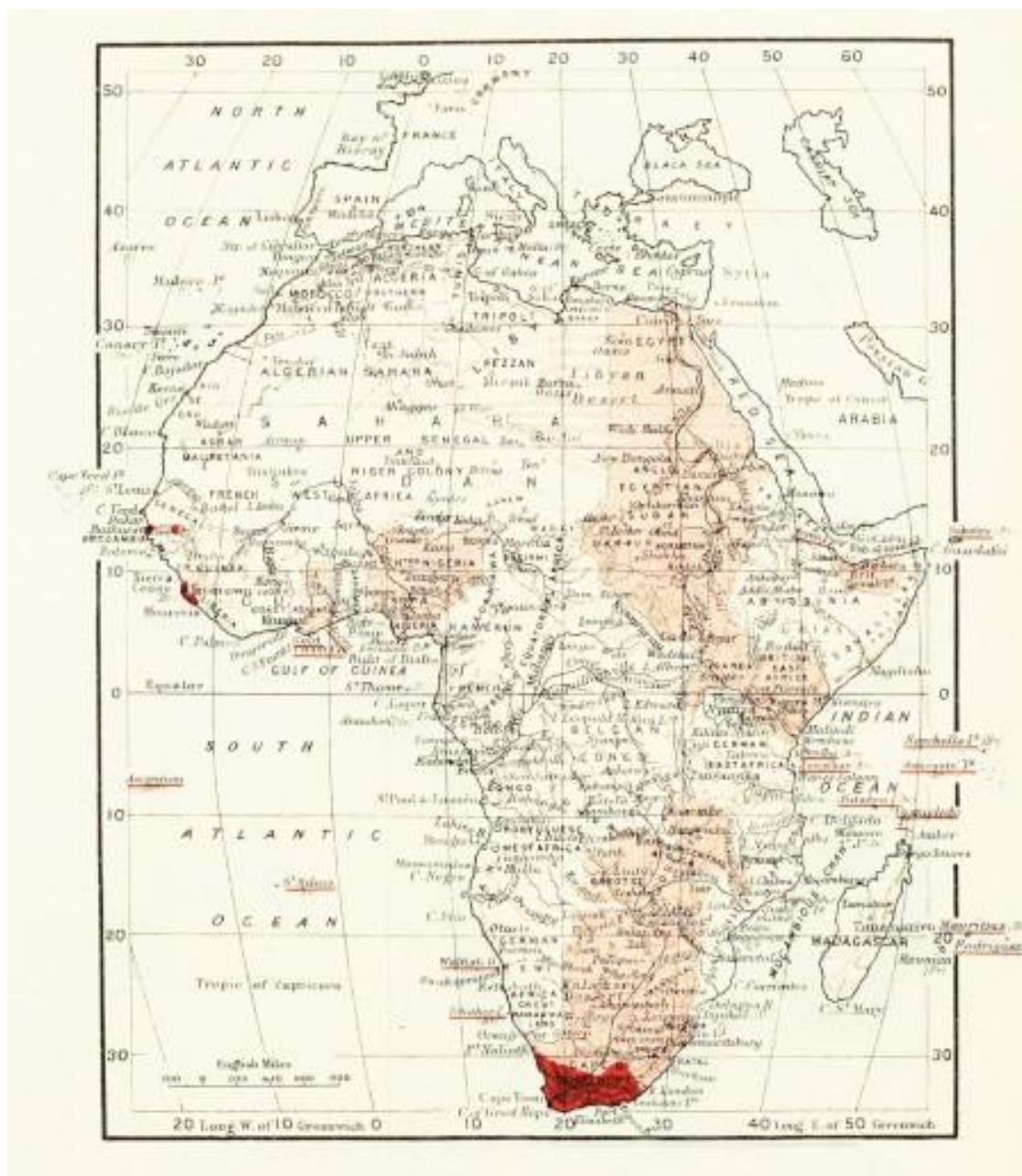
Действительно, было установлено, что крупная дичь является одним из активов этого Восточноафриканского протектората. Труды Джозефа Томсона, Х. Х. Джонстона, Ф. Г. Джексона, графа Телеки и лейтенанта Хенеля — исследователей этого региона в период с 1882 по 1888 год — открыли миру удивительное богатство млекопитающих в этом регионе, которые раньше были настолько многочисленны, что соперничали в этом отношении с Южной Африкой начала 19 века. Вскоре после окончательного установления британской администрации были приняты меры по сохранению этой замечательной фауны от слишком быстрого вымирания как европейскими, так и местными охотниками; были созданы охотничьи заповедники.

Но, возможно, самым важным подвигом, совершенным британским правительством и прославившим гуд как образец и транспортное агентство по всей Восточной и Центральной Африке, было строительство железной дороги в Уганду между 1897 и 1903 годами. Железная дорога начинается в Момбасе, с другой станции в большой гавани Килиндини на южной стороне острова Момбаса, и проходит курс в 585 миль, пока не достигнет устья залива Кавирондо на северо-востоке Виктория-Ньянза. Вскоре она, без сомнения, будет расширена через Кавирондо и Бусогу, пока не достигнет Нила Виктория и не соединится с железными дорогами, которые прокладываются от места зарождения этой реки до Альберт-Ньянзы и Гондокоро. Железная дорога в Уганде еще в начале 20 века позволила европейским туристам и поселенцам проникнуть далеко в Восточную Африку и, таким образом, привлекла внимание общественности к тому, что в течение некоторого времени было осознано несколькими людьми — тот факт, что значительная часть внутренних районов Британской Восточной Африки представляет собой высокое и здоровое плато, обладающее очень хорошим климатом, своего рода мягким, вечным летом, но бодрящим, добродушным и достаточно дождливым для поддержания обильной растительности, в Британской Восточной Африке есть, по факту, разбросанные участки относительно необитаемого, здорового нагорья, общей численностью около 30 000 человек. квадратные мили, необитаемые в начале 20 века, потому что коренное население либо было рассеяно, либо истреблено в результате межплеменных войн и голода, либо сочло климат слишком холодным и предпочло низменные земли. Одно время существовал проект предложить регион размером с Уэльс, вырезанный на этих плато, находящимся в бедственном положении русским, румынским и галицийским евреям через Комитет Еврейской территориальной организации. Но это предложение было по глупости отклонено этим органом, и крайне маловероятно, что оно когда-либо будет возобновлено, поскольку, как только закончилась война в Южной Африке, бургские поселенцы в количестве 600 или 700 человек со своими женами и семьями отправились во внутреннюю часть Восточной Африки и начали занимать землю у британского правительства. До и после их прибытия сюда приезжало немало британцев с той же целью, и в настоящее время в Британской Восточной Африке проживает оседлое белое население численностью не менее 2000 человек. Не будучи несправедливым по отношению к коренным народам, нет причин, по которым около 30 000 квадратных миль Восточной Африки не следовало бы выделить для заселения белыми и прокормить со временем многочисленное население в три-четыре миллиона человек, которое могло бы оказаться очень мощным фактором в политике Экваториальной Африки. Не следует предполагать, что в этом регионе нет болезней, но болезнь возникает не из-за

климата, а из-за сосуществования чернокожих мужчин с микробами в крови и комаров, клещей и мухи цеце, отвратительная цель жизни которых состоит в переносе этих микробов из крови одного человека в кровь другого. Но комары часто отсутствуют как в высокогорных, так и в засушливых районах Восточной Африки, и в этом случае микробные заболевания не могут распространяться, или же можно избавиться от этого и других вредителей, обработав землю. Несомненно также, что в планах, которые будут приняты для окончательного заселения всей страны, будет принята определенная политика сегрегации, в определенной степени разделяющая колонии белого человека и британских индейцев. Ибо, среди других вещей, происходящих в результате британского освоения Восточной Африки, является приток ряда британских индийских колонистов и даже персов; и это азиатское население демонстрирует все признаки процветания. Однако было бы более разумно зарезервировать для азиатской колонизации свободные земли вблизи побережья и в более северных частях Протектората, которые являются жаркими и низменными и поэтому непригодны для европейского поселения, но которые были бы хорошо приспособлены для выращивания хлопка и зерновых культур и разведения крупного рогатого скота сельскохозяйственными колониями азиатов.

БРИТАНСКАЯ АФРИКА

Табличка V.

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Колонии, Протектораты, сферы влияния или контроля

В 1815 году (Этот более темный цвет в Капской колонии символизирует крайнюю протяженность голландской Южной Африки после захвата ее британцами)

В 1912 году (Розовые полосы означают неопределенность владения)

ГЛАВА XV

ИТАЛЬЯНЦЫ В АФРИКЕ

Роль, сыгранная Италией в колонизации Африки после затопления римской цивилизации на этом континенте арабским вторжением, была замечательной; однако эта роль была отнесена не к Италии в целом, а к некоторым составляющим ее государствам. Маленькое княжество Амальфи рано вступило в сношения с сарацинами и переняло от них некоторые знания о новой навигации и о недавно завезенной группе фруктовых деревьев - семействе апельсиновых, — которым суждено было обрести второй дом в Италии. Пиза, Генуя и Венеция попеременно воевали и торговали с севером Африки. Неаполь получил из Египта домашних индийских буйволов еще в 13 веке. Сицилия была окончательно завоевана сарацинами в 832 году нашей эры; а Сардиния с 712 года периодически становилась сарацинским владением более чем на три столетия, пока окончательно не была спасена пизанцами после 1015 года нашей эры. Следовательно, сицилийские и сардинские ренегаты фигурируют в ранней мусульманской истории Туниса, Триполи и Алжира. Но двумя государствами, которые до португальской эры играли наиболее заметную роль в торговле Северной Африки, были Генуя и Венеция. Генуя имела наибольшее отношение к побережью Туниса; у нее были периодические предприятия в Табарке и Боне, помимо того, что время от времени она держала Мехдию на побережье Туниса. Генуя отправила нескольких выдающихся моряков исследовать Атлантику, северо-западное побережье Африки, Азорские и Канарские острова; и считается, что генуэзские корабли, возможно, даже прокладывали путь вдоль западного побережья Африки к Гвинейскому заливу еще в 14 веке; поскольку на томе из восьми карт — знаменитом Лаврентийском Портулано, выполненном генуэзцем около 1351 года (и впоследствии приобретенном для Лаврентийской библиотеки во Флоренции) Африка впервые в истории обозначена как континент с большим западным выступом, сужающимся южным краем. окончечность и ее смелый восточный рог Сомалиленда. (Однако эта информация, возможно, была получена от арабов во время крестовых походов.) Венеция поддерживала дружбу с Египтом во время и после Крестовых походов и таким образом получила контроль над индийской торговлей, пока португальцы не открыли и не использовали Капский маршрут. Даже тогда интерес Италии к Африке не ослабел. Это было продемонстрировано главным образом в Риме в 16-17 веках, когда римские понтифики с некоторым рвением взялись за географические исследования проблем и возможностей Африки, особенно в отношении Конго, Абиссинии и северного Судана. Примечательным среди пап, продвигавших африканистику, был Лев X, который побудил итальянизированного мавра Йоханнеса Лео ("Лео Африканский") написать на итальянском языке описание своих путешествий по Нигерии и Северному Судану^[203]; Сикст V, который заставил своего камергера Филиппо Пигафетту опубликовать много ценной информации от португальских путешественников и миссионеров относительно Конго и Абиссинии; Павел V, который отправил миссию к королю Конго в 1621 году, чтобы сообщить об этом западноафриканском королевстве; и Урбан VIII, который в 1640 году превратил Королевство Конго в Апостольскую префектуру, зависимую от Римского престола, и отправил туда многих итальянских миссионеров. Его усилия были возобновлены в 1652 году его преемником Иннокентием X.

В течение 15, 16, 17 и 18 веков абиссинские студенты-христиане часто ездили в Рим и жили в Италии более или менее в качестве пенсионеров пап. Точно так же в течение 17 и 18 веков так много итальянских ремесленников, хирургов, врачей, натуралистов и ботаников путешествовали по Тунису и Египту и оставались там постоянно, что (помимо бесчисленных

итальянских рабов, захваченных пиратами и поглощенных мусульманской общиной) в главных городах Египта и Берберии выросли большие левантийские общины. В 1600 году итальянский хирург по имени Федерико Зеринги убил двух гиппопотамов в Дамiette, в восточном устье Нила; а в 1658 году другие итальянские путешественники отметили вымирание гиппопотама в дельте Нила. Итальянское влияние достигло своего пика в конце 18 века, но после вторжения Наполеона в Египет многие итальянцы были наняты на службу этой стране под руководством Мухаммеда Али. Тысячи итальянцев (многие из них евреи) также эмигрировали в Восточный Алжир и Тунис в первой половине 19 века и финансировали промысел губок у берегов Триполи. Объединенная Италия в 1862 году начала заявлять о себе сначала в Тунисе. В шестидесятые годы 19 века дела Туниса, вместо того чтобы обсуждаться только между Францией и Великобританией, были переданы на рассмотрение третьей державы, Королевства Италия; а в 1869 году был установлен тройной контроль этих трех держав над его финансами. Затем Британия перестала претендовать на совещательный голос в управлении этим пошатнувшимся турецким регентством, и Франция и Италия остались лицом к лицу. Италии пришлось уступить в 1881 году. Она, однако, в течение некоторого времени проявляла интерес к Триполи, где она основала, как и в Тунисе и Египте, “королевские школы” для бесплатного преподавания итальянского языка; но слишком яркое проявление ее интереса к делам Триполи после французской оккупации Туниса вынудило турецкого султана усилить свой гарнизон там 10 000 солдатами, и Италия решила, что для этого еще не время. Итальянское влияние более или менее левантийского, денационализированного толка прочно утвердилось в Египте еще до британской оккупации и в значительной степени вытеснило влияние Франции, итальянский язык использовался как своего рода лингва франка. Автор настоящего может вспомнить, что во время своего первого посещения Египта в 1884 году на большинстве почтовых ящиков в почтовых отделениях было написано “Vusa per le lettere”, в то время как итальянский язык был гораздо лучше понятен в городах, чем французский, английский, конечно, в то время вообще не понимали. Таким образом, если верно, что мистер Гладстон в 1882 году предложил Италии занять место Франции в условиях двойного контроля Англии над Египтом, то в то время, когда это было сделано, это предложение не было таким абсурдным, как может показаться сейчас.

Еще в 1873 году Италия положила глаз на Абиссинию, и одна из ее крупных паровых компаний приобрела небольшой участок в заливе Ассаб в качестве станции добычи угля. Залив Ассаб в Красном море находился на негостеприимном, бесхозном побережье Данакиля, недалеко от Баб-эль-Мандибского пролива. В 1875 году подозрительные передвижения итальянских кораблей около Сокотры вынудили Англию взять этот остров под свою защиту. С 1870 года итальянские миссионеры и путешественники из Италии начали перемещаться по этому побережью и исследовать юг Абиссинии. В 1880 году итальянское правительство возобновило итальянские притязания на Ассаб-Бей, но фактически овладело им только в июле 1882 года, когда бомбардировка Александрии пробудила Европу к предчувствию больших перемен в египетских делах. Между Италией, Египтом и Турцией состоялась ожесточенная переписка по поводу этих претензий на Ассаб-Бей; но Италия получила молчаливую поддержку Англии, и когда египетская власть над Суданом рухнула, итальянцы быстро расширили свою оккупацию на север и юг, пока итальянское влияние не стало граничить на юге с французской территорией Сомали Обок (и, следовательно, напротив Баб-эль-Мандибского пролива), а на севере не достигло Рас-Касара, в 110 милях к юго-востоку от Суакина. Таким образом, Италия приобрела около 670 миль побережья Красного моря, включая древний и важный порт Масавы. Это побережье в его частичной стерильности и с его ужасно жарким климатом не имело бы особой ценности, если бы оно не обладало прохладной гористой внутренней территорией, значительными участками гуминовых лесов и плодородными долинами рек, помимо того, что на нем было много

пастбищ для верблюдов и другого домашнего скота, и имелись бы самые легкие и близкие подходы к Абиссинии. В одной части побережья местные жители практически абиссинского происхождения, и Абиссиния на протяжении веков постоянно стремилась сохранить свое господство на побережье, но всегда была оттеснена в свои горы морскими народами, такими как греки, римляне, арабы и турки. Видя, что после падения Египта Италия вмешалась, чтобы заменить эту власть в Масаве и других местах, король Иоанн Абиссинийский вскоре поссорился с итальянцами. Итальянцы заняли внутренний город под названием Сахати, бывший египетской крепостью. Рас Алула, абиссинский генерал, с 10 000 человек атаковал 450 итальянских солдат, направлявшихся в Сахати, и, как можно себе представить, перебил почти всех из них. Италия чувствовала, что ее честь поставлена на карту, и, несмотря на расходы, была бы вынуждена начать войну в Абиссинии, если бы не добрые услуги британского правительства. Лорд Солсбери отправил мистера, впоследствии сэра Джеральда, Портала с миссией в Абиссинию, целью которой было заключение временного мира между итальянцами и королем Джоном. Вскоре после этого король Иоанн Абиссинийский выступил против махдистов и был убит в бою. Затем Италия заняла посты Керен и Асмэра, что дало ей контроль над горными перевалами, ведущими на северо-восток в Абиссинию. Ранее она поддерживала большие дружеские отношения с Менеликом, вассальным королем Шоа на юге. (Можно сказать, что собственно Абиссиния разделена на три основных округа, которые иногда становятся полунезависимыми сатрапиями или королевствами — Тигре на севере, Амхара в центре и Шоа на юге.) Когда умер король Абиссинии Иоанн, Менелик, как сильнейший из его вассалов, несколько незаконно захватил Абиссинскую империю. Хотя теперь он относился к итальянцам с большим подозрением, он, тем не менее, заключил с ними договор, который позволил ему договориться о займе и получить большое количество военных материалов, но содержал пункт, туманно касающийся “взаимной защиты” договаривающихся сторон. Итальянский протекторат над Абиссинией был признан Англией и Германией, но не Францией или Россией. Чтобы досадить Италии как члену Тройственного союза, Франция и Россия начали подталкивать Менелика к отказу от итальянского протектората и поставляли ему большое количество оружия и боеприпасов. Россия, действительно, в течение прошлых лет проявляла склонность беспокоиться об Абиссинии под предлогом того, что греческое христианство этой страны особенно связывало ее с Россией. Она посылала туда многочисленные “научные” экспедиции, а также отряд монахов-казаков, чтобы стимулировать абиссинское христианство. Однажды эти казаки-монахи даже дошли до захвата порта на французском побережье, недалеко от Обока. Это было слишком даже для французов, и для изгнания этих воинственных миссионеров была применена сила.

В марте 1891 года с целью регулирования будущих действий со стороны Италии Англия заключила соглашение, разграничивающее соответствующие сферы британских и итальянских интересов в Восточной Африке; и по этому соглашению Италии разрешалось, если она сочтет это необходимым для военных целей, занять заброшенный пост Касала (находившийся тогда в руках дервишей) на границах египетского Судана. Соответственно, этот пост был занят Италией в 1894 году. В начале 1895 года итальянские войска были снова атакованы абиссинцами, война была перенесена на территорию противника, и после нескольких кровавых поражений, нанесенных абиссинцам, большая часть провинции Тигре была оккупирована. Менелик, административная столица которого все еще оставалась в Адис-Абебе в Шоа, организовал огромную армию и приготовился защищать свое королевство. Ранней весной 1896 года генерал Баратьери (опасаясь, что его могут сменить, и не дожидаясь достаточного подкрепления) предпринял наступление на абиссинцев в окрестностях Адуи, в результате чего потерпел сокрушительное поражение. Почти половина итальянской армии (13 000 человек — только 7000 итальянцев, остальные уроженцы

побережья — против 90 000 абиссинцев) была убита, а из оставшихся было взято много пленных. Это был ужасный удар по Италии, и его последствия для европейской политики были далеко идущими. Генерал Бальдиссера несколько восстановил свою позицию; но всем мыслям об итальянском протекторате над Абиссинией пришел конец, и эта позиция была откровенно признана Италией в ее последующем мирном договоре с Менеликом. Она потеряла лишь немного из своей первоначальной колонии “Эритрея”, но тогда Эритрея казалась малоценной страной, разве что как ступенька к Абиссинии. Французы и русские торжествовали, а французское преклонение перед императором Менеликом едва ли было достойно нации, занимающей такое высокое положение, как Франция.

В 1897 году была направлена британская миссия для установления дружественных отношений с Абиссинией и создания политического агентства при королевском дворе. Заключенный договор, на первый взгляд, казался не совсем удовлетворяющим британским интересам, поскольку он уступал Абиссинии часть Сомалиленда и не предусматривал какой-либо делимитации границ Абиссинии на западе; но, по-видимому, были и другие пункты, не обнародованные, которые впоследствии обеспечили дружественный нейтралитет Менелика во время Хартумской кампании.

С 1897 года, или, скорее, с момента установления гражданского правительства в 1900 году, колония Эритрея медленно продвигалась к благосостоянию и коммерческому процветанию, которые недостаточно оценены историками Африки. “Колония” остается неточным обозначением, поскольку чрезмерная жара в низинах делает невозможным массовое заселение Италии (во всей колонии насчитывается всего 3000 поселенцев), в то время как нагорья либо бесплодны, либо достаточно хорошо заселены крепкой расой негроидов — смесью хамитов, семитов и негров-нилотов. Но это коренное население (275 000 человек) процветало и увеличилось под властью Италии. Развивается значительная торговля орехами гифеновых пальм, которые экспортируются примерно на 50 000 фунтов стерлингов в год. Шкуры и крупный рогатый скот, воск, камедь, кофе, слоновая кость и соль также экспортируются; и ежегодный товарооборот — импорт и экспортирование — в настоящее время (1912 г.) составляет в среднем 1 000 000 фунтов стерлингов. Территория Эритреи, простирающаяся на юг до мыса Дамейра в Баб-эль-Мандибском проливе, составляет 45 800 квадратных миль.

Обнаружив, что Германия не намерена выдвигать наполовину разработанные претензии на побережье Сомали, Италия в 1889 году начала заключать договоры в этом направлении и к концу того же года установила протекторат над всем побережьем Сомали от западной стороны мыса Гуардафуи до устья реки Джуб, что впоследствии было подтверждено соглашениями с Великобританией и султаном Занзибара. Итальянская предприимчивость привела к большим географическим открытиям в районе реки Джуб и Веби-Шебейли, эксцентричного ручья, который, достигнув нескольких миль от моря и извиваясь параллельно побережью, теряется в песчаной пустыне недалеко от устья реки Джуб. Несколько итальянских экспедиций потерпели неудачу в этих странах Сомали и Гала, но Италия выстояла и заслуживает успеха в долгосрочной перспективе. Была основана итальянская коммерческая компания, занимавшаяся эксплуатацией побережья Бенадир, некогда находившегося в руках султана Занзибара, где все еще велась прибыльная торговля товарами внутреннего потребления. Но были поданы жалобы на жестокое обращение с местными жителями со стороны Зафрахтованной компании; и в 1900 году итальянское правительство купило у султана Занзибара за 144 000 фунтов стерлингов порты (*Бенадир*: множественное число от *Бандар*, морской порт) Магдишу, Брава, Марка и Варшейх, которые долгое время были уделами султана Занзибара. Название “колонии” теперь “Somalía

Italiana”, итальянский Сомалиленд, а столица находится в Магдишу — португальском “Могадоху” 16 века. В глубине страны итальянское владычество простирается вдоль реки Джуб или Джубба вплоть до крупных городов Бардера и Луг. Дальше на север, вдоль побережья, находится исконный сомалийский султанат Оббия, а затем территория сомалийских племен Ногал. Общая площадь итальянского Сомалиленда составляет около 140 000 квадратных миль, а население (негры-гала, сомалийцы, негры-суахили, арабы и племена илотов) составляет 400 000 человек.

Примерно в 1904 году между Францией и Италией произошло *сближение* относительно урегулирования колониальных “устремлений”, что совпало с соглашениями, тайными или общепризнанными, заключенными между Францией и Великобританией. Затем было установлено, что, если Италия в какой-либо момент утвердится вместо Турции в Триполитании, границы ее сферы влияния там должны практически совпадать с границами, признанными Францией в то время турецкими границами, включающими Триполи (вплоть до Гадамеса и Гхата на запад), Феццан и Киренаику. Вероятно также, что к аналогичному пониманию пришли и в Великобритании в начале 20 века. Фактически, в литературе того периода было открыто заявлено, что Италия “наметила” Триполитанию в качестве своей доли Турецкой империи на случай дальнейшего сокращения турецких владений. Официального отказа от такой идеи со стороны Германии или Австрии не последовало. Тем не менее, когда Италия в 1911 году все-таки двинулась в этом направлении, именно со стороны Германии и Австрии она получила самые горькие упреки. Объяснение такого изменившегося отношения, без сомнения, заключалось в том, что между 1909 и 1911 годами как в Германии, так и в Австрии возникла идея, что Италия теперь рассматривает Триполи как практически бесполезное с точки зрения будущего поля для итальянской колонизации; и что тевтонские союзники могли бы, с помощью какой-либо схемы концессий и зафрахтованных компаний, установить урегулирование и контроль над Триполитанией (возможно, под турецким флагом). Оттуда они могли бы построить транссахарскую железную дорогу, которая соединила бы этот немецкий плацдарм на южном побережье Средиземного моря с будущей Конголезской империей, которую Германия решила сформировать со временем из французских, бельгийских и португальских владений путем покупки, обмена и, возможно, некоторого давления. В смягченной форме эта идея принесла плоды в уступках, сделанных Германией Францией в северо-западном Конголанде в 1911 году (см. стр. 234).

Италия едва не вступила в войну с Турцией в 1910 году из-за спора относительно итальянских почтовых отделений в Турецкой империи и, в качестве основного средства наказания Турции, готовила экспедицию для высадки в Триполи. Но турки уступили перед практическим ультиматумом, и Италия осталась без оправдания. Затем последовало объявление о том, что хорошо оснащенная австрийская “научная” миссия приступит к тщательному исследованию Триполитании зимой 1910-1911 годов. Италия обратилась к Турции с просьбой предоставить аналогичные условия для итальянской экспедиции, но получила уклончивый ответ. В июле 1911 года произошел поразительный инцидент в Агадире со всеми вытекающими из него последствиями как в отношении североафриканских, так и в отношении центральноафриканских целей Германии. Вскоре после этого стало ясно, что Германия, лишенная плацдарма в Марокко, будет более чем когда-либо стремиться закрепиться на побережье Триполи. Таким образом, была затеяна ссора с Турцией из-за несколько туманных претензий, и за объявлением войны последовала немедленная высадка итальянской армии в городе Триполи 20 сентября 1911 года. Вскоре после этого, осенью и зимой 1911 года, все остальные города на побережье Триполи и Киренаики были оккупированы итальянцами, сенат которых 23 февраля 1912 года ратифицировал указ о присоединении этих провинций к Италии на западе, юге и востоке до

границ Франции, Великобритании и Египта. Весь порт Солум и его окрестности были переданы Египту — *solatium*, принятый без колебаний англо-египетским правительством.

Европейское сознание, конечно, было возмущено, и Турции было выражено большое сочувствие, но никакой помощи оказано не было. Без сомнения, действия Италии теоретически были политическим преступлением. Во времена совершенного мира она предъявила ультиматум соседней европейской державе, основанный на якобы незначительных претензиях; и прежде чем эта держава смогла обсудить какое-либо устранение указанной претензии, две большие провинции ее территории были насильственно аннексированы. Теоретически действия Италии не имели оправдания; на практике это, вероятно, было вопросом суровой необходимости. Побережье Триполи находится непосредственно напротив Италии и далеко от Турции. Небольшая нерешительность, и это побережье могло бы сначала быть передано в коммерческую собственность немецким и австрийским подданным, а впоследствии навсегда выйти за пределы итальянской морской мощи. Тогда Италию постигло бы ироническое наказание, которое Судьба так часто уготовляет тем, кто позволяет “Я не смею ждать того, чего хотел бы”. Что касается любого сожаления, испытываемого Турцией, давайте на мгновение задумаемся, каковы были ее моральные претензии к этим двум провинциям. Их прибрежные порты были захвачены турецкими пиратами в середине 16 века. В конце концов здесь выросла турко-арабская династия Караманли-пашей, которым Турция делегировала в начале 18 века управление Триполи и Баркой (Киренаика). Караманлийские паши, хотя и посылали пиратские флоты в Средиземное море для нападения на корабли держав, не состоящих с ними в договорных отношениях, тем не менее многое сделали для открытия Феццана и северного Судана для европейской торговли; а их дружба с Великобританией сделала возможными британские экспедиции к озеру Чад и Борну в 1821-3 годах. В 1835 году турецкое правительство в Константинополе, встревоженное распространением власти Мухаммеда Али и захватом Алжира французами, вмешалось в дела Триполи и аннексировало его; партизанская война продолжалась в течение десяти лет после этого. С 1850 года произошло большое возрождение суданской работорговли через триполитанские порты; и это стало еще более заметным после того, как Египет, управляемый хедивом Исмаилом, прекратил экспорт рабов. Под прямым турецким правлением Триполитания стала почти непроходимой для европейских путешественников, несколько из которых были убиты на ее территории. Ничего не было сделано для благоустройства Феццана, оазисов или даже прибрежных городов Триполи. Саранча беспрепятственно уничтожала посевы, а пески пустыни неуклонно наступали на пригодные для обработки регионы. Не существует никаких общественных работ, заслуживающих упоминания, которые свидетельствовали бы о каких-либо выгодах, полученных от турецкого правления. Турция подверглась испытаниям на протяжении всей истории Триполитании и оказалась крайне слабой страной.

К лету 1912 года итальянцы провели множество сражений и стычек с турками и арабами Триполитании. Обычный англосаксонский журналист обвинил их в обычной бесчеловечности войны, но они владели всеми прибрежными городами, и в нескольких своих щедрых общественных работах начали примирять испытанное мавританское население с господством “руми” — в данном случае исключительно правдивый термин, поскольку это действительно был “римлянин”, вернувшийся править землей, которую за четырнадцать столетий до (до нашествия вандалов) он возвел в положение значительного плодородия и процветания. В июле 1912 года глава великого братства Сенусси (см. стр. 236) заключил условия мира и дружелюбия с итальянцами; и, поскольку это издание готовится к печати, мир был заключен (15 октября 1912 г.) между Италией и Турцией на основе обратной передачи старшей дочери Рима двух североафриканских провинций, оторванных от ее

Материнского государства, сначала вандалами, а затем арабским вторжением в VII веке нашей эры

Когда Италия получит возможность полностью овладеть этой территорией в 400 000 квадратных миль, она обнаружит, что едва ли одна треть пригодна для обработки, а остальная часть состоит из голых плато, гор из обожженного солнцем камня и обширных "морей" дрейфующего песка. Песок - менее безнадежное занятие, чем скала, поскольку под ним часто залегают слои заточенной воды, которую можно извлечь из артезианских скважин. Но когда претензии и требования уроженцев "Ливии" (как итальянцы называют свои с трудом завоеванные владения) будут должным образом удовлетворены, там не останется много сельскохозяйственных земель для итальянских поселений. Тем не менее, может возникнуть множество перспективных отраслей промышленности, которые обеспечат занятость итальянцев в городах на побережье. Более того, со временем, терпением, сочувствием и пониманием итальянцы обнаружат, что миллион арабов, евреев, берберов, тибу, негроидов и неграмотных, составляющих население Триполи и Киренаики, обладают многими прекрасными качествами телосложения и выносливости, которые под руководством мудрого и братского правительства могут сотрудничать с европейцами в том, чтобы пустыня расцвела как роза.

Придется ли Италии остановиться на границе Сахары и Ливийских пустынь, или Франция и Великобритания, отказавшись играть роль собаки на сене, откажутся по обе стороны границ своих сфер влияния, чтобы позволить итальянцам прямой доступ в Северный Судан, на границы Дарфура и Канема, - это возможность, зависящая от богов, и, вероятно, она надолго останется среди нерожденных событий, пока пески Ливийской пустыни не окажутся достаточно ценными, чтобы на них стоило претендовать и пересекать их.

ГЛАВА XVI

германская африка

Немецкое поселение в Африке - это не совсем результат борьбы за Африку в 1884 году; немецкие поселения на западном побережье Африки датируются 1683 годом, а прусский или германский протектораты в Африке обсуждались в шестидесятых годах 19 века. Корабли из Эмдена^[204] и Грециль, принадлежащие фрисландским владениям Бранденбургского курфюршества (прародины прусской монархии), вышли из Северного моря и приняли участие в западноафриканской торговле рабами и золотом. Эти корабли подвергались сильному преследованию со стороны французов, португальцев и голландцев, но бранденбургцам вместе с прусской компанией из Эмдена удалось закрепиться в конце 17 века на Золотом берегу, где они некоторое время удерживали Гроссфридрихсбург и Такрану. Маленький остров Аргуин близ мыса Бланко, у берегов Сенегала, был куплен Фредериком Вильгельмом (великим курфюрстом Бранденбурга) у голландцев и удерживался ими в течение нескольких лет. Бранденбургская африканская компания определенно была основана в 1681 году, но к 1720 году эти северные немцы, отвлеченные ссорами дома, отказались от своего западноафриканского предприятия.

В сороковых годах 19 века в Германии некоторое внимание уделялось вопросу колонизации, но внимание было направлено на незанятые территории в Америке, и ничего не было сказано об Африке. Около 1850 года немецкие пароходы (под флагом Гамбурга) начали торговать вдоль Западного побережья Африки; и в том же году знаменитый Дом Ворманн открыл свои первые агентства в Монровии (Либерия) и в других местах на Западном побережье.

Многие немецкие миссионеры и колонисты в период с 1845 по 1865 год отправились в Южную Африку, чтобы поселиться главным образом в Капской колонии, Намакваланде и Натале. Между 1860 и 1865 годами ганноверский барон фон дер Декен исследовал Килиманджаро и Восточное побережье Африки. До него начало доходить, что Занзибар и Занзибарское побережье станут законным полем для немецкой предприимчивости, заселения и колонизации, “особенно после открытия Суэцкого канала”. Хотя фон дер Декен был убит на реке Джуб в 1865 году, он поделился своим мнением с Отто Керстеном, который в 1867 году написал статью, в которой утверждал, что у фон дер Декена были идеи купить Момбасу у султана Занзибара, чтобы основать немецкое поселение. К этому времени гамбургские купцы наладили процветающую торговлю на Занзибаре, и до 1885 года немецким представителем в этом месте почти неизменно был гамбургец; действительно, до объединения Германской империи на Занзибаре был гамбургский (ганзейский) консул, а не немецкий представитель. До преднамеренного вторжения Германии на восточное побережье Африки эти ганзейские купцы практически находились под защитой Великобритании.

В 1878 году Немецкое африканское общество в Берлине было основано как филиал Международной африканской ассоциации. Оно объединило два похожих общества, занимающихся Африкой, скорее с географической, чем с политической точки зрения. Немецкие “международные” станции были основаны между Занзибаром и Танганьикой, и немецкие исследователи тщательно обследовали местность вокруг озера Мверу и реки Луалаба. Другие немецкие исследователи (Виссманн в их числе) пересекли и нанесли на карту южную половину бассейна Конго; и, когда настоящий автор посетил Конго в 1882-1883 годах, немецкие исследователи, номинально состоявшие на службе короля Бельгии, не скрывали желания Германии установить контроль над Западным Конго. Это, без сомнения, было одной из причин, по которой Бисмарк выступил против англо-португальского договора 1883-4 гг. (стр. 89-343). Но когда состоялась конференция, о которой он вел переговоры, он почувствовал, что объединенная оппозиция Франции и Бельгии и отсутствие претензий Германии по договору сделали невозможным создание государства Германское Конго. Затем энергия Германии была направлена на Нигер, но здесь им помешала Национальная африканская, а затем Королевская нигерская компания.

Однако Немецкое колониальное общество направило в Нигерию несколько эмиссаров. Это учреждение было основано во Франкфурте-на-Майне в 1882 году и сразу же получило восторженную поддержку.

В пятидесятых, шестидесятых и семидесятых годах немецкие протестантские миссионеры обосновались в Дамараленде и Намакваланде, в Юго-Западной Африке. В 1864 году некоторые из этих миссионеров купили поместья Медной компании Уолфиш-Бэй к северо-востоку от Уолфиш-Бэй и здесь водрузили немецкий флаг. Уже в 1877 году сэр Бартл Фрер начал относиться к действиям немецких миссионеров с подозрением и, чтобы противостоять их действиям, предложил присоединить Дамараленд к Южноафриканской империи. Но британское правительство разрешило бы аннексию только Уолфиш-Бей. Примерно в 1880 году немецкие миссионеры возобновили свои жалобы на обращение, которому они

подвергались со стороны туземцев, и отсутствие защиты, которую они получали от британских властей. Принц Бисмарк поддержал эти претензии и спросил британское правительство, готово ли оно защитить европейцев в Дамараленде и стране Намаква. Лорд Грэнвилл отказался от какой-либо ответственности за пределами Уолфиш-Бей и сообщил губернатору Кейпа, что река Ориндж является северо-западной границей Капской колонии. В 1881 году немецкие миссионеры попросили предоставить им канонерскую лодку для защиты своих интересов на побережье Намаква. С Министерством иностранных дел были проведены консультации, и оно снова отвергло любые британские претензии на эту территорию за пределами Уолфиш-Бей. В начале 1883 года герр Людериц из Бремена, действуя, возможно, под влиянием Немецкого колониального общества, спросил правительство Германии, получит ли он защиту Германии, если приобретет территории в Юго-Западной Африке. Он получил сдержанное согласие (после того, как министерство иностранных дел Германии снова проконсультировалось с британским правительством и получило расплывчатый ответ). В апреле 1883 года агенты герра Людерица отправились на немецком корабле в залив Ангра-Пекена, расположенный в 150 милях к северу от Оранжевой реки. Немцы высадились там и прошли маршем вглубь страны 100 миль до немецкой миссионерской станции Вифания. Глава готтентотов этого округа продал этим агентам герра Людерица участок земли длиной 24 мили и шириной 10 миль с таким же широким фасадом на залив Ангра-Пекена, включая все суверенные права. 2 мая 1883 года немецкий флаг был поднят на берегу залива Ангра-Пекена над первой немецкой колонией. Когда новость достигла мыса, английская канонерская лодка "Боадичея" направилась в Ангра-Пекену и была встречена в этом месте немецкой канонерской лодкой, командир которой сообщил капитану "Боадичеи", что он находится в немецких водах и не может там осуществлять никаких полномочий. По-видимому, между поднятием немецкого флага в Ангра-Пекуэне и этим визитом британского военного корабля прошло почти пять месяцев, и в течение этого периода в Англии не было предпринято никаких действий. И, действительно, не могло быть предпринято никаких действий после того, как администрации лорда Биконсфилда и мистера Гладстона недвусмысленно дезавуировали любые британские претензии на побережье Юго-Западной Африки. Слишком поздно лорд Грэнвилл проинформировал принца Бисмарка, что "любое притязание иностранной державы на суверенитет или юрисдикцию над любой частью побережья между португальской границей и Оранжевой рекой будет рассматриваться как посягательство на законные права Капской колонии". Даже тогда Германия не приступила к немедленным действиям, но неоднократно настаивала на том, намеревалась ли Англия взять на себя управление этим побережьем Дамары. Британское правительство попыталось уклониться от прямого ответа, проконсультировавшись с правительством Кейпа. Последнее не давало ответа до мая 1884 года, когда Кейп предложил взять под контроль все побережье вплоть до залива Уолфиш. Но в апреле Германия сделала заявление о том, что она не признает британскую защиту над этим побережьем, и 21 июня она добилась от Англии признания германского протектората. Если действия британских властей были достойны порицания (с национальной точки зрения) за отказ воспринимать Германию всерьез и за то, что они озадачили ее отказом провозгласить британский протекторат между Оранжевой рекой и португальскими владениями, вина в равной степени ложится на парламент Кейпа. Именно бережливость Капской колонии, которая боялась, что ее втянут в расходы, вкупе с близорукостью тогдашнего английского министерства, которое отказывалось верить в возможность того, что Германия захочет колоний, позволили Германии утвердиться в качестве южноафриканской державы. Что касается правительства Германии, то оно вело себя повсюду с совершенной "корректностью". Это дало британскому правительству достаточно времени и возможностей для осуществления любых предыдущих прав.

Германия действовала здесь не так, как в Камеруне, где она просто проинформировала британское правительство о том, что правительство Германии поручило доктору Нахтигалю посетить западное побережье Африки, чтобы сообщить о состоянии немецкой торговли, и попросила предоставить ему рекомендации британским властям в Западной Африке. Ее посол, правда, упомянул, что доктор Нахтигаль проведет переговоры, связанные с определенными вопросами, но контекст подразумевал, что эти вопросы были коммерческими. Поэтому британское правительство, которое уже приняло меры по установлению протектората над всем побережьем между Лагосом и Камеруном, не заставило консула Э. Х. Хьюитта возвращаться на свой пост с неоправданной поспешностью. Доктор Нахтигаль прибыл на острова де Лос, на побережье Сьерра-Леоне в Африке, 1 июня 1884 года с намерением взять под защиту Германии реку Дубрека, расположенную в районе, который французы называют Rivières du Sud; но, поскольку существовали некоторые сомнения относительно претензий Франции, в то время больше ничего сделано не было; и, когда впоследствии был поднят немецкий флаг, он был немедленно снят после получения протеста Франции. 5 июля "Нахтигаль" достиг района на востоке английской колонии Золотой Берег, ныне известной как Тоголенд. Здесь были достигнуты договоренности с местными вождями, и страна была объявлена немецким протекторатом. Затем доктор Нахтигаль направился напрямик в Камерун. Он прибыл как раз вовремя. Главный шеф полиции Кинг Белл был привлечен подарком в 1000 фунтов стерлингов за подписание договора с Германией. Другие вожди отказались это сделать, и сам Белл ждал неделю, чтобы узнать, прибудет ли консул Хьюитт. Однако, когда консул все-таки приехал 19 июля, Кинг Белл подписал международный договор, и немецкий флаг был поднят над рекой Камерун. Консул Хьюитт успел выполнить остальную часть своей программы, и, что касается фактического подписания договора, британцы потеряли лишь небольшой участок береговой линии, который они решили обезопасить; но, чтобы Германия не проявила недовольства, ей, наконец, разрешили захватить весь округ Камеруна^[205].

В Восточной Африке процедуру Германии можно резюмировать следующим образом. Граф Пфейль, доктор Карл Петерс и доктор Юльке прибыли на Занзибар 4 ноября 1884 года в качестве палубных пассажиров, одетых как механики. Официально отвергнутые германским консулом, они, тем не менее, сразу же отправились во внутренние районы; и 19 ноября с туземным вождем был подписан первый мирный договор, и в Узегухе был поднят германский флаг. В конце концов, в Нгуру, Усагаре, Уками и других соседних странах были заключены другие договоры, в результате чего солидный блок площадью 60 000 квадратных миль был якобы закреплен на бумаге. Доктор Питерс поспешил обратно в Берлин, и 12 февраля 1885 года он уже основал Немецкую Восточноафриканскую компанию, которой передал свои договорные права. 27 февраля следующего года германский император опубликовал официальное уведомление о распространении своей защиты на территории, приобретенные или которые могут быть приобретены в дальнейшем. Напрасно султан Занзибара протестовал. Британскому представителю было поручено поддержать претензии Германии, и в конце концов было решено, что власть султана Занзибара должна быть ограничена полосой шириной в десять миль вдоль побережья между мысом Дельгадо и Сомалилендом.

В мае 1885 года Министерство иностранных дел проинформировало Германию о том, что британская компания желает развивать территорию между побережьем Момбасы и проливом Виктория-Ньянза. Основой для этой схемы были договоры, которые автор настоящего письма заключил на Килима-ньяро или вблизи него в предыдущем году и которые по предложению Министерства иностранных дел были переданы покойному мистеру Джеймсу Хаттону из Манчестера. Султан Занзибара, однако, отказался уступить даже британским представительствам и прилагал энергичные усилия, чтобы поддержать

свои притязания на внутренние районы восточноафриканского побережья. 7 августа 1885 года немецкая эскадра легла в дрейф перед Занзибаром и предъявила ультиматум. Султан смирился с неизбежным и признал территориальные претензии Германии, включая протекторат над Виту^[206], небольшим участком территории у реки Тана. Постепенно, однако, все утряслось. В 1885 году между британским и германским правительствами было достигнуто соглашение о признании Францией независимости султана Занзибара и определении его точных владений совместной комиссией. В конце концов, в 1886 году были определены соответствующие британские и германские сферы влияния в Восточной Африке. Таким же решительным образом немцы захватили Килиму-ньяро. За исключением выступа Килима-ньяро, линия, проведенная от Ванги на побережье (недалеко от реки Умба) прямо к северо-восточному берегу озера Виктория-Ньянза, является англо-германской границей в Восточной Африке. Границей британской сферы влияния на севере была река Тана, Германия сохраняла свою власть на Виту. Затем правительство Германии заключило соглашение с Португалией и согласилось с тем, что территории двух держав в Восточной Африке должны пройти вместе до восточного побережья озера Ньяса. Германия также заключила договоры вдоль побережья Сомали.

Немецкое колониальное общество и Немецкое колониальное общество впоследствии объединились под последним названием, в то время как Немецкая Восточноафриканская ассоциация была зарегистрирована имперской хартией. Были организованы дополнительные дочерние компании, и к 1888 году на севере Германской Восточной Африки, недалеко от побережья, были созданы многочисленные плантации. В 1888 году Немецкая Восточноафриканская компания получила от султана Занзибара в аренду на 50 лет всю прибрежную территорию султана от реки Рувума до Умбы. После этого в деятельности Компании произошли значительные изменения, которые все больше и больше отождествлялись с правительством Германии. Для руководства новой администрацией был направлен штат из более чем 60 чиновников. Сэр Чарльз Юэн Смит, сменивший сэра Джона Кирка на посту британского агента на Занзибаре, дружески предупредил немецкую администрацию, что, если при замене правительства султана Занзибара на побережье не будет проявлено большей заботы о восприимчивости арабов, могут возникнуть проблемы с арабами. Его предупреждение было слишком обоснованным. Через пять дней после прихода к власти в стране — 21 августа 1888 года — вспыхнули беспорядки, спровоцированные арабским населением и жителями суахили, и еще через месяц немцы удерживали очень мало постов на побережье или во внутренних районах. Враждебность также начала направляться не только против немцев, но и против всех европейцев, и ситуация стала очень серьезной. В 1889 году, когда ресурсы Компании иссякли, капитан Герман Виссманн (впоследствии майор фон Виссманн) был назначен имперским комиссаром по Восточной Африке. Имея 1000 местных военнослужащих, в основном суданцев, завербованных с помощью британского правительства, 200 немецких моряков и 60 немецких офицеров и унтер-офицеров, фон Виссманн провел энергичную кампанию против арабов и суахили, и к концу 1889 года он подавил восстание, захватил в плен и казнил его лидера Бушири. Однако потребовалось еще шесть месяцев, чтобы успокоить некоторые внутренние районы и районы у реки Рувума.

В середине 1890 года Германия заключила очень мудрое соглашение с Англией, по которому, как уже было описано в другой главе, все немецкие владения к северу от британской границы на реке Умба были отданы, и был признан британский протекторат над Занзибаром, в то время как границы Германии были перенесены вглубь страны до границы государства Конго. На юге Великобритания была допущена к южной оконечности Танганьики и закрепила за собой все западное побережье озера Ньяса. С 1890 года по настоящее время

немецкое заселение и развитие Немецкой Восточной Африки шло без каких-либо неприятных сдержек со стороны арабов или европейских держав. В 1893 году большой и хорошо оборудованный пароход "Герман фон Виссманн" был поставлен на озере Ньяса; и британские власти в окрестностях этого озера были щедро вознаграждены за любую помощь, которую они могли бы оказать в его доставке туда, услугами, которые немецкий пароход впоследствии оказал в качестве транспорта для части британских войск в последней войне против арабов с озера Ньяса. В начале 20 века немцы разместили на озере Танганьика прекрасный военный пароход.

На побережье Занзибара новые кварталы в старых арабских городах возникали как по волшебству, улицы расширялись, содержались в чистоте и были хорошо освещены. Цветущие плантации покрывали многие акры того, что раньше было пустырем. Даже в отдаленных внутренних районах была обеспечена достаточная безопасность жизни и имущества. Арабы примирились с немецким правлением, в то время как, с другой стороны, немецкие официальные лица постепенно обучались искусству тактичного обращения с подвластными расами. С 1890 года, когда береговая полоса, арендованная у султана Занзибара, была наконец выкуплена у него, вся Немецкая Восточная Африка находилась под прямым имперским управлением. Это немецкое владение в настоящее время имеет площадь около 384 000 квадратных миль, а население — в основном негры—банту - оценивается в 10 000 000 человек. Число азиатских поселенцев указано всего в 7000, а европейцев (в основном немцев) - в 3800. Вероятно, со временем здесь возникнет процветающее тропическое поселение; не страна, которую немцы могли бы колонизировать в том смысле, в каком Австралия или Канада поддаются колонизации, а Цейлон, Ява, Южная Индия, где немецкий плантатор может добиться успеха, где товары Германии могут найти неограниченные рынки сбыта, и где германцы могут обучить и поднять на более высокий уровень цивилизации энергичный негритянский народ — некоторые племена которого, такие как ваньямвези и васвахили, обладают прекрасными качествами. В районе плато к северу и северо-востоку от Танганьики могут существовать кое-где небольшие, но процветающие колонии белых людей. Британские индейцы уже довольно плотно селятся в прибрежных городах и меняют свое гражданство на гражданство немецких подданных.

В 1891 году, всего через два года после того, как Виссманн сломил мощь арабов, немцам пришлось сражаться с более трудным, храбрым и необъяснимым врагом - Ва-хехе с плато к югу от реки Руфиджи. Эти люди, по-видимому, имеют какое-то отдаленное сходство с зулусами по внешнему виду, характеру и способу ведения войны. Это может быть связано с тем, что они находились под влиянием ва-нгони дальше на юг (частично в португальском, частично в Немецкой Восточной Африке), ва-нгони (под различными племенными названиями) происходят от зулусских кланов, которые покинули Юго-Восточную Африку в начале 19 века и пересекли Замбези, продвинувшись на север почти до Виктория-Ньянза. Война Германии с Ва-хехе продолжалась примерно до 1893 года. Затем последовал период относительного мира до 1905 года, когда наиболее серьезное восстание туземцев произошло в южных районах колонии, между Северной Ньясой и побережьем Килва. Почти все племена, мусульманские и языческие, присоединились к попытке вытеснить немцев. Были убиты чиновники, католические миссионеры (мужчины и женщины), плантаторы и торговцы. Потребовалось почти полтора года, чтобы полностью подавить это восстание, и что-то около 120 000 местных жителей (взрослых и детей) погибло во время этой борьбы или от ее непосредственных результатов; они были убиты в бою, от голода, вызванного уничтожением посевов или пренебрежением к сельскому хозяйству, или от болезней. Последствия этой депопуляции все еще можно наблюдать в прибрежном поясе Килвы и на водоразделе Рувума. Ва-нгони (или магвангвара, как их иногда называют) были почти

истреблены — достижение, о котором ни в коем случае нельзя сильно сожалеть, поскольку около пятидесяти лет назад они не давали Восточной Африке (от озера Ньяса до Индийского океана) покоя из-за своих набегов, были малонаселенными и почти не возделывались. Немцы подавили это восстание коренных жителей с помощью небольшой армии немецких офицеров и унтер-офицеров, а также масаи и суданских солдат и даже впервые за что-то около трехсот тысяч лет поставили океанийского негра Новой Гвинеи лицом к лицу со своим африканским братом! Но эти папуасские и меланезийские солдаты не совсем увенчались успехом.

Утверждалось, что это массовое восстание было вызвано неправильным управлением и введением для народа налогов на рабочую силу, которые были крайне непопулярны, особенно когда этот принудительный труд сдавался в аренду бессовестным европейским плантаторам. Герр Дернбург — тогдашний министр колоний Германии — приехал, чтобы расследовать причину этого восстания в 1907 году. С тех пор как его рекомендации были приняты, во всей Германской Восточной Африке воцарился мир.

В 1890 году началось строительство железной дороги, сначала по линии от Танги (северного порта) до Усамбары и, наконец, Килиманджаро. В настоящее время (1912 год) его длина составляет 108 миль. В первые годы 20-го века была начата линия Дар-эс-Салам^[207]–Танганьика, которая уже достигает Килиматинде, в 240 милях от берега. Другая линия, начинающаяся от Килвы на южном побережье, направлена к северной оконечности озера Ньяса.

Более поздняя история Камеруна была во многом похожа на историю Германской Восточной Африки — восстания, “суровые уроки”, затем нападения враждебных племен в глубине страны, которые подавляются экспедициями и строительством фортов, за которыми следуют другие восстания еще дальше вглубь страны, за которыми следуют еще новые победы и продвижения; но в целом мир и порядок во всей стране укрепляются, а также большое развитие торговли. К сожалению, как среди некоторых должностных лиц Восточноафриканской компании и администрации, так и среди нескольких государственных служащих Камеруна, были случаи большой жестокости, совершенные между 1887 и 1896 годами, жестокости, которые привели к серьезному восстанию среди негритянских солдат (1895). Германия мудро не стала замалчивать эти дела, а расследовала их в открытом судебном порядке и наказала виновных. Я полагаю, когда история рассмотрит основание этих африканских государств, станет ясно, что немец — голландец или нетрадиционной ориентации — при первом контакте с подчиненными расами склонен быть резким и даже brutальным, но он не дурак и завоевывает уважение негра или азиата, которые восхищаются грубой силой; в то время как его собственное добродушие со временем приводит к смягчению манер, когда туземец перестает бунтовать и начинает подчиняться. В немцах есть нечто обнадеживающее и полезное. Они быстро осознают свои собственные недостатки и столь же быстро исправляют их. Как в коммерции, так и в правительстве, они соблюдают, усваивают и осваивают лучшие принципы. Политик был бы очень близорук, если бы недооценивал величие немецкого характера или рассчитывал на недолговечность немецкого владычества в чужих землях.

В 1904-5 годах произошли восстания негров-банту против немецкой власти в западной части Камеруна^[208] колония. Они были подавлены после продолжительной борьбы с бушем, но причиной их стало деспотическое законодательство, губернатор Камеруна был смещен в 1906 году, и с тех пор во всей стране воцарился мир. В глубине страны немецкое влияние установилось на берегах Шари и озера Чад к 1902 году; и примерно в то же время немцы начали налаживать отношения со страной “Фанг” в западной части водораздела Конго.

Строительство железных дорог началось в первом десятилетии 20 века. Один из них от Виктории (залив Амбас — первоначальное поселение баптистской миссии — см. стр. 244) огибает южные склоны Камерунских гор до Буза, столицы Германии (3000 футов над уровнем моря); другой от реки Камерунс (Дуала) до гор Маненгуба и Байона (в конечном итоге он соединится с линией Виктория-Буза и будет проложен на север к реке Шари); и третий от Дуалы на юго-восток до реки Ньянза.

В 1911-12 годах Германия получила от Франции дополнительную территорию на юге и западе Камерунской колонии площадью 100 000 квадратных миль, продвинув этот африканский доминион на восток, в Центральный Судан, к реке Мубанги, основному Конго и северному побережью Габуна. Таким образом, Германия обеспечивает безопасность всего бассейна реки Санга (ценный водный путь в страну Фанг) и теперь владеет в Камеруне — или, как это пишется на немецкий манер, Камерунской империей в Западной Экваториальной Африке площадью около 292 000 квадратных миль, с населением негров численностью около 4 000 000 человек. Страна богата ценными продуктами, и ежегодный товарооборот уже составляет около 2 200 000 фунтов стерлингов.

В Юго-Западной Африке Германия по договоренности с Португалией и, в конечном итоге, с Англией обеспечила себе протекторат или сферу влияния на очень большом участке страны — 322 450 квадратных миль, — ограниченном на севере португальской Западной Африкой, на юге Оранжевой рекой, а на востоке британским Бечуаналендом, с, кроме того, длинной узкой полосой, которая доходила до Замбези при ее впадении в Чобе. Эта страна вдоль береговой линии очень бесплодна; по сути, это безнадежная пустыня, самая безнадежная из всех между Оранжевой рекой и Уолфиш-Бей. Но внутренняя часть гористая, и в этих горах есть участки хорошо орошаемой местности, где скот содержится огромными стадами. Более того, эта горная страна очень полезна для здоровья. С банту гереро, населяющими северную часть немецкой Юго-западной Африки, немцы поначалу очень хорошо ладили, благодаря влиянию немецких миссионеров; но с чистокровными и полукровными готтентотами, населяющими южную часть колонии и почти все побережье, немцы постоянно находились в состоянии войны. Эти готтентоты, во многих из которых есть небольшая примесь голландской крови, что делает их более воинственными, чем их родственники в Капской колонии, в некотором роде христиане, носят одежду и голландские имена. Сначала они нашли лидера в лице некоего Хендрика Витбуи, который снова и снова наносил поражения небольшим отрядам немецких солдат, заключал договоры и нарушал их, и от начала до конца доставлял немцам много неприятностей. Хотя он мог похвастаться лишь ничтожным числом последователей, он сражался в безводной гористой стране, где скрываться было легко, а преследовать трудно. В 1894 году он заключил мир с немцами и оставался более или менее их союзником до 1904 года. Поскольку он бегло говорил на капско—голландском, он вскоре овладел немецким и на какое-то время, казалось, действительно примирился с германизацией своего народа - уже кальвинистских или лютеранских христиан.

Но в 1903 году готтентоты, жившие к северу от Оранжевой реки и в значительной степени смешанные с бурской кровью — бондельцварты - восстали против немцев; и, хотя их численность составляла не более пяти тысяч бойцов, они четыре года удерживали немецкие войска, прежде чем были побеждены, в основном путем истребления. Пустыни, в которых они жили (но из которых их изгнали), были отдаленными и недоступными, за исключением британских владений. В то время как немецкие войска атаковали бондельцвартов, банту дамара или Ова-гереро на крайнем севере подняли восстание, без предупреждения напали на немецких поселенцев и торговцев и убили некоторых из них, уничтожив все фермы, которые смогли найти. Оправданием этой яростной вспышки было то, что, когда они

подписывали первоначальные договоры о дружбе и принятии защиты, они понятия не имели, что отказываются от своей родной земли; и что впоследствии много свободных земель в стране Дамара были подарены или проданы Немецкой чартерной компанией^[209] или правительством белым поселенцам, некоторые из которых также под несправедливыми предложениями забрали местный скот. . Из Германии прибыло подкрепление под командованием генерала фон Троты, и основная масса армии Гереро была атакована в ее опорном пункте, горном массиве Ватерберг примерно на 21° южной широты. Воины Гереро были убиты в большом количестве; тем не менее, большей части бойцов удалось избежать окружения немцев и бежать под предводительством вождя Самуэля Махереро, и они сражались против немцев в течение нескольких месяцев после их большого поражения в горах Уотерберг в августе 1904 г.^[210].

Ранней осенью того же года готтентоты снова восстали с новой силой, сначала под предводительством полукровки гереро Моренги, а несколько дней спустя - знаменитого Хендрика Витбуи. Готтентоты Нама, в знак своего неповиновения немецкой власти, убили около шестидесяти немецких поселенцев в юго-восточной части колонии, тщательно проводя различие между ними и бурами или британцами, проживающими в стране или путешествующими через нее. Этих (как и гереро далеко на севере) они оставили невредимыми. Генерал фон Трота был сбит с толку двойным врагом — готтентотами и бастардами на юге и Гереро на севере. В своем раздражении он издал прокламации несколько дикого тона, и, поскольку они были аннулированы имперским правительством, он подал в отставку и вернулся в Германию в 1905 году. Осенью того же года прибыл новый губернатор — фон Линдеквист - и разумными мерами примирения и выделением определенных местных резерваций заключил мир с овахереро. Однако Сэмюэль Махереро предпочел остаться на британской территории, где он нашел убежище. Однако с конца 1906 года между немцами и гереро больше не было проблем, которые медленно оправляются от ужасных человеческих потерь и уменьшения численности их выдающейся нации во время этой ужасной войны, полной лютой ненависти с обеих сторон^[210]. Племя овамбо, живущее дальше к северу, подавало признаки волнения, но теперь, как полагают, примирилось с немецким правлением.

Хендрик Уитбуи умер в 1905 году, а Моренга был, наконец, убит британским полицейским патрулем в августе 1907 года в пустыне Калахари. Он бежал на британскую территорию в 1906 году, но не был выдан немцам. Напротив, с ним обращались как с политическим беженцем и давали все шансы мирно устроиться. Однако он злоупотребил этой добротой только для того, чтобы организовать нападения на немцев с безопасной базы на британской границе. Следовательно, его смерть в перестрелке с британской конной полицией была полностью его собственной виной.

К 1908 году всем этим неприятностям пришел конец, и немецкая Юго-западная Африка была свободна от местных врагов. Но длительная война в этих пустынях и голых скалистых горах стоила немцам жизней более пяти тысяч солдат и поселенцев и расходов в размере 15 миллионов фунтов стерлингов! Таким образом, в начале истории этой колонии было бы дешевле осуществить справедливое заселение земель, которое удовлетворило бы туземцев и при этом оставило бы более половины территории Юго-западной Африки в распоряжении белого человека.

В 1908 году в песчаной пустыне на окраине Людерицкого залива были обнаружены алмазы. Их качество соответствовало бразильскому или либерийскому алмазу, а не камню из Капской колонии или Трансвааля. Хотя они были еще невелики по размеру, они были хорошего качества, и в 1909 году общая стоимость экспортированных алмазов составила 771

776 фунтов стерлингов. В последующие годы предложение несколько сократилось. В северной части Колонии, в Отави и Цумебе, ведется добыча меди; и добычи меди достаточно, чтобы оправдать строительство железных дорог значительной протяженности. Было начато выращивание хлопка, а с прекращением военных действий вновь возродилось разведение крупного рогатого скота, овец и ангорских коз. Количество овец действительно начинает приближаться к полумиллиону. Крупный рогатый скот хорошо растет во внутренних районах, особенно в северной половине. То же самое можно сказать о лошадях, верблюдах, ослах и свиньях. Верблюды оказались наиболее полезными в пустынных районах прибрежной полосы и на юге.

Все острова гуано вдоль побережья принадлежат британским подданным и являются частью Капской колонии. Так же, как и единственная действительно хорошая гавань на побережье — Уолфиш-Бей. Этот маленький анклав площадью 430 квадратных миль принадлежит Капской колонии и является британской территорией. Когда-нибудь было бы актом нерастраченной щедрости передать этот маленький участок Германии на благо немецкой Юго-западной Африки. Его удержание Британской империей относится к политике типа "собака на сене". Он больше не приносит нам никакой пользы, и его нехватка не наносит ущерба немецкой Юго-западной Африке; однако его обладание Германией избавило бы ее от постоянных больших расходов, необходимых для поддержания соседнего Свакопмунда в качестве места высадки пассажиров и товаров.

Железная дорога протяженностью более двухсот миль в настоящее время соединяет южный порт Людерицхафен (Ангра-Пекена) с внутренним поселением Китмансхуп, и когда-нибудь ее продлят до реки Ориндж и железнодорожной системы Кейптауна. Другая, более длинная железная дорога (359 миль) идет от Свакопмунда к медным рудникам Цумеб. Третья железная дорога малой колеи (237 миль) — первая построенная — соединяет Свакопмунд с административной столицей Виндхук. Существует также короткая линия между медными рудниками Отави и Грут-Фонтейном. Таким образом, в период с 1900 по 1912 год Германия построила более 1000 миль железной дороги в своей колонии Юго-Западная Африка.

Это действительно ближе к тому, чтобы быть настоящей колонией, чем любое другое владение Германии в Африке. Из общей численности населения, не превышающей 100 000 человек, почти 11 000 составляют немцы, остальные двенадцать-тринадцать тысяч белых - буры и британцы. (Негритянское население - банту, готтентоты, бушмены и метисы - насчитывает всего около 85 000 человек со времен войн 1903-7 годов.) Климат почти везде благоприятен для белого человека, и муха цеце почти полностью отсутствует во всей колонии площадью 322 450 квадратных миль. Только на крайнем севере, близ рек Кунене, Кубанго и Квандо, распространена малярийная лихорадка. Во внутренних районах, более или менее параллельно побережью, тянутся горные хребты, поднимающиеся на значительную высоту — 8972 фута - самая высокая точка. Они окружают плодородные долины, а их туманы и дожди питают многолетние ручьи, которые, однако, не сбрасывают свои воды в море, кроме как во время паводка. Действительно, на большей части этого центрального и северного горного региона среднегодовое количество осадков в период с октября по апрель составляет всего 20 дюймов.

Германия заключила далеко не плохую сделку с Судьбой, вложив средства в то, что в то время невежественные государственные деятели Англии и Капской колонии считали заброшенной частью Южной Африки. Подобно частям Французской Сахары, немецкая Юго-западная Африка может оказаться исключительно здоровым и богатым участком земли. Но сможет ли она долго оставаться немецкой колонией? Разве притяжение Южноафриканского союза не будет более сильным, чем распоряжение правительств, находящихся за пять тысяч

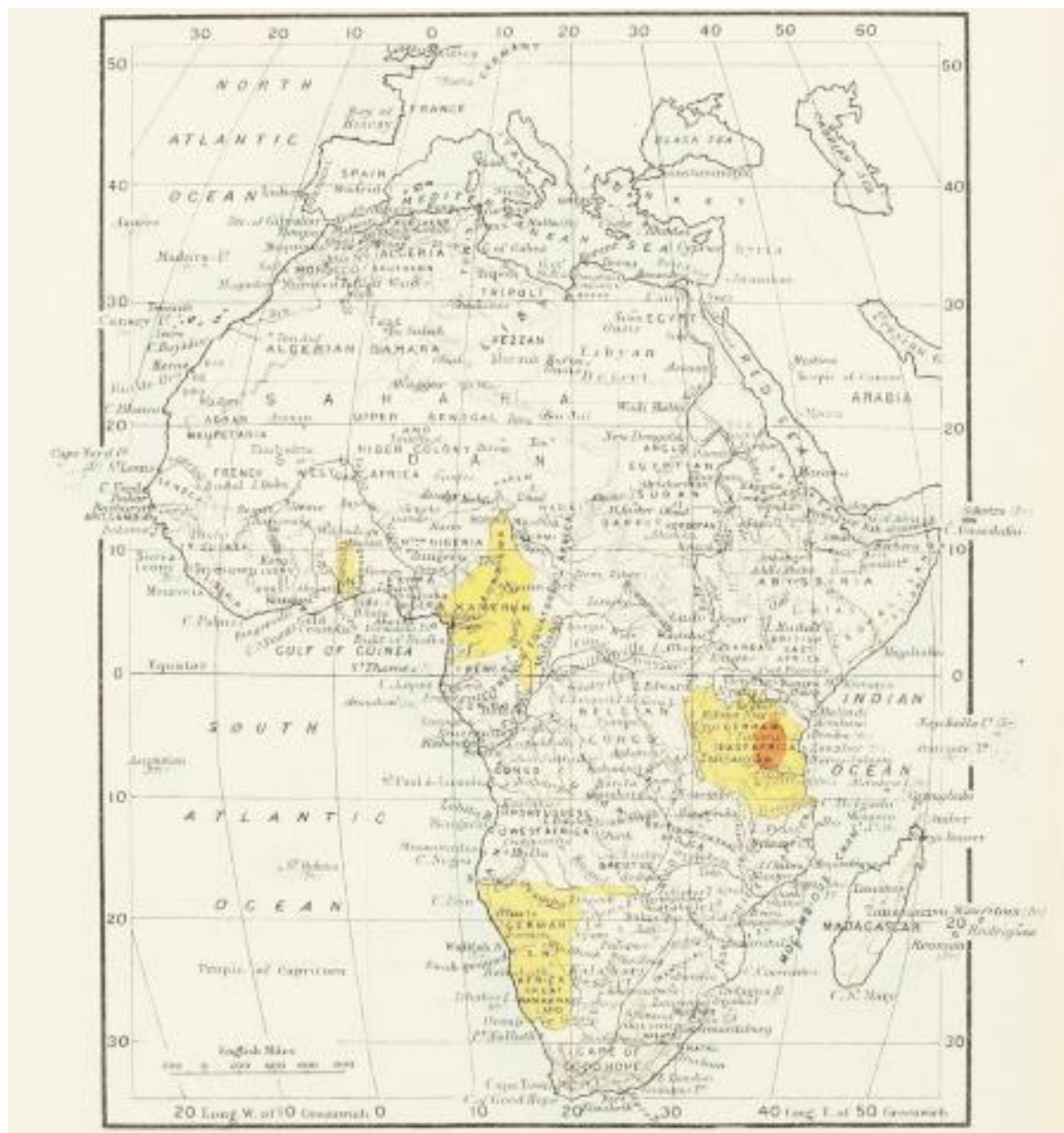
миль отсюда, в Лондоне и Берлине? Когда-нибудь можно будет привести параллельные примеры Техаса, Флориды и Соединенных Штатов, причем весьма уместно. Но такое движение, если оно когда—нибудь возникнет, будет мирным, потому что ему будет невозможно противостоять; и оно может быть ровесником очень тесного союза в Европе, Азии и Тропической Африке между Германией и ее старейшей колонией - Великобританией.

Тоголенд, расположенный между Золотым Берегом и Дагоме, стал немецким протекторатом в 1884 году. Его площадь составляет 33 700 квадратных миль, а негритянское население составляет около 1 000 000 человек. Его границы были окончательно установлены с Францией и Великобританией в 1899 году, а нейтральная сфера, в которую входили города Йенди и Салага, была разделена между Германией и Великобританией. Тоголенд простирается на север до 11-го градуса Северной Широты. (его граница с Францией) и включает в себя важные мусульманские города Йенди и Сансанн-Мангу, торговое население которых в основном составляют хауса. Административная столица - Ломе, расположенный на очень узкой береговой полосе. Во внутренних районах были обнаружены высокогорные и менее вредные для здоровья земли для европейского поселения; там не было беспорядков с местными жителями, и немецкая торговля процветала. Ежегодный общий объем импорта и экспорта в настоящее время (1912 г.) составляет около 900 000 фунтов стерлингов. Всего около 130 миль проходит железная дорога, которая соединяет Ломе с другими прибрежными станциями и с горными станциями в глубине страны. Тоголанд - единственное немецкое колониальное владение, которое является самообеспечивающим и не требует ежегодных субсидий на его содержание. Земля не была отнята у туземцев, и местные "короли" и вожди не только остаются у власти, но и часто консультируются с немецким правительством. Следовательно, никогда не было никаких восстаний туземцев или недовольства верховенством белого человека.

В настоящее время Германия владеет Африканской империей площадью 1 032 000 квадратных миль с населением около 14 500 000 негров и 30 700 белых — в основном немцев.

НЕМЕЦКАЯ АФРИКА

Табличка VI.

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Площадь немецких владений в 1885 году

” ” ” 1912

ГЛАВА XVII

ФРАНЦУЗЫ НА МАДАГАСКАРЕ

Греческий географ Александрии Птолемей, писавший во 2 веке после рождения Христова, возможно, упоминает остров Мадагаскар как “Менутиас”^[211], а другие классические географы - как Моноутис или Менутезеас; хотя более вероятно, что максимум в Пембе, Занзибаре или одном из других городов. “Коморос” имели в виду как информаторы

Птолея, так и неизвестные авторы "Перипла Эритрейского моря", которые впервые использовали термин "Менутиас" столетием ранее (около 50 г. н.э.). Затем наступает перерыв, и когда изучение географии возобновляется в Европе, упоминания об этом острове становятся более очевидными и, очевидно, исходят от постисламских арабов; большой остров в Индийском океане упоминается как "Альбарго" и "Мануция-Альфил". Старые арабские названия передавались в средневековой европейской географии как "Альбаргоа". Серандаб, Фенбалон, Квамбалон. Позже в арабских писаниях он упоминается как "Джазират-аль-Комр" — "Остров полной луны"; но это название, скорее всего, применимо к тому, что до сих пор называется Коморскими островами, прилежащему архипелагу. На картах венецианских географов Фра Мауро и Андреа Бьянко, составленных между 1457 и 1459 годами, где использовались арабские сведения, мыс Доброй Надежды обозначен (за сорок лет до открытия Диаса) как Каво-ди-Диаб (оло), а Мадагаскар представлен в виде треугольного острова на северо-востоке и имеет названия Софала и Хенгибар. Из арабских источников мы узнаем, что индийский дау в 1420 году обогнул самую южную точку Африки — "мыс Диаб" — и, снова повернув на восток, проплыл обратно мимо Мадагаскара, на берегу которого они обнаружили яйцо руха^[212]. Мадагаскар был упомянут и описан гораздо более подробно и с намеками на гигантскую птицу (окаменелые останки которой были обнаружены в 19 веке) венецианским исследователем Марко Поло в начале 14 века. Поло получил свою информацию от арабских морских капитанов Персидского залива. Более достоверные известия о Мадагаскаре были отправлены в Португалию ближе к концу 15 века Педро де Ковильямом, о путешествиях которого по суше в Индию упоминалось в главе IV. 1 февраля 1506 года португальский флот, посланный королем Мануэлем под командованием Франсиско де Алмейды, открыл восточное побережье Мадагаскара; но остров уже был замечен португальским морским капитаном 10 августа 1500 года и назван "Сан-Лоренсу", потому что открытие было сделано в День Святого Лаврентия. В 1507 году Гомес д'Абреу посетил его западное побережье, и его очертания были более четко определены. Название "Мадагаскар", как и прилагательное "малагасийский", вероятно, имеет местное происхождение, первое было введено в его нынешней форме Марко Поло и португальцами, а второе - французами.

Только в 1540 году португальцы действительно поселились на острове, а те, кто предпринял это предприятие на его юго-восточной оконечности, почти все были убиты в 1548 году. В конце 16 века голландцы посетили Мадагаскар, и примерно в то же время доминиканские, игнатианские и лазаристские монахи-миссионеры предприняли безуспешную попытку добиться признания христианства. Между 1618 и 1640 годами английские и голландские авантюристы покусились на Мадагаскар, но враждебное и вероломное отношение местных жителей и нездоровый климат побережья острова привели к тому, что эти попытки неизменно заканчивались катастрофой. Однако в 1642 году под патронажем кардинала Ришелье была образована Французская "Компания Востока" с главной целью колонизации Мадагаскара. Губернатором был назначен Пронис, французский протестант с распутными привычками. Два года спустя конкурирующий проект с той же целью был начат в Англии под председательством принца Руперта, и в заливе Святого Августина была основана небольшая станция; но вскоре от этого отказались, и Компания распалась из-за Гражданской войны в Англии.

Название первого французского поселения на юго-восточной оконечности Мадагаскара было "Форт Дофин". Прониса, чья аморальная жизнь шокировала французских поселенцев, сменил на посту губернатора Флаккур, но судьба поселения оказалась неоднозначной. У материнской компании возникли проблемы, и ее устав был отменен. Королевская концессия Мадагаскара затем переходила от дворянина к дворянину и, наконец, была продана

Людовику XIV, который, восстановив эти права от имени короны, отослал герцога де ла Мейерле. Одним из офицеров штаба герцога де ла Мейерэ был Вашер де Рошель, который исследовал страну и приобрел редкое преимущество - завоевал дружбу малагасийцев. Вашер де Рошель, по какой-то неизвестной причине получивший прозвище и обычно известный как Ла Кейс^[213] местные жители восхищались его храбростью, и ему предложили жениться на наследнице могущественного местного вождя. Он так и сделал и, будучи недоволен неправильным управлением французским поселением, удалился в глубь страны и стал королем-консортом штата Амболь после смерти своего тестя. Тем не менее, когда у французов возникли трудности с туземцами и они оказались в тяжелом положении, Вашер де ла-Рошель с большой храбростью пришел им на помощь. Этот замечательный человек, о жизни которого следовало бы написать какому-нибудь автору романов, умер около 1671 года, убитый туземцем.

В 1664 году была основана Французская Ост-Индская компания, которая захватила Мадагаскар среди других концессий под претенциозным названием Gallia Orientalis. Словно в наказание за это самонадеянное предположение, восемь лет спустя произошла большая резня, приведшая к почти полному вымиранию французских поселенцев вокруг форта Дофин. Немногие выжившие бежали на остров Бурбон, захваченный французами в 1638-43 годах. Тем не менее, несмотря на эту катастрофу, французское правительство спокойно аннексировало Мадагаскар Постановлением Совета 1686 года, которое было подтверждено в 1719, 1720 и 1725 годах.

В конце 17-го и начале 18-го века европейские пираты — английские, французские и голландские, - которые начали наводнять восточные моря и вести торговлю вопреки коммерческим монополиям, предоставленным различным зафрахтованным ост-индским компаниям, постепенно превратили Мадагаскар в свою штаб-квартиру и основали несколько сильно укрепленных поселений, спрятанных в ручьях, заливах или устьях рек. Некоторые из этих пиратов основали космополитический город свободы, который они называли “Либертария”, на острове Сент-Мари, у восточного побережья Мадагаскара. Они были сметены британскими и французскими военными судами в 1722-23 годах. Многочисленные отпрыски метисов, известные малагасийцам как *малата*, возникли в результате этих союзов с местными женщинами; и мужчины этого гибридного типа иногда становились могущественными вождями.

В 1750 году Французская Ост-Индская компания основала поселение на острове Сент-Мари-де-Мадагаскар, которое в первые несколько лет своей жизни претерпевало жестокие превратности судьбы. В 1768 году форт Дофин был на короткое время вновь занят. В том же году человек с выдающимися научными достижениями, месье Пуавр, был назначен губернатором Маврикия и инициировал научное исследование Мадагаскара, направив туда французского натуралиста Филибера Коммерсона, который в результате своего краткого изучения флоры и фауны указал на изолированный характер Мадагаскара. В 1774 году французский натуралист Соннерат^[214] посетил Мадагаскар и обнаружил Равеналу, или “Дерево путешественников”, и этого необычайно отклоняющегося от нормы лемура, Айеайе (*Chiromys*).

В 1772 году Мадагаскар посетил авантюрист, тогда еще очень необычный, австрийский поляк по фамилии Беньовский, который попеременно присягал Франции и Англии и в конечном итоге попытался создать для себя исконно малагасийское княжество, в результате чего был убит французами в 1786 году.

В первых двух главах этой книги были сделаны намеки на малайское вторжение на Мадагаскар. Этот большой остров, по-видимому, сначала был заселен неграми или негроидными расами из Восточной Африки, в то время как арабы с самых ранних времен селились с торговыми целями на прилегающих островах Коморо^[215] и на севере Мадагаскара. Но в период времени, вероятно, предшествовавший христианской эре, Мадагаскар был захвачен народом малайского происхождения, пришедшим туда с Малайского архипелага. Несмотря на огромное расстояние, разделяющее Яву и Мадагаскар, одно течение всегда течет от Зондских островов к восточному побережью Мадагаскара и островам Коморо; другое течет скорее к Цейлону, Мальдивским островам и Сейшельским островам. С помощью восточных пассатов малайские каноэ с выносными опорами и парусами, возможно, за несколько недель доберутся через Индийский океан до Мадагаскара. Даже в последние годы были известны случаи, когда яванские джонки оказывались на мели у островов Коморо, в одном случае с яванским экипажем на борту. Однако большое количество малайцев или, скорее, полинезийцев, должно было вторгнуться на Мадагаскар одновременно, чтобы иметь возможность победить и поглотить прежних негритянских жителей. Может показаться, что мы имеем здесь пример преднамеренной морской колонизации со стороны этой интересной расы, которая в то же время продвигалась на восток, почти дальше от своей базы, к Гавайским островам. Когда термин “малайский” используется для описания этих азиатских захватчиков Мадагаскара, он не обязательно подразумевает прямых потомков малайцев Малайского архипелага, но представителей более древней расы, от которой произошли малайцы, полинезийцы и другие непапуасские народы Тихого океана - расходящаяся ветвь монгольского происхождения, смешанная с индонезийским (кавказским) элементом, возможно, также с оттенком меланезийского^[216].

Примерно в середине 18 века на высоком плато восточно-центральной части Мадагаскара обитало племя, известное как хова, но на самом деле носившее имя мерина (Imerina) или даже называвшее себя “малагасийцами”. Они были более поздними колонизаторами Мадагаскара из-за моря, которые, высадившись на побережье великого острова несколько сотен или даже тысяч лет назад, как можно быстрее покинули малярийный прибрежный регион и пробились через леса к прохладным и открытым плато Имерины. Здесь они подвергались сильному преследованию со стороны окружающих их более смешанных рас, которые были более крепкого телосложения. Наконец, загнанные в угол, они обратились в бегство и из преследуемых превратились в гонителей; с помощью гораздо лучшей военной организации они преследовали и покорили племена, которые их преследовали; и их завоевания, распространившиеся на восточное побережье и юг, привели их в контакт с европейскими торговцами и поселенцами.

В 1792 году Национальное собрание Франции направило М. Лескалье посетить Мадагаскар. В 1801 году Бори де Сен-Винсент отправился туда и объявил, что колонизация Мадагаскара искупит перед Францией потерю Сан-Доминго. В следующем году мистер Инверарити, служащий Достопочтенной Ост-Индской компании, произвел обследование залива Бембатака, гавани на западном побережье, с тех пор более известной по названию своего главного города Моханга. Лорд Кит, британский адмирал, крейсировавший в этих водах, посетил это место в 1791 году и обратил внимание индийского правительства на ценность Мадагаскара. В 1807 году французы, несмотря на военные действия Великобритании, предприняли решительную попытку обосноваться в Фоул-Пойнт^[217]. В следующем году Импоина, самый могущественный вождь Хова на плато Имерина, умер, оставив верховное правление Хова своему второму сыну, Радаме.

Когда британцы захватили Маврикий, Бурбон и Сейшельские острова, было решено завершить работу по вытеснению французов из Индийского океана, захватив торговые станции, которые все еще оставались в их распоряжении на восточном побережье Мадагаскара, а именно Таматаве и Фоул-Пойнт. В 1811 году это было осуществлено, и Таматаве был оккупирован британскими солдатами. Этот захват был ратифицирован определенным договором, подписанным в Париже 30 мая 1814 года, который передал поселения на Мадагаскаре в качестве “одной из зависимостей Маврикия”^[218]. Остров Бурбон, однако, был возвращен Франции по этому договору. (В 1848 году он был переименован в Реюньон.) Сэр Роберт Фаркуар, очень предприимчивый губернатор Маврикия, вскоре после этого получил крупную концессию от местных вождей северо-востока Мадагаскара, в которую входил залив Диего-Суарес. В "Маврикийской газете" были опубликованы различные прокламации, утверждающие, что Мадагаскар является британским владением. С другой стороны, было решено, что все французские владения на Мадагаскаре, существовавшие в 1792 году, должны были быть возвращены Франции Англией; но на самом деле в 1792 году Франция не имела никаких постов на Мадагаскаре, все места были покинуты. Таматаве был основан только в 1804 году. Вся эта путаница была вызвана незнанием местной географии, что в то время было наиболее характерно как для британских, так и для французских правительственных учреждений. Тем не менее, очевидно, что Франция воображала, что у нее все еще есть права на Мадагаскар, потому что в 1817 году французский губернатор Бурбона протестовал против британской прокламации, объявляющей Мадагаскар придатком Маврикия, и протест Франции был дополнительно поддержан повторной оккупацией острова Сент-Мари-де-Мадагаскар. Пока сэр Роберт Фаркуар находился в Англии в отпуске, исполняющий обязанности комиссара, военный офицер по фамилии Холл, намеренно перечеркнул большую часть работы сэра Роберта Фаркуара и тем самым предрешил любое дальнейшее настаивание на британских притязаниях на Мадагаскар. Впоследствии, когда сэр Роберт Фаркуар вернулся, он считал лучшей политикой поддержать усилия короля Хова Радамы по завоеванию всего острова и провозгласить себя королем всего Мадагаскара, несмотря на протест французов, который был абсолютно проигнорирован.

В 1818 году прибыли первые миссионеры Лондонского миссионерского общества и обосновались на плато Хова. Радаме в его завоеваниях во многом помогло привлечение нескольких английских солдат и унтер-офицеров, среди которых особенно выделился один, некий мистер Хасти. Постепенно Радама завладел Таматаве (несколько лет принадлежавшим французскому мулату Жану Рене) и всеми другими французскими постами на материковой части Мадагаскара, включая форт Дофин. Здесь он сорвал французский флаг и депортировал небольшой французский гарнизон на остров Сен-Мари-де-Мадагаскар. Радама умер в 1828 году, и ему очень нерегулярно, в стиле Екатерины Великой, наследовала его старшая жена Ранавалона. Но ее политика не была политикой ее великого прототипа в России, поскольку это был реакционный возврат к варварству. Она преследовала местных христиан и миссионеров, проявляла величайшую враждебность к любому иностранному влиянию и так пренебрегала французами, что последние были вынуждены обратить некоторое внимание на ее враждебность. В 1829 году правительство Карла X решило отправить небольшую экспедицию против Мадагаскара, которая должна была в основном состоять из солдат Йолоф из Сенегамбии — новый этап европейской войны в Африке, которому впоследствии в значительной степени последовали. Французы успешно атаковали Таматаве, но были отбиты в точке Фолов, хотя и совершили успешную атаку на другой пост Ховы. Тем не менее, результаты экспедиции оказались неэффективными, хотя принц де Полиньяк написал королеве Мадагаскара, предлагая установить французский протекторат с французскими станциями в Диего-Суаресе, заливе Святого Августина и других местах на

побережье. Но июльское правительство изменило эту политику и эвакуировало все французские посты на материковой части Мадагаскара, после чего в течение многих лет на мадагаскарской земле не было ни одного француза, за исключением замечательной личности по имени Лаборд, первоначально французского моряка, потерпевшего кораблекрушение, которого послали к королеве Мадагаскара, чтобы она приняла решение о его судьбе. Благодаря своей приятной внешности он пользовался большим расположением в ее глазах и был единственным европейцем, которого терпели при ее дворе, где он достиг очень влиятельного положения. В 1833 году французская геодезическая партия объявила залив Диего-Суарес очень подходящим местом для поселения.

В тридцатые годы прошлого столетия королева Ранавалона приобрела дурную славу, преследуя местных христиан и вынудив всех европейских миссионеров покинуть остров; вдобавок к этому ее солдаты, взимая дань и подчеркивая свои победы над сакалавами, совершали самые чудовищные зверства и массовые убийства. Королева Мадагаскара, почувствовав, наконец, даже в своей отдаленности, что Европа запретила ей въезд, в 1836 году направила посольство к Вильгельму IV Английскому, но посланцы ничего не добились в плане возобновления дружеских отношений.

В 1840 году сакалавы^[219], доведенные до отчаяния нападениями Ховы, перешли под защиту Франции, в результате чего Франция в целях укрепления своего протектората оккупировала острова Носи Митсиу, Носи Бе и Носи Комба, а также остров Майотта в архипелаге Коморо. В 1845 году правительство Ховы усилило свое недружелюбие к европейцам, изгнав всех иностранных торговцев из Таматаве. Эта акция взбудорила французское и английское правительства, которые ответили совместной бомбардировкой Таматаве. К несчастью, за бомбардировкой последовал десант, который встретил самый катастрофический отпор, за который ни Франция, ни Англия не сочли нужным отомстить иначе, как разрывом всех политических и торговых отношений с Мадагаскаром. Между 1847 и 1849 годами французы отменили рабство в Реюньоне и в своих мадагаскарских владениях; но впоследствии эта филантропическая акция вызвала вспышки среди сакалава, которые были разгневаны вмешательством французов в их работоторговлю.

Между 1847 и 1852 годами сын королевы, Ракото, предполагаемый наследник престола, время от времени обращался за защитой к Франции, чтобы свергнуть свою мать и положить конец ее жестокой политике. На эти обращения не было дано никакого определенного ответа (которые, возможно, не были подлинными, а сфабрикованы в своих целях французом Лабордом, который все еще жил в столице Мадагаскара, и М. Ламбертом, посетившим Мадагаскар в качестве работоторговца); и за ними не последовало никаких действий со стороны французского правительства. В 1853 году торговцы Маврикия, обнаружив, что правительство Мадагаскара продолжает отказываться выплачивать компенсацию, требуемую британским правительством за катастрофу при Таматаве (вследствие отказа торговля с Таматаве была запрещена), заключили соглашение между собой и выплатили компенсацию в размере 3125 фунтов стерлингов. Затем торговля была возобновлена. В 1855 году французский авантюрист и бывший работоторговец Ламберт посетил Тананариву, столицу Ховы, и после беседы с принцем Ракото передал от него французскому правительству новые предложения о французском протекторате; но они были отклонены императором Наполеоном III, потому что он был лоялен британскому союзу и не стал бы делать на Мадагаскаре ничего, что могло бы показаться недружественным Великобритании.

В 1856 году мистер Эллис, один из первых агентов Лондонского миссионерского общества, который после многих лет работы в отчаянии покинул Мадагаскар в 1836 году, был приглашен вернуться туда для переговоров с королевой и отправился туда в качестве

неофициального посланника британского правительства. Однако его миссия ни к чему не привела. Ламбер, французская авантюристка, вернулась на Мадагаскар в том же году и сопровождала в столицу мадам Иду Пфайффер (одну из первых женщин-путешественниц, миссис Изабеллу Берд своего времени). Ламберт замышлял *государственный переворот*, который должен был посадить Ракото на трон под влиянием Франции, а самого Ламберта - в качестве премьер-министра. Но Ракото был напуган и держал свою мать в курсе заговора. Поэтому это было пресечено в зародыше, и Ламберт и Лаборд были немедленно изгнаны из страны, причем последний после многих лет проживания в ней в один день потерял все свое имущество в виде земель и рабов. Но в 1861 году эта свирепая старая королева, правившая Мадагаскаром железным жезлом в течение 33 лет и успешно бросившая Европе вызов, умерла, и ей наследовал ее сын Ракото, принявший титул Радама II.

Если Ранавалона, его мать, была похожа на Екатерину Российскую, то Радама II в своей короткой карьере напоминал предшественника Екатерины, несчастного Петра III. Он отменил антихристианскую политику королевы, отменил таможенные пошлины и был таким восторженным реформатором, что это почти наводило на мысль о легкомыслии. В 1861 году он пригласил и принял английского посланника. Лаборд и Ламберт вернулись и были приняты им с почти экстравагантной привязанностью. Глупый король, не колеблясь, подписал документ, представленный ему г-ном Ламбером, который предоставлял последнему самые экстравагантные концессии на Мадагаскаре. Предполагается также, что он создал для Ламберта “герцога д'Эмирн”, титул, однако, от которого бывший работороговец вскоре счел разумнее отказаться из-за вызванных им насмешек. В это время также римско-католические миссионеры^[220] пришли поселиться в страну Хова. Мистер Эллис также вернулся и привез поздравительные письма от британского правительства. Английские миссионеры восстановили свои позиции, и в 1862 году в Тананариву были назначены британский и французский консулы. Французским консулом был Лаборд, который столько лет прожил на Мадагаскаре. Но Хова были глубоко недовольны реформами своего короля и необычайной щедростью по отношению к европейцам. В 1862 году произошел дворцовый переворот, и несчастная Радама была задушена. Двоюродная сестра Рабодо (Расохерина) была провозглашена королевой, но находилась под властью премьер-министра, как впоследствии и все остальные королевы Мадагаскара. Французский договор был денонсирован из-за претензий Ламберта. Эти последние были, наконец, компенсированы выплатой 36 247,7 *фунтов стерлингов* серебром. Концессия была возвращена малагасийским послам и торжественно сожжена в Таматаве.

Вся процедура французского правительства по поддержке несправедливого иска Ламберта глубоко повлияла на жителей Ховы и заставила их в будущем с подозрением относиться ко всем европейским предприятиям. Королева Расохерина умерла в 1868 году, и ей наследовал ее двоюродный брат Ранавалона II, который установил христианство в качестве государственной религии. Во время ее правления появился очень могущественный премьер-министр, впоследствии прославившийся как противник французов, Райнилайаривони. В 1872 году французское правительство снова допустило ослабление своего влияния на Мадагаскаре и отозвало свои субсидии у миссионеров-иезуитов; но с возвращением энергии и на заре новой фазы колониальной деятельности оно возобновило более активную политику в начале восьмидесятых годов. Лаборд, французский консул, умер в 1878 году, но малагасийское правительство воспротивилось передаче его земельной собственности его наследнику под предлогом того, что он был всего лишь пожизненным арендатором и что никакая земля на Мадагаскаре не может быть отчуждена. Французское правительство поддержало претензии наследников Лаборда и оспаривало этот вопрос в период с 1880 по 1882 год, в то же время возродив идею французского протектората над сакалавой на северо-

западе Мадагаскара. Ситуация становилась все более напряженной, правительство Мадагаскара направило миссию в Европу, но ей не удалось получить заверений в поддержке. Малагасийцы справедливо утверждали, что французский мирный договор 1868 года признавал правление королевы над всей материковой частью Мадагаскара и не упоминал о каком-либо французском протекторате над сакалавами. Но из басни мы знаем, что доводы ягненка мало подействовали на волка. Французы пытались в 1881 году найти повод для ссоры в связи с убийством сакалавами четырех французских подданных на западном побережье Мадагаскара и потребовали возмещения ущерба от правительства Ховы; чего, по логике вещей, они не могли бы сделать, если бы страна находилась под французским протекторатом. Малагасийское правительство быстро выплатило требуемую контрибуцию; но когда позже оно попыталось укрепить свою власть над сакалавами, французы запретили им это делать. В следующем, 1882 году, был четко заявлен французский протекторат над северным побережьем, и было выдвинуто требование, чтобы флаг Ховы был снят с этих территорий. Требование было отклонено, и французский комиссар покинул Тананариву. Лорд Грэнвилл в 1882 году протестовал против утверждения французских претензий на северо-западное побережье Мадагаскара, но не получил немедленного ответа, а противодействие британского правительства не было сочтено препятствием, заслуживающим внимания, учитывая, что мы уже связали себе руки оккупацией Египта. Однако французы с некоторой долей правды утверждали, что некий вождь Сакалава, находящийся напротив Носи Бе, заключил договоры о протекторате с Францией в 1840 и 1843 годах.

Другой причиной жалобы, на которую Франция настояла против Мадагаскара, было принятие в 1881 году закона, запрещающего малагасийцам продавать свою землю иностранцам; но в 1883 году эта жалоба была несколько смягчена другими указами, облегчающими передачу земли в бессрочную аренду^[221]. Тем не менее, в мае 1883 года между Францией и Мадагаскаром разразилась война, и французский флот под командованием адмирала Пьера захватил Мохангу. Впоследствии адмирал Пьер обогнул остров и бросил якорь на рейде Таматаве, где он обнаружил ее превосходительство Дриаду, командера Джонстона, уже наблюдавшего за событиями. Французский адмирал, предъявив ультиматум, который был отклонен, обстрелял и оккупировал Таматаве, а также разрушил другие заведения Ховы на Восточном побережье. Мистер Шоу, английский медицинский миссионер, обосновался в Таматаве и, помимо оказания медицинской помощи раненым туземцам, не принимал никакого участия в борьбе. Тем не менее, в его аптеку вломились, и он был арестован, обвинен в отравлении французских солдат^[222] и заключен под стражу на французском флагманском корабле. Британскому консулу Пакенхэму, который отправился в Таматаве и был очень болен, было приказано покинуть город в течение 24 часов, но он умер до истечения этого времени. Англо-французские отношения были серьезно обострены попыткой французов перехватить почту капитана Джонстона. Когда известие о действиях Франции достигло Англии, мистер Гладстон произнес в Палате общин очень серьезную речь по поводу ареста мистера Шоу. Французское правительство, чувствуя, что его агенты зашли слишком далеко, дало примирительный ответ. Мистер Шоу был освобожден и получил компенсацию в размере 1000 фунтов стерлингов. Тем временем королева Мадагаскара умерла, и ей наследовала другая королева, Ранавалона III. Адмирал Пьер также заболел и скончался сразу по прибытии в Марсель. Его преемник, адмирал Галибер, своей вежливостью многое сделал для восстановления сердечных отношений между британскими и французскими официальными лицами. В 1884 году англичанину по имени Дигби Уиллоуби, который был добровольцем на зулусской войне, удалось переправить груз оружия и боеприпасов на южное побережье Мадагаскара, и в награду за свою энергию он был принят на службу к

малагасийскому правительству, произведен в офицеры их армии и, наконец, стал их главнокомандующим. Война затянулась до 1885 года, вызвав некоторое недовольство и апатию во Франции. Вполне вероятно, что французское правительство не настаивало бы на протекторате, если бы не действия Германии на прилегающем побережье Африки, которые заставили французов почувствовать, что в африканской борьбе они должны быть справедливо представлены. Наконец, были проведены переговоры по мирному договору, который был окончательно заключен в январе 1886 года. Генерал Уиллоуби представлял малагасийское правительство в Таматаве и заключил договор от их имени. Это соглашение давало Франции фактический протекторат над Мадагаскаром — во всяком случае, контроль над ее внешними отношениями, — учреждение в заливе Диего-Суарес и компенсацию в размере 400 000 фунтов стерлингов.

Несколько месяцев спустя, в июне 1886 года, Франция объявила свой протекторат над всеми островами Коморо, часть которых она уже аннексировала Майоттой в 1840 году.

В 1890 году Англия, в обмен на отказ Франции от противодействия британскому протекторату над Занзибаром, признала французский протекторат над Мадагаскаром. Но сами малагасийцы угрюмо отказывались признавать какой-либо подобный протекторат и пытались освободиться от пут договора 1886 года. В Англии и Франции считалось, что завоевание Мадагаскара будет чрезвычайно трудным предприятием, что сопротивление хова будет решительным и что их воинственная энергия в сочетании с ужасно нездоровым климатом сделают успех сомнительным или дорого купленным. Таким образом, в течение примерно девяти лет французское правительство терпело многочисленные отпоры со стороны могущественного премьер-министра Мадагаскара. Но в конце концов французы были вынуждены либо уступить своему протекторату, либо утвердить свое право на преобладающее влияние при малагасийском дворе. Их ультиматум в 1895 году был отклонен. Была отправлена мощная французская экспедиция — более 10 000 французских солдат и такое же количество сенегальцев. От идеи высадки в Таматаве и прорыва к столице через густые леса и крутые горные террасы благоразумно отказались, и вместо этого войска вошли в залив Бембатака (Моханга) на западном побережье и были переброшены вверх по реке Икопа. С того места, где его судоходство подошло к концу, они отправились по суше в Тананариву, который был захвачен после слабейшего сопротивления со стороны Ховаса^[223].

Сначала была предпринята попытка продолжить правление королевы Мадагаскара под защитой Франции, но это привело лишь к предательству и интригам со стороны Хова. Премьер-министр был изгнан, королева низложена и сослана сначала в Реюньон, а затем в Алжир. В 1896 году остров был присоединен к Франции и стал французской колонией. В то же время и этим актом аннексии торговые договоры других наций с Мадагаскаром были аннулированы; каботажная торговля была ограничена судами, плавающими под французским флагом; а принятая налогово-бюджетная политика носила жесточайший протекционистский характер, торговля и предприимчивость других наций были практически исключены из Мадагаскара. Эти действия постепенно стали восприниматься и вызывать возмущение в Англии, где при предыдущем признании французского протектората не было никакого намерения отказываться от британских коммерческих прав.

Правление Ховы было кровавым и варварским и появилось на целых сто лет позже, чем первое установление европейского влияния. Но это, по крайней мере, установило свободу религии^[224] и полную свободу торговли и предпринимательства для всех цивилизованных наций. Проводя такую ретроградную политику в торговле и религии, Франция несколько утратила сочувствие и интерес, с которыми в противном случае можно было бы наблюдать за ее решительным намерением цивилизовать Мадагаскар. Но по всем данным — британским и

французским — настойчивые усилия первого великого администратора Мадагаскара (генерала Галлиени) по восстановлению закона и порядка и открытию этого острова площадью 228 000 квадратных миль для возделывания и цивилизации дали благоприятные результаты в период с 1897 по 1905 год^[225]. Рабы были освобождены (в 1896 году); Тананариве (французский, поскольку это была столица Ховы) был преобразован в прекрасный город европейского облика. Быстрыми темпами строятся дороги, вырыты каналы, соединяющие прибрежные лагуны с морем и устьями рек, ведется строительство железных дорог во внутренние районы Страны^[226]. Железнодорожное сообщение Таматаве, главного порта на Восточном побережье, со столицей Тананариву уже почти завершено. Добываются золото, железо, медь, свинец, серебро, цинк и многие другие металлы и минералы. Сельским хозяйством не пренебрегали, и в последнее время Мадагаскар начал экспортировать рис. Каучук, дикий и культивируемый, входит в список экспортируемых товаров, основными из которых являются золото, крупный рогатый скот, шкуры, кофе, ваниль, гвоздика и шелка. Земля не была отнята у туземцев, и коренное население, которое, как говорят, сначала сократилось под властью Франции, в последнее время заметно увеличилось. В 1911 году перепись установила, что его численность составляла 3 054 658 человек, из которых только 13 539 принадлежали к европейской расе (7606 были французами). Принудительный труд на государственной службе был отменен в 1901 году. Туземцами во многом управляют их собственные избранные вожди и знатные люди, и в последние годы очень мало местных законов принималось без консультаций с ведущими местными властями.

Масса малагасийского народа растет в довольстве и благополучии под отеческим правлением французского генерал-губернатора, но объем торговли заметно не увеличился и остается примерно на уровне 3 000 000 фунтов стерлингов в год. И почти вся сумма (2 300 000 фунтов стерлингов) приходится на Францию или французские владения, поскольку дифференцированные пошлины и другие формы защиты сильно затрудняют внешнюю торговлю с Мадагаскаром с 1896 года.

Как уже упоминалось, Франция аннексировала Маскаренские острова Маврикий (Иль-де-Франс) в 1715 году и Реюньон (называвшийся Бурбоном с 1649 по 1848 год) в 1643 году. Оба были отняты у нее Великобританией во время наполеоновских войн; но, хотя Маврикий остался за британцами, Реюньон был возвращен Франции в 1815 году. (Оба острова принадлежали Французской Ост-Индской компании до 1767 года, когда они стали уделами короны.) Площадь Реюньона составляет 965 квадратных миль, а население — почти все белое — составляет около 174 000 человек.

Острова Коморо к северо-западу от Мадагаскара (площадь около 760 квадратных миль, население негроидов-мусульман около 100 000 человек) были окончательно присоединены к Франции в 1910 году и в настоящее время находятся под управлением правительства Мадагаскара.

ГЛАВА XVIII

ВЫВОДЫ И ПРОГНОЗЫ

Теперь мы видели результат этих расовых перемещений в течение трех или четырех тысяч лет, которые привели к тому, что народы, превосходящие негров, негроидов и хамитов по физическому или умственному развитию, двинулись в Африку как поле для своей колонизации, возделывания и торговли. Однако большая спешка была предпринята только с 1881 года, и можно сказать, что она началась с французского вторжения в Тунис. Теперь на карте Африки остались лишь два небольших участка, которые не закрашены, то есть отнесены к независимому владению местного государства. Этими территориями, теоретически независимыми или контроль над которыми является международным, являются Негритянская Республика Либерия на западном побережье и Эфиопская империя в Северо-восточной Африке. Вся остальная часть континента теперь отдана под власть, верховенство или исключительное политическое руководство какой-либо одной европейской христианской державы: Великобритании, Франции, Германии, Португалии, Бельгии, Италии или Испании. Марокко, расположенное на крайнем северо-западе континента, основная торговля которого раньше велась с Англией, и главный морской порт которого когда-то находился в руках англичан, теперь имеет во Франции защитника, воспитателя и блюстителя дисциплины, а в Испании - реколонизатора. Есть Египет, находящийся в оккупации и под контролем Великобритании, хотя номинально все еще являющийся государством-данником Турецкой империи. С тех пор, как эта книга была впервые опубликована в 1898 году, свирепый мусульманский штат Вадаи был аннексирован и завоеван Францией вместе с Багирми и Канемом, Айром и сахарскими оазисами. Дарфур находится под англо-египетским сюзеренитетом; Триполи, Киренаика и Феццан присоединены к Италии в качестве будущей "колонии" Ливии; а британское правление стало вполне реальным в восточных штатах Фула Нигерии и Борну. Южно-Африканская Республика и Оранжевое Свободное Государство являются частью Южно-Африканского союза. Даже Либерия недавно передала свои финансы под косвенный контроль своей первоначальной материнской компании, Соединенных Штатов. Только Абиссиния — фактически ныне Эфиопская империя с 1900 года — остается теоретически независимой; и даже Абиссиния осознает, что три европейские державы — Великобритания, Франция и Италия — гарантируя ей независимость, в некотором смысле согласились предпринять совместные действия, если она злоупотребит этой независимостью с коммерческим или политическим ущербом для их интересов. Абиссиния по многим причинам, связанным с ее историей, ее религией и ее решительным утверждением независимости, больше, чем любое другое государство Африки, заслуживает сохранения своего национального самоуважения и своего суверенного статуса, при условии, что она воздержится от оскорблений и признает свои географические и расовые ограничения. Но если из честолюбия она попытается вооружить народы Судана и повести их против нового порядка вещей, который терпеливо внедряется Великобританией, она снова окажется ограниченной Африканской Швейцарией, которая была ядром и последним прибежищем этого семито-хамитского народа. Либерия, старательно следуя советам американцев и воспитывая себя в духе, подобающем африканскому негритянскому государству, а не африканской пародии на крошечные масштабы огромных Соединенных Штатов Северной Америки, может когда-нибудь сыграть важную роль в политическом развитии Западной Африки.

Что Европа собирается делать с Африкой? Создается впечатление, что необходимо было следовать трем путям, соответствующим трем классам территорий, на которые распадается

Африка, если рассматривать ее географически. Начнем с того, что существует очень ограниченная здоровая территория, лежащая за пределами тропиков (или, в редких случаях, на больших высотах внутри тропиков), где климат благоприятен и европейцы могут поддерживать существование практически в тех же условиях, что и на их родине. Здесь они могут свободно растить детей, чтобы со временем сформировать коренную европейскую расу; и в этих регионах (за исключением некоторых частей Южной Африки) нет плотного коренного населения, которое могло бы силой или апелляцией к общей справедливости оспаривать владение землей. Эти земли первой категории имеют относительно небольшую протяженность по сравнению с большей частью Африки. Они ограничены районами к югу от Замбези и Кунене (за исключением окрестностей Замбези и восточного прибрежного пояса); до пятидесяти тысяч квадратных миль на горных плато Северной Родезии и около ста тридцати тысяч на высокогорьях Ньясаленда, Катанги, Южной и Центральной Анголы, Уганды и Британской Восточной Африки; до северной половины Туниса, нескольких районов северо-восточного и северо-западного Алжира и Киренаики (северный выступ Барки); и до частей северного выступа Марокко. . Вторая категория состоит из таких стран, как большая часть Марокко, Алжир, южный Тунис и Триполи; Барка, Египет, Абиссиния и части Сомалиленда; где климатические условия и почва не полностью противоположны^[227] здоровому расселению европейцев, но где конкуренция, численная мощь или боевой дух уже имеющихся туземцев являются факторами, препятствующими замещению большого европейского населения для настоящих владельцев почвы. Третья категория состоит из остальной части Африки, в основном тропической, где климатические условия не позволяют европейцам обрабатывать почву собственными руками, селиться в течение многих лет или создавать здоровые семьи. Страны, относящиеся к первой категории, я бы охарактеризовал как подходящие для европейских колоний, что является несколько запоздалым выводом, поскольку почти все они стали таковыми. Второе описание территории я бы квалифицировал как “государства-данники”, страны, где хорошее и стабильное правление не может поддерживаться местными жителями без контроля европейской державы, причем европейская держава сохраняет в обмен на расходы и хлопоты, связанные с таким контролем, удовлетворение от выполнения хорошей и интересной работы, а также сферу занятости и прибыльное предприятие для нескольких своих избранных сыновей и дочерей. Третья категория состоит из “плантационных колоний” — обширных территорий, которыми нужно управлять так, как управляется Индия, автократически, но мудро и, насколько это возможно, через местных вождей и советы, с первой целью обеспечения хорошего правления и разумного уровня цивилизации для большого населения рас, в настоящее время уступающих по культуре и менталитету европейским. Однако сюда могут приезжать европейцы в небольшом количестве со своим капиталом, энергией и знаниями, чтобы развивать наиболее прибыльную торговлю и получать продукты, необходимые для использования их развитой цивилизацией.

Возможно, что эти различия будут грубо отброшены в сторону под давлением законов природы через сто-двести лет, если другие здоровые районы земного шара станут перенаселенными, и наука сможет устранить нездоровое воздействие тропического климата. Тогда европейцы могут поспешить заселить земли тропической Африки, которая в своем насилии может с презрением отместить ранее существовавшие права низших рас. Но до тех пор, пока не возникнет такая непредвиденная ситуация, и пока в Америке и Африке с умеренным климатом остается так много незанятых здоровых земель, безопаснее направлять наши усилия по направлениям, изложенным в этих трех категориях, которые я процитировал. Пока французы не заселили север Туниса и горы Аурес в Алжире, со стороны их правительства было бы глупо заманивать французских эмигрантов поселиться в Сенегамбии или в Конго; пока Капская колония, Наталь, Оранжевое свободное государство,

Трансвааль и Родезия к югу и северу от Замбези не будут настолько густо заселены белыми, насколько позволяют ресурсы страны, было бы крайне неразумно принуждать европейцев к заселению Сокото или прибрежных земель Британской Восточной Африки. С другой стороны, каким бы здоровым ни был климат Египта, это страна для египтян, а не для англичан, за исключением администраторов, инструкторов, капиталистов или зимних туристов. С тех пор как мы начали контролировать политические дела некоторых частей Западной Африки и бассейна реки Нигер, наш ежегодный товарооборот с этими странами, ставший безопасным, вырос с нескольких сотен тысяч фунтов стерлингов в год примерно до 10 000 000 фунтов стерлингов. Это достаточное оправдание для того, чтобы мы продолжали управлять этими регионами и время от времени тратили на них людей и деньги.

На севере Африки белая берберская раса со временем будет иметь тенденцию ослабевать в своем мусульманском фанатизме и смешиваться с европейскими иммигрантами, как она смешивалась с ними в древние времена и в средние века, когда вторгалась в Испанию и южную Европу. Араб постепенно отойдет в сторону и примкнет к тем более смуглым берберам, которые долгое время будут бродить по пустыням Сахары без присмотра; или же он отправится в Судан и будет вести там жизнь, более свободную от европейских ограничений, даже если это будет при свободной форме европейского правления. Египтяне, вероятно, продолжат оставаться теми египтянами, которыми они были на протяжении бесчисленных веков, независимо от того, какие волны сирийских, ливийских, хеттских, персидских, греческих, римских, арабских, турецких, французских или английских захватчиков захлестывали землю; но они, вероятно, войдут в тот круг объединенных наций, который сформирует будущую Британскую империю — нации любого происхождения, цвета кожи, расы, религии, объединенные только одним верховным правителем и едиными высшими узами мира, взаимной обороны и беспрепятственной взаимообменной торговли. Негритянские или негроидные расы всей Африки между пустыней Сахара, Красным морем и Замбези останутся негритянскими или негроиднорожденными, даже если кое-где там в них немного прибавится европейской крови, а на востоке они вырастут до более утонченного человеческого типа благодаря иммиграции хамитов, скрещиванию арабов и поселению индейцев. Вполне возможно, что произойдет значительный перетек Индии в те недостаточно населенные, неосвоенные районы Восточной Африки, которые сейчас находятся под властью Великобритании и Германии. Индейцы проберутся в качестве торговцев в Британскую Центральную Африку, но этими территориями к северу от Замбези будут управлять также в интересах многочисленного и могущественного негритянского населения, которое по прошествии многих лет станет таким же цивилизованным и образованным, каким являются по меньшей мере миллион негритянских жителей к югу от Замбези в наши дни. К югу от Замбези произойдут большие перемены. Черный человек может продолжать расти, размножаться и жить в мире с белым человеком, довольствуясь выполнением для последнего многих услуг, которые его физическая сила и безразличие к здоровью позволяют ему оказывать с пользой. Но по мере того, как белое население увеличится с одного до двадцати миллионов, оно будет стремиться сохранить за собой всю здоровую местность на юге Африки и в глубине страны на том огромном центральном плато, которое простирается до Замбези и за ее пределами; а чернокожий человек будет постепенно вытесняться в низменные тропические прибрежные районы юго-востока и долины Замбези - регионы, которые вместе с большей частью Бечуаналенда и Ньясаленда должны на неопределенный период рассматриваться как Заповедник чернокожих.

Европейские нации или национальные типы, которые будут преобладать в Новой Африке, - это британцы (с которыми, возможно, сольются голландцы), французы и франкоговорящие бельгийцы, немцы, итальянцы, греки и португальцы. Испанца можно встретить на северо-

западном побережье, в Марокко и Западном Алжире; у португальцев может быть в Анголе вторая Бразилия, но эта мечта разочарованно рухнет, если эта нация не сможет в ближайшее время восстановить национальную энергию и ежегодно направлять тысячи своих эмигрантов в португальскую Африку, а не в португалоязычную или англоязычную Америку. Самой Португалии нужны колонисты, и она должна быть в состоянии прокормить не шестерых недовольных, а процветающие пятнадцать миллионов человек. Доля Италии под ее собственным флагом в колонизируемой территории может быть сравнительно небольшой, а у Греции ее вообще может не быть, но север, северо-восток и северо-центральная часть Африки будут кишеть занятыми, бережливыми, предприимчивыми итальянскими и греческими поселенцами, колонистами, торговцами и наемными работниками^[229].

Великими языками Новой Африки станут английский, французский, итальянский, португальский, арабский, хауса, суахили и зулу. Сомнительно, что немецкий когда-либо укоренится в качестве африканского языка, так же как голландский укоренился на Малайском архипелаге. Это правда, что голландский на искаженном жаргоне стал вторым языком для готтентотов и нескольких племен банту. Но голландский проще по конструкции и легче произносится негром, чем немецкий. Я заметил, что в Камеруне немцы используют “голубиный” английский побережья как средство общения с людьми, когда те не говорят на легко усваиваемом языке дуала. С другой стороны, в Восточной Африке они повсеместно используют суахили, точно так же, как голландцы используют малайский язык во всех своих азиатских владениях. Английский, возможно, не станет доминирующим языком во всех странах Африки, находящихся под британским влиянием. Он, несомненно, станет универсальным языком Африки к югу от Замбези и, возможно, но не столь наверняка, в Британской Центральной Африке, где, однако, ему придется бороться с влиянием суахили. В Британской Восточной Африке, на Занзибаре и в Уганде преобладающей речью будет легкий, выразительный, гармоничный язык суахили, удачный компромисс между арабским и банту. В Сомалиленде, Египте, Сахаре и Судане арабский будет доминирующим языком; но итальянский, французский и английский будут широко использоваться в Нижнем Египте. Итальянский, арабский и французский останутся в равной степени используемыми в Барке, Триполи, Тунисе и Восточном Алжире; французский и арабский (французский, возможно, преобладающий) в Алжире; и французский даст о себе знать в Марокко (хотя там он будет соперничать с арабским и испанским), и прямо через Западную Сахару до Сенегамбии и верхнего Нигера. Английский будет, как и сейчас — либо в жаргоне, либо в правильной разговорной речи — языком общения на западном побережье Африки от Гамбии до Габуна. Французский, суахили и португальский будут преобладать в бассейне реки Конго; португальский - в Анголе; и хауса в Нигерии и вокруг озера Чад. На Мадагаскаре будет преобладать французский, смешиваясь на островах Коморо с суахили.

Язычество исчезнет. Континент скоро будет разделен между номинальными христианами и номинальными мусульманами, с сильной тенденцией со стороны мусульман к легкомысленному рационализму, который быстро распространяется в Алжире, где горожане и земледельцы в более населенных районах, постоянно вступая в контакт с европейцами, становятся равнодушными к наиболее неудобным из своих мусульманских обрядов и довольствуются жизнью, в которой религии немного больше, чем в соблюдении законов, и желании хорошо ладить со своими соседями. Тем не менее, прежде чем мусульманство потеряет свой вкус, вероятно, произойдет много восстаний против христианского правления среди мусульманских народов, которые недавно подверглись контролю. Араб и хамит по религиозным причинам могут снова и снова стремиться сбросить христианское иго, но я сильно сомневаюсь, что произойдет какой-либо всеобщий бунт чернокожих против белых.

Негр не имеет ни малейшего представления о расовом родстве. Он в равной степени присоединится к белой или к желтой расе, чтобы подчинить себе своих черных собратьев или вернуть себе свободу от господства другого негритянского племени. То тут, то там могут вспыхивать восстания против правления белых в таком-то штате; но разнообразия цивилизаций, в условиях которых будет обучаться африканец, и различных языков, на которых его научат говорить, будет достаточно, чтобы сделать его таким же непохожим в каждом национальном развитии, каким стал белый человек в Европе. И точно так же, как потребовалось бы какое-то удивительное и колоссальное событие, чтобы заставить всю Азию подняться как один человек против вторжения в Европу, так и трудно представить, что черные люди в конечном итоге сформируют единый негритянский народ, требующий автономии и положивший конец контролю белого человека, а также иммиграции, расселению и общению высших рас из Европы и Азии. Эта концепция может быть сложной в свете прошлой истории и потому, что язык имеет очень большое значение, но не невозможной. Любое повторение леопольдовской тактики в больших масштабах, любое грубое угнетение негров в Южной, Восточной, Западной или Центральной Африке могло бы объединить все культурные различия, объединить черных и желтых людей с различными религиозными верованиями и суевериями в одном пламенном восстании против белой расы, которое могло бы разрушить новую и растущую европейскую цивилизацию, которая сейчас так быстро распространяется по Африке. Но в противном случае коренные расы Африки вырастут в чернокожих или коричневых британских подданных (если только мы не откажем им всем в избирательном праве), французов, португальцев или немцев. Со временем великие белые нации заселят Южную Африку, Северную Африку и Египет; и струйки кавказской крови будут продолжать, как в недавнем, так и в отдаленном прошлом, циркулировать по негритянской Африке, привнося во многие миллионы чернокожих мужчин тот элемент белокожего подвида, который один развил красоту черт лица и оригинальность изобретений в мыслях и поступках. Но черная — или, как это будет в будущем, коричневая — раса, подчинившись многим влияниям и затопленная многими вторжениями, в долгосрочной перспективе удержит свои границы и закрепит за собой значительную часть земель Африки. Все предсказания относительно будущего Темного Континента кажутся тщетными перед лицом неожиданного, странного, непредвиденного, которое возникает в самой Африке. Может вспыхнуть новая болезнь, которая уничтожит негра и оставит белого человека стоять на ногах; или могут развиваться непобедимые болезни, которые сметут белого человека или сделают для него слишком опасным и невыгодным поселение на почве тропической Африки. С другой стороны, можно найти средства от всех африканских болезней, и для здоровья белого человека проживание в Сьерра-Леоне или в Верхнем Конго может быть не более опасным, чем для коренного чернокожего человека. Несомненно, как и в Азии и Южной Америке, конечным результатом колонизации Африки инопланетными народами будет компромисс — темнокожая раса с чертами лица белого человека и мозгом белого человека.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ПРИМЕЧАТЕЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ И ДАТЫ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ АФРИКАНСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

	До н.э.
Основание финикийцами колонии Утика (Атика) на североафриканском (тунисском) побережье	около 1100 г.
Основание финикийцами колонии Карфаген	около 822 г.
Экспедиция дорийцев основывает первую греческую колонию в Киренаике (современная Барка)	около 631 г.
Египетский фараон Нику II (сын Псамметика) отправляет Финикийскую экспедицию из Красного моря, которая, как говорят, обогнула Африку за три года	около 600 г.
Завоевание Египта персами при Камбизе	около 525 г.
Ганнон Карфагенянин исследует Западное побережье Африки вплоть до Сьерра-Леоне и возвращает шимпанзе	около 520 г.
Александр Македонский завоевывает Египет у персов; и основывает город Александрию	332
Римляне берут Египет под свою защиту	168
Римляне определенно завоевывают и разрушают Карфаген и основали римскую провинцию Африка (состоящую в конечном итоге из современного Туниса и части Триполи)	146-5
Нумидия (Алжир) присоединена к Римской империи	46
Египет присоединен к Римской империи	30
Римляне вторгаются в Феццан (Фазанию)	19
	н.э.
Мавритания (Марокко) присоединена к Римской империи	42
Массовое убийство евреями греческих жителей Киренаики	117
Северная Африка, оторванная от Римской империи вандалами.	429
Частично восстановлена византийцами.	531-4
Персидские армии оккупируют Египет.	616
Геродий освобождает Египет от персов.	626
Вторжение Мухаммеда в Африку:	
Амр бен аль Аси завоевывает Египет	640-2
Арабы вторгаются в Триполи и Тунис, побеждают патриция Григория и частично разрушают византийское правление	647-8
Окба-бин-Нафа назначается халифом “губернатором Ифрикии” (669), захватывает Феццан и Южный Тунис и основывает там столицу мухаммедов Кайруан	673
Окба пересекает Северную Африку, пока не достигает Атлантического океана	681
Карфаген, взятый арабами (698); Тунис окончательно завоеван у берберов (705);	711 г.

Марокко и завоеванный Алжир около 708 г.; Испания захвачена арабами и берберами	
Первые исламские поселения основаны на восточном побережье Африки около 720 г.; Султанат Килва основан	960 г.
Династия Аглабитов (берберов) начинается в Тунисе в 800 г. (Марокко одновременно правили идриситы) и заканчивается	909 г.
Возвышение династии Фатимитов над Тунисом, Триполи и Египтом (909 г.), которыми основан Каир (Аль-Кахира)	969 г.
Великое арабское вторжение в Северную Африку (особенно Тунис)	около 1045
Около 1050 года начинается вторжение в Северную Африку из Нигера и Марокканской Сахары берберской секты мурабитин (Аль-моравидов), которые завоевали всю Северную Африку и Испанию к	1087 году
Тимбукту, основанный Тавареком	около 1100 года
Третья Великая берберская династия Муахадим (Аль-Мохадде) возникает в W. Алжир около 1150 года завоевывает Марокко, Испанию и Алжир и, наконец, Тунис (из которого изгнаны норманны)	1160
Французские и немецкие крестоносцы занимают восточную часть дельты Нила и устанавливают гарнизон в Каире, прежде чем их изгнал "Саладин"	1163-70
Династия Хафс, основанная в Тунисе	1236
Король Франции Людовик IX ("Святой Людовик") вторгается в Египет в 1248 году; терпит катастрофическое поражение, взят в плен и выкуплен. Двадцать два года спустя он вторгается в Тунис, где он умирает от лихорадки	1270
Римский Карфаген окончательно разрушен маврами, и в Тунисе сделал столицей "Ifriqiyah"	об 1271
португальский взять Сеуту от мавров	1415
реки Сенегал добраться на португальский изучения судов разосланы Принц Генри	1446
Диого Гомес достигает и имена Сьерра-Леоне	1460
Канарских островов, обнаружил Нормандский авантюрист и, в конечном итоге проданы в Португалию, передаются, что власти Испании	1479
Голд-Кост, дельте реки Нигер, Фернандо Рô, Камеруне и Габоне обнаружены португальский	1471-80
реки Конго открыт португальцами	1482-5
Бартоломеу Диас огибает мыс Доброй Надежды	1488
Мелилья (Марокко Н.) в плен к испанцам	1490
христианство ввело в королевство Конго португальский	1491
Васко да Гама, проходящая вокруг мыса Доброй Надежды обнаружит и имена Натал (Рождество, 1497), достигает Софала и Малинди (Восточная Африка)	1498
Софала оккупирован и португальский Восточно-африканской империи началась	1505
Мадагаскар открыт португальцами	1500-6
император Карл V дает уставом фламандского купца исключительно ввоз негров-	1517

рабов в испанскую Америку; работорговли таким образом наверняка основана туркам завоевать Египет	1517
Карла V вмешивается в дела Туниса (для восстановления арабской Hafside мечеть и выгонять турецкого Корсара Барбароссы Khaïreddin)	1535
Карла V поддерживает катастрофические отражения в Алжире (от которого ведет свое постепенное угасание испанской власти над Северной Африки)	1541
залив делагоа первым исследовал и временно поселились португальцы	1544
первые английские торговые корабли покидают Лондон на западноафриканском побережье,	1553
сэр Джон Хокинс передает первый груз негров-рабов в Америку под британским флагом	1562
турки (с помощью Корсары основана регентстве Алжире в 1519 году, что Триполи в 1551) еще раз взять в Тунис и сделать его турецким Пашалыком	1573
Португалия основывает колонии Ангола	1574
дом Себастьян, король Португалии, побежден и убит в битве при Каср-аль-Кабир; и Португальской империи над Марокко тех пор рассыпается	1578
Турция пытается вырвать из Португалии в Занзибар и побережье, но и наголову разгромили португальцев, Адмирал	
Томе де Соуза Коутиньо	1584
Абу аль-Аббас аль-Мансур, первый “Sharifian” император Марокко, кто победил дом Себастьяна, посылает армию через Сахару и приложения Тимбукту и Нигер верхняя для мавританского господства	1590
первых голландских торговых кораблей появляются на западноафриканском побережье	1595
голландский заменить португальский спорю (Н. W. побережье Африки) и Гори (Дакар) в 1621 году; и в Элмина (Голд-Кост)	1637
французские торговцы из Дьепп нашли в Форт-Сент-Луис в устье Сенегала	1637
фундамент французской Compagnie de l'Orient с целью колонизации Мадагаскара	1642
Британской Ост-Индской компании Остров Святой Елены от голландского	1651
голландский завладеть Мыс Доброй Надежды	1652
династии Филали Шарифы обретает всю Империю Марокко и верхней Нигерия	1658
британской Африканской компании зафрахтован Карла II строит форт на острове Джеймс, в устье Гамбии	1662
этой же фирмы (впоследствии Королевская Африканская компания), воспользовавшись войны, объявленной против Голландии, захватывает и сохраняет некоторые голландские форты на Золотом Побережье	1665-72
Дания устанавливает форты на Золотом побережье	около 1672
Бранденбург (Пруссия) строит Форт Grossfriedrichsburg на Золотом Побережье	1683
Англии, которому Танжер был передан Португалии в 1662, отбрасывает его к Sharifian империи Марокко	1684
восходящего Арабские энергию, Оман приводимый в Португалию из всех своих	1698

владений к северу от Мозамбика на	
настоящее Husseinite династия беев (с 1706 г. по 1881 г. практически независимыми государями) основана в Тунис турецкий Ага—Хусейна бен Али бея	1706
Сьер Андре де Brûe, который вышел в Сент-Луисе в 1697 году губернатором французской Сенегал компании, основывает в течение следующих 18 лет французской колонии Сенегал и возвращается во Францию	1715
французы занимают острове Маврикий (бурбон или “Реюньон” не занимал до 1764)	1721
португальский (окончательно потерял Момбаса в 1730 г.) признать Маскат Имамат на Занзибар и побережье указ Бухта Лоренсу-Маркес на юге и мысом Делгаду на севере к границам своих восточно-африканских владений	1752
португальский потерять Мазагане, их последний плацдарм в Марокко	1769
Испании приобретает Фернандо Рô в Гвинейском заливе	1778
Сьерра-Леоне уступил британцу туземцами	1787
Испания теряет Оране страшное землетрясение, а вместе с ней ее последнюю власть над Алжир	1791
Дания запрещает работорговлю в своих подданных	1792
Англии сначала захватывает Мыс Доброй Надежды	1795
Мунго парк обнаруживает реки Нигер в Segui	1796
лондонского миссионерского общества агентами земли в Капской колонии и начать работу среди кафиров и бушмены	1799
Наполеона Бонапарта покоряет Египет, 1798; Нельсон уничтожает французский флот в бухте Abukir же году; Французский эвакуировать Египет	1801
Британии, наконец, занимает Мыс Доброй Надежды	1806
Сьерра-Леоне и Гамбии организована следующим колоний	1807
актом парламента передается отмены торговли рабами в британских доминионов	1807
англичане захватывают у французов Сейшельские о-ва (1794), Маврикий и Реюньон в 1810 году, и Таматаве и на острове Сент-Мари (Мадагаскар) в	1811
Мухаммед Али разрушает мамлюки в Египте	1811
первого кафир войны в Южной Африке	1811-12
Капской колонии наверняка уступила Голландии в Великобританию	1814
острова Реюньон (Бурбон) восстановлен во Францию	1814
Голландии отменяет работорговлю в своих владениях	1814
во Франции и Швеции об отмене работорговли	1815
Франция геоскупил остров Сент-Мари-де-Мадагаскар (сначала доставили в 1750)	1817
вторжения египетского Судана Мухаммедом Али сил (1820-22) и фундамент из Хартум в качестве его столицы	1823
британским правительством экспедиция под Oudney, Клаппертон, и денем обнаруживает озера Чад	1823
вице-адмирала У. Ф. У. Оуэн заканчивает его большой обзор побережье Африки, в которой впервые в истории контур Африканского континента был правильно очерченные	1822-9

губернатор сэр Чарльз Macarthy побежден и убит в Ашанти в 1824 году; следствие первой британской войны с Ашанти завершается победно	1827
братьев Ландер разослан британское правительство проследить Нигер до буса к морю и установить его выхода в Гвинейском заливе	1830
французская экспедиция захватила Алжир	1830
Португалия отменяет работорговлю	1830
первые английские пароходы (Макгрегор Лэйрд экспедиции) перейдите в нижнюю Нигер (1832) и открыть Benue реки	1833
рабство отменено во всех британских африканских владений, в том числе Капской колонии, с	1834
третий мир Война в Южной Африке	1834
Турция отправляет экспедиции в Триполи, чтобы восстановить ее непосредственным руководством	1835
первый “поход” Буров от британского правления	1836
бурских эмигрантов вероломно убиты Dingane, король зулусов	1837
в Сакалава н. а.-Западно Мадагаскар ставят себя под защитой французов, и Франция занимает острова Носси Бе и Mayotta	1840
второй Нигер экспедиции отправляются из Англии в	1841
Мухаммед Али Македонский (однажды турецкий офицер Баши-bazuks) подтвердил в наследственном суверенитета Египта как-Паши и Вали	1841
последние квази-независимых Паши Караманли в Триполи захватывает и гарнизонов в важных Сахары городами Гадамес и Гат в 1840-41; но сам удалены турками, кто приложении наверняка Турецкой империи Триполи и Барки	1842
Натал становится британской колонией	1843
Голд-Кост, наконец, организовал в колонии короны	1843
французской войны с Марокко	1844
Waghorn-это сухопутный путь окончательно утвердился в Египте	1845
независимости освобожденных-рабовладельческое государство Либерия признается	1847
Абд-аль-Кадер предается; Константин (Восточный Алжир) предпринятые французской	1847
основы французской освобождается-ведомый поселение Либревиль в Габоне	1848
Крапфа и Rebmann открыть снежные горы Кения и килима-нйаро	1848
отмене рабства во всех французских владений в Африке	1849
Дания уступает ей Золотой Берег-форты в Англии	1850
Ливингстон и Oswell откройте Центрального Замбези	1851
независимость Трансвааля признана Великобританией	1852
представитель правительства, созданного в Капской колонии	1853
генерал Федерб назначен губернатором Сенегала в 1854 году; он ломает Фулан власть в Сенегале и значительно расширяет французских владений по	1856
британская экспедиция отправляется в 1849 году под Ричардсон, Oberweg, Фогель и Барта для изучения северной части Центральной Африки: Oberweg переходит	1855

озера Чад, поднимающийся от реки Шари и погибает в Wadai; Барт посещает верхние Вепуэ, Томбукту, и т. д. и возвращается в Англию	
Ливингстон совершает свое знаменитое путешествие из Капской колонии в Анголе и из Анголы в Индийском океане, прогулок по Замбези от истока до устья, и возвращается в Англию	1856
Бертон и СПИК открыть озеро Танганьика, Спик и достигает южной части Виктории Ньянза	1858
Ливингстон и Кирк познакомиться с озером Ньяса	1859
Война в Испании с Марокко	1859-60
Занзибар отделен в качестве независимого государства от Имамат 'Оман	1861
г. Лагос становится колонией Британской Короны	1863
Спик и Грант установить Виктория Ньянза озера как основного источника Нила, посетить Уганду, и следовать Нила в Каир	1860-4
(сэр) Самуэль Бейкер обнаруживает озеро Альберт Ньянза	1864
второй правительственной экспедиции под началом доктора бейки разослан для изучения рек Нигер и Вепуэ (1854); д-р бейки сделал консул Нигер, основывает в Локодже Нигер-Вепуэ слияния и исследует Вепуэ (1857) и значительно расширяет британского влияния; но умирает в 1863 году; консульстве отменили	1866
Открытие алмазов в районе реки Оранжевой в Капской колонии	1867
озер Мверу и Бангвеулу и верхней Луапула (Конго) Р. обнаружил Ливингстона в 1867 и	1868
Басутоленда, помещенных под британским покровительством	1868
британская армия вступает в Абиссинию, чтобы освободить пленников царя Федора и победы победы Магдалина	1868
создание тройной контроль над тунисский финансы	1869
открытие Суэцкого канала в	1869
, сэр Сэмюэл Бейкер назначен губернатором Экваториальной провинции египетского Судана	1869
доктор Швейнфурт обнаруживает Р. хорошо Mubangi, Северной богатых Конго	1870
Ливингстон обнаруживает, что Луалаба и Конго в верхней Nyangwe; в Уджиджи и освобождается от Стэнли	1871
Восстание против французов в восточной части Алжира подавлены	1871
отвечает правительство ввело в Капской колонии	1872
султан Занзибара подписывает договор навязан ему со стороны Англии за отмену работорговли	1873
второй Ашантийской войны: сэр Гарнет Вулзли берет и сжигает Каримуи	1873-4
Доктор Ливингстон умирает	1873
Кэмерон пересекает Африку из Занзибара в Бенгелу, сопоставление Танганьика правильно в первый раз	1873-5
Стэнли обращающейся вокруг Виктории Ньянза и следы реки Конго от Nyangwe до Атлантического океана—величайшее путешествие в африканские исследования	1874-7
Трансвааль аннексирована Великобританией	1877

двойной контроль Франции и Англии наложили на египетское правительство (1876); Исмаил-Паша смещен	1879
война между Великобританией и зулусов	1879
международное объединение, созданное по инициативе короля бельгийцев, разработав специальную ветку, в “Комитет по Об-дю-О Конго” отправляет Г. М. Стэнли, чтобы найти то, что будет через шесть лет “независимого государства Конго”	1879
де Бразза защищает части верхнего Конго Франции	1880
Трансваале восстаний против Великобритании и добивается признания своей независимости под британским протекторатом	1881
французские войска, входит в Тунисе и накладывает французский защиты в отношении этой страны	1881
французских завоеваний достичь верхней Нигер	1881-2
Араби восстание в Египте (1881), отмена двойной контроль, бомбардировка Александрии и поражения Араби в Тель-эль-Кебир Лорд Вулзли; британской оккупации Египта начинается	1882
Италия занимает Ассаб-Бэй на побережье Красного моря и положить начало созданию колонии Эритреи	1882
оккупации Овок Францией в	1883
начала африканской схватка: Германия устанавливает протекторат над ее Юго-Западной Африке, и за Тоголенд и Камерун в Западной Африке, Франции занимает Гран-Басам и Порто-Ново (слоновой кости и рабов побережий); Гордон отправил в Судане (которые восстали из Египта в 1883 г.) и Берлинской конференции по Африке вопросов вызывают	1884
смерти генерала Гордона в Хартум и временная потеря египетского Судана	1885
признание всех сил независимого государства Конго	1885
Бечуаналенд взят под протекторатом Великобритании	1885
Германия получит ее восточно-африканских владений в интерьере Занзибарский султанат	1885
Великобритания объявляет протекторат над Нигер побережье и реки Нигер и грантов Устава Королевский Нигер компании: Джозеф Томсон заключает договор с компанией с султаном Сокото	1885
Португалия расширяет свою территорию на южном берегу Конго и Кабинде	1884-5
Франция заключает договор с Мадагаскара, который дает ее преобладающее влияние на острове (объявляет протекторат над Коморо острова 1886)	1885
англо-египетских сил выдержать тяжелые потери в районе Суакина в руках суданский под Осман Дигна: Суакина сохраняется, но из египетского владычества в долину Нила ограничивается Wady Хайфы. Италия оккупирует Масаву	1885
Великие открытия рифового золота в Трансваале; основание Йоханнесбурга	1886
Вспыхивает война в Ньясаленде между британскими поселенцами и арабскими работорговцами	1887
В Нефтяных реках (дельта Нигера) Джаджа, король Опобо, арестован и изгнан; затем получен доступ к внутренним рынкам	1887
Французские владения Сенегамбии определенно простираются до Верхнего	1887

Нигера

Имперская Британская Восточноафриканская компания получает хартию	1888
Вспыхивает серьезное восстание против немцев. в Восточной Африке (окончательно не покорен фон Виссманом до 1890 г.)	1888 г.
Британский протекторат над Северным Сомалилендом был впервые организован	1889 г.
Итальянский протекторат был установлен над Восточным Сомалилендом: и заключен договор с эфиопским королем Менеликом, по которому Италия претендовала на контроль над внешними связями Абиссинии.	1889 г.
Хартия, данная Британской Южноафриканской компании.	1889 г.
Британская Центральная Африка объявлена находящейся под защитой Великобритании: Британский флаг поднят на озерах Танганьика и Ньяса.	1889 г.
В 1887 г. Стэнли проводит экспедиция через Конго на смену Эмин-паше. Он обнаруживает Эдвард озеро и горы Рувензори и достигает Занзибар	1889
англо-германское соглашение, заключенное по отношению к Восточной Африки, Занзибар, принятых под протекторатом Великобритании; Великобритания признает протекторат Франции над Мадагаскаром и французскую сферы влияния между Алжира, Нигера и озера Чад; а Франция признает британского контроля над Сокото и Нижнего Нигера	1890
Сесил Родс, управляющий директор британской компании ЮАР, становится премьером Капской колонии	1890
французской экспедиции дойти до реки Шари из бассейна реки Конго и надежности, что река французскому влиянию	1890-1
капитан (впоследствии полковник сэр Фредерик) Лугарда устанавливает британского преобладания тех Уганда	1891
немецкие силы уничтожены ва-хе-хе, в южно-центральной части Германской Восточной Африки	1891
Павел Crampel, первый исследователь переход от бассейна реки Конго до, Шари река, убит подчиненным начальника при Рабах Zobeir на границах дар банда	1891
бельгийцы учредить штатные должности в Швайнфурт, это хорошо	1892
Натал получает ответственное правительство	1893
Франции побеждает и приложения Dahomé	1893
Рабах Zobeir становится султаном Борну путем завоевания	1893
первый Matebele войны; гибель Лобенгулахорошо; Buluwayo становится столицей Родезия	1893
французский занимают Дженне и Томбукту на верхнем Нигере	1893-4
бельгийские войска под Барон Dhanis захватить все арабские города на Луалаба (верхнее Конго) и уничтожить Арабскую власть в Congoland	1892-4
Witboo готтентот вспышка против немцев в Юго-Западной Африке	1894
Уганда объявлен британским протекторатом; Устав британская Восточная Африка компанию изъято и Британской Восточной Африке в дальнейшем вводят под британским комиссаром	1894-5
арабы окончательно разгромлены и изгнаны из протектората Ньясаленд	1895
крупные площади де Албукерки захватывает король зулусов Gungunyana и твердо	1895

устанавливает португальского владычества в Юго-Восточной Африке	
капитан Bottego устанавливает итальянский должность лугом на Джуб р.	1895
Франции побеждает и приложения Мадагаскар	1894-6
Джеймсон рейд в Трансвааль; Matebele восстание и второй Matebele войны	1896
Италия терпит страшное поражение в Северной Абиссинии. Ее протекторат над Абиссинией снят, и независимость этой страны признана	1896
Англо-египетская армия отвоевывает Донголу	1896
Завоевание Нупе Королевской Нигерской компанией	1897
Зулуленд объединен с Наталом	1897
Завершена железная дорога до Булувайо	1897
Эмиль Жантиль достигает реки Шари и озера Чад из Конго и устанавливает французский протекторат над Багирми	1897
Город и королевство Бенин, завоеванные Британской военно-морской экспедицией (после резни в тихоокеанская экспедиция под руководством Дж. Р. Филлипса)	1897
Немецкая Восточная Африка объявлена немецкой колонией	1897
Восстание суданских солдат временно ставит под угрозу позиции Великобритании в Уганде. Полковник . Экспедиция сэра Дж. Р. Л. Макдональда раскрывает географию региона между озером Рудольф и Нилом; сэр Гарри Джонстон реорганизует администрацию протектората Уганда и заключает новый договор с королевством Буганда	1897- 98-1900 гг.
Англо-французское соглашение, подписанное в отношении Нигера	1898 г.
Англо-германское соглашение, касающееся залива Делагоа и других португальских владений в Африке, подписанное в	1898 г.
Самори, последний великий воин-вождь Сенегало-Нигера, побежден и взят в плен французами	1898 г.
Серьезное восстание против британской Сьерра-Леоне Протекторат Леоне	1898 г.
Открыта железная дорога от Нижнего Конго до Стэнли-пула	1898 г.
Хартум захвачен сэром Х. (с тех пор виконт) Китченер, и англо-египетское влияние установилось над Суданом; Железная дорога Вади-Хальфа-Донгола продолжена в направлении Хартума	1898 г.
Майор Маршан, которого французское правительство направило в Фашоду, отозван оттуда из-за протестов Великобритании	1898 г.
Британское и французское правительства заключают приложение к Нигерской конвенции 1898 г., которое приблизительно определяет границы британского и французского влияния в Восточном Судане	1899
Восстание Ашанти и окончательное завоевание Ашанти	1900
Северная Нигерия, переданная в управление британскому правительству	1900
Халифа и почти все его оставшиеся генералы погибают в битве при Омдубрейкате (Кордофан) в ноябре 1899 года, а Осман Дигна попадает в плен близ Суакина в январе. Сэр Реджинальд Уингейт становится генерал-губернатором Судана	1900
Рабах Зобейр, суданский завоеватель Борну и др., погибает в битве с французами	1900
Майор Малкольм Пик прорубает заросли горного Нила и открывает судоходство	1900-1

между Хартумом и Гондокоро (Уганда)	
Железная дорога из Вади-Хальфы достигает Хартума	1901
Сонная болезнь начинается в Уганде осенью	1901 г.
В Уганде начинается война. Южная Африка между Бурскими республиками и Великобританией (октябрь 1899 г.); взятие Блумфонтейна и Претории, 1900 г.; присоединение Оранжевого Свободного государства и Трансвааля к Британской империи, 1900 г.; заключение мира	1902 г.
Фадл-Аллах, сын и преемник Рабаха, умирает после поражения от французов на границах Борну	1902 г.
Достопочтенный. Сесил Родс умирает в Муйзенбурге близ Кейптауна, март	1902
года, когда немцы оккупировали районы озера Чад	1902
г. Окончательное завоевание Северной Нигерии начинается в 1902 году. (Йола, Баучи, Борну) и заканчивает (Кано и Сокото)	1903
Железная дорога Уганды от Момбасы до Виктория-Ньянза, открытая для сквозного обслуживания в	1903
году. Г-н Э. Д. Морел начинает свои публичные разоблачения плохого управления государством Конго королем Леопольдом в 1902 году; (сэр) Роджер Кейсмент отправлен для расследования и отчета об англо-французском соглашении	1903-4
британско-сомалийской войне	1902-4
, согласно которому Марокко переходит во французскую, а Египет - в британскую сферу. из-за влияния	1904
Король Леопольд направляет международную комиссию в бассейн Конго для расследования истинности обвинений, выдвинутых против его администрации (1904); комиссия сообщает, что	1905
Мавритания (земля между Сенегалом и марокканской Сахарой) перешла под управление Франции	1904-5
Лагос и побережье Нигера объединены как "Южная Нигерия"	1904
Родезийская железная дорога "Мыс Каир" достигает Замбези и пересекает ее у водопада Виктория	1905
Начинается французское завоевание Вадаи, великого государства, совершавшего набеги на рабов в Центральном Судане	1904
Итальянское правительство берет на себя непосредственное управление итальянским Сомалилендом	1905
Император Германии решает нанести государственный визит в Марокко в Танжере и тем самым ставит под сомнение передачу Марокко Франции в сферу влияния	1905
Конгресс Альхесираса собирается на юге Испании, чтобы обсудить будущее Марокко	1906
Железная дорога от Хартум-Бербера до Порт-Судана (Красное море) открыта	1906
Предоставление ответственного правительства Трансваалю	1906
В 1903 году готтентоты восстают против Немецкая власть в Юго-западной Африке. В 1904 году ова-гереро (Damaras) присоединиться к восстанию, не окончательно измельчают до	1906-7
ответственное правительство предоставленных колонии Оранжевой реки	1907

(Оранжевое Свободное Государство)	
алмазы нашли в Германской Юго-Западной Африки	1908
Бельгия приложениях Конго независимого государства	1908-9
в 1908 году серьезных неприятностей выбиться в западной части Марокко (Shawia страны) об обязании Франции в землю большой силой и занимают Каса Бланка и соседей, Мулай Хафид поражения своего брата (Абд-Эль-Азиз) и стал султаном в его место; Франция и Германия пришли к временной мере, которая признает Франции “политические интересы” в Марокко	1909
союза Южной Африки (Капская колония, Наталь, Трансвааль и Оранжевое государство) провозгласил	1909
испанцев послать армию из 50 000 мужчин, чтобы захватить Риф страны (северо-восток Марокко)	1909-10
Франция покоряет арабских и берберских кочевых племен Адрар (Мавритания)	1909-10
Франция окончательно покоряет Wadai	1910
Родезийский “от Каира до Кейптауна” железной дороги открыт как конголезской границы в Катанге	1910
Виконт Китченер становится британским агентом в Египте	1911
“от Каира до Кейптауна” железнодорожный продлен из Хартум в Эль-Обейд (Кордофан)	1911
“Пантера” был отправлен в Агадир на юго-западном побережье Марокко, Германия, подняв Марокко вопрос; но инцидент заканчивается в немецком признание французского протектората над Марокко	1911
Италия земли 80 000 мужчин в Триполи, и в конце концов все приложения Триполи и Барки	1911-12
Франция уступает Германии важных территорий, которые соединяют Камерун колонии с Mubangi реки и главные Конго, делая Германии “Конго” власть железной дороге из Лагоса в Кано (Hausaland) закончил	1912
либерийский Республики возлагается на управление финансов и внутренних дел на должностных лиц, назначаемых Президентом Соединенных Штатов	1911-12
Франции и Испании наверняка урегулировать свои разделе Марокко, а Франция занимает все важные марокканских городов, кроме Танжера	1912

ПРИЛОЖЕНИЕ II

БИБЛИОГРАФИЯ По ИСТОРИИ КОЛОНИЗАЦИИ АФРИКИ. КНИГИ, ОСОБЕННО ПОЛЕЗНЫЕ

Все синие книги, опубликованные Министерством иностранных дел и Министерством по делам колоний, посвященные Африке и работоторговле с 1830 года по сегодняшний день, особенно за 1876—1898 и 1903-11 годы.

История древней географии; автор (сэр) Э. Х. Банбери. 2 тома. 2-е издание. Джон Мюррей. 1883.

"Золото Офира"; автор: профессор А. Х. Кин. Эдвард Стэнфорд. 1901.

Les Civilisations de l'Afrique du Nord (Berbères, Arabes, Turcs); par Victor Piquet. Париж: Арман Колин. 1909.

Histoire de l'Afrique Septentrionale (Berbérie); par Ernest Mercier. 3 тома. Париж: Эрнест Леру. 1891.

(Отличная и заслуживающая доверия подборка.)

Histoire de l'Établissement des Arabes dans l'Afrique Septentrionale selon les auteurs Arabes. Того же автора. 1 том.

Париж: Шалламель. 1875.

На заре современной географии. Тома. II. и III.; К. Рэймонд Бизли.

Оксфорд, 1906.

Принц Генри Мореплаватель; автор: профессор К. Рэймонд Бизли.

Патнэм, 1895 год.

Также того же автора:

Принц Генрих Португальский и др. (Дает много интересных подробностей о ранней деятельности португальцев по колонизации.) Американское историческое обозрение. Том. XVII. 1912.

Хроника открытия и завоевания Гвинеи. Г. де Азурара. Перевод с португальского К. Р. Бизли и Э. Престейдж. Общество Хаклуит. 2 тома. 1899.

История Королевства Конго; автор Дуарте Лопес — переведена на итальянский Филиппо Пигафеттой. Перевод на английский: Джон Мюррей. 1881.

Historia da Africa Oriental Portuguesa; por José Joaquim Lopes de Lima.

Лиссабон, 1862 год.

Путешествия иезуитов по Эфиопии; автор Б. Теллез. Лондон. 1710.

"Берберийские корсары" ("История наций"); автор: Стэнли Лейн Пул.

Т. Фишер Анвин. 1890.

Documents sur l'Histoire, etc., de l'Afrique Orientale; par le Capitaine M. Guillain. 3 тома. Париж, 1856 год.

Первые чартерные компании: Джордж Коустон и А. Х. Кин.

Эдвард Арнольд. 1896.

Парк Мунго и Нигер; Джозеф Томсон. Джордж Филлипс. 1890.

Пионеры в Западной Африке; сэр Гарри Джонстон. Блэки. 1911.

Земли Казембе (путешествие Ласерды в Казембе в 1798 году); сборник капитана Р. Ф. Бертон. Королевское географическое общество. 1873.

Занзибар; автор тот же. Лондон. 1871.

Карты Африки по договору; автор - сэр Эдвард Хертслет, К.К.Б., 2 тома.

Харрисон и сыновья. 1894-5.

Египет в девятнадцатом веке; автор Д. А. Камерон.

Смит, Элдер и Компания. 1898.

Англия в Египте; автор: виконт Милнер, Г.К.Б.

Лондон: Арнольд. 1892-1910.

Уганда и Египетский Судан; авторы доктор Р. У. Фелкин и К. Т. Уилсон. 2 тома. Сэмпсон Лоу. 1882.

Мученичество человека; автор Уинвуд Рид. Киган Пол. (Ред. 1910 г.)

Дикая Африка; тот же автор. Смит, Элдер и компания. 1864.

Сердце Африки; автор - доктор Георг Швайнфурт. Сэмпсон Лоу. 1873.

Наш Судан; его пирамиды и прогресс; автор Джон Уорд. Джон Мюррей. 1905.

История и описание Британской империи в Африке; сэр Гарри Джонстон. Национальное общество. 1911.

Историческая география британских колоний. Том IV. Части 1 и 2 (посвященные Южной и Восточной Африке); сэр К. П. Лукас, бакалавр.

Издательство "Кларендон Пресс", 1897.

Do. Do. Том. III. Западная Африка. Издательство "Кларендон Пресс". 1894.

История Южной Африки; Г. М. Call Theal. 5 томов.

Juta & Co., Кейптаун, 1888-93.

Ангола и река Конго; автор Ж. Ж. Монтейру. 2 тома.

Macmillan & Co. 1875.

Африка. 2 тома. Автор: профессор А. Х. Кин. Эдвард Стэнфорд. 1902.

Путешествия и открытия в Северной и Центральной Африке; доктор Генри Барт. 5 томов. Лонгман, Браун, Грин. 1857.

История Африки; автор: доктор Роберт Браун. 4 тома.

Касселл и компания. 1894-5.

(Ценнейший справочник.)

Раздел Африки; автор (доктор) Дж. Скотт Келти. 2-е издание.

Эдвард Стэнфорд, 1895 год.

Как я нашел Ливингстона. Через Темный континент. 2 тома. Конго: и основание его Свободного государства. 2 тома. В самой темной Африке. 2 тома. Х. М. Стэнли. Сэмпсон Лоу.

Du Niger au Golfe de Guinée; par le Capitaine Binger. Париж, 1892 год.

Падение арабов Конго; автор: капитан С. Л. Хинде. Метуэн. 1897.

Британская Центральная Африка; автор сэр Х. Х. Джонстон. 2-е издание.

Метуэн. 1899.

Борьба с охотниками за рабами в Центральной Африке; автор: Альфред Дж. Суонн.

Сили и Ко. 1910.

Приключения в Ньясаленде; автор Лоу Монтейт Фотерингем.

Сэмпсон Лоу, 1891 год.

Таинственный Тимбукту; автор Феликс Дюбуа. William Heinemann. 1897.

Расцвет нашей Восточноафриканской империи; автор: капитан Ф. Д. Лугард, D.S.O., 2 тома. Блэквуд, Эдинбург. 1893.

Британская Восточная Африка; автор П. М.^сДермотт. Чепмен и Холл. 1895.

Огнем и мечом в Судане; автор - сэр Рудольф Слатин-паша.

Эдвард Арнольд. 1896.

L'Omo: Viaggio di Esplorazione nell' Africa Orientale; da Vannutelli e Citerni. Милан, 1899 год.

(Имеет дело с итальянским Сомалилендом, Галалендом и т.д.)

À travers l'Afrique Centrale: du Congo au Niger; by C. Maistre.

Париж. 1895.

Протекторат Уганды; автор сэр Х. Х. Джонстон. 2 тома. 2-е издание.

Хатчинсон. 1904.

Мадагаскар; автор: капитан С. Пасфилд Оливер. 2 тома. Макмиллан. 1886.

Расцвет нашей Западноафриканской империи (Сьерра-Леоне); автор: капитан К. Брейтуэйт Уоллис. Лондон. 1903.

История Сьерра-Леоне; автор - майор Дж. Дж. Крукс.

Симпкин Маршалл. 1903.

Таймс История Южноафриканской войны. В 5 т.

Офис "Таймс". 1903-5.

Цивилизация в Конголанде; автор Х. Р. Фокс-Борн. Лондон. 1903.

Правление короля Леопольда в Африке; автор Э. Д. Морел. Heinemann. 1904.

Британская Нигерия; лейтенант.-Полковник А. Ф. Моклер-перевозчик.

Лондон. 1902.

Либерия. 2 тома. Автор: Сэр Х. Х. Джонстон. Хатчинсон. 1906.

Мадагаскар: Географический очерк телосложения (также содержит много исторических сведений); пер. Э. Ф. Готье. Париж. 1902.

Негр в Новом Свете (излагает историю работорговли); сэр Х. Х. Джонстон. Метуэн. 1910.

Ньясаленд при Министерстве иностранных дел; автор Х. Л. Дафф. Джордж Белл. 1903.

Тропическая зависимость; автор: Леди Лугард. Лондон. 1904.

Уганда и ее народы; автор Дж. Ф. Каннингем. Хатчинсон. 1904.

Семнадцать поездок по Сомалиленду и др.; автор: полковник Х. Г. К. Суэйн. R.E. 3-е издание. Роулэнд Уорд. 1903.

Поиски на Ниле; сэр Х. Х. Джонстон. Лоуренс и Батлер. 1904.

Джордж Гренфелл и Конго; автор сэр Х. Х. Джонстон. 2 тома.

Хатчинсон. 1908.

Садовая колония: история Наталя и его соседей; Роберт Рассел. Дж. М. Дент. 1903.

Великое плато Северной Родезии; К. Гоулдсбери и Х. Стрин.

Эдвард Арнольд. 1911.

История географических открытий в семнадцатом и восемнадцатом веках (трактаты о ранней истории Южной Африки); Эдвард Хивуд, М.А. Издательство Кембриджского университета, 1912.

"Рассвет в самой темной Африке"; Джон Х. Харрис. "Смит, Элдер и компания", 1912.

Марокко в дипломатии; Э. Д. Морель. Смит, Элдер и компания, 1912.

Ежегодник государственного деятеля; автор: доктор Дж. Скотт Келти.

(Ежегодное издание.) Макмиллан.

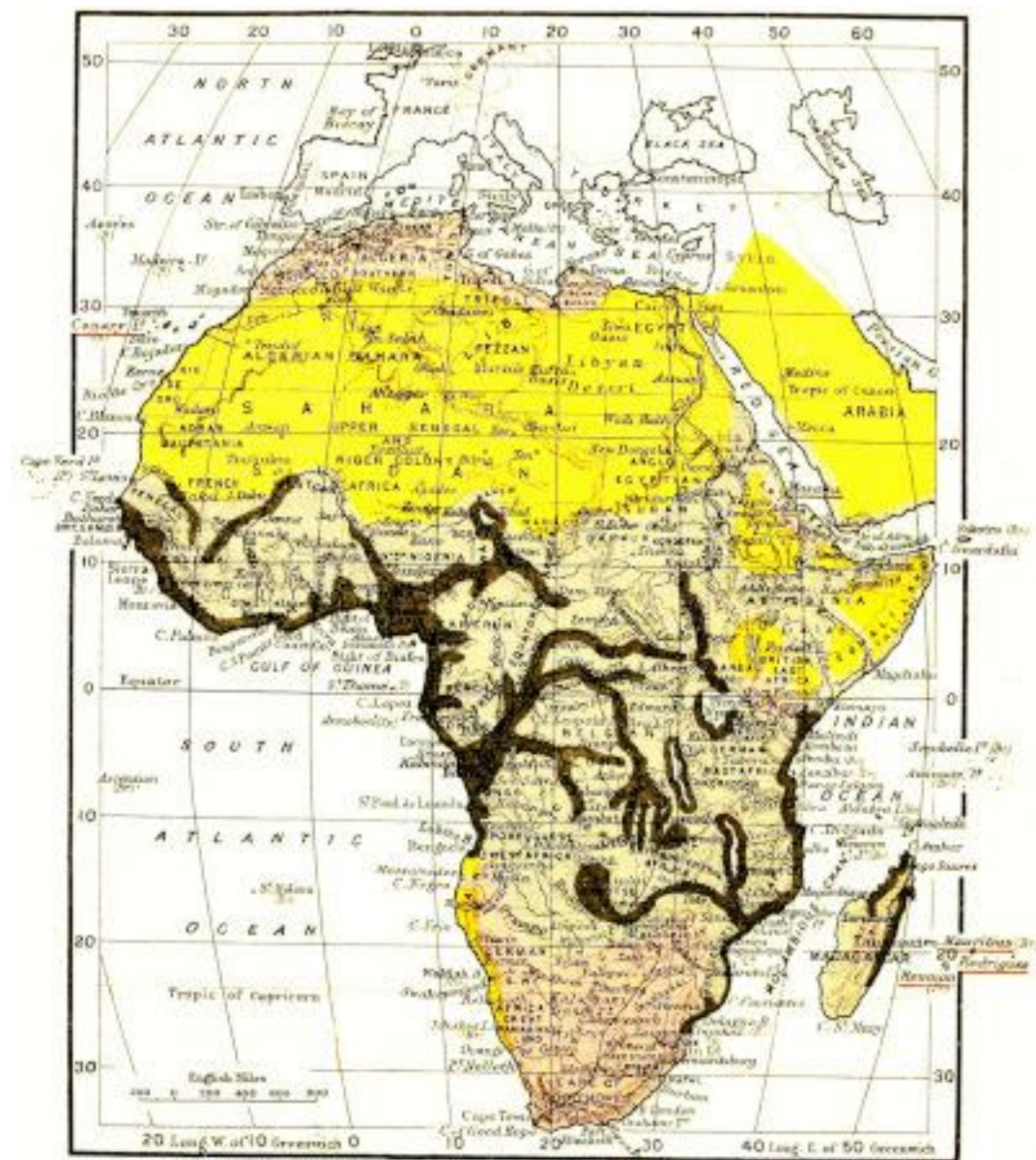
Список Министерства по делам колоний; составлен У. Х. Мерсером и А. Э. Коллинзом.

Харрисон и сыновья. 1898-1912.

Также работы Ливингстона, У. Флиндерса Петри, сэра Ричарда Бертон, капитана Дж. Х. Спика, сэра Сэмюэля Бейкера; Дневники Чарльза Джорджа Гордона и 11-е издание Британской энциклопедии.

КОЛОНИЗИРУЕМАЯ АФРИКА

Фото VII.

Сэр Х.Х. Джонстон дель^т. W. & A.K. Johnston Limited Эдинбург и Лондон

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Здоровая колонируемая Африка, где можно ожидать, что европейские расы со временем станут преобладающим типом, где могут быть сформированы по существу европейские государства

Довольно здоровая Африка; но где неблагоприятные условия почвы или водоснабжения, или предшествующее поселение воинственных или просвещенных местных рас, или другие причины могут эффективно препятствовать европейской колонизации

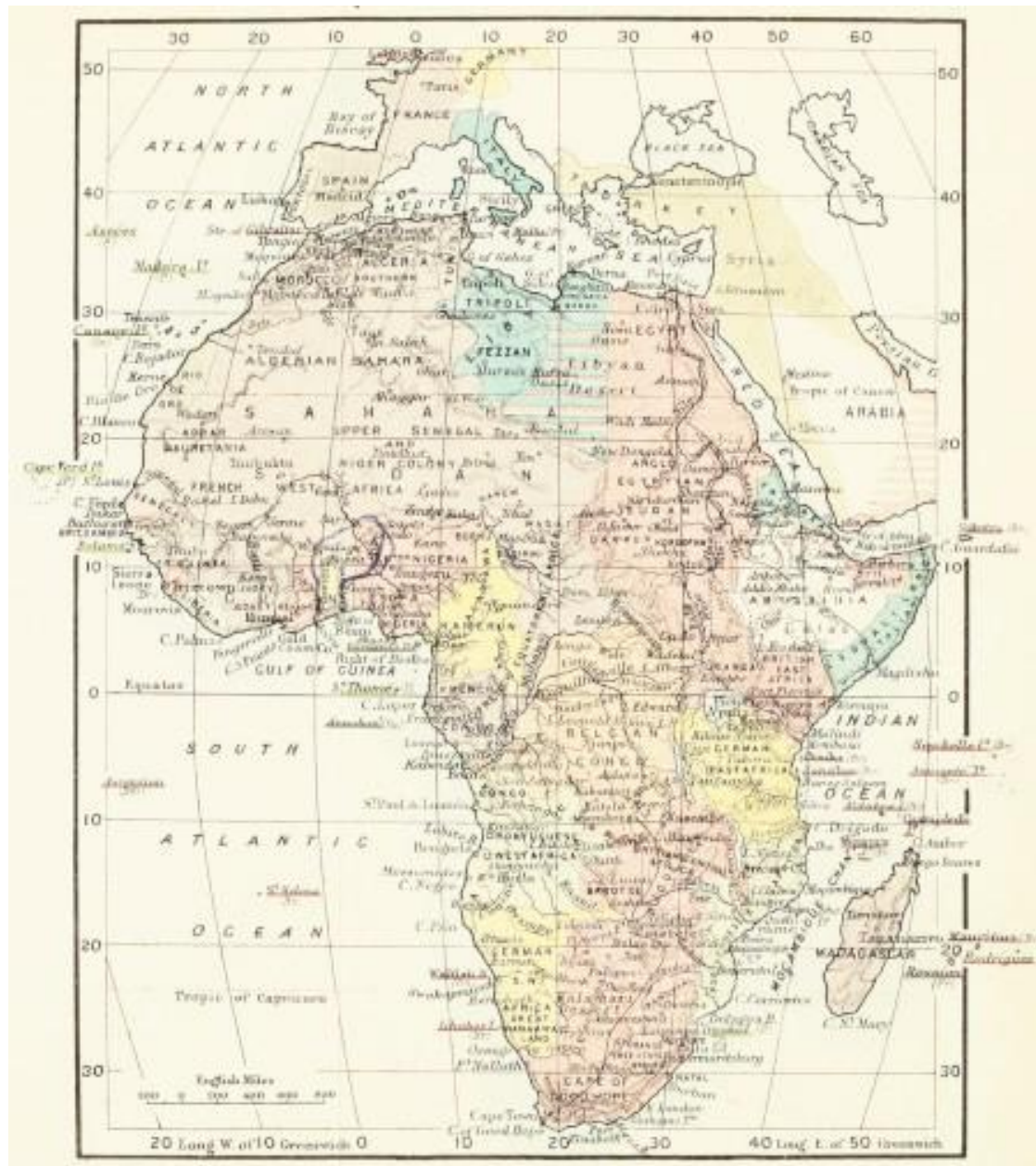
Нездоровая, но пригодная для эксплуатации Африка; невозможна для европейской колонизации, но по большей части представляет большую коммерческую ценность и населена довольно послушными, управляемыми расами; Африка торговцев и плантаторов, находящаяся под европейским контролем

Очень нездоровая Африка

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АФРИКА—1912

Фото VIII.

Сэр Х.Х. Джонстон дельт. W. & A.K. Johnston Limited Эдинбург и Лондон

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Владения, Протектораты, Сферы влияния или оккупация стран

Независимые или неоккупированные государства не окрашены

Розовые полосы на синем означают неуверенность в обладании

1. Сто тысяч лет назад Красное море, возможно, было длинным изолированным озером, заполнявшим огромную Рифтовую долину, а юго-западная оконечность Аравии соединялась узким Баб-эль-Мандибским проливом с Сомалилендом. Существует арабская традиция, согласно которой в далеком прошлом эти проливы образовались в результате серии землетрясений и оползней. Но если бы это было так, то почему запад Аравии, расположенный в плодородных, хорошо орошаемых регионах, не является более “африканским” по своей фауне млекопитающих, птиц и насекомых? Аравия до сих пор остается большой загадкой в вопросах географического распределения. Было бы удобно рассматривать его как область эволюции негров, если бы, например, имелись какие—либо свидетельства положительного характера - как в южной Персии, — свидетельствующие о том, что в древние времена здесь когда-либо обитала негритянская раса. Но таких свидетельств нет, и его нынешнее негритянское или негроидное население восходит только к торговле негритянскими рабами, которая началась примерно в начале христианской эры и чрезвычайно расцвела после извержения ислама.

“Лемурия” — гипотетический перешеек, некогда соединявший Мадагаскар и Восточную Африку с Индией и Цейлоном, — не могла быть местом рождения негров, как предполагают некоторые, поскольку она прекратила свое существование в ранние третичные периоды, задолго до появления человека.

2. Их можно почерпнуть — большинство из них — из недавних работ доктора Артура Кейта и мистера У. Л. Х. Дакворта, и они в некоторой степени обобщены в предварительной главе книги автора о неграх в Новом Свете.

3. Их описание можно найти в книге мистера У. Л. Х. Дакворта "Морфология и анатомия", а также в исследованиях бушменов и готтентотов, недавно опубликованных доктором Перинги из Государственной библиотеки и музея Кейптауна. Верно, что исследования немецких и итальянских антропологов показали, что гипертрофия наружных половых органов, характерная для бушменов, вместе со стеатопигией встречаются не только среди негров Восточной Африки, но даже в Сомалиленде, Абиссинии и Египте; но это лишь дополнительное свидетельство предыдущего существования бушменов в этих регионах, возможно, также и в Южной Европе.

4. Название голландское и означает “бегуны с берега”, среди буров существует легенда, заимствованная у готтентотов, согласно которой нынешней расе бушменов предшествовал

исчезнувший тип человечества, который добывал себе пропитание моллюсками на морском берегу.

5. Удобнее называть эту речевую семью и расовый тип "фула", но фактическое название, применяемое народом "фул-бе" к своему языку, - "Фулфул-де".

6. Правильнее писать это племенное название *Таварек*, множественное число от *Tarqi*, "разбойник". Но современное произношение этого арабского термина (оно неизвестно самим берберам) - "туарегский". Везде, где в этой книге *q* используется при транслитерации африканских слов, оно обозначает горловую букву "к" у арабов и других семитов, гортанный звук, который в Северной Африке чаще произносится как *g*.

7. В этом регионе им, возможно, предшествовали бушмены и более обобщенный, тасманийский тип человека, подобный человеку с Галли-Хилла, населявшему Кент и Центральную Европу примерно 100 000 лет назад.

8. Профессор У. Ф. Петри и другие называли его так потому, что этот тип проиллюстрирован на многих портретах фараонов египетских династий.

9. За ними, без возврата к суверенам настоящей египетской расы, последуют арабы, турки, черкесы, албанцы, македонцы, армяне, французы и британцы.

10. Некоторые авторы оставляют "хамитский" и "хамитский" для общего названия языковой семьи, которая включает ливийский и восточно-хамитский языки, и используют кушитский как специальное обозначение великой восточной ветви хамитских речевых форм, которая распространяет свой ареал через Северо-восточную Африку от Египта до Экватора. Основными группами этих восточно-хамитских или кушитских языков являются *беджа* или *бишарин* северо-западного побережья Красного моря и страны между Нилом и Суакином; *сахо* абиссинского побережья; *афарско-данакильско-сомалийская* группа; *агау-билин* Абиссинского нагорья; *гала*, простирающаяся от центральной Абиссинии до рек Джуба и Тана; и *кафа* из юго-западного Галаланда, простирающегося на юг до озера Рудольф. На юго-западе Эфиопской империи существует множество неклассифицированных хамитских диалектов (как и в северной части Немецкой Восточной Африки), которые в значительной степени смешаны с негритянскими корнями слов и синтаксисом. Они почти сливаются с масайским и нилотским языками.

11. Это слово, очевидно, происходит от слов замбези-банту *Мвене-мутапа* = Повелитель шахты. Другая форма "Бена мутапа" для обозначения народа может быть переведена как "Братья шахты" — Бена (*Baina*) на древнем банту = братья, или "клан".

12. Хотя жители западного и южного Мадагаскара очень негроидны по внешнему виду, а жители севера, очевидно, с примесью арабской и индийской крови, малайско-малагасийский язык является единственной универсальной речью на всем острове. Однако он содержит заимствованные слова из химьяритского арабского и восточноафриканского банту.

13. Приводятся некоторые свидетельства, в основном традиционные, того, что Мадагаскар когда-то был заселен желтокожей карликовой расой бушменов, известной как "кимо". Но еще труднее представить расу бушменов, обладавшую каноэ, достаточно большими и мореходными для переправы через канал Мокамбик; или приписать доисторическим арабам, которые, возможно, торговали с юго-восточной Африкой, бесцельную транспортировку бушменов на юго-запад Мадагаскара. Предполагаемые негритянские аборигены, за исключением карликовых кимо, традиционно известны малагасийцам как

“Ба-зимба“ или “Ва-зимба”, и указаны места их захоронений. Ба-зимба, возможно, были той загадочной расой, которая построила Зимбабве.

14. Однако от двух до десяти тысяч лет назад цепь островов Коморо, вероятно, была больше и подходила гораздо ближе к материку, что позволяло двум или трем видам гиппопотамов (ныне вымерших) и кустарниковой свинье, которая все еще обитает там, добраться до Мадагаскара (вплавь). Крайне маловероятно, что какое-либо из этих млекопитающих могло проплыть расстояние в 200 миль, которое сейчас отделяет Восточную Африку от ближайшего острова Коморо.

15. Предполагаемые записи о каменных скарабеях обсуждаются профессором. Флиндерс Петри в Журнале Королевского географического общества, ноябрь 1908г.

16. Это интересное наблюдение. Мало того, что в трудах древнегреческих и римских географов неоднократно встречается утверждение о том, что в те времена африканский слон водился в дикой природе в Мавритании, но это животное изображено на замечательных наскальных рисунках в стране Сус на крайнем юге Марокко и в центральной и юго-восточной части Алжира, кроме того, оно представлено на римских мозаиках Туниса, которые сейчас выставлены в музее Бардо недалеко от Туниса. (Смотрите для этого "Путешествия марокканского еврейского раввина Мордохая", различные работы, недавно опубликованные Монсом. Готье из Алжирского университета и исследования профессора А. Помеля.) Финикийцы приручили африканского слона, обитавшего в диком виде в лесах Западного Туниса, который был несколько меньшей породой, чем индийский слон или слон тропической Африки, но обладал типичными африканскими ушами. Он чаще изображался на римских медалях и в римской скульптуре, чем индийский шриф.

17. Из этого, однако, не следует, что эти троглодиты были карликами или неграми, или имели культуру эпохи палеолита, или сильно отличались по расе от берберов. Возможно, они были сродни троглодитам, которых до сих пор можно увидеть в Тунисской Сахаре, берберскому народу, живущему в пещерах, которые представляют собой либо естественные углубления в известняковой породе, либо были искусственно вырыты. Другие намеки и инциденты, связанные с историей Ганнона, и анализ этой истории полностью обсуждаются в первом томе книги автора о Либерии, опубликованной в 1906 году. Примечательно, что мавры до сих пор называют маленький островок в начале залива Рио-де-Оро “Херне”.

18. Национальным названием финикийцев была *ксна* (*Хна, Кинах, Кинахни, ‘Ханаан’*). Греки придумали для них название *Феник, Феникс*, которое латиняне приняли как *Пуника, Поени* или *Пуни*, от *Феникс* = красный; финикийцы казались светлокожим грекам “красными” людьми. Очень часто их называли Сидонами (сидонийцами), от названия их старейшего города Сидунну (Сидон, Сайда).

19. Возможно, финикийцы первыми ввели в моду слово “Африка”. По-видимому, это произошло (см. Примечание на стр. 10 книги Виктора Пике "Цивилизации Северной Африки", Париж, 1909) от берберского племени по имени афарик, аварига, или, позднее, авураген, которое населяло северо-восточное побережье Туниса в доримские времена, но которое вместе с другими берберскими народами постепенно отступало вглубь страны, пока, наконец, не превратилось в туарегов, или народ пустыни. Под именем Авураген, живущее в Асджере, к западу от Гхата, это племя, давшее свое название всему континенту, существует до сих пор.

20. Вычисления, приведенные Евсевием, согласно покойному сэру Э. Х. Банбери, датируют основание колонии 631 годом до н.э. Делая ударение на слове *исторический* Я хочу

произвести впечатление на читателя, что европейская иммиграция в Африку из Сицилии и Испании простирается далеко за пределы записей письменной истории в эпохи, весьма отдаленные от существования человека.

21. Плод финиковой пальмы почти наверняка был древним лотосом. Гораздо более вероятно, что она произвела на них глубокое впечатление своей медово-сладкой мякотью, чем безвкусные ягоды зизифуса.

22. Современный Санторин, или Тира, самый южный из Киклад.

23. 'Журавли', с которыми сражались пигмеи.

24. Другие свидетельства свидетельствуют о том, что в древние времена павианы водились в диком виде в южных районах Мавритании.

25. Эти свидетельства были полностью обсуждены настоящим автором в других работах, таких как, например, "Поиски на Ниле", Лондон, 1904, "Открытие Африки", 1911, "Либерия", 1906, "Джордж Гренфелл и Конго", 1908, и "Пионеры в Западной Африке", 1911, в которых также даются ссылки на мнения и исследования других авторов.

26. Вандалы были готским народом, который, как предполагалось, был недалек по происхождению от англов и саксов. Обрушившись на Францию и Италию и поселившись в Бетике, или южной Испании — регионе, которому они, как предполагается, дали свое название Вандалусия, преобразованное арабами в Андалусию, — они построили корабли на побережье Испании, переправились с множеством испанских сторонников в Марокко и с помощью берберов смели римскую власть перед собой, пока не завоевали всю страну до границ Триполи. Они также приобрели Сардинию. Постепенно они сосредоточили свои поселения в северном Тунисе, и здесь, смешавшись с римскими колонистами и коренными берберами, они постепенно утратили весь свой боевой дух. Но, вероятно, они добавили не маловажный элемент европейской (арийской) крови к смешанному населению Северной Африки, региона, более или менее управляемого их тевтонскими королями в течение 116 лет.

27. Таварек - это множественное число от арабского слова Tarqi, "разбойник".

28. Происхождение имени Аллах, применяемого мусульманами к Верховному Богу. Аллах приобрел значение мужского рода, хотя в своей первоначальной форме это слово было женского рода.

29. Джерба, которую древние обычно называли Менинкс, предположительно, была Островом Пожирателей Лотоса из греческой мифологии.

30. Происхождение названия Кайруан вызывало много споров. Автор настоящего письма, посетивший это место несколько лет назад, узнал от местного жителя, что это слово было арабским названием небольшого, похожего на дрофу жеребца (птицу, которую французы называют Пуль де Кайруан), и что, увидев эту птицу в большом количестве — там, где она все еще водится, — на болотистой равнине, на которой был построен город, арабы дали городу ее название. Кайруан был выбран в качестве места для столицы мухаммеда ранними арабскими захватчиками, потому что считалось, что он находится достаточно далеко от морского побережья, чтобы быть вне досягаемости нападения византийского флота.

31. Граф Юлиан, по-видимому, был византийским губернатором на побережье Марокко, который после падения Византии в некоторой степени присоединился к романизированному готскому королевству Испания.

32. Это арабский перевод ее имени. Дахия означало “королева”, а Аль-Кахина - “мудрая женщина” или “пророчица”. Этот замечательный персонаж происходил из берберского племени джорава, которое было обращено в иудаизм и частично имело еврейскую кровь.
33. Еврейские колонии начали создаваться в Северной Африке вскоре после разрушения Иерусалима или даже еще во времена правления Птолемеев над Египтом. Евреев особенно привлекали Тунис и Триполи (бывшее карфагенское побережье) из-за их расового и языкового родства с финикийцами.
34. Скалистый полуостров, где высадился Тарик, арабы называли Джибл-аль-Тарик, название, которое впоследствии испанцы извратили и превратили в Гибралтар.
35. С доисторических времен существовала череда крупных городов, располагавшихся вокруг или на месте Каира - “неизбежного” места расположения города, потому что он находится в верховьях дельты Нила. Мемфис находился всего в 12 милях отсюда, а Гелиополис - менее чем в половине этого расстояния. Вавилон был построен эмигрантами из старого Вавилона на Евфрате на месте Каира примерно в 525 году до н.э. Он стал римским городом, и ему на смену пришел арабский Аль-Фостат или Маср.
36. Немногим более трети современного населения Киренаики, Триполи и Мавритании принадлежит к арабской расе; но семь десятых населения Северной Африки говорят по-арабски, а не по-берберски.
37. Князь правоверных.
38. От арабского *Вахад*, “Единый”.
39. Позже он также оставил следы своей временной оккупации на острове Джерба, где по сей день сохранилась прекрасная испанская крепость.
40. Арзила.
41. *Шариф*, множественное число. *Шорфапо*-арабски означает “благородно рожденный”. Первая арабская династия шарифов правила Марокко с 788 по 970 год. Затем последовала долгая череда берберских династий до 1524 года, когда саади шарифы из верхнего Драа начали править Марокко. Третья арабская династия шарифов - Филали из Та-филал-т - сменила султанов Саади в 17 веке и до сих пор занимает марокканский трон.
42. Тимбукту был основан племенем тавареков (берберов) около 1100 года нашей эры
43. или Askia.
44. Сейчас находится во внутренних районах Алжира и оккупирован французами.
45. Алжир и Тунис были завоеваны турецкими пиратами, причем как от владевших ими мягких берберских династий, так и от испанских вторжений. Триполи был отбит у мальтийских рыцарей. Постепенно все эти три регентства отделились от Турецкой империи во всем, кроме простого признания сюзеренитета; но в 1835 году турки внезапно восстановили прямой контроль над Триполи и Баркой, к которым они добавили Феццан в 1842 году.
46. или 'Оман. Маскат - столица княжества Оман (слово, которое на самом деле произносится “уман”) в Восточной Аравии, которым правит “имам” или мирянин, потомок линии королей-проповедников или “принцев-епископов”, лидеров ибадитской секты пуританских мусульман, верящих в основном в то, что грех хуже неверия. Ибадиты были

идентичны по происхождению уже описанным североафриканским хариджи, чьи принципы в 18-19 веках бессознательно повторяли последователи Мухаммеда ибн Абд-аль-Ваххаба, завоевателей- “ваххабитов” Неджда.

47. Архитектурный стиль, известный как сарацинский, зародился во Внутренней Сирии и Месопотамии примерно за столетие до вторжения Мухаммеда; а “Подковообразная арка”, или арка протяженностью более половины круга, была изобретена эллинизированными сирийцами в шестом веке нашей эры. “Махраб” мечети и часть купола были добавлены арабами и фактически происходят от символов фаллического поклонения.

48. От арабского *Al-gharb* ‘запад’, “закат”. Титул королей Португалии звучал как “Король Португалии и Алгарве, по эту и по другую сторону моря в Африке и т.д.”

49. Это поле битвы находилось на берегах реки Луккус, не очень далеко от прибрежного порта Эль-Араиш, римского *Ликсуса*.

50. Окончательно он был передан Испании Португалией в 1668 году.

51. Однако он был известен итальянским и нормандским мореплавателям столетием ранее. Действительно, становится все более вероятным, что португальцам как первооткрывателям Западной Африки на сто лет раньше предшествовали генуэзцы, каталонцы и жители Майорки, а также норманнские французы из Дьеппа. Замечательная карта Африканского континента была написана в Италии около 1351 года и сейчас находится в библиотеке Медичи во Флоренции. Он известен как Лаврентийский Портолан и дает наиболее правильные общие очертания всего континента, который до сих пор был изображен. Впервые показан большой залив Гвинейского залива вместе с языкообразным выступом к югу от Центральной и Южной Африки. Есть даже указание на реку, где Конго впадает в Южную Атлантику.

52. Всего лишь длинная бухта на Пустынном побережье. В начале этого залива находился маленький остров Керне (мавры до сих пор называют его Херне), который когда-то был торговой станцией карфагенян.

53. Ныне известна как Эльмина.

54. Как будет показано в другой главе, существуют предания о нормандских купцах из Дьеппа, которые в последние годы 14 века основали форты или торговые станции вдоль побережья Западной Африки, особенно в Эльмине, где норманны, возможно, предшествовали португальцам.

55. Г-н Э. Г. Равенштейн выводит 1485 год в качестве даты из деталей, изображенных на гербе в надписи. Эта надпись была обнаружена только на высокой скале, недалеко от впадения Мпозо, шведским миссионером в 1906 году. Надпись начинается “*Aqi chegaram os navios do esclarecido Rey Dom Joam ho segº de Portugall*”, а за ней следуют имена Диого Кама (São) и других. Смотрите “Географический журнал” за июнь 1908 года.

56. Они описывали арабские поселения на побережье Юго-Восточной Африки и утверждали, что некоторые арабские корабли из-за неблагоприятных погодных условий прошли мимо мыса Доброй Надежды и принесли известие о том, что западное побережье движется на север.

57. Канарские острова, населенные расой берберского происхождения, были заново открыты (поскольку греческие и римские географы знали о них) норманнами и генуэзцами в

14 веке. До этого они уже соприкасались с маврами марокканского побережья, хотя никогда не подвергались исламизации, а оставались в некоторых отношениях в примитивном состоянии каменного века, которое берберы материка покинули две тысячи лет назад. Мужчины часто ходили голыми, но эта раса в некоторых отношениях демонстрировала характерную неолитическую цивилизацию и была далека от дикости. Архипелаг был частично завоеван нормандским авантюристом Жаном де Бетанкуром, или Бетанкур; и его титул, пройдя через множество рук, в конце концов перешел к Португалии. Португалия, однако, передала свои права Кастилии в 1479 году.

58. Необходимо проводить различие в написании между рекой Конго и Конголендом в целом и маленьким королевством Конго между бассейном Стэнли и Атлантическим побережьем. Это важное туземное государство, легендарным основателем которого был могучий охотник, вооруженный железным копьем (конго), дало свое название великой реке, которую португальцы также называли Заир от местного термина Нзади.

59. Первоначальное название этого племени, пришедшего из южного бассейна Конго, было “Имбангола”. *Джага*, по-видимому, был похож на джинга старой Анголы, просто титул вождей их клана, *джок* или *киокве* (как их называют в Лунде) был прозвищем, означающим “Гиена”. Их потомки, по-видимому, до сих пор проживают на реке Кванго за Анголой под названием имбангала. Ба-яка Северного кванго совершенно разные.

60. Внук исследователя Бартоломеу.

61. Пшеница, выращиваемая в Африке к северу от 15 ° Северной широты, похожа на европейские и египетские сорта; пшеница, завезенная арабами и португальцами в Замбезию, - это красная пшеница, по-видимому, из Индии.

62. Дуарте Лопес, который фиксирует этот факт в своем описании региона Конго в конце 16 века, приводит случайно или прямо другие интересные обрывки информации, например, что кокосовая пальма была *найдена* португальцами, произрастающими на западном побережье Африки. Мы знаем, что эта пальма произрастала на Тихоокеанских архипелагах или на тихоокеанском побережье тропической Америки. Можно предположить, что ее орехи могли быть перенесены морем в Южную Индию, а оттуда на Мадагаскар и побережье Восточной Африки, но, поскольку кокосовая пальма не может расти южнее залива Делагоа из-за похолодания климата, не очень ясно, как она попала на тропическое побережье Западной Африки, если только не была завезена европейцами. Лопес впервые упоминает банан под названием “*бапапа*”, название, которое, по-видимому, происходит от языка вай и других языков побережья Сьерра-Леоне и Либерии. До сих пор этот фрукт был лишь смутно известен Европе как индийский инжир или под своим арабским названием, которое было латинизировано как *Муса*. Длинный банан, или подорожник, издревле широко выращивался по всей тропической Африке, но маленький банан с короткими плодами, по-видимому, был недавно завезен из Индии и проник лишь в несколько частей внутренних районов страны.

63. Филипп II Испанский имел наибольшие права на португальский престол после смерти без наследников кардинала-короля Энрике. Но португальцам не нравился союз с Испанией, и они предпочли бы избрать португальского короля.

64. В 1621 году папа Павел V направил миссию к королю Конго в Сан-Сальвадор; и с тех пор, до 1717 года, королевство Конго проповедовали итальянские и бельгийские капуцины, а после 1673 года бельгийские монахи-реколлетты. Но в 1717 году капуцины были изгнаны людьми короля. В 1760 году католические миссии были возобновлены в Конголанде (Лоанго и Конго) французскими, итальянскими и португальскими миссионерами; но и им пришел

конец к 1800 году, и примерно на восемьдесят лет королевство Конго вновь погрузилось в состояние полного варварства.

65. Это место было названо в честь барона де Моссамедеса, португальского губернатора Анголы, впоследствии министра по делам колоний.

66. Этот форт по несостоявшемуся договору о Конго 1884 года должен был быть передан Англии. Хотя португальцы никогда ни в каком смысле не правили и не контролировали Дагоме, их косвенное влияние и их язык были заметны при дагомейском дворе, потому что некоторые бразильцы в течение первой половины этого столетия утвердились на побережье и во внутренних районах страны в качестве влиятельных купцов и работоторговцев. Их потомки сейчас образуют португалоговорящую бразильскую касту в Дагоме.

67. Большинство выдающихся достопримечательностей и некоторые страны на западном и южном побережьях Африки, от Сенегальского залива до мыса Доброй Надежды и Мокамбике, носят португальские названия: мыс *Верде* - "Зеленый мыс", Сьерра-Леоне (*Серра Леоа*) - "Львиные горы", мыс *Пальмас* - "Мыс пальм", Кейп-Кост - это *Кабо-Корсо* "Круизный мыс", *Лagos* - "Озера", Калабар (*Калабарра*) - "Бар молчит"., "Камерун - это *Samaross* "креветки", Габун - это *Gabão* "Плащ с капюшоном" (по форме устья), *Кориско* - "Молния", мыс *Фрио* - "Холодный мыс", а *Ангра Пекена* - "Маленькая бухта", и так далее. Все выдающиеся точки на побережье Либерии и большинство устьев реки Нигер имеют португальские названия.

68. Это небольшой коралловый островок примерно 2 мили в длину и ¼ мили в ширину, расположенный между 2 и 3 милями от побережья (мелководный залив), на 15 градусах южной широты, где восточноафриканское побережье ближе всего подходит к Мадагаскару. Он выходит к каналу Мокамбике. Его исконное название, вероятно, первоначально было Мусамбики. Соседние восточноафриканские племена теперь называют его мухибиди, Мсамбиджи и Мсамбики. Иногда это был единственный участок земли, остававшийся в руках португальцев во время превратностей судьбы их восточноафриканской империи.

69. Искажение *Мвене-мутапы*. Согласно некоторым источникам, этот титул означал "Повелитель Гиппопотамов", гиппопотам на Замбези выше Тете рассматривался как *тотем* или священное животное, обозначающее королевский клан; но, по моему личному мнению, *Мвене-мутапа* на самом деле "Повелитель рудника, или золотодобычи", *мутапо* или *мтапо* - это неглубокая яма, вырытая в глине или песке для добычи или промывки золота.

70. Где они еще не подчинили себе мусульман Макуа и арабских полукровок Ангоше. Главными коренными врагами португальцев в Восточной Африке в конце 16 века были ба-зимба, одно из тех зулусоподобных мародерских племен, подобных современным ангони, которые за несколько месяцев преодолевали сотни миль и совершали опустошения, оставлявшие свои последствия почти на столетие.

71. За исключением Момбасы, которая была отвоевана и удерживалась между 1728 и 1729 годами.

72. Зумбо был заброшен (хотя это никогда не было чем-то большим, чем иезуитская миссия) в 1740 году.

73. Эти вожди маколло ранее были главарями второй экспедиции Ливингстона, оставленной им в Катарактском уделе, чтобы усилить сопротивление робких туземцев мусульманским захватчикам рабов.

74. Современный и существующий город с таким названием был основан только в 1867 году.

75. Использование устья Замбези в Чинде обеспечивает свободное водное сообщение между внешним миром и Ньясалендом посредством рек Замбези и Шире.

76. В 1490 году.

77. Или скала, или “Пеньон”, возвышающаяся над городом, захваченным и укрепленным кардиналом Хименесом в 1509 году. Он был взят Хайреддином, турецким корсаром, в 1530 году.

78. Удерживался Испанией с 1535 по 1574 год.

79. Ниже приводится краткое изложение истории первой интервенции Турции в Берберию. В 1504 году Урудж (Барбаросса I), пират смешанного турко-греческого происхождения, привлеченный слухами об американских кораблях с сокровищами в западном Средиземноморье, захватил Алжир (1516) и Тлемсан (1517); но он был разбит и убит испанцами, пришедшими из Орана. Его младший брат Хайреддин (Барбаросса II) обратился к Турции, которая только что (1518 г.) завоевала Египет, и получил от султана Селима титул турецкого беглербега Алжира и подкрепление в 2000 турок. Он овладел почти всем Алжиром, был произведен в адмиралы турецкого флота в 1533 году, захватил Тунис в 1534 году, был изгнан Карлом V и удалился в Турцию в 1535 году. Его преемниками иногда были сардинские, калабрийские, венецианские, венгерские ренегаты; но среди наиболее знаменитых был Драгут, турок из Карамании.

80. Сузы, Сфакс и Монастир, которые были потеряны турками к 1550 году.

81. Старейшее из ее владений в континентальной Африке, датируемое 1490 годом.

82. Острова Шафаринас находятся в устье реки Мулуя, недалеко от границы с Алжиром.

83. Это португальское название по-испански превращается в Рио-де-Оро.

84. Это также, как и многие другие места на западном побережье Африки, было названо португальцами; *Кориско* означает “листовая молния”, название, примененное к этому месту, потому что впервые его увидели во время сильной грозы.

85. Говорят, что бубе - это кантский термин, означающий “мужчина” (от корня банту, *-ume*, *-lume*), и, возможно, настоящее название этой расы - Эдия. Эта тема полностью рассмотрена в книге автора “Джордж Гренфелл и Конго”, в которой дается полный отчет о Фернандо По и коренных жителях бубе.

86. Их “столицей” была Эльмина; они удерживали — когда были в полной силе — форт Нассау (построенный до того, как они отобрали Эльмину у португальцев), Кормант, Секонди, Такорари, Аккру, замок Кейп-Кост, Вреденбург, Чаму, Батенштейн, Дикешоп (Инсума), форт Элизе Карфаген (Анкобра), Аполлонию, Дикскову, Аксим, форт принца близ мыса Трипойнтс, форт Вибсен и Поккесо. До отмены работорговли Голландская Гвинея была очень процветающей. Им управляла субсидируемая зафрахтованная компания — the Dutch West India Co. — под контролем Генеральных штатов; а местное правительство состояло из генерал-губернатора в Эльмине, главного фактора (или торговца), главного финансового (или главного бухгалтера), заместителя финансового (или аудитора) и большого штата факторов, бухгалтеров, секретарей, клерков и помощников клерков. Там был капеллан; там были голландские солдаты под командованием голландских офицеров, которые несли

гарнизонную службу в фортах. После войн Французской революции голландское правительство взяло на себя управление этими заведениями на Золотом берегу.

87. Как отмечает сэр Чарльз Лукас в своей “Исторической географии британских колоний”, “через 164 года после того, как Бартоломеу Диас увидел мыс Доброй Надежды”.

88. “Капские малайцы”.

89. Несомненно, следует помнить, что это слово происходит от арабского слова “неверующий”. Арабы юго-восточной Африки применяли этот термин к неграм вокруг своих поселений. Португальцы переняли это у арабов, а голландцы и англичане - у португальцев.

90. Тулбаг заслуживает особой памяти не только из-за его географических исследований, но и из-за того факта, что он был первым человеком, отправившим образцы жирафа в Европу.

91. Назван в честь Ван де Граафа, который в то время был губернатором. “Рейнет” по-голландски означает “козлиная борода”, но я так и не смог выяснить, почему этот термин следовало добавить к имени губернатора.

92. Тем не менее, после своего окончательного и более полного контакта с готтентотами и бушменами зулусско-кафиры переняли три готтентотских клика; в то время как более ранние завоеватели — каранга, бечуана и Гереро - хотя и переняли несколько готтентотских терминов, сохранили готтентотскую фонетику и по сей день не используют кликов. Зулусско-кафирский язык, разделенный на четыре диалекта — Хоса-кафир, зулу и свази (все три тесно связаны), а также тонга или ронга из района залива Делагоа, в целом наиболее близок к восточноафриканским группам банту, с некоторым сходством с центральноафриканскими банту. Но у него нет близких родственников, и он выработал очень своеобразный словарный запас, как будто он был изолирован на протяжении веков.

93. Если Дингисвайо, его хозяин, может рассматриваться как первый. Дингисвайо был скорее верховным вождем конфедерации кафиров, членом которой было племя зулу. Чака был младшим сыном зулусского вождя, но в конце концов был избран вождем вместо своего отца, а затем унаследовал верховную власть в Дингисвайо. В расовом и лингвистическом отношении разница между зулусами и кафирами очень невелика.

94. Конвенция Сэнд-Ривер, признающая независимость Трансвааля, была подписана в январе 1852 года; конвенция Блумфонтейна, которая освободила Оранжевое свободное государство от британского контроля, была подписана в феврале 1854 года. В 1858 году сэр Джордж Грей представил парламенту Кейпа предложения Оранжевого свободного государства о воссоединении в Южноафриканской федерации и был отозван правительством Метрополии за пропаганду этой политики.

95. В течение первых нескольких лет своего существования у него было много боев с басуто.

96. Зулусы под властью мсиликази и свази на востоке; племена бечуана на западе и севере.

97. Роль, сыгранная евреями в развитии Южной Африки, была столь же замечательной, как и их вклад в заселение и цивилизацию Северной Африки, Вест-Индии и Гвианских островов, Австралии и Новой Зеландии. Между 1840 и 1850 годами в Капской колонии и Натале было основано или приобрело известность несколько еврейских деловых домов. Они начали собирать гуано у побережья Южной Америки, производить мохер, шерсть, шкуры тюленей и китовый жир, а также выращивать сахар. Среди них выделялись фирмы De Pass и Mosenthal. “Де Пассы” прибыли (я полагаю) из Гибралтара и последовали к мысу Доброй Надежды за

первыми партиями британских войск. Защита, оказываемая британским правительством испаноязычным евреям в Гибралтаре с начала 18 века и далее, была щедро вознаграждена значительным ростом британской торговли и политического влияния в Средиземноморье. Мосенталы были привлечены в Южную Африку ввозом немецких войск и немецких колонистов. Уже в начале шестидесятых годов члены фирмы Лилиенфельда обосновались в Оранжевом свободном штате и поспешили развивать алмазодобывающую промышленность будущего округа Кимберли. Роль Альфреда Бейта (из гамбургской христианско-еврейской семьи), Липпертов, почтенного Симеона Джейкобса, сэра Сигизмунда Ноймана, сэра Лайонела Филлипса, сэра Джорджа Альбу, сэра Дэвида Харриса, сенатора Сэмюэля Маркса, профессора Альфреда Мозли, Мендельсонов, Рабиновичей и Рапапортов в южноафриканских финансах, политике, промышленности, образовании, юриспруденции и филантропической деятельности была значительной; и недавняя история Южной Африки, будь то в бурских штатах или в британских колониях и протекторатах, невозможно описать подробно без упоминания их имен, их достижений, их намерений, влияния, ошибок и упрямой, непоколебимой веры в ресурсы и великолепное будущее стран СНГ или Трансзамбезианской Африки. В прежние времена этот регион был настолько неперспективным на первый взгляд, что ему требовалось семитское *чутье* на золото и драгоценные камни — то самое таинственное предсказание, которое привело сабеев (я уверен) в Зимбабве, финикийцев в Испанию, а арабов во внутренние районы Ашанти, — чтобы вызвать постоянное открытие Грикваланда, Оранжевой, внутренней Капской колонии, Трансвааля и Родезии, которое к первому десятилетию 20 века заложило основы еще одного Соединенных Штатов в южной четверти Африки.

98. Эта железная дорога в заливе Делагоа была построена группой британских и американских концессионеров во главе с полковником Эдвардом М.^с Мердо, американцем, между 1887 и 1889 годами. В следующем году он был произвольно конфискован португальским правительством в результате несправедливой придирки. Затем португальцы достроили линию дальше вглубь страны, пока она не присоединилась к линии Нидерландской железнодорожной компании до Претории, тем самым предоставив Южно-Африканской Республике независимый от британского контроля доступ к морю. Ущерб, причиненный железнодорожной компании Delagoa Bay, был передан в арбитраж в Швейцарии в 1889 году; и после 11 лет обсуждений дело было решено в пользу Компании, которой португальцы выплатили компенсацию в размере 978000 фунтов стерлингов.

99. Судан в переводе с арабского означает “Черные люди” или “Земля черных”.

100. Как, например, Джанджира в Конкане, площадь которой составляет 325 кв. м., и Джафарабад в Катхиаваре площадью 42 кв. м.

101. Триста негров-носильщиков и солдат сопровождали Кортеса в его походе в Мексику в 1519 году; негры несли грузы Бальбоа, когда он открыл Тихий океан в 1513 году, и сопровождали Эрнандеса в Перу в 1530 году. Негритянские рабочие помогали испанцам основать город Сент-Огастин во Флориде в 1565 году; а негры, высоко поднявшиеся на испанской службе, в первой половине 16 века исследовали для Испании земли Нью-Мексико и Аризоны.

102. Подробнее об этом читайте в моей книге “Негры в Новом Свете” (1910).

103. Однако уроженцы Британской Индии продолжали удерживать рабов на восточном побережье Африки, пока в 1873 году это не было признано уголовным преступлением.

104. Либерия началась с попытки американцев-филантропов (Американского общества колонизации) репатриировать свободных негров из Соединенных Штатов в 1820 году. Он был официально признан независимым государством британским правительством в 1847 году и время от времени поддерживал свою власть британскими военными судами. Либерия не вступала в дипломатические отношения с Соединенными Штатами до 1862 года.

105. Рабство было отменено в турецких владениях после Крымской войны, но работорговля в некоторой степени все еще существует из-за харимов, которые требуют наличия евнухов. Рабство легкой формы также продолжает действовать в государствах Аравии, Персии и Марокко.

106. Сикхи из индийской армии. Эти кампании были описаны в работе настоящего автора о Британской Центральной Африке; и г-ном Альфредом Суоном в книге "Борьба с охотниками за рабами в Центральной Африке".

107. Хотя Либерия довольно маленькая страна — около 40 000 квадратных миль — и не имеет четких природных границ с окружающими землями побережья Западной Африки, обнаружено, что она обладает особыми млекопитающими, представляющими большой интерес, и богатой флорой, которая также имеет свои региональные особенности. Среди уникальных либерийских млекопитающих можно отметить карликового гиппопотама, антилопу-зебру и антилопу-дукера Джентинка.

108. Изготавливается из различных ароматических семян, таких как семена настоящих перечных лоз (*Piper subpeltatum*, *Piper guineense*) и плодов ([из](#) (*Xylopia ethiopica*)).

109. Семена *афрамомума*, овощного растения того же порядка, что и канны, бананы и др. Эти первые английские путешествия подробно описаны в моей книге о Либерии (2 тома, 1906).

110. Именно эта компания отправила в 1618 году Джорджа Томпсона во главе торговой экспедиции. Томпсон был убит в какой-то ссоре со своими людьми в Тенде на Верхней Гамбии. В 1620–21 годах его товарищи были спасены, и его исследования продолжил капитан Ричард Джобсон, который поднялся по Гамбии, насколько она была судоходна с моря, вступил в контакт с народами фула и мандинго, а по возвращении написал отчет о своем опыте в книге под названием "Золотая торговля". Эта работа, недавно переизданная в сокращенном виде под названием MS., является одним из самых ярких изображений негритянской Африки, когда—либо созданных пером.

111. Самые высокие из них достигают 2000 футов.

112. "Бордовый" было искажением испанского "Симаррон", преступника, часто посещающего вершины (Cimas) гор.

113. Правильно "Хвида".

114. Весь этот период в истории Золотого берега, включая миссию Боудича, подробно описан в моей книге "Пионеры в Западной Африке" (Блэки, 1911).

115. Впоследствии виконт Уолсли.

116. Территория была передана ее королем Великобритании в 1861 году.

117. Могущественное королевство Бенин — замечательное своим развитием искусства скульптуры, резьбы по слоновой кости и бронзового литья, распространило свою власть на море до устья Бенинского рукава дельты Нигера и дало свое название этому большому

заливу на низменном побережье. Биафра - местное название, данное португальцами противоположному (восточному) заливу между дельтой Нигера и Камеруном.

118. Британская Нигерия и исследование Африки в целом — ее ботаники, антропологии и языков - во многом обязаны работам Уильяма Бальфура Байки, уроженца Оркнейских островов, который с 1854 по 1864 год служил британскому правительству в Нигере и сменил не менее замечательного Джона Бикрофта на посту консула. Байки основал "Локоджу" в 1860 году. Ландер, Лэрд, Бикрофт, Байки и черный епископ Сэмюэл Кроутер были главными создателями Британской Нигерии.

119. Впоследствии Достопочтенный. Сэр Джордж Таубман Голди, генеральный прокурор

120. Фулы, как уже говорилось, представляют собой полубелую расу, которая изначально пришла из Западной Сахары и колонизировала большую часть Сенегамбии и Верхнего бассейна Нигера, проникнув на юг до Боргу и на юго-восток до Адамавы, Мандары, Багирми и Дарфура. В начале 19 века, под руководством великого лидера Османа Дан Фодио, они завоевали Сокото и большую часть Восточной Нигерии, остановившись недалеко от Борну, где были арестованы властью шейха Канеми из Борну. Краткий отчет о различных королевствах и завоеваниях Фула приведен в сноске на стр. 201.

121. Этот человек, без сомнения, был арабом-негроидом, религиозным учителем из страны Канем, расположенной к северо-востоку от озера Чад. Он поселился в Борну в начале 19 века и стал советником короля этой страны, флегматичного потомка великой и древней династии берберского или хамитского происхождения. Мухаммад-аль-Амин-аль-Канеми помог правителю и народу Борну отразить вторжение Фулы и стал фактическим правителем Борну. Он носил титул шейха Борну.

122. Возможно, на данном этапе было бы целесообразно четко рассказать о власти Фула во Французской Нигерии и Сенегамбии. Народ фул или фульбе впервые появился в 13 веке в истории Западной Африки как мирные скотоводы в нижнем Сенегале; но на самом деле они, вероятно, достигли Верхнего Нигера и Сенегала много веков назад. Западные фульбе стали мусульманами довольно рано — между 12 и 15 веками. Жители более восточной части Нигерии оставались язычниками в некоторых поселениях вплоть до 19 века и остаются язычниками до сих пор. Примерно в 16 веке жители Сенегала начали эмигрировать в качестве скотоводов в более прохладные высокогорья Фута-Джаллон и двести лет спустя стали правящей силой на этом нагорье. В тот же период — в начале или середине 18 века — они также основали династии мусульманских королей в Фута-Торо и Бонду (к югу от Верхнего Сенегала). В 1802 году религиозный мистик Фула и *имам* или религиозный проповедник Осман Дан Фодио восстал как Махди в Восточной Нигерии (Сокото), призвал мусульман фула из центрального Судана присоединиться к нему в священной войне и за несколько лет завоевал обширную империю Фула, которая почти граничила с современной британской (Северной) Нигерией. Несомненно, вдохновленный этим примером, другой фульский "шейх" или святой человек — Ахмаду Лобо из страны Масина, между Тимбукту и Дженне, — около 1813 года напал со своими последователями на остатки мавританской власти в Верхнем Нигере, на "румас" (как их называли, потому что они были родом из Андалусии — "Рим") и отобрал у них всю власть, создав в Центральной Нигерии между Дженне и Гао могущественное королевство Фула Масина, которое просуществовало примерно до 1861 года, когда Ахмаду Ахмаду, последний правитель Мавритании, покинул Нигер. Фула, император Масины, был атакован и убит соперником Фула Махди с запада.

Этим человеком был Омару бин Саиди, фула из Фута-Торо, который провел несколько лет в Мекке и Медине и приобрел репутацию святого человека и доктора религиозных наук. По

возвращении в Западную Африку он был принят с большим уважением принцами фула из Фута Джаллона, и при их поддержке он сплотил на стороне ислама негритянские народы фута торо и бонду — такруров, торобе, или “тукулеров”, как их стали называть. Аль-Хаджи Омару (как его звали) после своего возвращения из паломничества (Аль-Хадж) в Мекку потерпел неудачу в своем нападении на французов (1857) и поэтому обратил свою армию против своих братьев-мусульман Верхнего Нигера. Через два года после поражения и смерти Ахмаду Ахмаду, султана Фула Масины, сам Омару погиб в Бандиагаре, в королевстве Масина. Власть Тукулера, однако, поддерживалась его сыновьями и преемниками до тех пор, пока она окончательно не пала в 1892 году с захватом Сегу на Нигере французскими войсками.

123. Утверждается, что это имя является сокращением от *Idolos*. Острова, по-видимому, были названы ранними португальскими мореплавателями Ильяс душ Идолос в честь идолов или фетишей, которые были очень широко распространены.

124. Арабского происхождения, родился недалеко от Маскары на западе Алжира.

125. В 1861 году в Алжире насчитывалось 112 229 французских поселенцев и 80 517 итальянцев, испанцев, мальтийцев, немцев и швейцарцев; всего 192 746 европейских колонистов по сравнению с примерно 650 000 в 1910 году. Распространенная ошибка британских политэкономистов - утверждать, что французы плохие колонизаторы, хотя у них перед глазами Восточная Канада, Луизиана, Алжир и Тунис. В настоящее время в Северной Африке, между Марокко и Триполи, проживает около 340 000 процветающих французов, которые еще будут играть значительную роль в политике Средиземноморья.

126. Этот титул, конечно же, произошел от имени бея (бега) или полковника, командовавшего турецкой оккупационной армией. Нынешняя династия была основана в 1706 году беем Хусейном бен Али, который на самом деле был греком-отступником с Крита.

127. Это ныне забытое яблоко раздора было продано итальянской компанией осенью 1898 года Французской железнодорожной компании Бон-Гуэльяма-э-Тунис.

128. Некоторые из последних несли действительно доблестную службу, а затем перешли в вооруженные силы и полицию, организованные французами.

129. Сейчас находится в Британском музее естественной истории.

130. Мубанги - это название, данное западному и южному течению реки, которая в своих верховьях известна как Веле и была открыта Швайнфуртом в 1871 году.

131. Вызывающая отвращение аналогия с *Royal Niger Company* вскоре была отменена, поскольку ее устав был выкуплен за 900 000 фунтов стерлингов, а Нигер был открыт для широкой торговли.

132. Майор Лами был убит в битве, которая также стоила Рабаху жизни.

133. В конце 18 века в Мостаганеме на западе Алжира в арабской семье родился Мухаммед бен Али, в дальнейшем названный Ас-Сануси (Сенусси), в честь знаменитого святого из Тлемсана. Молодым человеком он отправился в Мекку и там приобрел репутацию святоши и ученого человека. Здесь же он познакомился с Мухаммедом Шарифом, негритянским принцем из Вадаи, который впоследствии стал султаном этой страны. В середине 19 века Ас-Сануси вернулся в Н. Африку и поселился в Киренаике, но, сочтя турок подозрительными, в 1860 году сменил свою штаб-квартиру на Джагбуб, сразу за границами Египта, в тридцати

милях от Сивы. Здесь он умер вскоре после своего прибытия, и в качестве религиозного лидера ему наследовал его второй сын, Аль-Махди. Аль-Махди Сенусси II возобновил отношения с Вадаем, где секта его отца насчитывала много приверженцев, и в последней четверти 19 века перевел свою штаб-квартиру в Аль-Джоф в оазисе Куфра, на полпути между Киренаикой и Суданом. Сенусси отказался поддержать восстание Махди в Египетском Судане, но в период с 1899 по 1902 год активно вмешивался в дела Центрального Судана, чтобы предотвратить продвижение французов, особенно в направлении Канема и Вадаи. Но его усилия оказались бесплодными, и он умер в Вадае или недалеко от него в 1902 году. Его племянник и преемник, Сенусси III, некоторое время скитался по пограничным районам между Вадаем и Кордофаном и, наконец, отправился в оазис Куфра в Ливийской пустыне, где он сейчас и проживает. Сенуссииты исповедуют очищенную форму мусульманской веры, строго воздерживаются от алкоголя и табака, но прежде всего являются честным, трудолюбивым народом, который в последние годы многое сделал для улучшения условий жизни в сахарских и ливийских оазисах.

134. Подробную историю португальских, итальянских, фламандских и французских католических миссионеров в королевстве Конго читайте в моей книге "Джордж Гренфелл и Конго".

135. Гонсало де Сильвейра; убит где-то к юго-западу от Тете около 1565 года.

136. В то время арабский вице-король Занзибара был известен только как "Сайид" (Лорд), а не как султан.

137. Португальская церковь произвела на свет первого негритянского епископа-римско-католика в 16 веке. Он был епископом Конго, членом королевской семьи Конго и получил образование в Лиссабоне и Риме. Сэмюэл Кроутер был мальчиком-рабом из племени Эмба из Лагоса, который благодаря образованию приобрел интеллект и мировоззрение европейца. Он был честным, здравомыслящим человеком, написавшим ценные работы по африканской филологии и многое сделавшим для основания Британской Нигерии и изучения Нигера и бенуэ.

138. Он полностью покинул Камерун вскоре после основания немецкой колонии, поскольку правительство Германии экспроприировало большую часть его заведений.

139. Этот же орган также учредил промышленную миссию (инициированную доктором Джеймсом Стюартом, основателем Lovedale) в Британской Восточной Африке, на полпути к Уганде.

140. Который много лет проработал в Ньясаленде и в Восточной Африке и утонул в Лайк-Ньясе в 1895 году.

141. По сравнению с площадью всей британской Южной Африки до границы с Конго в 1 152 619 квадратных миль в 1912 году; вся она выросла за счет Капской колонии площадью 125 000 квадратных миль, аннексированной в 1806 году.

142. Xosa произносится с предварительным щелчком языка, похожим на кудахтанье для подбадривания лошадей.

143. Негритянских и малайских рабов тогда насчитывалось в общей сложности около 39 000 человек.

144. В то время он был сэром Чарльзом Грантом и членом министерства Великих реформ. Его действия в этом вопросе были спровоцированы озорной личностью, доктором Филипом, представителем миссионерского общества в Южной Африке, который питал великую и несправедливую ненависть к бурам и привязанность к негритянским захватчикам Капской колонии, которая была преувеличенной и необоснованной. О его отношении к общественным вопросам можно многое узнать из книги "Моя жизнь Ливингстона" (1891).

145. "Гриква" - это кантское название (Гри-ква), данное метисам между бурами и готтентотами.

146. Финго— собственно амамфенгу—кафиры, были в основном беглецами в Капскую колонию из Наталя, которых отправили на запад от кровавых набегов зулусов Чаки и других.

147. Обнаруженный португальцами в 1502 году, он держался ими в секрете до 1588 года, когда капитан Кавендиш, возвращавшийся из кругосветного путешествия, внезапно наткнулся на него. Голландцы дважды захватывали его и удерживали каждый раз в течение нескольких месяцев в 1665 и 1673 годах. В этом последнем году он определенно был передан Ост-Индской компании.

148. Самый большой из небольшой группы островков в Южной Атлантике, примерно в 1260 милях к западу от мыса Доброй Надежды. Тристан Д'Акунья имеет площадь около 45 квадратных миль и является чрезвычайно гористой местностью, высота которой достигает 8264 футов.

149. Или "Земля абамбо", название одного из исконных племен банту, населявших страну. Корень *-mbo* очень распространен в качестве племенного названия среди банту и неоднократно встречается в Центральной Африке.

150. К которому в последующие годы были добавлены чай (имевший большой успех) и кофе — последний впоследствии был уничтожен цейлонской кофейной болезнью.

151. Ноябрь 1912 года, почти 1 000 000.

152. Двенадцать лет спустя северная железнодорожная линия пересекла британский Бечуаналенд и достигла Булувайо. Он достиг Замбези в 1903 году, а теперь впадает в Бельгийское Конго в районе Катанги.

153. Евреи, как мы видели, играли значительную роль в развитии Северной Африки с 1-го века христианской эры. Они также имели большое отношение к прогрессу Южной Африки. Между 1840 и 1860 годами в Кейптауне и Порт-Элизабет были основаны важные еврейские коммерческие дома. Примечательной среди этих фирм была фирма братьев Де Пасс. Семья Де Пасс особенно озаботилась приобретением и освоением островков гуано у того места, где сейчас находится побережье немецкой Юго-Западной Африки. Они развили медедобывающую промышленность Порт-Ноллота, первыми начали производить лед в Южной Африке и начали выращивать сахар в Натале. Фирма Мозенталя из Восточной провинции Капской колонии много сделала для развития сельского хозяйства и животноводства, внедрения ангорской мохеровой козы, разведения страусов, овец и крупного рогатого скота. Другие южноафриканские евреи, которые принимали видное участие в науке, в юридической профессии, в политических, филантропических, промышленных и горнодобывающих делах, были достопочтенными. Симеон Джейкобс (судья Верховного суда), Мендельсоны, Рапапорты, Рабиновичи, Соломоны, Лиlienфельды, Киши, Нойманны, Мозли; Альфред Бейт, сэр Дэвид Харрис, сэр Лайонел Филлипс и сэр Джордж Альбу.

154. К которому позже добавился контроль над всей Португальской Африкой к югу от Замбези.

155. Дамара - это готтентотское название, применяемое к этим черным неграм-банту, которые называют себя Ова-гереро, Ова-мбоу и т.д.

156. Дингисвайо ("Странник"), зулус из клана Абатетва, возможно, можно рассматривать как основателя зулусской державы. Вся эта часть истории Южной Африки довольно подробно описана в моей книге "История и описание Британской империи в Африке".

157. Изгнанная из Оранжевого свободного государства и Трансвааля действиями буров, британцев и басуто, часть зулусов завоевала большую часть Португальской Юго-Восточной Африки, почти всю современную Родезию, и совершала свои набеги мимо Ньясы и Танганьики в окрестности Виктория-Ньянза.

158. Мятежный генерал Чаки, часто известный под своим сесутским именем "Мозелекатсе".

159. Торговая корпорация Африканских озер (как она сейчас называется) была основана в основном благодаря энергии братьев Джона и Фредерика Мойр (сыновей эдинбургского врача) около 1878 года в качестве дополнения к миссионерскому предприятию в Ширском нагорье. Со временем они основали торговые станции на озере Ньяса и проложили колею или неровную дорогу через горы и леса от северо-западного края озера Ньяса до южной оконечности Танганьики, проводя по этой "Дороге Стивенсона" (названной так потому, что мистер Джеймс Стивенсон, директор Компании, оплатил расходы на это предприятие) небольшой пароход по частям для Лондонского миссионерского общества. Этот пароход "Good News" был первым, кто бороздил воды Танганьики. Компания Африканских озер, основанная на северной оконечности озера Ньяса, неизбежно вступила в контакт с арабами-работоторговцами, которые поселились там около десяти лет назад. В 1887 году агенты Компании вмешались, чтобы защитить местных жителей от набегов арабов. Арабы ответили нападением на белых людей. Добровольцы поспешили к ним на помощь с нескольких сторон. Среди них были двое мужчин, впоследствии прославившихся как африканские губернаторы, — сэр Фредерик Лугард и сэр Альфред Шарп. Но арабский вопрос не был окончательно решен до тех пор, пока не был установлен протекторат на четыре года (1895 г.). Корпорация африканских озер, безусловно, была пионером британской торговли в Южной и Центральной Африке.

160. Передача Капской колонии от Голландии Великобритании произошла 13 августа 1814 года.

161. Избирательное право ограничено только мужчинами европейской расы и происхождения; в то время как женщинам не предоставляется право голоса в парламенте, как это имеет место в Австралии; Новой Зеландии; Калифорнии, Колорадо, Вайоминге и трех других штатах Американского союза; на острове Мэн; в Финляндии; и Норвегии. В этих моментах разработчики Акта о союзе продемонстрировали непрогрессивный дух, характерный для южноафриканских голландцев.

162. Он прибыл в Англию в 1811 году, но там британское правительство отнеслось к нему с пренебрежением и неблагодарностью, которые надолго останутся скандалом в истории нашей Империи и за которые до сих пор не были возмещены государством. Его единственный потомок - профессор. Флиндерс-Петри, египтолог.

163. Смотрите статью профессора Флиндерса-Петри в "Географическом журнале" за ноябрь 1908 года.

164. Кай Плиний Секундус: родился в Вероне или Комо в 23 году н.э. Его географическое издание "Естественная история" было опубликовано (согласно сэру Э. Банбери) в 77 году н.э.
165. Он посетил Верхний Нигер в 1352 году.
166. Последующие приключения этого героического человека, Лобо, кратко описаны в моей книге "Поиски на Ниле", 1903 год.
167. Вероятно, идентичен Ба-джоку или Ва-киоко между реками Кванго и Касаи.
168. Посмотрите на моих пионеров в Западной Африке, 1911 год.
169. Где он был британским капелланом.
170. Плиний и один или два последующих классических географа упоминают Гер или Гир и Нигер как реки Западной Африки, причем первой, возможно, является река Драа. Оба слова могут происходить от берберских корней.
171. Подробнее о путешествии Хорнеманна, а также о возможной дате и месте его смерти читайте в моей работе "Пионеры в Западной Африке".
172. Впоследствии сэр Уильям К. Харрис. Он исследовал Шоа (юг Абиссинии) в 1841-2 годах и был посвящен в рыцари за заключение договора от имени правительства Индии с королем Шоа.
173. Тогда он был почти независим от Турции и правил династией турецких пашей Караманлы.
174. Денхэм, который действительно оказал большие услуги в деле разведки, был несколько неадекватно вознагражден должностью секретаря колонии Сьерра-Леоне и суперинтенданта поселения рабов в Фернандо-По, где он вскоре умер.
175. В запатентованной складной лодке.
176. Его имя пишется по-французски "Мардоше".
177. Людвиг Крапф, как и его коллеги из Восточной Африки Ребман и Эрхардт, был уроженцем Вюртемберга, родившись недалеко от Тюбингена в этом южно-германском королевстве.
178. Ими в порядке достижений были: Фредерик Кайо (француз), исследовавший Нил до Хартума и Голубой Нил до Фазогля (1819-23); Адольф Линан (бельгиец), который в 1827 году проник на 150 миль выше Хартума; Тибо (консул Франции в Хартуме)Хартум), который с одной из экспедиций Мухаммеда Али дошел на юг до Бора (6 ° 30' северной широты); и Фердинанд Верне (немец).), который поднялся по Горному Нилу так высоко, как Гондокоро (4 ° 20' с.ш.), и нанес на карту все течение реки от Хартума до Гондокоро в 1841 году.
179. Подробный отчет о работе мисс Тинни и ее ужасной смерти читайте в моей книге "Поиски на Ниле" (1903).
180. Доктор Бастиан исследовал Нижнее Конго в 1858 году; а регион Лоанго был исследован немецкой научной экспедицией в 1875-80 годах под руководством Бастиана, Печуэля Леше, Фалькенштейна и других немецких исследователей.
181. Это было письмо, которое Стэнли написал в Англию, призывая миссионеров приехать и поселиться при дворе короля Уганды. Его забрал Линан де Бельфонд, чтобы отправить в

Египет. После отъезда из Уганды де Бельфонд был убит бари в верховьях Нила. Письмо Стэнли было спрятано в одном из сапог трупа, когда его нашли. Оно было вручено генералу Гордону и передано им в Англию.

182. Сэр Гарри Джонстон и доктор Кросс открыли южную оконечность этого озера в 1889 году.

183. Виссман был лейтенантом прусской армии, родился во Франкфурте-на-Одере. Впоследствии он сыграл большую роль в немецкой Восточной Африке.

184. Бауманн тщательно обследовал горную страну Усамбара в Восточной Африке и нанес на карту земли к западу от реки Виктория-Ньянза.

185. Сэр Дж. Р. Л. Макдональд (в то время капитан Макдональд, R.E.) вместе с капитаном Принглом, R.E., провели в начале девяностых очень примечательную железнодорожную съемку от Момбасы до Виктория-Ньянза, которая на самом деле была географическим исследованием протектората Восточная Африка.

186. Официально Конго никогда не называлось “Свободным” государством. Значение французских слов было “независимое государство Конго”; и, к сожалению, в своей последующей истории оно было не более “свободным”, чем по названию. *Була Матади* было его местным названием в Конголенде, таким же было прозвище Стэнли (Скалолаз).

187. Хамед бин Мухаммад бин Джума по прозвищу Типу Типу или “Типпутиб”.

188. Падение арабов Конго, Метуэн, 1897. Эта кампания также описана в моей книге “Джордж Гренфелл и Конго”.

189. Цивилизация в Конголенде.

190. Прямым торговым агентам короля Леопольда и его концессионных компаний, а также зачастую достойным и доблестным слугам государства Конго катастрофически недоплачивали.

191. Сэр Генри Мортон Стэнли (Джон Роулэндс) родился в 1842 году в Денби на Севере Уэльса в семье дочери очень бедного фермера. В конце концов он стал работягой, но сумел получить сносное образование и дважды побывал в Соединенных Штатах, где сменил множество профессий, пока, наконец, не стал репортером прессы и специальным корреспондентом. В этом качестве он “нашел” Ливингстона, сменил его и продлил жизнь Ливингстона на два года. В 1899 году Стэнли, который был в парламенте с 1895 года, был назначен британским правительством членом Совета директоров.

192. Можно сказать, что династия Мухаммеда Али началась в 1841 году, в этом году она была признана и передана по наследству Турцией; но Мухаммед Али был правителем Египта (как паша) с 1811 года, после резни мамлюкских беев. Его сыновья и зять завоевали для него Сирию, Западную Аравию и северную часть Судана. От завоеваний к западу от Синая отказались в 1841 году, но в том же году он стал вали, или вице-королем Египта и Судана, и наследование этого поста перешло к его потомкам мужского пола. Его непосредственным преемником был его внук Аббас ибн Тусун; затем последовал правлению своего любимого сына Саида ибн Мухаммеда. Саиду наследовал в 1863 году его племянник Исмаил, сын Ибрагима, предполагаемого старшего сына Мухаммеда Али. Но, согласно некоторым сведениям, Ибрагим, великий завоеватель, был всего лишь приемным сыном Мухаммеда Али. Нынешний хедив Египта является правнуком Ибрагима, но он также является потомком

Мухаммеда Али по линии своей матери, принцессы Амины, которая была праправнучкой Мухаммеда Али по линии Тусун. Титул хедива (персидское слово, означающее принц) был присвоен паше или вице-королю Египта в 1867 году.

193. Это было восстание против египетского правления, налогообложения и вмешательства в работорговлю, начатое арабским фанатиком, родившимся в районе Донгола, которого звали Мухаммад Ахмад, но он называл себя Махди или Мессией. Его первые успехи были среди невежественных мусульман Кордофана, которые возненавидели требования турецкого (то есть египетского) правления. Мухаммад Ахмад умер в 1885 году, и ему наследовал его заместитель, халифа Абдалла аль-Тайша. Его фанатичных последователей обычно называли “дервишами”. Войска Мухаммеда Ахмада захватили Аль-Обейд, столицу Кордофана, в январе 1883 года, а девять месяцев спустя разгромили отряд в 10 000 человек под командованием Хикс-паши, посланный египетским правительством для восстановления Западного Судана от анархии. Хикс-паша (полковник Уильям Хикс) был офицером индийской армии, который с отличием служил во время Мятежа и участвовал в Абиссинской кампании 1867-8 годов. В 1882 году он поступил на службу к хедиву в качестве начальника штаба в Судане, отбил страну Сеннар у махдистов и, возможно, подавил бы все восстание и предотвратил миссию Гордона и все последующие катастрофы, если бы египетское министерство в Хартуме дало ему полную свободу действий. Из его отряда в 8000 бойцов и 2000 приверженцев лагеря все, кроме 300, были убиты в Кашгиле в роковой день 5 ноября 1883 года.

194. Впервые эта фраза появилась в брошюре, выпущенной покойным сэром Эдвином Арнольдом в 1876 году, и была воспроизведена автором этой книги в статье в "Таймс" от 10 августа 1888 года.

195. Отнят итальянцами у дервишей в 1894 году и возвращен под англо-египетский контроль в 1897 году.

196. Передан под британскую защиту в 1884 году.

197. Первый британский агент (Ост-Индской компании) и генеральный консул на Занзибаре был назначен в 1841 году.

198. Уганда, вероятно, по-прежнему будет общим названием этого протектората; но правильная форма слова - *Буганда*. Этот перевод теперь зарезервирован для коренного королевства или провинции Буганда, в то время как версия термина на суахили — Уганда — применяется ко всему протекторату из пяти провинций.

199. Кабарега был сыном и преемником камаси, который так преследовал Пекарей, Эмина, Касати и других путешественников.

200. Работа этой Специальной комиссии дополняла и подтверждала усилия сэра Генри Колвайла, мистера Эрнеста Беркли, мистера Ф. Г. Джексона (бывшего губернатора Уганды), мистера Джорджа Уилсона и полковника Тревора Тернана (комиссаров или исполняющих обязанности комиссаров) по созданию стабильной конфедерации воинственных и мирных негритянских народов, по борьбе с голодом и болезнями, вызванными межплеменными войнами, и по расширению границ этого протектората на север до судоходного Нила.

201. Кабака Буганды вплоть до 1912 года был несовершеннолетним при местном регентстве. Он происходит из династии, которая, по-видимому, правила в Буганде с периода, совпадающего с правлением Генриха IV в Англии. Эта династия, как и большинство других в

Экваториальной Восточной Африке, по-видимому, была основана человеком галского происхождения.

202. В настоящее время протекторат включает в себя семь провинций и северную часть территории, которая еще не организована. Узкая береговая полоса от Ламу до реки Умба арендована у султана Занзибара за 17 000 фунтов стерлингов в год.

203. Лео Африкан, написавший самую важную работу об Африке в 16 веке, родился в Гранаде на юге Испании в 1494 году, сразу после захвата этого места испанцами. Его семья мигрировала в Марокко, и “Хасан ибн Мухаммад аль Визаз” по прозвищу “Аль-Фаси” получил образование в основном в Фасе или Фесе, откуда и его прозвище. Он путешествовал по Северной Африке и пересек пустыню до Нигера; посетил Гвинею, Мандинголенд, излучину Нигера, Агадес, Хаусаленд и озеро Чад, Египет и Нил. Захваченный итальянскими пиратами, он был продан в рабство и представлен папе Льву X, который обратил его в свою веру, окрестил, назначил пенсию и призвал поделиться с миром своей ценной географической и исторической информацией.

204. Восточная Фрисландия.

205. Поверхностного сожаления о таких уступках можно избежать, если принять во внимание, что Соединенные Штаты Европы (какими они стали бы в Антибританской лиге) вряд ли позволили бы даже Англии, поддерживающей Свободную торговлю, приобрести всю береговую линию Черного континента.

206. Концессия Виту, или Vitu, была получена братьями Денхардт 8 апреля 1885 года, а 27 мая был объявлен протекторат Германии. Дальнейшую историю смотрите на стр. 384.

207. Дар-эс-Салам - столица Германской Восточной Африки.

208. Камерунский - официальное написание старого португальского названия этого региона (Камариэнс), которое мы переводим как “Камерун”.

209. В первые дни существования колонии, когда Германия пришла в отчаяние из-за нерентабельного региона, который она аннексировала на карте, она создала Немецкую компанию Юго-Западной Африки, чтобы ввести капитал в страну. Этой компании были предоставлены обширные концессии на землю и полезные ископаемые без какого-либо учета прав коренных жителей или их чувств. Следовательно, когда эти права были реализованы, возникло много проблем с оседлым негритянским населением.

210. Говорят, что сейчас в Дамараленде проживает всего около 20 000 человек племени гереро. Было бы очень жаль, если бы эта умная, сильная раса негров-банту исчезла. У них, должно быть, за плечами интересная история, которая постепенно раскрывается по кусочкам благодаря традиции и этимологии их замечательного языка, который некоторые считают “санскритом банту”. По-видимому, они эмигрировали почти прямо в Юго-Западную Африку из Восточной Экваториальной Африки около пятнадцати-шестнадцати сотен лет назад, привезя с собой свой длиннорогий скот.

211. Существуют более веские доказательства того, что Менутиас был маленьким островом — вероятно, Занзибаром — недалеко от африканского побережья. Менутиас повторяется в арабском названии *Манутия*, а Аль-фил означает “слоновая кость” — остров слоновой кости или рынок.

212. Почти наверняка это было яйцо гигантского *эпьерниса*. Эпиорнис, бескилевая птица размером со страуса или крупнее его и находящаяся в отдаленном родстве как со страусами, так и с казуарами, жила на Мадагаскаре до появления человека — скажем, две тысячи лет назад или даже позже. Вполне возможно, что его видели живым самые первые арабские посетители острова.

213. Но туземцы называют его Андрианом Поци, то есть “Белым королем”.

214. Он уже известен своими открытиями в Индии; в его честь названа прекрасная лесная птица.

215. Малайская иммиграция на острова Коморо была относительно незначительной. Основную часть населения здесь составляют негры Восточного побережья, говорящие на диалекте банту, родственном языкам, на которых говорят на побережье Занзибара. Однако был большой приток арабов; и это смешение с неграми привело к появлению нынешней расы жителей островов Коморо, очень прекрасного образца успешных результатов, сопутствующих смешению семитов и негров.

216. Хо́ва, или мерина, как их правильно называют, из Центральной части Мадагаскара, имеют сильное физическое сходство с яванцами. По-видимому, они достигли восточного Мадагаскара гораздо позже, чем предки сакалава и бетси-мисарака, а впоследствии и арабы. Правящая каста мерина очень “малайская” или монголоидная по внешнему виду.

217. Пост немного севернее Таматаве на восточном побережье.

218. Дополнительно подтверждено мирным договором от 13 ноября 1815 года.

219. Племена западной половины Мадагаскара, физически более утонченная раса, чем хова, благодаря их большему смешению с неграми. В настоящее время их численность составляет около 156 000 человек.

220. В 1840 году священники-иезуиты снова попытались обосноваться на Мадагаскаре, на северо-западном побережье, но все они умерли от лихорадки.

221. Этот закон был полностью отменен французами в 1896 году, и теперь иностранцы могут приобретать землю так же легко, как и местные жители.

222. Которые навлекли на себя беду, присвоив и выпив его кларет, — вот и все.

223. Неизвестно, проглядели ли хова маршрут Моханга и решили ли сосредоточить все свое сопротивление на подходе со стороны Таматаве; но после их неоднократных хвастовств относительно решительного сопротивления, которое они окажут захватчику, крах их обороны и слабость сопротивления, которое они оказали французам, вызывают немалое удивление. Должно быть, это было главным образом из-за того, что правление хова на большей части острова вызывало ненависть, и что другие племена не были склонны бороться за его сохранение.

224. После присоединения к Франции и последующего доминирующего влияния римско-католических миссионеров многие местные жители были вынуждены сменить свою протестантскую веру на римско-католическое христианство.

225. Подробности реформ генерала Галлиени и вызванного ими состояния Мадагаскара приведены в статье “Политика Франции на Мадагаскаре”, опубликованной в октябрьском журнале Африканского общества, Лондон, 1904.

226. Французская оккупация Мадагаскара привела к большим достижениям науки. Заслуживают внимания палеонтологические исследования двух Грандидье и М. А. Жюлли, которые выявили удивительную вымершую фауну лемуру, гиппопотамов, плотоядных, птиц и гигантских рептилий.

227. Хотя в пустыне Сахара и прибрежной зоне Юго-Западной Африки Германии сильная летняя жара и безводный характер почвы являются достаточными препятствиями, по крайней мере в настоящее время, для того, чтобы сделать эти страны не колонизируемыми, такие трудности быстро преодолеваются с помощью ресурсов науки.

229. Интересно наблюдать, как при британских эгидах мальтийцы процветают в Египте, а также на северном и восточном побережьях Африки.

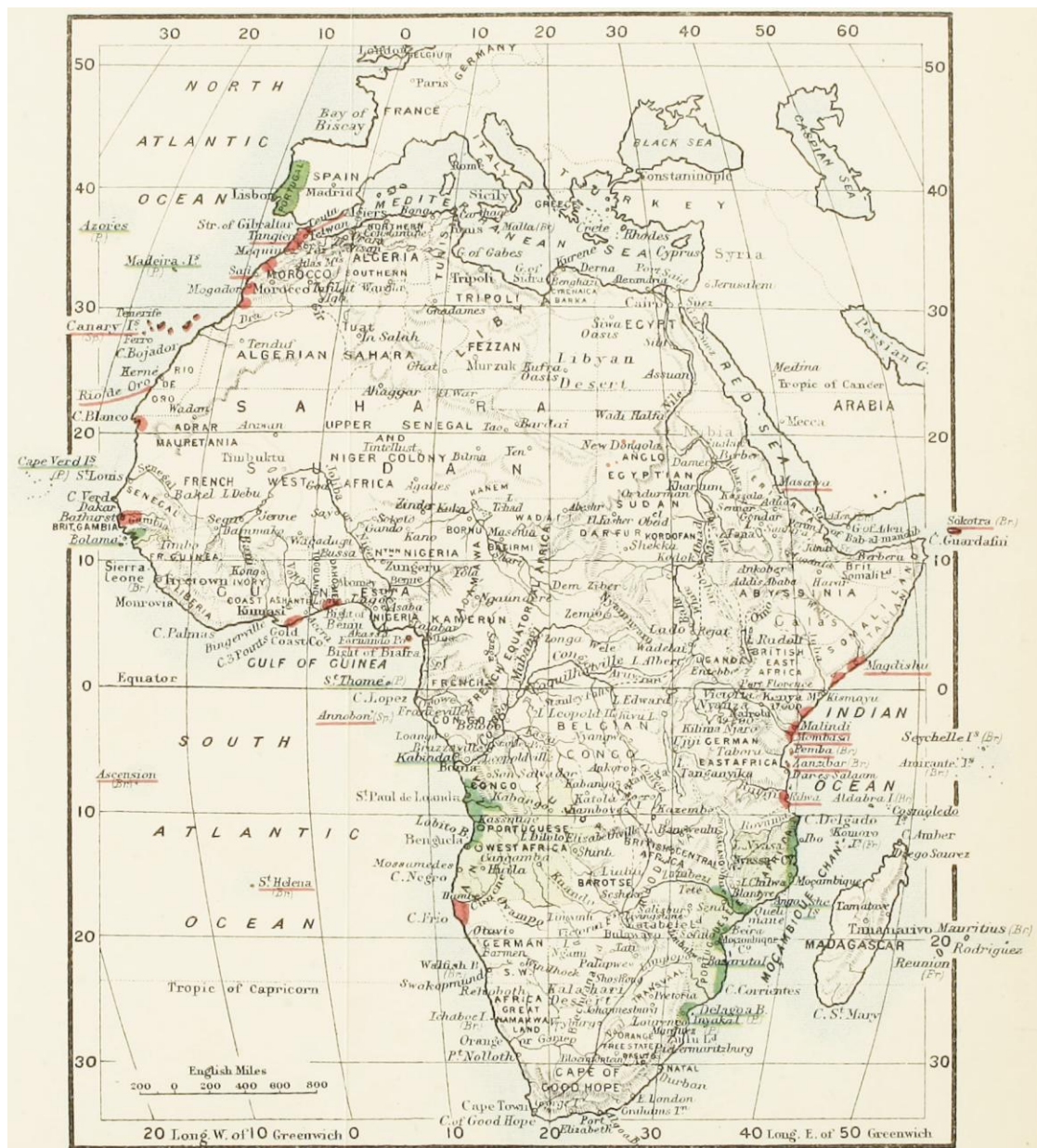
Примечание переписчика

Ошибки, которые, скорее всего, были допущены принтером, исправлены и отмечены здесь. Ссылки даны на страницу и строку в оригинале.

28.27	когда португальцы вновь[]открыли его	Удалено.
169.32	из [(<i>Xylopi</i> a <i>ethi</i> o <i>pica</i>)].	Добавлено.
246.9	Подданные, находящиеся под защитой Франции[.]	Добавлено.
290.10	при надлежащих гарантиях[.]	Добавлено.
319.31	(Консул Франции в Хартуме[])	Добавлено.

back

back

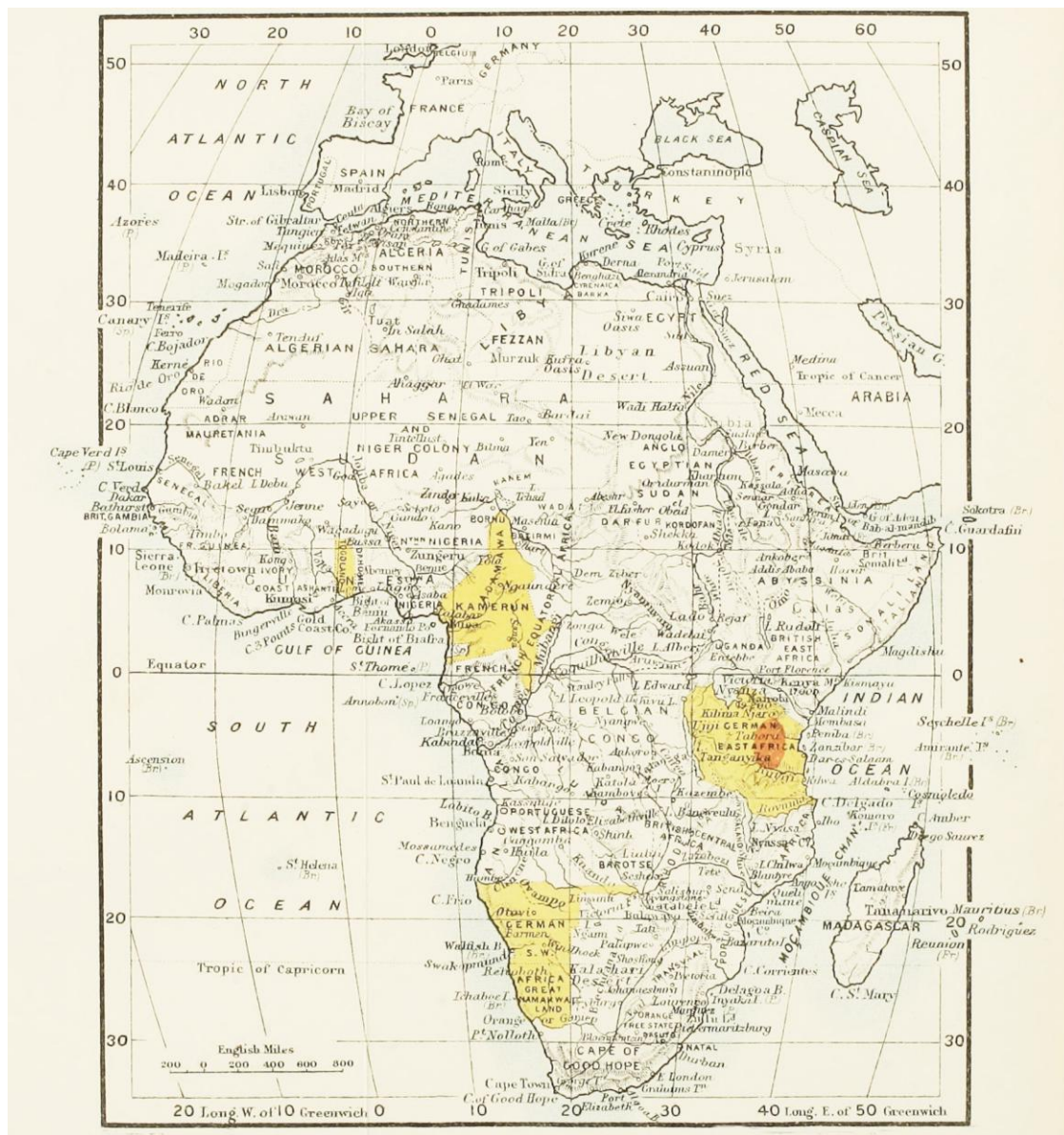
back

EXPLANATORY NOTE

- Colonies, Protectorates, Spheres of Influence or Control
- In 1815 (This darker colour in Cape Colony represents the extreme extent of Dutch South Africa when taken over by the British)
 - In 1912 (Pink bars imply uncertainty of possession)

back

[back](#)

back

back